

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Институционализация социологического образования в
Беларуси: история и современность
(К 35-летию создания кафедры социологии БГУ и 80-летию
профессора Д.Г. Ротмана)

Сборник научных статей
III Международного научно-методологического междисциплинарного
семинара
«Новые вызовы и перспективы развития современного социума»

Минск, 14 ноября 2024 г.

Минск
2024

УДК 316:378.016(06)

И 717

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 4 от 26.11.2024 г.

Редакционная коллегия:
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук,
профессор *А.Н. Данилов* (гл. ред.);
кандидат социологических наук, доцент *Т.В. Щёлкова* (отв. ред.);
А.Д. Душевская

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор кафедры социально-
гуманитарных дисциплин БГУКИ *Д.К. Безнюк*;
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной
коммуникации БГУ *И.В. Пинчук*

Институционализация социологического образования в
Беларуси: история и современность (К 35-летию создания кафедры
социологии БГУ и 80-летию профессора Д.Г. Ротмана) : сборник
науч. статей III Междунар. науч.-методолог. междисциплинар. семинара
«Новые вызовы и перспективы развития современного социума»,
Минск, 14 нояб. 2024 г. / БГУ ; редкол.: А.Н. Данилов (гл. ред.) [и
др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 421 с. – Библиогр. в конце ст.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых по
теоретическим и эмпирическим исследованиям. Рассмотрены проблемы
институционализации социологического образования в Беларуси:
социологическое образование: синтез традиции и новаций; социологические
структуры и институты: виртуальный мир и междисциплинарность научного
поиска; методология социологического исследования: классика и цифровая
диагностика. Научный семинар приурочен к 35-летию создания кафедры
социологии БГУ и 80-летию профессора Д.Г. Ротмана (1944–2024).

Адресуется широкому кругу читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ.....	12
<i>Данилов А.Н.</i> Новые вызовы и перспективы развития социологического образования: к 35-летию создания кафедры социологии БГУ	12
<i>Мамедов А.К.</i> Современное социологическое образование: новые вызовы	19
<i>Водопьянов П.А.</i> Нравственно-духовный императив образования для безопасного будущего	24
<i>Титаренко Л.Г.</i> История становления социологического образования в Беларуси	33
<i>Лашук И.В.</i> Цифровизация социологических исследований как фактор повышения эффективности коммуникации	37
<i>Щербин В.К.</i> Проблема понимания в современной социологической науке и образовании.....	43
<i>Сугак В.К.</i> Использование машинного обучения и элементов искусственного интеллекта для выявления и проверки гипотез в экономико-социологических и маркетинговых исследованиях.....	51
СЕКЦИЯ 1 СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИЙ.....	55
<i>Борейко С.А.</i> Актуальные тенденции финансового и кадрового обеспечения научной сферы	55
<i>Бузовский И.И., Лапина С.В.</i> Социологическое образование современных руководителей.....	58
<i>Волнистая М.Г.</i> Академическое развитие университетов и качество высшего образования.....	64
<i>Данилов А.Н.</i> Кафедре социологии БГУ 35-лет: история и современность	68
<i>Доброхотов Л.Н.</i> О роли и месте социологического образования в современном тревожном, противоречивом мире.....	72
<i>Злотников А.Г.</i> Современная стратегия обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь	78
<i>Калачева И.И., Чэнь Сяоцзяо</i> Инвестиции китайских семей в образование: переход от традиций культурного наследия к социальному продвижению и карьере.....	82
<i>Кечина Е.А.</i> Использование виртуальной аудитории в преподавании практикоориентированных дисциплин	86

<i>Кобяк О.В. , Шифрин А.Е.</i> Центр культурно-креативных индустрий как социологическая структура для междисциплинарного научного поиска .	90
<i>Курилович Н.В.</i> Актуальные подходы к преподаванию социологических дисциплин	97
<i>Легчилин А.А.</i> Национальная идентичность в контексте глобализации	101
<i>Лебедева Е.В.</i> Социокультурный контекст развития современных концепций социологии города.....	107
<i>Мудров С.А.</i> Особенности взаимодействия учреждений образования и Белорусской Православной Церкви	111
<i>Пацеева А.Г.</i> Целеполагание в социологическом образовании.....	117
<i>Рихтикова А.Г.</i> Вклад показателей регионов в инновационное развитие Республики Беларусь	121
<i>Савчин Н.С., Курилович Н.В.</i> Инклюзивное образование: модели и перспективы	128
<i>Салтанович И.П.</i> Вызовы и возможности: что ждет цифровую социологию в образовательном пространстве	133
<i>Сарна А.Я.</i> Искусственный интеллект и трансформация академической среды.....	139
<i>Филинская Л.В.</i> Поколение «сэндвич» в Беларуси	143
<i>Чжан Нин</i> Digital sociology in international perspective	146
<i>Чэнь Сыци</i> Планирование карьеры как ключевой элемент социализации студентов	151
<i>Щербин В.К.</i> Проблема понимания как объект социологии управления	157
<i>Щёлкова Т.В.</i> Семинарские занятия в преподавании социологических дисциплин	163
<i>Яшина А.В.</i> Особенности социологического изучения проблем воспитания	169

СЕКЦИЯ 2 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИНСТИТУТЫ: ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ПОИСКА	175
<i>Yan Shuai</i> Polarization: how social media platforms shape political sentiment and behavior	175
<i>Zhao Li Jiafeng</i> The role of education in modeling the reproductive behavior of Chinese women: the experience of modern China	181
<i>Абдина А.К.</i> Концептуализация идеи благополучия в контексте старения населения.....	184

<i>АЛ-Мудафар Д.Н. Religious interpretation of mental illness in Arab societies</i>	187
<i>Андреев С.Е. Развитие инновационного потенциала в регионах Республики Беларусь</i>	193
<i>Белявцева Д.В. Субъективное благополучие населения Республики Беларусь: социологический анализ</i>	197
<i>Бурак Т.В. Тенденции развития института туризма в Беларуси</i>	201
<i>Варажбіцкая К.В., Малочка П.І. Міждысцыплінарныя падыходы да кіравання пакаленнямі Z і Альфа ва ўмовах лічбавага грамадства</i>	207
<i>Винокурова А.В., Кучуганова А.Е. Профессиональные стратегии выпускников вузов инженерных направлений подготовки</i>	213
<i>Воробьева С.В. Идентичность и цифровой нómадизм в сетевом обществе</i>	218
<i>Гаптарь В.М. Социальная роль Министерства спорта и туризма в системе подготовки спортивного резерва и спортсменов высокого класса</i>	226
<i>Гнучих В.Б. Феномен границы в социальном пространстве (на примере маргинальности)</i>	230
<i>Екадумова И.И. Political polarization in the age of digital communication: causes, consequences, solutions</i>	235
<i>Игнатова Т.А. Цифровизация духовных практик и их распространение в сети интернет</i>	240
<i>Колядко И.Н. Дискурсивные практики конструирования социальной реальности в эпоху постправды</i>	245
<i>Коржи́ков А.В. Проблема онлайн-гемблинга в Республике Беларусь: важность теоретического осмысления</i>	251
<i>Ли Исюань Роль культурного контекста в китайской социальной рекламе на примере видеоролика “Палочки для еды”</i>	257
<i>Мисун А.А. Роль территориального брендинга в социально-экономическом развитии общества</i>	263
<i>Непомилуева М.А. Проект метавселенных как цифровая репрезентация социальных смыслов метамодернизма</i>	268
<i>Павлова Е.Г. Симулякр деятельности личности в виртуальном пространстве</i>	275
<i>Похомова А.А. Личностный уровень функциональной значимости серебряного волонтерства в Республике Беларусь</i>	279
<i>Реутский А.С. Предпосылки для дальнейшей трансформации белорусского общества</i>	284

<i>Свердликова Е.А.</i> Отношение к системе социального кредитования в российских медиа	290
<i>Тимоховцева И.Ю.</i> Образ будущего как практически значимый теоретический конструкт социальной реальности	296
<i>Туребаева Г.</i> Коучинг как инструмент развития эмоционального интеллекта	301
<i>Чжан Синь</i> Роль и значение историко-культурного наследия Китая в развитии туризма и усилении странового бренда	306
<i>Чжао Юаньлун</i> Анализ субъективных границ жизненного пути: глубина и структура восприятия событий прошлого	310
<i>Шакунова С.А., Шакунова Ст.А.</i> Концепция и проблематика женственности в современном мире	314
<i>Шафаренко А.К.</i> Телесность как социокультурный феномен: дисциплинарный дискурс	318
СЕКЦИЯ 3 МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: КЛАССИКА И ЦИФРОВАЯ ДИАГНОСТИКА	
<i>Li Yuhang</i> The influence of new media on youth cultural identity.....	325
<i>Барановский В.А.</i> Особенности контент-структуры экстремистских информационных ресурсов: социологический анализ.....	329
<i>Гаврилик А.А., Снежицкий А.В.</i> Особенности организации и результаты социологического опроса иностранных англоговорящих пациентов, получивших медицинскую помощь в Республике Беларусь.....	335
<i>Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.</i> Опрос студентов как инструмент оценки изменений, происходящих в высшей школе.....	338
<i>Корнеевец М.А.</i> Оптимизация анализа опросных данных с использованием моделей искусственного интеллекта.....	345
<i>Костюкевич С.В.</i> Научный подход к обществу: количественное измерение и историческая эрудиция.....	349
<i>Красковская Д.С.</i> Методология изучения социальных сетей.....	356
<i>Куляй Е.С., Сысоева М.В.</i> Перспективы работы социолога в социальных сетях.....	361
<i>Кучко Е.Е.</i> Детерминанты восприятия и оценки инноваций	366
<i>Левченко А.А.</i> Междисциплинарный анализ понятия конкуренции в условиях современности.....	369
<i>Малафеевская В.С.</i> Технологии искусственного интеллекта при проведении социологических исследований.....	374
<i>Мещанинова Е.Ю.</i> Применение проективных методик в исследовании отношения студентов к деньгам	379

<i>Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г.</i> Роль искусственного интеллекта в оценке эмоционального состояния респондента	384
<i>Рубанов А.В.</i> Социальная структура современного белорусского общества (по статистическим показателям).....	390
<i>Савчук А.А.</i> Перспективы применения социолого-статистического подхода для изучения демографической ситуации	398
<i>Сакович А.Ю.</i> Социологический анализ кадрового обеспечения белорусских сельхозпредприятий (на примере Мядельского района)....	403
<i>Сойко А.Д.</i> Социологическое исследование в сфере образования: научно-методические основания	407
<i>Стаськевич С.А.</i> Роль символа в методологии социологического исследования.....	412

ПРЕДИСЛОВИЕ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Уже третий по счету ежегодный Международный научно-методологический семинар проходил 14 ноября 2024 года на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета. В этом году его проведение совпало с празднованием Дня социолога. Оргкомитетом и кафедрой социологии была определена тема семинара «Институционализация социологического образования в Беларуси: история и современность (К 35-летию создания кафедры социологии БГУ и 80-летию профессора Д.Г. Ротмана)». По своему характеру форум носил международный и междисциплинарный характер, в нем участвовало более 100 человек из Беларуси, России, Китая, Казахстана.

Процесс институционализации социологического образования в нашем отечестве оказался сложным и неоправданно затянутым. И это сказывается до сих пор... Столетие присматривались власти, чтобы в только конце 1980-х годов окончательно разрешить социологическое образование и открыть в ведущих университетах страны факультеты, отделения, кафедры социологического профиля, начать открыто готовить профессиональных социологов. Почему-то все время опаздываем... Вот и сейчас после трех десятилетий бесконечного совершенствования системы образования, социология вновь вытеснена из главного модуля и преподается только по выбору. Получается, что в своем развитии мы вновь заходим на новый круг...и опять теряем время. К сожалению, в деятельности нынешних университетов преобладают предельно общие требования по профессиональной подготовке студентов к будущей трудовой жизни, по-прежнему много формализма и еще больше бюрократизма, нередко учебный процесс оторван от актуальной проблематике национальной экономики и культуры.

Новые вызовы времени вызывают к необходимости вернуть университет в центр формирования ценностной матрицы будущего. Иначе цифровое ускоренное обновление базовых ценностей, без должного историко-социального отбора, может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования, к культуре в целом, вполне оправдано, т.к. именно здесь формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие молодому человеку адаптироваться к

современному миру. Именно образование должно стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

Таким образом, статус ключевого элемента общественной системы придает образованию две ее характеристики. Во-первых, образование аккумулирует исторический опыт народа: знания, накопленные человечеством, доминирующие ценности, которыми живет страна, и они во многом определяют её будущее. Во-вторых, именно образование формирует самого человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране, содействует условия гражданского согласия. В результате формируются мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты части общества, поведенческие приоритеты. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Велика роль в процессе формирования точек роста нового, где обновляются и формируются ценности, осовременивается их содержание, наполняются новым смыслом, утверждается или отвергаются современный социокультурный опыт, является система образования.

Сегодня очень важно было бы заглянуть в будущее и увидеть следующий уровень, новый виток социальной эволюции. В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей иной реальности. Именно от образования напрямую зависят вопросы устойчивости и развития цивилизации. И наконец, главный вызов для образовательной системы, являющейся пространством воспроизводства смыслов деятельности общества и создания новых – мотивировать молодых людей учиться.

Открыл и вел семинар заведующий кафедрой социологии профессор А.Н. Данилов. В самом начале научного форума ее участникам был предложен фильм о кафедре социологии, ее истории, работе, преподавателях и студентах (авторы доцент Т.В. Щелкова, профессор Е.Е. Кучко, студенты 4 курса Анастасия Шафаренко, Мария Вальковская, Дарья Шкелёнок). Разговор получился интересным и глубоким. С приветственным словом к участникам семинара обратились: И.И. Бузовский – ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат социологических наук; О.В. Кобяк – заведующий отделом экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; Д.В. Белявцева – начальник

Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, кандидат политических наук, доцент.

С основными докладами на пленарном заседании выступили: А.Н. Данилов, заведующий кафедрой социологии ФФСН БГУ, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси «Новые вызовы и перспективы развития социологического образования: к 35-летию создания кафедры социологии в БГУ»; А.К. Мамедов, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия) «Современное социологическое образование: новые вызовы»; П.А. Водопьянов, профессор кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор «Образование в выборе стратегии созидания будущего»; Титаренко Л.Г., профессор кафедры социологии ФФСН БГУ, доктор социологических наук, профессор «Социологическое образование: проблемы и перспективы»; И.В. Лашук, зав. кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности УО «Белорусский государственный экономический университет» «Цифровизация социологических исследований как фактор повышения эффективности коммуникации»; В.К. Щербин, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, кандидат филологических наук, Лауреат Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники «Проблема понимания в современной социологической науке и образовании»; В.К. Сугак, руководитель Центра «Один пояс – один путь» Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси «Использование машинного обучения и элементов искусственного интеллекта для выявления и проверки гипотез в экономико-социологических и маркетинговых исследованиях».

Буквально накануне семинара в БГУ были изданы книги «Современная социология Беларуси: новые вызовы и риски» (2024) и «Память и слава: Давид Генрихович Ротман. К 80-летию со дня рождения» (2024), презентация которых на форуме вызвала большой интерес участников. Также был организован просмотр фильма о жизни и деятельности Д.Г. Ротмана (Л.В. Филинская, доцент кафедры социологии, кандидат философских наук, доцент). Библиотекой ФФСН БГУ подготовлена книжная выставка по теме семинара.

Подавшие заявку для участия в работе методологического семинара имели возможность подключиться к пленарному заседанию и стать полноценным участником дискуссии в удаленном режиме. Также были организованы три секции, которые работали заочно. Секция 1. Социологическое образование: синтез традиции и новаций. Секция 2. Социологические структуры и институты: виртуальный мир и междисциплинарность научного поиска. Секция 3. Методология социологического исследования: классика и цифровая диагностика.

По итогам работы методологического семинара Оргкомитетом планируется обобщения высказанных предложений и публикация основных тезисов пленарных докладчиков в виде заседания за круглым столом в «Журнале Белорусского государственного университета. Социология».

А. Н. Данилов,
Председатель Оргкомитета

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: К 35-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ БГУ

А.Н. Данилов

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
a.danilov@tut.by*

Посвящена истории институционализации профессионального социологического образования в Беларуси. Отмечается роль открытия в 1989 г. отделения социологии и кафедры социологии на вновь созданном философско-экономическом факультете Белорусского государственного университета в завершении процесса институционализации, подготовке профессиональных социологических кадров, а также раскрыт их дальнейший вклад в устойчивое функционирование современного социума.

Ключевые слова: *Белорусский государственный университет, социология, институционализация, социологическое образование, кафедра социологии.*

Открытие 35 лет назад в Белорусском государственном университете социологического отделения и кафедры социологии стало важным событием в развитии гуманитарного знания. Была запущена система подготовки профессиональных социологических кадров, а социология признана полноценной академической дисциплиной. В Минске были готовы к такому повороту событий. На протяжении 1970–1980-х гг. социологи БГУ (по диплому философы, экономисты, историки, психологи и т. п.) стали больше внимания уделять выполнению многочисленных заказов от предприятий и организаций по исследованию социальных проблем в конкретном трудовом коллективе. Это было нужно для упреждения возможных конфликтов, выявления резервов повышения трудовой активности, определения эффективности принимаемых администрацией решений, совершенствования стиля работы руководителей всех уровней, оптимизации в подборе и расстановке управленческих кадров. В этот период нарастает процесс освоения и критического осмысления опыта развития мировой социологической мысли, большое внимание уделяется теоретическому анализу методологических проблем

социологического знания, изучению социальной структуры общества, ее динамики, социальных перемещений.

Профессор Г.П. Давидюк стоял у истоков возрождения социологии в Беларуси, был инициатором и первым руководителем белорусского филиала Советской социологической ассоциации, создал первую научную структуру социологического профиля в рамках АН БССР, стал самым успешным руководителем Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ. Георгий Петрович создал популярную в то время в СССР концепцию прикладной социологии и написал первые учебники по этой дисциплине: «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Всего за годы научно-педагогической деятельности под руководством Г.П. Давидюка было подготовлено 48 кандидатов наук, 12 из которых стали докторами философских и социологических наук. По его инициативе и под его редакцией был подготовлен и издан в Минске первый в СССР «Словарь прикладной социологии» (1984).

Вместе с тем ситуация в отечественной социологии 1970–1980-х гг. оставалась противоречивой. С одной стороны, были достигнуты значительные результаты в области прикладных исследований, организации преподавания социологических дисциплин, подготовки кадров высшей квалификации, появился ряд значительных работ в области использования математических методов в социологии. В этот период были достигнуты серьезные результаты в изучении проблем труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества (рабочего класса, интеллигенции, села). Получили развитие исследования в области образования, культуры, молодежи, рабочего и свободного времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации, личности, советской семьи и др. С другой стороны, в научном сообществе нарастала обеспокоенность усилением социологического мифотворчества, снижением уровня востребованности как теоретической, так и эмпирической социологии. Социологии по-прежнему отводилась роль источника лишь прикладного знания. Функционируя в узких рамках, очерченных партией, в трудную минуту она оказалась неспособной спрогнозировать последствия надвигающейся катастрофы.

В 1988 г. с большим опозданием правящая партия принимает постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Это решение не изменит положения в стране, но даст шанс в полном объеме

реабилитировать социологическую науку в Советском Союзе. В соответствии с постановлением предстояло вывести социологию в СССР на качественно новую ступень развития, существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок и коренным образом улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности. Буквально в считанные месяцы в структурах Академии наук СССР стали открываться научные учреждения и подразделения социологического профиля. Институт социологических исследований АН СССР был преобразован в Институт социологии, в регионах по мере необходимости и при наличии соответствующих кадров поэтапно стали создаваться подобные научные структуры. Кардинально менялась ситуация в сфере социологического образования, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. В двенадцати крупнейших университетах СССР открылись социологические факультеты и отделения, лаборатории, были созданы аспирантуры, докторантуры, сформирована система советов по защите диссертаций по социологическим наукам, существенно увеличилось количество периодических изданий, научной, методической и учебной литературы по социологии. Основой методологической и методической базы учебного плана новой дисциплины послужили немногочисленные изданные монографии, даже конспекты лекций высокопрофессиональных отечественных социологов, а также переводные книги.

В 1989 г. в БГУ было открыто отделение социологии на новом философско-экономическом факультете (с 1999 г. – факультет философии и социальных наук) и кафедра социологии (декан и первый заведующий кафедрой профессор А.Н. Елсуков [1]). В Академии наук БССР в 1990 г. создан Институт социологии (директор-организатор – академик Е.М. Бабосов [2]). На всех факультетах в вузах Беларуси начал читаться курс по общей социологии. Заново были подготовлены учебные программы, курсы лекций, учебники, стала активно издаваться научная и учебная литература социологического профиля. За прошедшие 35 лет произошли большие перемены: сформировалась эффективная, адекватная времени система подготовки специалистов, о чем свидетельствуют достижения наших выпускников. Эстафету руководителя кафедрой социологии после А. Н. Елсукова принял профессор Д. Г. Ротман [3] (2003–2005), с 2005 года кафедру возглавляет профессор А. Н. Данилов.

Системный кризис конца 1980-х гг. предъявил новые требования к социологической науке, резко усилился интерес к исследованию социальных трансформаций белорусского общества, ценностных ориентаций различных социальных групп населения, к проблемам роста политической активности населения, изучению стратификации и демографических характеристик меняющегося общества под воздействием социальных, экономических и социально-психологических факторов. Особое внимание социологи Беларуси сосредоточили на разработке различных аспектов анализа социального развития молодежи.

Кризис распада СССР, который пошел тяжело, неупорядоченно, болезненно, породил много немыслимых ранее процессов. Далее «парад суверенитетов», выбор дальнейшего пути самостоятельного развития бывшими республиками, выработка внутренней и внешней политики, идеологии. Все это остро востребовало от ученых, и прежде всего – гуманитариев, социологов, новых социальных теорий и концепций, отвечающих на новые вызовы времени. За плечами социологов БГУ стояла большая предыстория развития этой науки, наличие профессиональных кадров.

1990-е гг. были трудными в своей неопределенности. Стоял вопрос о будущем социологии. Выживали на неиссякаемом педагогическом энтузиазме. В 2003–2005 гг. кафедру возглавлял известный белорусский ученый-социолог, директор Центра социологических и политических исследований БГУ, доктор социологических наук, профессор Д.Г. Ротман (1944-2024). Заметно расширились международные связи, акцент в образовании стал переноситься на закрепление практических навыков будущих выпускников, профессорско-преподавательский коллектив пополнился лучшими выпускниками социологического отделения, хорошо зарекомендовавших себя в учебе, научно-исследовательской и практической работе, многие из которых к настоящему времени защитили кандидатские диссертации: Т.В. Бурак, Н.В. Курилович, Е.Г. Павлова, Е.В. Шкурова. Были приглашены кандидаты социологических наук Т.В. Щелкова, А.А. Похомова, А.Ю. Сакович, М.Г. Волнистая, Н.А. Елсукова, выросли свои доктора социологических наук – Д.К. Безнюк (2006), Е.А. Кечина (2009), Е.Е. Кучко (2010), О.В. Кобяк (2016) и др.

Отцы-основатели кафедры, а это А.Н. Елсуков, Г.П. Давидюк, И.Я. Писаренко, В.Л. Абушенко, А.П. Лимаренко – настоящие первопроходцы, подвижники. Им выпала в чем-то почетная, но и очень трудная миссия – организовывать учебный процесс по новой дисциплине

буквально с нуля. Так, А.Н. Елсуков со своими коллегами создали первый учебный план, программы новых курсов, подготовили учебники нового поколения. Ведущие профессора кафедры – А.Н. Елсуков, П.П. Украинец, Л.А. Гуцаленко, Л.Г. Титаренко – за первый кафедральный учебник «Социология» (под редакцией А. Н. Елсукова) стали лауреатами высшей университетской награды – премии имени первого ректора БГУ академика В.И. Пичеты (2009). В БГУ исторически сложился учебно-научно-практический кластер, где в постоянном научном контакте и в исследовательском взаимодействии преподаватели, аспиранты и студенты кафедры социологии сотрудничают с Центром социологических и политических исследований. К нему в последнее время присоединился Институт социологии НАН Беларуси, которым руководят наши ученики Н.Л. Мысливец, А.В. Посталовский, А.М. Бельский, работают наши выпускники. Студенческая научно-исследовательская лаборатория «СОЦИУМ» (руководитель – доцент Л. В. Филинская) признана лучшей в БГУ и стала реальной платформой для социологических практик.

За прошедшее 35 лет кафедра социологии стала лидером социологического знания в Беларуси, получила признание коллег в ближнем и дальнем зарубежье. Это успех всех поколений профессорско-преподавательского состава, благодаря усилиям которых был запущен учебный процесс – маховик, который уже 35 лет работает без капитального ремонта и больших сбоев. Социология сегодня стала одним из главных источников получения социального знания о современном обществе, процессах, протекающих в нем, о человеке, его социальном самочувствии. Социологи активно включились в решение социальных и социально-политических проблем суверенной Республики Беларусь, научно обосновывая ее общественные и национальные интересы.

Цивилизация вступает в фазу повышенных рисков. В современном социологическом знании явно обозначились тенденции его радикального обновления, возникла теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся происходящими в современном научном знании сменами научной картины мира и способов его познания. Продолжается поиск таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой. На разрешение этих и многих других проблем нацелена социология – наука, которая помогает обществу

устойчиво функционировать, развиваться без конфликтов и потрясений, своевременно упреждать возникающие недоразумения и противоречия.

Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, ведут к необходимости существенного обновления, в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. В полной мере это касается социологической науки и здесь уместно привести мнение академика М.К. Горшкова, который сказал: «Практика трех десятилетий еще раз убедительно доказала: социология – одна из тех наук, без которых современное сложное и динамичное общество не может развиваться успешно» [4, с. 8]. Тем более, как важно именно сейчас на переломе эпох в условиях формирования нового миропорядка выстроить всю систему социально-гуманитарного образования. И особенно следует обратить внимание на социологию, науку изучающую общество. Именно социология как наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящейся формы социальности, человеческого общения – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т.е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия. Сегодня социология прочно вошла в нашу повседневную жизнь и ей по праву принадлежит особая роль в изучении социума. И это не только потому, что она системно изучает общество, но и потому, что выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и поэтому они становятся реальным инструментом управленческой деятельности.

Построение новой модели образования – не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, но в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь – в том числе, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество. Ключевое звено глобальной «дорожной карты» будущего образования точно определил П.А. Водопьянов, отметив, что «созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления» [5, с. 469].

И в заключение следует отметить, что предстоит большая работа по изменению миссии образования как части культуры, центра формирования ценностной матрицы будущего. В центр гуманитарного дискурса

выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации, с возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Вот почему, такое внимание уделяется последствиям очередного поворота в системе образования, где наряду с опытом предшествующих лет должна получить должное развитие национальная культура. Именно в недрах культуры собственно и формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам времени и ориентироваться в современных жизненных условиях, идентифицировать свою принадлежность к семье, роду, Отечеству. Наш выдающийся современник академик В.С. Степин мудро сказал: «Я считаю, что настал наш звездный час. Мы должны выработать эти самые новые смыслы для общества и предложить их, а там уже жизнь что-то выберет, а что-то отбросит» [6, с. 4]. Главное не терять понапрасну время и найти себя в этот звездный для гуманитариев час...

Библиографические ссылки

1. Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения / редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 279 с.
2. Евгений Михайлович Бабосов: к 85-летию со дня рождения / Нац. акад. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа ; сост: А.Н. Данилов [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 270 с.
3. Память и слава: Давид Генрихович Ротман. К 80-летию со дня рождения / сост.: А.Н. Данилов, А.В. Посталовский, Л.В. Филинская; редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 375 с.
4. Горшков М.К. Вступительное слово на заседании научно-отраслевой секции «Социологические науки» в рамках Шестого профессорского форума «Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики». – Вестник РУДН серия Социология 2024. Т. 24 № 1. С. 7-12.
5. Водопьянов П.А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего. – Минск: Беларуская навука, 2023. – 469 с.
6. Эпоха академика В.С. Степина / сост.: А.Н. Данилов, А.А. Лазаревич, Л.Ф. Кузнецова; редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2024. – 591 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

А.К. Мамедов

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, 119 234, Москва, Россия

akmnauka@yandex.ru

В статье рассматриваются основные тенденции развития социологического образования в политическом и культурном контексте в России, начиная с 90-х годов по наше время. Анализируются динамика педагогических кадров, функции социологического образования, роль и место университетского образования в развитии общества, востребованность социологов, требования работодателей к деятельности социолога,

***Ключевые слова:** содержание социологического образования, политический контекст, социокультурный контекст, востребованность социолога, сетевое обучение.*

В 90-е годы вместе с изменением политического строя в вузах РФ началось создание новых направлений образования – политологии, глобалистики, конфликтологии, социологии и др. Создание кафедр социологии и более 100 отделений и факультетов было реакцией на вызовы. Логика социального развития, новое прочтение политического и культурного контекста, крах социалистической системы привели к некой девальвации макросоциальных теорий и, как следствие, к сужению поля социологических исследований, неоправданному увлечению позитивизмом и уходу в частные социологические разработки. В период «слепого» переноса западных теорий и социальных технологий : наблюдалось массовое распространение слабо адаптированной к нашим условиям зарубежной социологической литературы, мы заново открывали для себя то, что на Западе давно изучено и усвоено . В конце 90-х наша наука столкнулась с необходимостью моделирования собственного развития на основе российского социокультурного контекста, что послужило когнитивным основанием для поиска и изыскания новых, уже собственных социологических теорий, отражающих наши реалии, наше социальное бытие. Вместе с тем, начиная с 2005 года, наблюдается постепенное сокращение общего числа диссертационных советов, идет снижение

количества защит по социологии, что объясняется, в том числе, частичным насыщением рынка труда. На основе введенного ГОСа социология была лишена статуса обязательного базового вузовского курса. Став учебной дисциплиной по выбору, она попала в зависимость от позиции руководства вузов, что снизило уровень социологических знаний у выпускников — будущей хозяйственной и управленческой элиты страны. Резкое возрастание значимости и легитимизация преподавательских рейтингов и введение многочисленных курсов «по выбору» привели к тому, что студенты в силу прагматической установки стали голосовать за «полезные» дисциплины. Не только университеты, но и отдельные факультеты попали в финансовую зависимость от предпочтений студентов. Существенно изменилась стратификация в среде преподавателей, выдвинув на первый план отнюдь не академические критерии. Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная ценность, то отныне возобладало понятие «полезное знание», т.е. знание не как самоценность, а как инструмент для достижения жизненных практических целей, нацеленных, в первую очередь, на результат. Именно это обстоятельство отражало потребительские тренды и привело к «перенастройке» всей системы университетского образования, в том числе образования социологического, что повлекло за собой десакрализацию образов ученого и преподавателя «аристократии духа» как людей, приобщенных к недоступным истинам, превратив их в социальную группу, ничем не отличающуюся от других субъектов и акторов рыночных отношений. Отныне университет — это не только храм науки, а marketplace в самом широком смысле со всеми характерными признаками. Данный процесс происходит на фоне падения общего интереса студентов к осознанию болевых точек общества, рефлексии социальных проблем. Их чаще интересует «красивая», «гладкая» социология, не поднимающая серьезных нравственных и социальных вопросов, но обеспечивающая безбедное существование в герметичном социальном пространстве. Социологи зачастую начинают выполнять «гувернерские» функции, обслуживая властные структуры. Речь идет о социологическом политическом сервилизме, к сожалению, не так редко в наше время встречающемся [2]. Тенденция такова, что в скорой перспективе факультеты и кафедры как структурные единицы начнут системно трансформироваться, уступая место департаментам, обеспечивающим подготовку по динамичным междисциплинарным программам, открывающимся и закрывающимся в соответствии с запросами рынка труда

и опирающимся на мобильный состав профессоров, привлекаемых на договорной основе. Неслучайно за рубежом получили широкое распространение департаменты behavior science, включающие широкий ряд социальных учебных дисциплин. Отмечается тенденция смены классического социологического знания на знание «экзотическое», т.е. ориентированное на необычность, неповторимость, уникальность и при этом раскрывающее свои новые потребительские качества на рынке профессий [4]. Анализ учебных планов по специальности/направлению «Социология» 83 государственных вузов [1] позволил выделить три базовые группы учебных дисциплин, которые авторы условно назвали: «ядро социологического образования», «полупериферийные дисциплины», «фронтирные».

Выделенное «ядро социологического образования», дисциплины которого преподаются в 50-80% вузов, включает 21 дисциплину. Наиболее часто читаются Методика и техника социологических исследований (82%) и Социология культуры (73%). Группу дисциплин, именуемую полупериферийными дисциплинами, которые преподают в 15-50% вузов, составили 32 учебных курса. Предметы, которые преподают в 1-15% вузов, составили кластер таких фронтирных дисциплин, как Социология времени, Социология жилья и жилища, Социальная геронтология, Социология профессий, Социология игры, Социология кино, Социология медицины и Социология морали. Эта наиболее многочисленная группа включает 141 учебный курс. Фронтирные дисциплины в каждом вузе формируют лицо социологического образования, отражая профессиональные интересы преподавателей и сложившиеся традиции, они охватывают большинство возможных областей социологического знания. Анализ образовательных программ социологов-бакалавров выявил, что наиболее распространенными профилями на данном уровне подготовки являются следующие: общий профиль, Экономическая социология, Социология управления, Социология коммуникаций и Прикладные методы социологических исследований. У магистров наиболее распространенными профилями являются Социология управления и Социология коммуникаций [4].

Сегодня вузовское социологическое сообщество сталкивается с проблемой воспроизводства собственных кадров, поскольку лишь один из тридцати выпускников-отличников вуза остается в системе российского образования. Указанный вид профессиональной деятельности остается в основном у магистров, при том, что лишь 35% бакалавров идут сегодня в

магистратуру. Таким образом, приток молодых качественных преподавателей социологии в вузы еще более сократится. Эта тенденция подтверждается результатами проведенных исследований среди студентов-социологов: 81% из них не собирается продолжать обучение в аспирантуре. Среди них либо самозабвенные и отрешенные служители науки, либо молодые люди, имеющие какой-то иной семейный доход и потому не возражающие «немного попреподавать». Как следствие, корпус преподавателей стремительно стареет, что подтверждает остроту проблемы воспроизводства научно-педагогических социологических кадров.

Согласно данным опроса, проводимого порталом moeobrazovanie.ru, был составлен рейтинг 300 наиболее престижных, по мнению абитуриентов, профессий. Профессия социолога в этот список не вошла. Однако в рейтинге специальностей вузов социология находится на 15 месте. Пока низок спрос на социологические услуги в регионах. Неслучайно, что определяющее большинство выпускников остается работать в мегаполисах, куда они приехали учиться (работа по месту учебы). Критерием полезности социологического образования для общества сегодня является спрос на социологов-профессионалов на рынке труда. Однако агентства по подбору персонала указывают, что спрос крайне низкий: на протяжении последних 15 лет он оценивался на уровне 3,0–3,5 баллов. Однако вступительный конкурс в наиболее престижные вузы по направлению «Социология» составляет 3–7 человек на одно бюджетное место. Это поддерживается, во-первых, профессионализмом социологического сообщества в вузах, а во-вторых, довольно хорошими результатами трудоустройства выпускников, при этом достаточно большое количество студентов, получив опыт работы в различных организациях во время учебы, по окончании вуза выбирают иные профессии. Таким образом, современное социологическое образование создает основательную базу для профессиональной востребованности выпускников-социологов на рынке труда. Сегодня насчитывается большое количество трактовок профессии социолога. Так, П. Монсон, сравнивает работу социолога с плаванием в «лодке на аллеях парка», предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. П. Бергер подчеркивал роль социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с разведчиком. Многие социологи, в том числе и отечественные, говоря о функциях социологии, констатируют, что социолог — это аналитик, соучастник управления, прогнозист. Лучше сравнить с социальным врачом, который проводит анализ и диагностику состояния, а

если это необходимо, то прогнозирует направления развития социального явления.

Социология в процессе собственного становления как науки нарабатала капитал и параметры социологической культуры, к которым относятся следующие нормативные установки:

- социальная реальность признается принципиально подлежащей научному исследованию;
- социальное регулирование и управление основывается на социологическом научном анализе;
- постоянная нацеленность на всесторонний анализ и комплексный учет возможных социальных последствий планируемых действий;
- постоянное отслеживание реального и возможного развития социальных процессов на всех уровнях [2].

Для повышения спроса на социологические кадры современная подготовка должна быть направлена на формирование «гибридного», конверсионного социолога, ориентированного на деятельность в смежных с социологией сферах. Можно предположить, что в существующем институциональном раскладе существует три наиболее распространенных социальных типа современного российского социолога:

- 1) преподаватель (как правило, вузовский);
- 2) научный сотрудник — исследователь;
- 3) социолог-практик (как правило, представитель руководящих хозяйственных, государственных, партийно-политических звеньев).

В сфере социальных исследований высоко ценятся два критерия: мотивация на работу именно в этой сфере и имеющийся потенциал: наличие идей, умение выражать свои мысли, кругозор, пытливость ума, желание учиться новому. Актуализируются следующие задачи образовательного процесса подготовки социологов:

- формирование определенной мотивации обучения;
- развитие навыков самообразования и саморазвития;
- формирование потребности в поствузовском социологическом образовании;
- формирование дополнительных профессиональных навыков с целью построения оптимальной траектории профессиональной деятельности ;
- сетевое обучение, создание совместных образовательных программ двумя или несколькими вузами, научными организациями, производственными объединениями и выдача на основе этого двойных дипломов.

Среди преимуществ сетевого обучения называют:

- динамичное изменение структуры образовательной деятельности
- снижение издержек и затрат за счет более эффективного использования ресурсов и развития интегрированных сервисных служб;
- расширение доступа обучающихся к современным образовательным ресурсам, технологиям и средствам обучения.
- обеспечение гибкости организации обучения за счет реализации индивидуальных траекторий обучения.

Библиографические ссылки

1. Абрамов Р.Н, М.А. ЮмановаМ.А. Состав учебных планов и структура социологического образования в России: опыт эмпирического исследования // Социологический журнал. - 2008. - № 2. - С.81-94.
2. Добреньков В.И., Зборовский Г.Е, Нечаев В.Я. Проблемы и задачи социологического образования // Образование и общество. [Электронный ресурс]. - http://www.education.rekom.ru/6_2003/44.html (дата обращения: 10.05.2014).
3. Мамедов А.К. Истина в дискурсе социального знания // Миссия конфессий. – 2021. – Т. 10. - №55. – С. 631-636.
4. Мамедов А.К., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: тенденции развития // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2. – № 4 (106). – Ч. 1. – С. 94-108.

НРАВСТВЕННО-ДУХОВНЫЙ ИМПЕРАТИВ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО

П.А. Водопьянов

*Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13А, Минск, Минская область 220006
pva1940@bk.ru*

Посвящена проблеме формирования новых мировоззренческих ценностей как приоритетном направлении современной системы образования в условиях глобальной нестабильности. Анализируются основные угрозы и вызовы настоящего и ближайшего будущего человечества. Обосновано, что их преодоление возможно на основе совершенствования образования как механизма обучения и воспитания личности, обладающей качествами нового типа, ориентированными на выживание человечества.

Определена ключевая роль философии в структуре гуманитарных дисциплин, выделены основные задачи современной науки и образования.

Ключевые слова: мировоззренческие ценности; система образования; наука; вызовы; риски.

Образование всегда и будет всегда играть ключевую роль в воспитании и образовании личности, поскольку оно формирует ее качества и определяет способы и направления деятельности. Однако, особое значение оно приобретает в современных условиях, когда возникла реальная угроза существованию человечества и, в зависимости от того, сможет ли оно найти адекватные ответы на эти угрозы будет зависеть его ближайшее будущее. Продуктивный ответ на сложившиеся угрозы непосредственно связан с мировоззренческими ценностями и ориентациями людей, которые позволяют устранить возникшие угрозы

На протяжении всей человеческой истории мировоззренческие ценности позволяли найти выход из сложных жизненных трудностей, помогали людям выжить в критических ситуациях, что позволяет сделать вывод о том, что в условиях глобального экологического кризиса станет возможным преодолеть его негативные последствия на основе выбора такого рода ценностно-мировоззренческих ориентаций, которые позволят найти пути достижения безопасного будущего, достичь такого рода революционного сдвига в сфере сознания, который направлен на сохранение биосферы, из которой вышел человек и жизнь которого всецело зависит от сохранения собственной среды обитания.

Достижение такого рода мировоззренческих ценностей связано с формированием целостной картины мира, в соответствии с которой создаются способы поведения и деятельности людей. формируется мировоззрение нового типа, которое предполагает их изменение, направленное на соответствующий тип деятельности, постановку присущих человеку целей, на способ производства, применяемые технологии и на характер отношения к природе. В основе постановки целей лежат мотивы, определяющие поведение социальных групп и членов общества, ориентированных на достижение результатов их деятельности.

Поэтому преодоление угроз глобального экологического кризиса напрямую связано с мировоззренческими и ценностными ориентациями отношения человека к природе, определяющими способы и характер человеческой деятельности.

Такого рода мировоззренческие ценности и ориентации служат приоритетным направлением современной системы образования, ориентированного на преодоление экологической опасности и глобальной нестабильности, угрожающих ближайшему будущему.

Достижение этого возможно на основе коренного перелома в сложившейся парадигме мышления, основанной на антропоцентристской ориентации по отношению к природе, всецело направленной на господство над ней, ее преобразованием в интересах человека, что привело, в конечном итоге, к глобальному кризису.

Преодоление глобального экологического кризиса связано с формированием универсальной морали, направленной на выработку такого поведения людей, которое не приносит вреда окружающей среде и ориентирована на сохранение жизни в любой форме как непреходящей ценности. Достижение этой цели предполагает переориентацию науки на решение проблем выживания человечества как ее важнейшей функции, на основе разработки методов и способов сознательного регулирования обмена веществ между обществом и природой и включении человеческой деятельности в биологический круговорот планеты. Речь идет о необходимости с помощью открытий в науке найти пути создания такой техносферы, которая приближалась бы к процессам копирования в живой природе, как это имеет место в процессах самовосстановления естественного кругооборота энергии и вещества, протекающих в биосфере. Выполнение этой задачи зависит от ценностных и мировоззренческих ориентаций, стоящих перед современной системой образования [1].

В условиях нарастания экологической опасности необходимо принимать меры по ее нейтрализации на основе выбора нового пути развития цивилизации, нового осмысления мира - поклонения природе, с чего начиналась человеческая история и, что получило закрепление в античной философии. Достижение этой цели предполагает необходимость утверждения новой нравственности, включающей традиционные общечеловеческие ценности и учитывающей современные реалии бытия человека. Настало время переосмыслить антропоцентристскую ориентацию, направленную на господство человека к природе, на ее преобразование, на утверждение потребительского вектора социально-экономического развития, приведшего к пропасти между бедными и богатыми. Необходимо вернуться к прежним идеалам поклонения и сохранения природы, к призыву великого гуманиста А. Швейцера к

«благоговению перед жизнью», по отношению ко всему живому на нашей планете [2] как важнейшему фактору выживания человечества.

Новый гуманизм, направленный на сохранение всего живого на Земле ориентирован на выбор созидательного компромисса между людьми, социальными группами, государствами в целях сохранения природы. Такая стратегия нацелена на формирование мировоззрения, ориентированного на достижение безопасного будущего на основе введения системы запретов на характер человеческой деятельности, в тех случаях, когда ее масштабы подрывают (нарушают) механизмы самовосстановления нарушенных процессов.

Достижение этой цели возможно на основе усвоения знаний о культурном наследии мировых ценностей, понимании причин кризисных явлений в различных сферах жизнедеятельности людей, необходимости утверждения биосферного мышления, направленного на формирование бережного отношения к природе, осознание важности использования системного подхода к изучению мировых процессов.

Реализация этой задачи возможна на основе использования наиболее перспективных достижений современной науки, позволяющих осуществить синтез рациональных идей естественных и гуманитарных наук.

Сложившийся вектор социально-экономического развития связанный с непрерывной погоней за материальными благами, культивируемый средствами массовой информации, в особенности через Интернет, жажда получить все больше денег становятся призрачным символом для многих людей, не видящих реальной опасности для ближайшего будущего.

Уже сегодня созданные алгоритмы навязывают людям новые стандарты жизни – что купить, что почитать и посмотреть, чему верить, где работать, кому доверять, как заработать деньги, не прилагая особых усилий становятся доминирующими стимулами для многих молодых людей. Иными словами, происходит процесс зомбирования людей – рекламой, телевидением, Интернетом и другими средствами массовой информации, которые приводят к тому, что люди утрачивают целевые установки в своей жизни, что может привести к утрате контроля над своей жизнью.

Все это приводит к разрушению традиционных ценностей за счет внедрения низкопробной культуры, создания ложной картины социальной реальности на основе изгнания из сознания людей их индивидуальности, привязанности к семейным традициям, подмены истины на ложные представления, ориентации на комфорт и удовольствие. Сказанное глубоко проникает в современную систему образования, приводя к утрате интереса

к общекультурным ценностям, выработанных на протяжении человеческой истории, к тому, что нужную информацию можно получить, не прилагая особых усилий в интернете. В итоге утрачивается интерес к размышлению, формируется разорванное, клиповое мышление, которое приводит к забывчивости о ближайшем будущем.

Более того, угрозы и вызовы технологического характера оказывают негативное влияние на жизнь человечества, на его зависимость от технических систем, которые могут вызвать аварии, нарушить нормальное функционирование промышленного производства и финансовой системы, сферу услуг и коммуникаций.

Потребность изменения сложившихся мировоззренческих ориентаций неразрывно связана с необходимостью обеспечения стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. Данная ценностная ориентация предполагает ограничение экономического роста и сугубо потребительского вектора промышленного развития в целом. В реальной жизни, однако до сих пор происходит наращивание экономического роста в развитых странах, что приводит к обострению и без того сложной, экологической ситуации. Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны в первую очередь с утратой мировоззренческих ориентаций и нравственных ценностей во взаимодействии человека и природы, что непосредственно оказывает негативное влияние на всю систему образования, всецело ориентированного на получение конкретных практических результатов от научных исследований. Как следствие этого гуманитарные науки, ориентированные на выработку общекультурных ценностей и определения перспектив ближайшего будущего, как правило, занимают второстепенное место в структуре образования, финансируются по остаточному принципу.

Выход из такого рода сложившейся ситуации связан с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей [3]. Именно поэтому в целях преодоления существующих опасностей необходима разработка мероприятий по устранению причин экологического и духовного кризисов, которые представляют угрозу ближайшему будущему человечества.

В условиях нарастания социальных противоречий и кризисных явлений в жизни современного общества особую роль играет философия, интегративная функция которой состоит в разработке стратегии выживания

человечества на основе представлений об устройстве мира, поскольку именно она, как отмечал Аристотель, изучает вечное, сохраняющееся, непреходящее, которое невозможно превратить в практическое дело. Именно этим вечным и непреходящим в условиях кризисных явлений в экологической, экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни современного общества является сохранение выживания человечества и потому важнейшей задачей философского знания является определение основных методологических принципов обновления цивилизации на пути достижения безопасного будущего.

Приоритетность и актуальность методологических принципов, лежащих в основе образования, заключается в определении необходимости формирования новых ценностей по отношению к миру в целом в условиях глобальной нестабильности мирового развития. Это обстоятельство приобретает особую значимость в переломные, критические эпохи, что присуще современному этапу развития цивилизации. В такие эпохи всегда происходит напряженный поиск путей дальнейшего развития человечества, а задача самой философии состоит не только в прояснении мировоззренческих структур, определяющих образ мира и жизни людей, но и в выявлении смысложизненных установок формирования новых ценностей, которые должны быть заложены в структуру современного образования.

Именно философия, аккумулировавшая многовековой опыт человеческой культуры призвана помочь людям осмыслить новые вызовы времени и наметить стратегические направления достижения стабильного будущего. Отражая самосознание современной эпохи, философия занимает центральное место среди дисциплин гуманитарного профиля, способствуя формированию новых взглядов на место и роль человека в природе.

Именно поэтому задача философии должна быть направлена формирование и развитие такого типа мировоззрения, для которого характерно критическое осмысление картины мира, природной и социальной реальности, установку на гуманистические ценности, уважение к национальным традициям, глубокое осмысление достижений современной науки и социальной практики

На основании сказанного можно утверждать, что в структуре образования нового типа ключевую роль играет именно философия, предметом которой является разработка стратегии выживания. Интегративная функция философии состоит в определении основных направлений всех остальных наук, направленных на сохранение среды

обитания, пригодной для нормальной жизнедеятельности людей...человечества.

Подтверждением сказанного может служить принцип развития, четко обозначенный в немецкой классической философии и получивший конкретизацию в эволюционной теории Ч. Дарвина, который на конкретном материале всесторонне раскрыл процесс происхождения видов путем естественного отбора и основные факторы органической эволюции. Сформулированный Гегелем закон отрицания отрицания получил конкретизацию в работах А.Н. Северцова «Главные направления эволюционного процесса», принцип всеобщей связи получил обоснование и конкретизацию в экологии как функциональной науке о взаимозависимости всех компонентов биосферы.

Принцип коэволюции как важнейший методологический принцип сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы определяет основные направления достижения сбалансированного соотношения человеческой деятельности с законами эволюции биосферы. Такого рода соотношение предполагает разумное удовлетворение человеческих потребностей при сохранении пригодной для обитания окружающей среды и природоресурсного потенциала биосферы.

Такого рода подход возможен на основе утверждения и формирования новых направлений социально-экономического развития. Иными словами, речь идет о поисках новых путей обновления цивилизации, ее перехода на путь обозначенный законами биосферы, на путь эффективного управляемого, устойчивого и безопасного развития. Это предполагает формирование коэволюционной стратегии как сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы тесно связанной с ограничением масштабов человеческой деятельности и изменением вектора социально-экономического развития.

Достижение этого возможно на основе совершенствования образования как механизма обучения и воспитания личности, обладающей качествами нового типа, ориентированными на выживание человечества.

Формирование такого рода человеческих качеств предполагает усвоение универсальных методологических принципов, к числу которых следует отнести, в первую очередь, принцип сохранения биосферы и жизненного пространства.

Острота современной экологической ситуации вызывает необходимость решения проблемы сохранения биосферы как одной из важнейших проблем

современной науки, от решения которой зависит дальнейшая судьба человечества и его будущее.

Изучение стабильности биосферы – ключевая проблема современной науки, от эффективного решения которой зависит дальнейшая судьба цивилизации. По резонному замечанию Н. Н. Моисеева, достижение коэволюции человека и биосферы означает такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, ее гомеостаза, сохраняет для него необходимый «эволюционный канал» [4]. Поэтому сохранение жизненного пространства как основы нормальной жизнедеятельности людей – важнейшее условие выживания человечества

Экспоненциальный рост численности населения, приведший к перенаселению планеты привел к сокращению жизненного пространства и ресурсов, в особенности к утрате плодородных земель для производства продовольствия, а также для поддержания качества окружающей среды. И если не будут в ближайшем будущем разработаны новые агрономические меры и технологии повысить урожайность на единицу площади, то экологический след человечества, означающий площадь территории, необходимой для удовлетворения потребностей человека, будет непрерывно возрастать. При нынешнем уровне обеспечения природными ресурсами оптимальная величина экологического следа составляет примерно 1,7 до 2 га на человека. При этом в разных странах разброс предельных значений экологического следа весьма значителен. Так, в Бангладеш он составляет 0,5 га, 5,09 га в Беларуси, в России 5,69, в США 8,4 га.

Сокращение природных территорий, которое в настоящее время для производства продовольствия составляет около 26%, уже привело к голоду в некоторых странах мира и будет неуклонно продолжаться. А все увеличивающийся рост численности населения в ближайшее время приведет к исчерпанию природных ресурсов. При этом рост численности населения приходится на бедные страны, которые влачат голодное существование и осуществляют массовые миграции в развитые страны. Естественное стремление этих стран достичь уровня жизни развитых стран приведет к катастрофической нехватке природных ресурсов и к углублению экологического кризиса.

На основании этого можно утверждать, что достижение оптимальной численности населения в мире, одна из приоритетных задач современной системы образования, которая должна быть положена в учебные курсы всех форм образования.

Достижение этой цели возможно на основе переориентации науки, главная задача которой должна быть направлена на изменение ее оценки как средства, приносящего исключительно практические результаты и ориентированного на повышение уровня жизни людей без учета ее отрицательных последствий на среду обитания человека. В этом плане особую роль играет нравственное, гуманистическое измерение науки, направленное на создание альтернативных источников энергии, создание и внедрение природоподобных технологий как важнейших факторов сохранения жизненного пространства и предотвращения резкого изменения климатических условий.

Поиски альтернативных источников энергии весьма трудоемкая и сложная задача, стоящая перед современной наукой, сюда относятся использование солнечной энергии, энергии ветра, атомной энергии, углеводородного топлива как основного загрязнителя окружающей среды, энергии приливов и отливов и др. Энергетическая безопасность играет ключевую роль в сохранении климатических условий, поэтому поиски надежных источников энергии основная задача современной науки и социальной практики. Особые надежды в этом плане возлагается на осуществление реакции управляемого синтеза, разработкой которого занимается крупнейший в мире термоядерный экспериментальный реактор ITER.

Предотвращение изменений климата непосредственно связано с обеспечением энергетической безопасности и потому получение знаний о данной области знания, которые направлены на принятие мер о снижении индустриального давления на биосферу имеет важное значение в структуре современной системы образования. С этим непосредственно связана и разработка новых технологий, существенно снижающих загрязнение окружающей среды, поскольку все существующие технологии оказывают негативное влияние на ее.

Ориентация на разработку природоподобных технологий играет важную роль в получении знаний о состоянии окружающей среды, поскольку их разработка и внедрение в сферу производства позволит принять меры по ее оздоровлению для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей.

Природоподобные технологии позволят существенно снизить использование природных ресурсов, разработать меры о включении производственных процессов в структуру ресурсооборота, осуществить копирование преимуществ, достигнутых в ходе эволюционного процесса.

Использование углеводородного топлива привело человечество к тупиковому пути развития, представляющего опасность для ближайшего будущего. Поэтому переход к использованию альтернативных, экологически безвредных источников энергии – безальтернативный путь к спасению цивилизации. Особое значение в этом плане имеют НБИКС-технологии, которые открывают возможность обновления цивилизации на пути замены невозобновляемых источников. Рациональное и эффективное использование традиционных источников, переход к возобновляемым источникам энергии является одной из основных задач современной науки и образования, от успешного решения которой зависит будущее.

Библиографические ссылки

1. Водопьянов П.А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего. – Минск: Беларуская навука, 2023. 469 стр.
2. Ласло Э. Точка хаоса. Санкт-Петербург. Издательская группа «Весь», 2011.
3. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.
4. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М. 1999.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

Л.Г. Титаренко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Целью статьи является рассмотрение истории появления и развития социологического образования в Беларуси. Выделено два периода – первоначальный советский (становление) и период развития социологии в независимой Республике Беларусь. Отмечена важная роль основоположника белорусской социологии Г.П. Давидюка в организации профессиональной подготовки социологов в Белорусском государственном университете и трудности, которые приходилось преодолевать на этом пути. Описаны уровни социологического образования: подготовка студентов на первой ступени высшего образования, подготовка магистров, а затем и подготовка кандидатов наук. Делается вывод, что социологическое образование в Беларуси можно считать состоявшимся,

хотя и раньше и сейчас остается немало нерешенных проблем его развития.

Ключевые слова: *социологическое образование, Белорусский государственный университет, Давидюк, высшее профессиональное образование*

История собственно социологического образования в Беларуси не слишком длинная. Она началась в советское время, когда в силу разных идеологических, управленческих и других причин партийное руководство СССР пришло к выводу о необходимости развития в стране социологии. Были изданы соответствующие постановления, позволившие открыть социологические подразделения в нескольких регионах страны, включая и Беларусь. Здесь в

1967 году в БГУ была открыта Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований, которая по праву стала «колыбелью социологической науки в республике» [1]. Именно в рамках этой лаборатории на государственной основе университета стала осуществляться практическая подготовка кадров социологов-профессионалов.

Хотя образование данного социологического подразделения стало возможным благодаря упомянутым партийным решениям, непосредственно ее создание связано с именем профессора Г. П. Давидюка, по праву считающимся основоположником белорусской социологии и социологического образования. Еще до создания лаборатории Г. П. Давидюк предпринимал шаги по пропаганде социологии, искал единомышленников, которых и привлек к работе в лаборатории, как только она была создана. Именно благодаря тому, что Г.П.Давидюк обладал талантом организатора и имел к тому времени большой жизненный опыт, он сумел превратить ПНИЛСИ в большое социологическое подразделение университета, которое стало главным социологическим научным центром в Беларуси. Изданные Г. П. Давидюком чуть позже книги по социологии стали настольной литературой для тех, кто хотел стать социологом на практике [2; 3].

Поскольку дипломированных социологов в период создания лаборатории не существовало, первоначально членами лаборатории становились люди с разным типом образования, которые постепенно овладевали необходимыми знаниями. В их профессиональной подготовке

огромную роль сыграл С.А. Шавель, который тогда работал в БГУ. Проводимые им научные семинары позволили не только повысить уровень социологических знаний, но и применяли полученные знания в практике эмпирических исследований. В лаборатории шло практическое формирование и осознание той профессиональной роли социологической науки, которая позднее была описана в монографии С.А. Шавеля как «миссия социологии» [4].

Члены лаборатории участвовали в проведении эмпирических социологических исследований по самым разным направлениям исследований, заказы на которые поступали через государственные органы и отдельные предприятия (например, составление планов социального развития). Поскольку еще не была поставлена задача подготовки студентов-социологов, обучение сфокусировалось на постижении знаний, навыков и умений профессии в ходе практического проведения исследований.

Однако Г. П. Давидюк стремился открыть обучение социологии на уровне студентов. В 1974 году ему удалось добиться от руководства БГУ введения специализации по прикладной социологии для части выпускников отделения философии истфака БГУ, которые изучали азы социологии на последних курсах вузовской программы. Хотя выпусков социологов было немного, они сыграли значительную роль в становлении корпуса будущих белорусских профессорско-преподавательских кадров республики. Из каждого выпуска в последующие годы вышли кандидаты и доктора наук (С. П. Винокурова, С. В. Лапина, М. Ю. Тенянка), многие из этих выпускников преподавали в БГУ, непосредственно участвуя в передаче знаний молодому поколению социологов (Ж. М. Грищенко, Л. Г. Титаренко). С 1989 года, после открытия в БГУ философско-экономического факультета с отделением социологии как его составной части подготовка социологических кадров (включая педагогические) усилилась. В этом процессе большую роль сыграл А.Н. Елсуков, который стал первым деканом нового факультета и основателем кафедры социологии [5]. Успешное развитие социологического образования имеет уже немалую для независимой Беларуси историю и связано главным образом именно с периодом после 1991 года. К настоящему времени, т.е. за 35 лет существования кафедры социологии, она выпустила огромное количество специалистов, составивших основу персонала Института социологии НАН Беларуси, Центра социологических и политических исследований БГУ, ряда других социологических подразделений в республике, а также пополнивших родственные кафедры белорусских вузов

(к сожалению, кафедра социологии существует только в БГУ, а в остальных вузах социологи работают на различных кафедрах социально-гуманитарного профиля совместно со специалистами других специальностей). На протяжении многих лет курс социологии был обязательным для студентов всех факультетов вузов республики, что способствовало росту общего уровня социологического образования выпускников всех специальностей.

БГУ сохраняет свою уникальную для республики роль флагамена в белорусском социологическом образовании. Это единственный университет, где ведется подготовка социологов не только на двух уровнях высшего образования (первой ступени с четырьмя годами обучения и второй ступени с годичным обучением), но и осуществляется вузовская подготовка кандидатов и докторов наук по социологическим дисциплинам. При БГУ функционирует единственный в Беларуси совет по защитах диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук. Здесь же был создан и продолжает издаваться единственный в республике специализированный журнал по социологии, главным редактором которого является нынешний заведующий кафедрой социологии А. Н. Данилов. За годы существования кафедра выпустила значительное число молодых специалистов с социологической степенью, тем самым создавая условия для планомерной замены первого поколения социологов новыми достойными кадрами.

Конечно, в социологическом образовании есть и старые нерешенные проблемы, связанные со снижением роли социологии в социальном управлении обществом, отождествлением социологии с массовыми опросами, и новые, обусловленные снижением уровня подготовки молодежи к обучению в вузе и падением мотивации молодежи к научной работе. Однако эти проблемы неизбежны в любой образовательной деятельности. Пока белорусские социологи будут отвечать на новые «глобальные вызовы» обществу, они будут ему нужны, как сохранит свою необходимость и социологическое образование.

Библиографические ссылки

1. История структур / История института [Электронный ресурс]. URL: <https://socio.bas-net.by/institute/history> (дата обращения: 05.10.2024).
2. Давидюк Г. П. Введение в прикладную социологию. Минск: Высшэйшая школа; 1975. 199 с.

3. Давидюк Г. П. Прикладная социология. Минск: Вышэйшая школа; 1979. 219 с.
4. Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск: Беларуская навука; 2010. 404 с.
5. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. Минск: Белорусский государственный университет, 2014. 230 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИИ

И.В. Лашук

*Учреждение образования «Белорусский государственный экономический
университет»,*

пр. Партизанский 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь

lashuk@bseu.by

В статье обосновывается необходимость создания онлайн панели для повышения эффективности взаимодействия государства и гражданского общества в современных условиях цифровизации. Отмечается, что для современной социологии все большую актуальность приобретает использование компьютерных технологий в процессе сбора первичной социологической информации. На основе изучения международного опыта проведения онлайн социологических исследований автор предлагает собственную, математически рассчитанную социально-демографическую модель экспериментальной онлайн панели в Беларуси. Применение данной разработки даст возможность проводить исследования, репрезентативные относительно взрослого населения Республики Беларусь по таким характеристикам, как пол, возраст, регион проживания и тип населенного пункта.

Ключевые слова: *онлайн панель; цифровизация; коммуникация «общество-государство».*

Эффективность взаимодействия государства и гражданского общества строится в Республике Беларусь на основе диалоговой коммуникации, важным механизмом которой является изучение общественного мнения посредством проведения социологических исследований. Существующие традиционные методы офлайн эмпирической социологии уже не справляются с задачами обработки и анализа изменений в общественном развитии с учетом цифровизации во всех сферах жизнедеятельности общества. Для современной социологии все большую актуальность

приобретает использование компьютерных технологий в процессе сбора первичной социологической информации.

В социологической литературе обсуждаются как преимущества, так и недостатки онлайн исследований.

Автор Терещенко О. В. отмечает следующие преимущества онлайн исследований:

- интернет позволяет исследовать данные, полученные из разнообразных, в том числе, постоянно обновляющихся источников информации, интегрируя результаты исследований с процессами принятия решений. Как следствие повышается эффективность взаимодействия власти и общества;

- сокращение материальных затрат позволяет увеличить объем выборки до нескольких тысяч и даже десятков тысяч человек, что повышает точность статистических выводов за счет снижения величины случайной ошибки измерения;

- в онлайн опросе можно оперативно, с минимальными затратами редактировать инструментарий в соответствии с результатами пилотажного исследования, обнаружить и исправить недостатки анкеты даже после начала полевого этапа;

- в виртуальной среде меняется характер общения между исследователем и респондентом. В интернете респондент находится в естественном для него окружении, а отсутствие непосредственного контакта с исследователем снижает влияние интервьюера (анкетера) на респондента, что уменьшает вероятность социально одобряемых ответов;

- анонимность контактов в режиме онлайн позволяет на открытые вопросы получить развернутые и детализированные ответы, обсудить деликатные темы. Наполненность открытых ответов в онлайн опросах выше традиционных в среднем на 50%, а максимальное значение отличается в разы;

- респондент может принять участие в онлайн опросе в любое время суток, в любой день недели. Снижение психологического дискомфорта стимулирует его интерес к опросу, формирует положительное отношение к участию в исследованиях;

- автоматизация повышает надежность оперативного контроля действий респондента – не допускает логически противоречивых ответов, пропусков обязательных для ответа вопросов, ввода текстовых значений вместо числовых, чисел, выходящих за рамки указанного диапазона и др.

- автоматическое формирование ответов в массив данных, готовый к анализу с помощью статистических методов, уменьшает число неизбежных при ручном вводе ошибок;

- интернет позволяет оформить анкету с помощью средств компьютерной графики, анимации, установить обратную связь с респондентами непосредственно после прохождения опроса [0, с. 61].

Существуют международный опыт применения онлайн опросов. Так, «ВЦИОМ-Онлайн» — это инновационная разработка ВЦИОМ, которая представляет собой панель, основанную на вероятностной выборке. В ней участвует более 88 000 россиян со всей страны, они рекрутируются в ходе телефонных опросов по случайной выборке. Интернет-панель «ВЦИОМ-ОНЛАЙН» позволяет клиентам проводить опросы по репрезентативной всероссийской выборке [2].

Онлайн-опросы проводит также Исследовательская панель НАФИ. География исследований — вся Россия. Рекрут ведется постоянно, что обеспечивает высокое качество данных опросов и исключает профессионализацию респондентов. Чтобы была возможность проводить онлайн-исследования по репрезентативной выборке, обеспечивается случайный (вероятностный) отбор респондентов как на этапе формирования панели, так и при рассылке приглашений к участию в опросе. В месяц рекрутируется до 10 000 новых участников, используя разнообразные каналы [3].

Белорусские социологи также активно работают над развитием онлайн исследований, однако панели, позволяющей изучать общественное мнение, на данный момент не разработано. В этой связи актуальным представляется создание экспериментальной онлайн панели. Рассмотрим далее необходимые объем и структуру генеральной и выборочной онлайн совокупностей в Беларуси. По данным переписи населения 2019 года численность взрослого населения (18 лет и старше), постоянно проживающего на территории Республики Беларусь, составляет 7729489 человек [4]. Данное количество представляет собой генеральную совокупность онлайн панели.

Отметим, что основная претензия к онлайн исследованиям заключается в том, что они охватывают только интернет-пользователей. В соответствии со статистическими данными в Беларуси в 2022 году интернет-пользователями являлись 89,5% населения (в 2016 году — 71,1%), в том числе 87,9% из них пользуются Глобальной сетью ежедневно и только около 6% не менее одного раза в неделю или от случая к случаю [5].

Для расчета объема выборочной совокупности используем формулу 1.

$$n = \frac{t_{1-\frac{\alpha}{2}}^2 w(1-w)N}{\Delta^2 N + t_{1-\frac{\alpha}{2}}^2 w(1-w)} \quad (1)$$

где используются следующие обозначения:

n – объем выборочной совокупности;

Δ – величина предельной ошибки выборки;

N – объем генеральной совокупности;

w – доля положительного значения признака. В связи с отсутствием данных по другим исследованиям, в расчетах заложена максимизация дисперсии, которая достигается при значении 0,5;

$t_{1-\alpha/2}$ – значение t-критерия Стьюдента.

Рассчитаем по данной формуле необходимый объем выборочной совокупности для обозначенной генеральной при предельной ошибке 0,03 и, соответственно, значении t-критерия Стьюдента, равного 2,17 (по таблице распределения Стьюдента). В результате получаем значение необходимого объема выборочной совокупности, равного 1308 человек. В опросах общественного мнения в Беларуси чаще всего используется минимальный объем в количестве 1500 человек (с учетом возможных отклонений от генеральной совокупности).

Для обеспечения возможности проводить онлайн исследования по репрезентативной выборке, необходимо обеспечить случайный (вероятностный) отбор респондентов на этапе формирования панели. Для этого используем методику механического (систематического) отбора и рассчитаем шаг, равный частному между генеральной и выборочной совокупностями. Объем генеральной совокупности равен, как было указано ранее, 7729489 человек, выборочной совокупности – 1500 человек. Получаем значение 5153. Иными словами, опрашивая каждого 5153 взрослого жителя Беларуси, получим 1500 человек при условии, что каждый из отобранных респондентов входит в экспериментальную панель и выражает согласие участвовать в исследовании. На практике это не представляется возможным.

Анализ особенностей предыдущих социологических исследований, проводимых офлайн, показывает, что доля отказов от участия в проведении

стандартизированного интервью и/или заполнения анкеты составляет в среднем 32,3% от тех, кому предлагалось пройти опрос. Следует также учесть необходимость ротации респондентов (один человек может участвовать не более, чем в четырех исследованиях в определенный временной промежуток). В результате, к рассчитанному шагу надо прибавить минимум 72,3% (отказы+ротация). В результате минимальный объем панели составит 18602 при условии, что процент отказов в онлайн и офлайн исследованиях будет совпадать. В сфере онлайн опросов при этом встречаются недобросовестные респонденты, которые ради денежного вознаграждения указывают ложные данные о себе. Следует использовать вопросы-ловушки, телефонные проверки, верификацию личных данных, что приведет к «чистке» недобросовестных панелистов и, соответственно, уменьшит количество респондентов в панели. Проверка эмпирического замера с высокой вероятностью еще прибавит около 15,5% к объему панели с целью получения валидных и достоверных данных. В результате для создания экспериментальной онлайн панели необходимо 30000 участников с перспективой дальнейшего расширения.

Рассчитаем далее структуру экспериментальной онлайн панели по основным социально-демографическим и территориальным признакам. Структура генеральной совокупности (взрослое населения Республики Беларусь) по полу и возрасту представлена в таблице 1 (по результатам переписи населения 2019 года) (см. табл. 1) **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Таблица 1 – Структура генеральной совокупности по полу и возрасту, %

	Мужчины	Женщины
18-29лет	20,7	16,7
30-49 лет	39,7	34,3
50 и старше	39,6	49,0
Итого	100,0	100,0

Рассчитаем соответственно структуру экспериментальной онлайн панели по полу и возрасту (см. табл. 2).

Таблица 2 – Структура экспериментальной онлайн панели по полу и возрасту, количество человек

	Мужчины	Женщины
18-29лет	2803	2746

30-49 лет	5368	5657
50 и старше	5359	8067
Итого	13530	16470

Структура генеральной совокупности и онлайн панели по региону проживания и типу населенного пункта представлена в таблицах 3, 4. (см. табл. 3,4).

Таблица 3 – Структура генеральной совокупности и онлайн панели по региону проживания, количество человек

	Генеральная совокупность	Онлайн панель
Брестская область	1083661	4206
Витебская область	953264	3700
Гомельская область	1130408	4387
Гродненская область	834951	3241
г. Минск	1677985	6513
Минская область	1204537	4675
Могилевская область	844683	3278
Итого	7729489	30000

Таблица 4 – Структура генеральной совокупности и онлайн панели по типу населенного пункта, количество человек

	Генеральная совокупность	Онлайн панель
Городское население	5959991	23132
Сельское население	1769498	6868
Итого	7729489	30000

Применение полученной экспериментальной онлайн панели в эмпирических даст возможность проводить исследования, репрезентативные относительно взрослого населения Республики Беларусь по таким характеристикам, как: пол, возраст, регион проживания и тип населенного пункта.

Библиографические ссылки

1. Терещенко, О. В. Перспективы количественной методологии / О. В. Терещенко // Социология. – 2011. – С. 55–67.
2. Вероятностная интернет-панель «ВЦИОМ-Онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ok.wciom.ru/research/online-panel>. – Дата доступа: 06.03.2024

3. Онлайн-опросы. Исследовательская панель НАФИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nafi.ru/method/panel-tet-o-tvet-vserossiyskie-onlayn-oprosy/>. – Дата доступа: 06.03.2024

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь // Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://census.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 27.03.2023.

5. Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/publ_compilation/index_39954/. – Дата доступа: 08.12.2023.7.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

В.К. Щербин

*Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая 1, 220072, Минск, Беларусь
shcherbin5353@mail.ru*

В докладе рассмотрены результаты исследований представителей современной социогуманитарной науки и образования по проблеме понимания и ее разновидностям (проблеме «понимание-объяснение», проблеме «понимание-знание», проблеме «понимание-мировоззрение» и др.). Определяется значение успешного решения данной проблемы для развития социогуманитарной науки и образования. Обосновывается вывод, что без учета фактора понимания (совокупности знаний, наработанных разными социогуманитарными дисциплинами по проблеме понимания и ее разновидностям) невозможен интеллектуальный прорыв в социально-экономическом развитии человечества.

Ключевые слова: *проблема понимания, проблема «понимание-объяснение», проблема «понимание-знание», проблема «понимание-мировоззрение», социогуманитарная наука и образование.*

Наш доклад считаем целесообразным начать с известных нам определений понятия «понимание». Так, в Большой Российской Энциклопедии содержание данного понятия определяется следующим образом: **ПОНИМАНИЕ** – это «уразумение смысла или значения чего-либо; универсальная способность человека, связанная с усвоением нового

содержания, включением его в систему устоявшихся представлений; категория эпистемологии и философии науки, обычно противопоставляемая *объяснению* в контексте различия наук о природе и наук о культуре. В русском языке выделяются два основных значения понимания: понимание-знание (уяснить смысл чего-либо) и понимание-истолкование (т.е. интерпретация и оценка)» [15, с. 117].

Более узкое определение указанного понятия приводится в энциклопедии по социологии: «**ПОНИМАНИЕ** – процедура постижения или порождения смысла. Понимание не вписывается в субъект-объектную познавательную схему, так как не познание порождает потребность в понимании, а, наоборот, потребность в понимании ведет к познанию» [1, с. 755].

Наконец, предельно конкретное определение рассматриваемого понятия представлено в словаре по психологии: «**ПОНИМАНИЕ** – форма мышления, основанная на выявлении существенных признаков предметов окружающей действительности и установлении на этой основе взаимосвязи того или иного предмета или явления с другими предметами или явлениями. Осуществляется, как правило, посредством символического моделирования в речи» [7, с. 434].

В свою очередь, суть самой проблемы понимания российский философ В.П. Филатов описывает следующим образом: «В общественных науках, изучающих социальные действия людей и их результаты, проблема понимания связана с тем, что в своих действиях люди руководствуются мотивами, целями и ценностями, т.е. придают им субъективный смысл, который должен учитывать социолог, этнограф, экономист при объяснении этих действий» [15, с. 118].

По мнению В.Л. Абушенко, наиболее активно проблема понимания сегодня «разрабатывается в различных версиях «понимающей» науки (прежде всего психологии и социологии)» [1, с. 756], а также, добавим от себя, в рамках философии науки [16, с. 717-718]. В частности, как свидетельствует В.Л. Абушенко, «с самого начала в исследовательскую программу понимающей социологии были заложены все основные (в последующем развернутые) версии понимания, но все они сходились в том, что лишь понимание может обеспечить доступ к основам («истокам») социальных феноменов [2, с. 757]. В.Л. Абушенко детально проанализировал три наиболее известные концепции понимания, разработанные Максом Вебером, Георгом Зиммелем и Вильгельмом Дильтеем. В частности, в заслугу М. Веберу он поставил обоснование «стратегии целерационального действия как наиболее полно выявляющей

смысловую основу социальной реальности. Остальные стратегии социального действия рассматриваются как отклоняющиеся от этой «идеальной» модели и «затемняющие» смыслы (убывание рациональности в действии суть одновременно уменьшение возможности понимания)» [2, с. 757].

Г. Зиммель в своей концепции, по мнению В.Л. Абушенко, «предвосхитил последующую универсализацию понимания как специфического отношения человека к действительности, способа «здесь-и-теперь» бытия, с одной стороны, и возможность его истолкования как универсальной метапознавательной практики – с другой. Тем самым понимание можно рассматривать и как основное событие человеческой жизни, как отношение одного духа к другому, как способ перемещения из одного культурного мира в другой, и как универсальный способ «критики самоочевидностей», «внесение» в познание субъективной компоненты (но и одновременного контроля за ней), подключения в познание «практически направленного интереса» [2, с. 757].

В концепции В. Дильтея, считает В.Л. Абушенко, «можно обнаружить три версии понимания: 1) как непосредственного усмотрения «внутренним взором» (в интроспекции) «конечной реальности» человеческой жизни; 2) как познание-переживание другого во внутреннем опыте через данные извне знаки; 3) как развертывания самопонимания через расширение жизненных контекстов и их постоянное переистолкование (переинтерпретацию), фиксируемое средствами языка в определенных текстах» [2, с. 757-758].

Указанные концепции понимания М. Вебера, Г. Зиммеля и В. Дильтея, на наш взгляд, образуют своего рода концептуальную рамку для рассмотрения и оценки существующих подходов к решению проблемы понимания и ее разновидностей (проблемы «понимание-объяснение», проблемы «понимание-знание», проблемы «понимание-мировоззрение» и др.), в том числе в научной и учебной литературе по социогуманитарным наукам.

Начать рассмотрение указанных подходов имеет смысл с давно обозначившейся в рамках философии науки **проблемы «понимание-объяснение»**. Еще немецкий философ, психолог и историк культуры Вильгельм Дильтей отграничивал гуманитарное понимание от естественнонаучного объяснения: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» [3, с. 53]. Сохраняется эта дифференциация когнитивных процессов объяснения и понимания и в современной учебной

и справочной литературе по философии науки. В частности, авторы учебного пособия для вузов «Философия науки» под ред. С.А. Лебедева (М., 2004) разграничивают указанные процессы следующим образом:

«Объяснение – главная познавательная операция всех естественных наук ..., заключающаяся в том, что любое природное явление, его свойства, изменения и пр. трактуются как прямое следствие «слепо» действующих материальных причинных взаимодействий в соответствии с определенными законами природы» [16, с. 717].

В свою очередь, «понимание – главная познавательная операция гуманитарных наук, вытекающая из того, что любой материализованный продукт человеческой деятельности рассматривается как воплощающий в себе определенный замысел, цель его создателя; в таком случае «понять что-то» - значит проникнуть в смысл произведенного человеком, ответить на вопросы «зачем?», «для чего?» оно сделано, какую функцию выполняет, какую реализует в себе ценность и т.д.» [16, с. 718].

Более тесно связывает понимание и объяснение друг с другом французский философ Поль Рикёр: «...понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание. Это двойное соотношение может быть резюмировано с помощью девиза, который я люблю провозглашать: больше объяснять, чтобы лучше понимать» [12, с. 9]. Приведенные выше слова П. Рикёра, на наш взгляд, самым коротким путем связывают две стороны одной общей проблемы «понимание-объяснение», которая постоянно возникает, к примеру, между читателем и текстом, между студентом и учебником. Поскольку текст читают, чтобы овладеть его содержанием, а «чего не понимают, тем не владеют», как справедливо заметил немецкий поэт И.В. Гёте.

Далее, для *социологии знания* актуальной является **проблема «понимание-знание»**. Возникновение данной проблемы обусловлено наличием антиномических отношений между понятиями «понимание» и «знание», которые подробно описаны в книге афоризмов и крылатых фраз «Дацзыбао», составленной по материалам публикаций известного российского философа и социолога А.А. Зиновьева. Приведем, в качестве примеров несколько афоризмов из указанной книги: *«Знание фактов само по себе еще не дает понимания; Можно знать всё, не понимая ничего. И можно на основе скупой информации понять многое; Лучшие учиться понимать, чем копить знания. Знать надо необходимый минимум, понимать же надо максимально много. Знание пассивно. Понимание активно. Знание – то, что добыто другими. Понимание – то, что ты*

добываешь сам. Знание есть обладание, понимание, созидание. Понимание есть способность приобретать знания в случае надобности и освобождать голову от них после использования их; <...> Главное в социологии я вижу не в открытии каких-то никому не известных тайн, а в «повороте мозгов», в понимании обычных, очевидных явлений, которые лежат на поверхности. Для настоящего социологического ума никаких информационных тайн нет. Тайна – в нашей способности открывать социальные законы, наблюдая очевидные, очень простые вещи. Ум требуется для того, чтобы обнаружить роль этих простых вещей и привести это в систему» [4, с. 33, 35-36].

О глобальном характере проблемы «понимание-знание» косвенно свидетельствует то, что над ее решением сегодня работают представители самых разных наук. В частности, известный российский математик, академик РАН Никита Моисеев указывает на тесную взаимосвязь, существующую между понятиями «знание» и «миропонимание»: «...наше миропонимание ... эволюционирует, развивается вместе с развитием наших знаний» [8, с. 17].

В свою очередь, философ Анастасия Федина считает, что «у человечества, ограничившегося констатацией знания и отказавшегося в методологии научного анализа от фактора понимания, нет будущего, поскольку ни пророки, ни политики, ни гуманитарии будущим нисколько не обеспокоены: их цель объяснить настоящее как мешающее или благоприятствующее достижению целей, как правило, не поддающихся никакому логическому анализу. Понимающий в отличие от знающего несёт ответственность за свой прогноз, и его не устроят цели типа «права геев», или «демократизация в отдельно взятой стране». Его интересует, что произойдет с сообществом людей, реализовавших подобные цели, есть ли у такого сообщества будущее?» [14, с. 12].

Наконец, по мнению английского писателя Лоуренса Норфолка, в рассматриваемой проблеме «понимание-знание» обе понятийные части равноценны: «За незнание, за непонимание всех последствий и за безответственность надо платить» [10, с. 10]. Яркой иллюстрацией обоснованности данного вывода стали слова российского социолога Нины Наумовой об опыте использования советскими социологами знаний, наработанных в рамках американской социологии: «Та реальность, которую изучает американская социология, - наиболее далекая от нас социальная реальность, это становится все яснее. <...> Независимо от того, понимали мы это или нет, та схема, которую мы осваивали и впитывали в себя, не

давала возможности разобраться в том обществе, в котором живем. Она была к этому мало пригодна и не очень эффективна. Получилось так, что мы начали развивать социологию, усиленно работать, имея в руках в общем не очень пригодный инструмент. <...> У нас другая цивилизация, в самом фундаменте – другое. Теперь-то мы все это чувствуем. <...> Многие пытаются сейчас представить дело таким образом, что главная проблема тогда была – это чтобы тебе разрешили и напечатали. Главная же проблема – понять истину, прежде чем обращаться в издательства. Ее же надо найти, то есть провести огромную системную эмпирическую работу, понять, как устроена изучаемая система и дать объективное, безоценочное ее описание. Не было таких разработок. <...> Не интересовало это нас. ... наши социологи избрали своим направлением социальную критику - и все» [9, с. 305, 306, 308-309].

Еще одной разновидностью проблемы понимания является **проблема «понимание-мировоззрение»**. Ее формирование обусловлено сближением в работах отдельных ученых двух достаточно разных понятий «мировоззрение» и «миропонимание». Так, если «современные философы пытаются изменить мир, (то) для Лема ... главное – мир понять» [17, с. 156]. В этом стремлении С. Лем не одинок. Российский биолог Евгений Панов в своей книге «Человек – созидатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации» (2017) придерживается следующей точки зрения: «...то, что можно рассматривать в качестве мировоззрения..., я здесь предпочел назвать пониманием» [11, с. 219]. Сближает понятия «мировоззрение» и «миропонимание» и академик Никита Моисеев: «Формирование мировоззренческих универсалий, выработка миропонимания, помогающего людям выживать в критических ситуациях, и утверждение их в сознании людей представляется в современных условиях важнейшей задачей цивилизации XXI века» [8, с. 17].

О важности научного понимания мира, в основе которого лежат мировоззренческие универсалии, писал также академик РАН Вячеслав Степин: «Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта. ... В реальной жизни культуры они выступают не только как формы рационального мышления, но и как категориальные формы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание» [13, с. 61-62].

Еще один академик РАН, Андрей Кокошин, считает, что «любой современный образованный, культурный человек должен понимать, в каком мире он продолжает жить, смотреть в лицо реальности» [6, с. 448].

Кроме многочисленных работ по проблеме понимания и ее разновидностям, в научной и учебной литературе по социогуманитарным наукам широко представлены описания результатов изучения отдельных аспектов проблемы понимания, а именно понимание проблем управления, материалистическое понимание истории, понимание научных мегапроектов, понимание рисков, понимание человеческих потребностей и др.

Выводы

Проведенное на материале современной социогуманитарной науки и образования исследование проблемы понимания и ее разновидностей, а также отдельных аспектов проблемы понимания позволяет сделать следующие выводы:

1. Значение проблемы понимания определяется тем вниманием, которое уделяется её изучению представителями целого ряда социогуманитарных дисциплин (исторической социологии, когнитивной социологии, культурологии, менеджмента, науковедения, описательной психологии, понимающей социологии, социологии знания, социологии конфликтов, социологии науки, социологии понимания, социологии риска, социологии управления, политологии, филологии, философии науки, экономической социологии).

2. К настоящему времени достаточно хорошо изучены и описаны такие разновидности проблемы понимания, как проблема «понимание-объяснение», проблема «понимание-знание», проблема «понимание-мировоззрение», а также отдельные аспекты проблемы понимания, а именно понимание проблем управления, материалистическое понимание истории, понимание научных мегапроектов, понимание рисков, понимание человеческих потребностей и др.

3. Совокупность знаний, наработанных разными социогуманитарными дисциплинами по проблеме понимания и ее разновидностям, получила в работах академика А.А. Зиновьева обобщающее название «фактор понимания», без учета которого «рассчитывать на какой-то интеллектуальный взлет в обозримом будущем бессмысленно» [5, с. 391].

Библиографические ссылки

1. Абушенко В.Л. Понимание // Социология: Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов. В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003а. С. 755-757.
2. Абушенко В.Л. Понимающая социология // Социология: Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов. В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003б. С. 757-758.
3. Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. – М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
4. Зиновьев А.А. Дацзыбао (афоризмы и крылатые фразы) /Ред.-сост.: О.М. Зиновьева, А.С. Блинов, Л.В. Поляков, Ю.Н. Солодухин. – М.: Биографический институт Александра Зиновьева; Издательский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2023а. 200 с.
5. Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Издательский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2023б. 392 с.
6. Кокошин А.А. Опыт взаимодействия гуманитарного, естественно-научного и инженерного знания в исследовании проблем стратегической стабильности в мировой политике (На примере отработки стратегии «асимметричного ответа» на СОИ Президента США Р. Рейгана) // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993-2013): в 3 т. Т. 1. – СПб.: СПбГУП, 2013. С. 447-461.
7. Кондаков И.М. Психология: Иллюстрированный словарь. 2-е изд. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 783 с.
8. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. 198 с.
9. Наумова Н.Ф. «Мне трижды повезло» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах /Отв. ред. Г.С. Батыгин. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 301-316.
10. Норфолк Л. Словарь Ламприера: Роман /пер. с англ. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 784 с.
11. Панов Е.Н. Человек – созидатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 634 с.
12. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. – М.: АО «КАМІ»; Издательский центр «Academia», 1995. 160 с.
13. Стёпин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
14. Федина А. От фактора понимания к сохранению феномена жизни на Земле // Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Издательский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2023. С. 12-14.
15. Филатов В.П. Понимание // Большая Российская Энциклопедия: в 35 т. Т. 27. – М.: БРЭ, 2014. С. 117-118.

16. Философия науки: Общий курс: учебное пособие для вузов / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект; Трикста, 2004. 734 с.
17. Язневич В.И. Станислав Лем. – Мн.: Книжный Дом, 2014. 448 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОВЕРКИ ГИПОТЕЗ В ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.К. Сугак

*заведующий сектором «Белорусско-Китайский исследовательский центр “Один пояс –
Один путь”» Центра системного анализа и стратегических исследований НАН*

Беларуси

Академическая улица, 1, 220072, Минск, Беларусь

brainlevel@gmail.com

Рассматриваются вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта в социологии. Отмечается, что для социологических целей основными прикладными технологиями могут служить обработка текста (NLP, NER), изображений видео (CV), голоса (text2speech). Выделены препятствия для внедрения машинного обучения в социологию. Определены новые направления социологических исследований в сфере взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *социология; искусственный интеллект; машинное обучение; технологии; социологические исследования.*

Для исследователей пока не устоялось мнение считать ли искусственный интеллект (далее — ИИ) мнимым или реальным конструктом для социологии. Многие считают, что поскольку такие явления, как корабли или электричество не привели к созданию «корабельной социальности» или «электрической социальности», то и об «искусственной социальности» не должно быть и речи [1, 2]. С другой стороны, текущие решения ИИ диффузионно проникают во все сферы жизни людей, и уже с трудом можно найти области жизнедеятельности человека, где бы не были использованы инструменты ИИ.

В этой связи необходимо определиться с критериями того, насколько технологии ИИ смогут преобразить социально-экономическую сферу, то есть происходит при этом не только количественные, но и качественные

изменения. Ранее в экономической сфере термины «технологии общего назначения» (ТОН) были введены Ричардом Липси и Кеннет Карлоу. Они отметили в своем труде, что в истории существовало только 24 технологии, которые можно классифицировать как ТОН, и это технологии, которые могут повлиять на всю экономику и обладают потенциалом кардинально изменить общество благодаря своему влиянию на ранее существовавшие экономические и социальные структуры.

ТОН должны подпадать под следующие выведенные критерии: 1) явление как единая, отдельно узнаваемая оригинальная технология; 2) явление изначально имеет большой потенциал для улучшения, возможности для распространения, а также использования в экономической жизни; 3) явление имеет множество разных применений; 4) явление создает множество побочных (дополнительных) эффектов.

Таким образом, споры и дискуссию о наличии «искусственной социальности» от внедрения ИИ можно свести к оценке критериев и степени количественных и качественных изменений благодаря диффузии всех технологий под зонтичным термином ИИ в социально-экономическую сферу.

Для социологических целей основными прикладными технологиями могут служить обработка текста (NLP, NER), изображений и видео (CV), голоса (text2speech). Так, например, обработка больших данных из опросов может выявлять множество гипотез и формировать сценарии исследований, разделять группы людей по смыслам, темам и кластерам, проводить классификацию, сентимент анализ, выделять сущности из текстов в виде персоналий, организаций, цифровых данных и ключевых слов. ИИ делает возможным проведение контент анализа на предмет смысловой близости контента разных групп пользователей друг к другу.

Голосовые преобразования позволяют свести звуковые данные к тексту и проделать те же операции как с текстом, а также, помимо этого, выделить разные характеристики голоса, пол, настроение говорящего, что расширяет возможности для анализа ответов респондентов, интервью, динамической подстройки опроса к респонденту.

Анализ изображений и видеопотока позволяет определить настроение, паттерны поведения, другую мета информацию, которая может иметь существенное влияние на подтверждение гипотез и формирование новых.

Это открывает как возможности, так и создает социальные риски. Так в письме, подписанным более чем тремя тысячами независимыми исследователями, включая инженеров и исследователей Google, Microsoft,

Tesla, Apple и профессоров из многочисленных университетов – Йельского, Оксфордского, Гарвардского, Кембриджского, Стэнфордского, Массачусетского технологического, было обращено внимание на то, что технологии ИИ не только облегчают жизнь людям, но и создают риски и если не контролировать разработку и использование технологий ИИ, то это может иметь негативные последствия и «запустить глубокие изменения в истории жизни на Земле».

Существуют также препятствия для внедрения машинного обучения в социологию, среди которых можно выделить следующие: 1) социологи долгое время демонстрировали сильное сопротивление к ИИ как к методу для применения в общественных науках; 2) в целом, социологи считают, что прогнозы невозможны для изучения социальных проблем, в то время как главная сила приложений ИИ – прогнозировать события; 3) ИИ требует солидную базу статистической подготовки, что является препятствием для многих социологов; 4) междисциплинарный характер сферы ИИ также налагает ограничение на повсеместное и бурное ее развитие; 5) есть предубеждение, что ИИ ограничивается только индуктивными исследованиями, в то время как социология основывается сугубо на гипотезах и дедукции.

Пока не ясно, сделают ли технологии ИИ качественный скачок, чтобы стать технологиями общего назначения, что при этом окажет существенное влияние на социально-экономическое развитие. Для этого технологии ИИ должны развиваться продолжительное время, удовлетворяя описанным выше критериям.

С учетом экспоненциального роста данных и усложнения процессов в обществах, социум вряд ли будет способен решить свои проблемы силой собственного естественного разума, он будет опираться на все более сложные «интеллектуальные» решения. В этой связи, ни человек, ни конкретно социолог не сможет обойтись, либо не «учесть мнение» интеллектуальных систем, агрегирующих и обрабатывающих большие массивы данных.

Для социологов появляются новые вопросы и направления исследований в сфере взаимодействия человека и ИИ, что потребует междисциплинарности, опоры на социотехнические исследования и поиск ответов на ряд актуальных вопросов, среди которых следующие:

Как ИИ может дополнить человеческий интеллект в здравоохранении, образовании, правовой системе, и насколько это будет справедливо для различных заинтересованных сторон?

Кто будет выгодоприобретателем от ИИ-систем, дополняющего человеческий интеллект? Кто при этом остается в стороне и будет страдать из-за дискриминации, санкций, отсутствия или ограничения доступа к ИИ-системам? Может ли быть дискриминация групп населения из-за неграмотности в области использования ИИ?

Кто ответит за ошибки и неправомерные последствия аугментации?

Какой оптимальный уровень доверия должен быть к ИИ-системам, расширяющим человеческие возможности, чтобы избежать ошибок чрезмерного (не)доверия? Какие потери могут быть от чрезмерного (не)доверия?

Как дополненный человеческий интеллект может быть уязвим с точки зрения потери конфиденциальности?

Каковы должны быть когнитивные предпосылки для осуществления «дополненного» человеческого интеллекта? Каковы могут быть когнитивные последствия аугментации для человека?

Имплементация моделей ИИ в практическую деятельность социологов неизбежна, что приведет к дополнению методологий и инструментов, расширению текущей квалификации социологов. Процесс конвергенции ИИ моделей следует осуществлять постепенно и осознанно, взвешивая все плюсы и минусы.

Библиографические ссылки

1. Тавокин Е. П. Искусственность «искусственной социальности» / Е. П. Тавокин // Социологические исследования. – 2019. – № 6.
2. Резаев А. В. Готовы ли социологи к анализу «искусственной реальности»? Проблемы и перспективы исследований искусственного интеллекта в социальных науках // А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – №5. – С. 91–108.
3. Lipsey R. Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth / Richard Lipsey, Carlaw Kenneth I., Bekhar Clifford T. // Oxford University Press. – 2005. – P. 131–218. ISBN 978-0-19-928564-8.

СЕКЦИЯ 1

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИНАНСОВОГО И КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНОЙ СФЕРЫ

С.А. Борейко

*Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси,
Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь
office@center.basnet.by*

В работе представлен анализ уровня финансового и кадрового обеспечения научной сферы Республики Беларусь в сравнении с другими странами Европы. Проведена оценка уровня воспроизводства научных работников высшей квалификации, занятых в экономике страны. Делается вывод об актуальности такого внутреннего источника угроз национальной безопасности республики в научно-технологической сфере как низкая наукоемкость ВВП, сокращающая возможности расширенного воспроизводства научно-технического потенциала, прежде всего, его кадровой составляющей.

Ключевые слова: научно-технологическая сфера; научно-технический потенциал; наукоемкость ВВП; научные работники высшей квалификации

Способность страны создавать собственные нематериальные активы определяется, в том числе, наличием специалистов, обладающих высоким уровнем компетенций. Кадровый потенциал научно-инновационной сферы определяется результативностью работы системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации (включая высшую научную) кадров, функционирующей в единой цепочке «наука – образование – производство». Помимо качественной организации потоков знаний, умений, навыков, творческого потенциала и мотивации работников, использования потенциала научных школ, результативность этой системы определяется также ее ресурсным обеспечением. В этой связи одним из ключевых индикаторов является наукоемкость ВВП, величина которой во многом определяет возможности **расширенного воспроизводства** научно-технического потенциала.

Следует отметить, что, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одним из внутренних источников угроз национальной безопасности в научно-технологической сфере определена «невозможность развития научно-технологического потенциала вследствие низкой наукоемкости ВВП».

В последние три пятилетия в документах государственного прогнозирования к концу каждого планового периода целевой показатель наукоемкости отражается на уровне 2,5 – 3 процента. Тем не менее, его величина в данный период, как правило, находилась в границах 0,5 – 0,6 процента.

По уровню наукоемкости ВВП Беларусь уступает практически всем странам Европы, за исключением отдельных государств Юго-Восточной Европы (Босния, Черногория, Македония, Румыния, Молдова). В странах-лидерах Восточной Европы наукоемкость ВВП составляет: в Чехии – 1,96 процента; в Словакии – 0,98; Венгрии – 1,39 процента. В среднем по странам ЕС – 2,24 процента [1-3].

В странах ЕС и ОЭСР затраты коммерческого сектора на науку выше, чем государственные расходы на эти цели. Тем не менее, доля средств государства в среднем по странам ЕС составляет 0,74 процента от ВВП, тогда как в Беларуси лишь 0,24 процента.

Величина средств, направляемых в научно-инновационную сферу, находится в тесной связи с перспективами ее кадрового обеспечения, в том числе, определяемыми уровнем стимулирования ученых. Так, около 60 процентов затрат в общем объеме затрат на науку составляют расходы на оплату труда (включая отчисления на социальные нужды). Соответственно, при увеличении финансирования науки растет спрос на исследователей, увеличивается оплата их труда, повышается мотивация. Анализ данных международной статистики показывает наличие прямой сильной связи между удельными показателями: чем выше наукоемкость ВВП, тем больше в стране исследователей в расчете на 10 тысяч жителей.

В Беларуси на 10 тыс. населения приходится 18,7 исследователей; в Чехии – 47,0; Словакии – 33,8; Венгрии – 47,2; в среднем по странам ЕС – 46,7 исследователей [4].

Анализ количества занятых в экономике научных работников высшей квалификации (работников, имеющих ученую степень; далее – НРВК) показывает отрицательную динамику: в период 2010-2022 гг. численность НРВК сократилась с 17 040 до 13 711 человек, то есть почти на 20 процентов. Данную ситуацию следует трактовать с двух точек зрения. С

одной стороны, это свидетельствует о количественной оптимизации и повышении интенсивности труда ученых, успешно решающих задачи научного обеспечения отраслей. С другой – сокращение абсолютного числа ученых формирует новый источник угроз, связанный с недостаточностью кадрового ресурса для кумулятивного наращивания усилий на отдельных участках исследовательского фронта, создания своего рода «запаса прочности», а также освоения новых областей научного знания для выхода на прорывные стратегические направления, не имеющие аналогов в мировой практике. При этом возрастная структура белорусских ученых остается неблагоприятной. Исследователи в возрасте 50 лет и старше в 2023 году составляли 34,5 процента от общего числа исследователей, в том числе свыше 60 лет – пятую часть всех исследователей. Пятую часть общего числа исследователей составляют и молодые люди в возрасте до 29 лет.

Тем самым, оптимизация научного сопровождения существующих векторов белорусской специализации должна подкрепляться формированием интеллектуальных заделов для создания технологий и отраслей будущего, что соответствует обновленной Концепции, где «обеспеченность различных сфер деятельности общества и государства научными кадрами» отмечена в качестве одного из основных национальных интересов в научно-технологической сфере.

Выбытие из экономики НРВК выше количества новых специалистов с ученой степенью. За 12 лет прекратили свою деятельность в экономике страны 8,0 тысяч НРВК. В системе подготовки и аттестации в этот период присуждено 4,7 тысяч степеней кандидата наук. Таким образом, уровень замещения выбывших работников с ученой степенью вновь подготовленными специалистами составил менее 60 процентов (таблица 1).

Таблица 1 – Оценка уровня воспроизводства НРВК в 2011-2022 гг.

Показатель	2010	2011-2012	2013-2014	2015-2016	2017-2018	2019-2020	2021-2022	2023
Общая численность НРВК, занятых в экономике на конец периода, чел.	17 040	16 559	15 879	15 640	15 384	14 617	13 711	12 845
Количество выбывших за период из состава НРВК, занятых в экономике	-	1 427	1 579	1 087	1 101	1 354	1 485	1 512

Количество защитивших кандидатские диссертации за период, чел.	-	946	899	848	845	587	579
Уровень воспроизводства НРВК	-	0,66	0,57	0,78	0,77	0,43	0,39

Таким образом, низкая наукоемкость ВВП, сокращающая возможности расширенного воспроизводства научно-технического потенциала, прежде всего, его кадровой составляющей, остается одним из наиболее актуальных источников внутренних угроз национальной безопасности в научно-технологической сфере.

Библиографические ссылки

1. Science, Technology and Innovation: Gross Domestic Expenditure on R&D (GERD), GERD as a Percentage of GDP, GERD per Capita and GERD per Researcher // UNESCO Institute for Statistics Database. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=74> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Gross Domestic Spending on R&D // OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domesticspending-on-r-d.htm#indicator-chart> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Gross Domestic Expenditure on R&D (GERD) // Eurostat: Statistics on Research and Development. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения: 12.10.2024)
4. R&D personnel by sector of performance, professional position and sex // Eurostat: Statistics on Research and Development. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения: 12.10.2024)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

И.И. Бузовский, С.В. Лапина

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул.Московская, 17. 220007 Минск, Беларусь,
post@pac.by, lapina5053@mail.ru*

Рассматриваются вопросы, связанные с профессиональными компетенциями современного руководителя. В их структуре особое место отводится социологическим знаниям. Анализируется место социологии в системе современной науки и образования.

Дается определение понятия «экстрафигуративная культура» как особого феномена современного общества знания, имеющего социокультурный статус. Делается вывод о возможности и необходимости развития научно-образовательной школы в области социологии управления как основы образования современных руководителей-управленцев.

Ключевые слова: *современный руководитель; профессиональные компетенции современного руководителя; научно-образовательные школы; экстрафигуративная культура; социология в системе современного образования; научно-образовательная школа в области социологии управления.*

Академия управления при Президенте Республики Беларусь является ведущим учебным заведением в сфере подготовки руководящих кадров. Среди задач, которые академия призвана решать, одной из приоритетных является выработка критериев, принципов отбора мотивированных, достойных кандидатов для обучения в Академии управления.

Сегодня востребованы эффективные управленцы – люди, способные отвечать вызовам времени, те, кто активно работают, а не просто состоят в резерве, те, кто демонстрируют высокие результаты своей работы, выдвигаются на руководящие должности в стране благодаря своему профессионализму, высоким личным качествам. Именно такой состав как авангард, способный повести за собой, должен стать контингентом обучающихся в Академии управления. На это обратил особое внимание и Глава государства.

Необходимо отметить, что современный руководитель вне принципа «образование – через всю жизнь» не способен отвечать на вызовы времени.

В наши дни актуальным является понимание мотивации будущих управленцев, изучение их ориентаций на работу в статусе госслужащего. Поэтому Академия управления совместно с главным управлением кадровой политики Администрации Президента планирует масштабный социологический опрос целевой аудитории управленческих кадров, а также тех, кто находится в резерве. Нам необходимо узнать их потенциальные ожидания от госслужбы, планы на свое будущее в личностном профессиональном развитии.

Параллельно мы изучаем имеющиеся практики стимулирования и привлечения лучших кадров профессорско-преподавательского состава. Общий посыл заключается в том, что мы стремимся выбрать лучший состав, который может предоставить современные знания, и лучшие кадры, которые могут эти знания применить в вопросах организации

жизнедеятельности и развития государства. Звучит просто, но на самом деле это очень сложный процесс, в котором особое место отводится социологии как науке и практике использования необходимых для современного управленца знаний.

Говоря о знаниях и качествах, необходимых грамотному руководителю, уместно применить модное слово «компетенции». Каждая работа предполагает определенные способности. В распространенном понимании руководитель – это, прежде всего, лидер, способный организовать людей для выполнения конкретной задачи, а не только уровень его личной самоорганизации и самореализации. Для грамотного руководителя необходимы: стратегическое мышление, умение смотреть в будущее, способность разрабатывать планы, которые приведут организацию к долгосрочному успеху. Важнейшим качеством современного руководителя является его стремление к непрерывному приобретению новых знаний и навыков для повышения своей эффективности, адаптации к меняющимся условиям, а также умение работать с людьми, включая мотивацию, развитие и удержание талантов. И когда говорят, «это сделал не я, а коллектив», это и есть высокая оценка организации работы руководителя.[1]

В постоянно расширяющемся полидисциплинарном перечне знаний и компетенций современного руководителя особое место занимает социология, которая в науке приобрела метатеоретический статус, а в практике руководителя является незаменимым управленческим ресурсом для повышения эффективности горизонтальных и вертикальных социальных связей, выстраивающихся в любой сфере социального взаимодействия – в различных отраслях производства, в социальной сфере, в области государственного управления.

В современной науке и связанной с ней системой образования, которые неразрывно связаны в ходе возникновения и развития научно образовательных школ [2], передовые ученые и практики отчетливо понимают роль социологии в этом процессе. Вот почему образовательные программы для состоявшихся руководителей, управленцев, совершенствующих свои знания и навыки в Академии управления, и программы для будущих управленцев включают в свою структуру дисциплины, отвечающие современным вызовам. Их основой является важный для современной науки фактор, суть которого состоит в том, что общим для всех объектов современного научного познания как основы предметно-практической деятельности является включение в их структуру человека вместе со сложной системой социальных взаимосвязей. В связи с

этим есть основания полагать, что главными составляющими современной научно-познавательной активности являются параметры человеческой активности и характеристики социального взаимодействия. То есть те особенности, которые входят в предмет социологии. Именно они способны направить современную научно-познавательную деятельность в русло новаций, позитивно значимых для человека и человечества в целом.

На рубеже XX-XXI веков глобальное человечество вступило в новую фазу своего социального развития, которая сегодня получила вполне определенное название – **общество знания (Knowledge Society or based on knowledge Society)**. Это более точное название сформировавшегося еще в середине XX века информационного общества, в котором технологии создания, трансляции и потребления информации стали играть роль главного фактора социальной динамики.

В определенном смысле создание общества знания явилось ответом на глобальные вызовы, сформировавшиеся в эпоху научно-технической революции. Главным из них, пожалуй, стало глубочайшее разочарование человечества, столкнувшегося с катастрофическими последствиями интеллектуальных новаций. Научно-технический прогресс, являвшийся главным мерилom общественного развития, поставил человечество на грань выживания как биологического вида. Многие склонны считать, что виной этому – гиподинамия в широком смысле, превращающая человека в пассивную часть виртуального мира.

В информационном обществе виртуальная реальность, создаваемая электронными средствами информации, реальность, не имеющая границ, погружающая современного человека в квазиреальность с помощью квазиактивности, стала заменять активность реальную и реальный мир. Так устроены компьютерные программы, задающие стиль действия, стиль активности «компьютерного человека». Метод «тыка» - основной метод познания. Эмпирическая реальность становится в итоге результатом движения, имитируемого «мышью». Логические приемы заменяются поиском нужного «окна», перебором всех предлагаемых программой вариантов действий.

Компьютер – это достижение цивилизации, стал использоваться не только во благо. Как изменить ситуацию? Это актуальный вопрос в современном обществе, создающем, транслирующем и потребляющем знания в огромных объемах.

Думается, что в первых рядах ищущих ответы на этот вызов общества знания, должны идти социологи. Социология способна создать такую

матрицу миропонимания и мироосвоения, в которой главной ценностью является человек как активный творец себя и окружающего мира.

По мнению известного культурантрополога М.Мид в истории человеческого общества сформировались три основных типа социокультурных связей. В основе этой типологии лежит способ передачи информации и социального опыта от поколения к поколению. 1-й тип основан на передаче опыта от старших к младшим (постфигуративная культура), 2-й тип – базируется на обучении сверстников сверстниками (кофигуративная культура), 3-й тип – связан с передачей знаний от младших к старшим (префигуративная культура).

Сегодня человеческая цивилизация пошла дальше. В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского (определения можно множить) типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно обозначить как **«экстрафигуративная культура»**, все одновременно учатся и учат друг друга в условиях **неопределенности и поиска ответов на постоянно возникающие принципиально новые вопросы.**[3]

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге формирующийся тип культуры создает иллюзию причастности как к созданию самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является ее источником. В современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы причастности, сопереживания, на самом деле, являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. На этом фоне некоторые считают возможным говорить о наступлении эпохи «неоязычества», обращенного к образному восприятию мира и растворению в нем человека, потере им так называемой «самости».

Для «неоязычества» характерна нерефлексивность сознания, принижение роли рационально-оценочных компонентов в человеческой

деятельности, и в познавательной, в частности. Это особый, специфический вызов общества знания, идущий от противного. Так происходит не только «виртуализация» окружающего мира, но и «виртуализация» самого человека. Нарушаются механизмы культурной и социальной идентичности – и в итоге формируется неадекватный образ «Я».

Социология, отвечая на этот вызов современного общества, может стать своеобразным «зеркалом», отражающим реальные способности индивидов, позволяющим осуществлять селекцию их скрытых возможностей и определяющим перспективы их реализации в быстро трансформирующемся мире. Социологически образованный индивид должен максимально эффективно реализовать свой «жизненный шанс», становясь активным участником глобальной «социокультурной драмы».

Сложить в какую-то емкость необходимые для жизни сведения невозможно, даже если эта емкость располагает огромными объемами памяти. Человек должен сам осваивать свое жизненное пространство, наращивая собственные знания и умения, должен отслеживать изменения в окружающем его мире, прогнозируя их возможные последствия для него, для его окружения, выбирать оптимальные варианты действия. Он должен не только действовать, чтобы стать человеком разумным, он должен знать, что из этих действий является действительно разумным, а что нет. Субъективно-оценочную информацию, помноженную на объективно-значимый опыт, усиленный логикой (не упрощенной – формальной), а логикой жизни, призвана транслировать социология.

Она способна не только ориентировать человека в информационном потоке, но и может вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими самостоятельно наращивать личный информационный потенциал и реализовывать его в социальной практике, включаясь тем самым в процесс социокультурного творчества. В связи с этим преподавание социологии, включая такой ее важный раздел, как методология и методика социологического познания и социологических исследований, воспринимается как очень существенный аспект образования современного специалиста, особенно – управленца.

Понимание этого необходимо для подготовки высококвалифицированных управленческих кадров, руководителей, способных эффективно решать не только насущные задачи, но и смотреть далеко вперед. С этой целью в Академии управления сформировалась научно-образовательная школа в области социологии управления, которая продолжает развиваться, преодолевая трудности и используя потенциал

белорусской школы социологии как постоянно совершенствующегося институционального образования. [4]

Библиографические ссылки

1. Бузовский, И. И. Формула эффективного руководителя. Интервью ректора Академии управления при Президенте Республики Беларусь Издательскому дому «Звезда» [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://zviazda.by> (дата обращения 05.09.2024 г.).
2. Лапина, С. В. Социальный потенциал инновационной модели научно-образовательных школ в современной белорусской науке // Проблемы управления № 2 2023 г. – Минск : Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С.17-25.
3. Лапина, С. В. Социология против виртуализации современного мира: ответ на вызов информационного общества / С.В. Лапина // Материалы Международной научной конференции «Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития». – Минск, БГУ 4-5 ноября 2009 г. – С. 20-24.
4. Лапина, С. В. Особенности формирования научных школ в социологии / С.В. Лапина // Материалы Международной научно-практической конференции «Социальное знание и белорусское общество. (К 20-летию институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН)». – Минск, ИС НАНБ 3-4 декабря 2009 г. – С.7-10.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.Г. Волнистая

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
mgv22@mail.ru*

Рассматривается проблема качества высшего образования в ракурсе стратегии академического развития университетов (Academic Excellence). Качество высшего образования в данном аспекте исследуется как результат эффективного взаимодействия между преподавателями, студентами и академической образовательной средой обучения в университете. Обоснованы актуальные направления исследований данных процессов в рамках социологии высшего образования.

Ключевые слова: *социология высшего образования, академическое совершенное качество, университет, университетское образование, качество подготовки специалиста.*

Социология высшего образования, являясь отраслевым направлением социологического знания рассматривает университет в структуре социального действия как основной субъект государственно образующей отрасли и осуществляющий реализацию социальной, образовательной, экономической, научной и инновационной политики государства в сфере образования. Динамика развития университетского образования в условиях институциональных трансформаций также является предметом социологии высшего образования. Проблема социологического изучения происходящих институциональных преобразований и трансформаций университетского образования, рассмотрение его в качестве актуального объекта для исследования, связана с необходимостью понимания социальных основ и организационных механизмов академической жизни университета в современных условиях. Такие исследования представляют сегодня большой интерес для специалистов в области управления высшей школой. Социологическое знание необходимо для предупреждения и выявления возникающих организационных и функциональных рисков институциональных трансформаций академических образовательных систем как социальных. В центре внимания университетского менеджмента стоят вопросы и проблемы академического развития учреждений, функционирующих в сфере высшего образования. Речь идет о процессах интенсификации связей университета с наукоемким производством на основе проектной деятельности. В экспертной и управленческой среде глобальной системы университетского образования давно сформировалась устойчивая потребность в социологическом знании и социологической теории, необходимых прежде всего для объяснения специфики таких связей и принципов их формирования в системе «государство-общество-университет».

Кризисные явления, проявившиеся в мировой практике глобальной системы университетского образования в конце XX века в результате трансформации рынков интеллектуального труда, а также изменения, происходящие под влиянием процессов цифровой трансформации образования и науки, острая конкуренция в сфере услуг высшего образования между странами консолидировали возрастающий интерес ученых к проблемам качества подготовки в системе университетского образования в условиях институциональных трансформаций университетского образования в мире. В центре внимания экспертов находятся процессы функционирования национальных систем университетского образования в XXI веке. Это фактически определило

новый этап в развитии социологии высшего образования как отраслевого направления социологического знания об институте образования. Социальное управление высшим образованием в мире находится в поиске новых методологических подходов к моделям принятия решений по реформированию образования. Востребована новая методология управления социальным институтом образования в условиях институциональных трансформаций и изменений. Нужны решения и методы управления, которые направлены на снижение цифровых, организационных и управленческих рисков институциональных трансформаций.

Для Республики Беларусь эта проблема особенно актуализировалась в последний период. Университетское образование – одна из базовых интеллектуальных подсистем обеспечения технологической безопасности общества. Сегодня остро востребованы не только новые подходы к высшему образованию, но необходимо обратить внимание на устоявшиеся традиционные подходы лучших отечественных образовательных практик высшего образования, на историю университетов как стратегически направленных в будущее институций, традиционные и инновационные подходы к организации образовательных и научно-исследовательских процессов в высшей школе. Сегодня университетское образование должно отвечать на социальный запрос государства и общества не только в области подготовки кадрового потенциала, но и в области разработки новых технологий в целях подготовки профессиональной и интеллектуальной элиты будущего, востребованной для экономики знаний в нашей стране. Социальный запрос к университетскому образованию связан также с новыми требованиями к качеству университетской подготовки и к профессиональным компетенциям специалистов с высшим образованием. Новые требования предъявляются временем к качеству и к содержанию университетской подготовки. Университет и его академическое развитие поставлены сегодня перед жизненно необходимой проблемой привлечения молодежи в сферу науки и университетского преподавания. Университетским образованием остро востребованы молодые кадры, способные реализовать интеграцию и синтез инфраструктурных элементов науки, производства и образования в целях ускорения инновационных процессов и участия университетского кластера в формировании и развитии национальной экономики знаний.

Именно университет как ведущая институция высшей школы по мнению многочисленных экспертов, призван реализовать в своей образовательной

практике «академическое совершенное качество» (Academic Excellence) [1]. Это обозначает, что результаты взаимодействия между преподавателями, студентами и образовательной средой обучения в каждом университете, содержание учебных программ и возможности их реализации, материально-техническая база полностью соответствуют главной цели обучения в университете. Важную роль в этих процессах играют академические ценности университетского образования, которые связаны с интеллектуальной свободой, самооценностью исследования, социальной и моральной ответственностью за процесс исследования на всех этапах его проведения. Социально-экономическая модель устойчивого развития страны и внешние вызовы определяют новые перспективные стратегии институционального и академического развития университетского образования, необходимые для установления баланса между подготовкой кадров с высшим образованием в стране и быстро меняющимися тенденциями развития современных мировых рынков труда специалистов с высшим образованием. Проблема создания эффективной конкурентоспособной национальной модели университетского образования, востребованной на мировом рынке образовательных услуг требует от социологии высшего образования сегодня разработки новых качественных методов для изучения процессов и рисков трансформации социальной организации высшего образования, происходящей в условиях цифрового общества. От решения данных проблем зависят научно-образовательный потенциал университетского образования и динамика формирования социального капитала современного белорусского социума [2].

Библиографические ссылки

1. Будущее образования: глобальная повестка? Творческие откровения / <https://nadmozg.com/threads/buduschee-obrazovaniya-globalnaja-povestka.-> (дата обращения 10.09.2024)
2. Волнистая, М.Г. Мамедов, А.К. Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества // Социология. 2018. № 3. С. 89-95. // <http://elib.bsu.by/handle/123456789/210580>

КАФЕДРЕ СОЦИОЛОГИИ БГУ 35-ЛЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Н. Данилов

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Посвящена проблемам институционализации профессионального социологического образования в Беларуси и роли в этом процессе кафедры социологии БГУ. Отмечается, что развитие системы университетского социологического образования показало правильность принятого 35 лет назад решения. Профессорско-преподавательский состав кафедры социологии, выпускники отделения вносят свой весомый вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов-социологов, развитие социологической науки, в устойчивое функционирование современного социума.

Ключевые слова: *Белорусский государственный университет, кафедра социологии, Г.П. Давидюк, А.Н. Елсуков, Д.Г. Ротман, институционализация, социологическое образование.*

У каждого поколения свой опыт и свои проблемы. Научно-технический прогресс существенно продвигает наше понимание развития, меняет жизнь, формирует взгляд на будущее. И здесь особенно велика роль университетского образования и воспитания, которые формируют научное мировоззрение, ответственное отношение к жизни в социуме. Такое мышление не возникает само по себе в обыденном сознании. Оно формируется в процессе обучения, причем обучения особым образом организованного, основанного на изучении фундаментальных наук. Сегодня поиск новых и перспективных путей образования и воспитания становится фактором сохранения и развития человечества, цивилизации и культуры в условиях растущих угроз разрушения фундаментальных основ цивилизационной жизни и даже самоуничтожения человечества.

Молодым людям, поступающим сегодня в университеты, предстоит жить и работать в середине XXI столетия. Если учесть сегодняшнюю эпоху ускоряющихся социальных перемен, трудно предвидеть конкретные жизненные проблемы, которые им придется решать. Но можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. А эта проблема уже является предметом социально-

философского анализа, который, в свою очередь, предполагает системное мышление.

Найти себя в жизни – значит иметь серьезную опору для реализации своих планов. Техногенная цивилизация вместе с большими достижениями и прорывами во всех сферах жизнедеятельности человечества принесла глобальный экологический и антропологический кризисы, породила множество проблем, природа которых остается до сих пор не проясненной. Неустойчивость мировой экономической системы, не прекращающиеся конфликты и военные столкновения, борьба за ресурсы, духовное оскудение стали своего рода индикаторами неизбежности перемен. При этом нельзя не видеть ускорение научно-технического прогресса, который все больше стал носить глобальный характер и вместе с огромными достижениями все больше становятся очевидными масштабные недостатки.

Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, ведут к необходимости существенного обновления, в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. Важно именно сейчас на переломе эпох в условиях формирования нового миропорядка выстроить всю систему социально-гуманитарного образования. Именно социология как наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящейся формы социальности, человеческого общения – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т.е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия. Сегодня социология прочно вошла в нашу повседневную жизнь и ей по праву принадлежит особая роль в изучении социума. И это не только потому, что она системно изучает общество, но и потому, что выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и поэтому они становятся реальным инструментом управленческой деятельности. Помните, девиз новой науки, который сформулировал О. Конт «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы регулировать». Трудно представить более важную жизненную потребность для любого общества (страны-государства), заботящегося о своем будущем.

Процесс институционализации социологического образования в нашем отечестве оказался сложным и неоправданно затянутым. И это сказывается до сих пор... Столетие присматривались власти, чтобы в только конце 1980-х годов окончательно разрешить социологическое образование и открыть в ведущих университетах страны факультеты, отделения, кафедры

социологического профиля, начать открыто готовить профессиональных социологов. Почему-то все время опаздываем... Вот и сейчас после трех десятилетий бесконечного совершенствования системы образования, социология вновь вытеснена из главного модуля и преподается только по выбору. Получается, что в своем развитии мы вновь заходим на новый круг...и опять теряем время. К сожалению, в деятельности нынешних университетов преобладают предельно общие требования по профессиональной подготовке студентов к будущей трудовой жизни, по-прежнему много формализма и еще больше бюрократизма, нередко учебный процесс оторван от актуальной проблематике национальной экономики и культуры.

«Точки роста» новых правил игры для системы образования уже обозначаются. Этот процесс начат, но он пока идет стихийно, ситуационно, а будущее уже вполне конкретно рисует профиль новых вызовов и новых угроз, стоящих перед системой образования.

Выделим очевидное:

- глобализация не принесла возможного равенства образования, соизмеримости национальных образовательных систем, но разрушила образцы универсального опыта, традиции, модели для возможного их использования для развития национальных школ;
- глобальная цифровизация, развитие социальных сетей, телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения, создания и усвоения знаний, формирования навыков;
- появились новые формы обучения, объединяющих в себе обучение в процессе работы в научном проекте, который реализуется в виде стартапов;
- динамика жизни становится такой быстрой, что ведет к постоянной смене технологий, повышает уровень экономической неопределенности, постоянному обновлению спроса на новые возможности специалистов и новые формы их подготовки;
- постоянно меняющийся рынок труда требует от образовательной системы новый тип «человеческого материала» адекватный изменению ценностей и предпочтений в современных обществах [1, с. 34].

Осознание этих вызовов требует совершенствования модели образования, которая будет максимально эффективно использовать современные технологические среды и платформы, сможет продуктивно отвечать на запросы экономики и общества, являть собой синтез традиции и новаций. Необходимо вернуть университет в центр формирования ценностной матрицы будущего. Иначе цифровое ускоренное обновление

базовых ценностей, без должного историко-социального отбора, может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования, к культуре в целом, вполне оправдано, т.к. именно здесь формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие молодому человеку адаптироваться к современному миру.

Таким образом, статус ключевого элемента общественной системы придает образованию две ее характеристики. Во-первых, образование аккумулирует исторический опыт народа: знания накопленные человечеством, доминирующие ценности, которыми живет страна, и они во многом определяют её будущее. Во-вторых, именно образование формирует самого человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране, содействует условия гражданского согласия [2, с. 6-7]. В результате формируются мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты части общества, поведенческие приоритеты. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Велика роль в процессе формирования точек роста нового, где обновляются и формируются ценности, осовременивается их содержание, наполняются новым смыслом, утверждается или отвергаются современный социокультурный опыт, является система образования.

Сегодня очень важно было бы заглянуть в будущее и увидеть следующий уровень, новый виток социальной эволюции. В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей иной реальности. Именно от образования напрямую зависят вопросы устойчивости и развития цивилизации. Образование становится фундаментом для нового общества. В этом секторе современного общества происходит активное осовременивание управления, форм и методов работы учебного заведения. В системе образования возникает новый глобальный образовательный рынок, который может достаточно быстро заместить собой традиционные образовательные системы и внести новые стандарты. Не случайно больше других высказывает неудовлетворенность государственным образованием наукоемкий бизнес в сфере высоких технологий. Продвинутые компании не случайно ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. И наконец, главный вызов для

образовательной системы, являющейся пространством воспроизводства смыслов деятельности общества и создания новых – мотивировать молодых людей учиться.

Пожалуй, главной проблемой сегодняшнего образования – это мотивация. Это касается не только преподавателей, но не в меньшей степени студентов. Увлечь, влюбить студента в свою профессию, включить его в загадочный мир науки, научить быть счастливым – великая задача учителя. Как мы все понимаем, замотивированный студент получает знания, он в университете не ради диплома. Вот такие студенты – молодые ученые, создатели научного и технологического будущего страны – сейчас очень нужны. Образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, развитие экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути.

Библиографические ссылки

1. Данилов А.Н. Ответ университетов на новые вызовы времени: синтез традиций и новаций. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 1. С. 32–36.
2. Данилов А.Н. Система образования: потенциал и перспективы. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 3. С. 4–8.

О РОЛИ И МЕСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТРЕВОЖНОМ, ПРОТИВОРЕЧИВОМ МИРЕ

Л.Н. Доброхотов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
кафедра социологии коммуникативных систем
Ленинские горы. МГУ, д.1, стр.33, 119234. Россия, Москва,
soc@socio.msu.ru*

В статье обосновывается социальная ответственность социологов за научную объективность исследований, говорится о том, что в современном мире в условиях роста международной напряженности молодежь должна интересоваться политикой, уметь с позиций патриотизма критически анализировать политическую информацию

и идеи, этому их должны учить учителя и преподаватели. С этой точки зрения анализируется опыт социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: *молодежь, студенты, преподаватели, политический анализ*

Изучая в свое время динамику изменения политических взглядов научной интеллигенции США по данным социологических опросов, автор этих строк обратил внимание на важный феномен 70-х годов прошлого века: под влиянием растущей тогда угрозы ядерной войны, научное сообщество Америки задумалось над проблемой социальной ответственности ученых за результаты их работы в плане влияния на эту угрозу. Что привело к созданию массовых общественных организаций прежде всего ученых-естественников: «Физики за предотвращение ядерной войны», (математики, химики, биологи и т. д.).

Но что тогда казалось удивительным, в ряду этих организаций оказались и «Социологи за предотвращение войны». Изучив устав и публикации членов этой организации, стало очевидным, что они выступали за научную честность опросов, посвященных проблемам войны и мира, корректность публикуемых результатов этих опросов и их анализа, имея в виду влияние на общественное мнение и поведение политических сил и военных властей.

Очевидно, что с тех пор угроза мировой ядерной катастрофы возросла многократно. Выступая 31 октября 2024 года в Минске на II Международной конференции по евразийской безопасности, президент Белоруссии А.Г. Лукашенко справедливо отметил, что «...всеобъемлющая безопасность по определению должна давать гарантии государствам не только в военной сфере, но и в политической, экономической, информационной и иных. Если смотреть под таким углом, становится очевидным масштаб охватившего планету кризиса... Если не объединимся в этом плане... будет беда» [1].

Выступая 24 октября 2024 года по итогам XVI саммита БРИКС в Казани, президент России В.В. Путин говорил о задачах обеспечения безопасности России. По его словам, на постоянные и настойчивые предложения России наладить контакты и отношения со странами западного мира, ей все время указывали на свое место. И это место в конечном счете привело бы к скатыванию России в разряд второстепенных государств, а она в таком «не только развиваться, но и существовать не может. Россия не может существовать, если она теряет свой суверенитет» [2].

Такова обстановка в современном мире. И, казалось бы, наша молодежь и студенты, прежде всего гуманитарных и общественно-научных

специальностей, должна это понимать. Однако данные опросов Фонда общественного мнения России (ФОМ), хотя и свидетельствуют о некотором усилении интереса молодежи к политике за последние десятилетия, пока не внушают особого оптимизма.

Так, согласно данным Всероссийского опроса ФОМ от 28 февраля 2023 года «Участие молодежи в политической жизни страны», на сравнительный вопрос «Вы лично скорее интересуетесь или скорее не интересуетесь политикой?» в 2001 году скорее интересовались 43% молодых людей, скорее не интересовались 54%. Более чем через два десятилетия, в 2023 году, скорее интересовались политикой – 49%, а скорее не интересовались – 47%.

«А Ваши ровесники – друзья, знакомые?», - спрашивал в 2023 году у молодых людей ФОМ. Скорее интересовались в том году - 49%, скорее не интересовались - 32%.

«Как Вы полагаете - спрашивал в своем опросе ФОМ - многие или немногие среди молодежи интересуются сегодня политикой, или среди молодежи таких нет совсем?». Ответы были получены такие: многие – 27%, немногие – 43%, таких нет совсем – 13% [3].

По нашему мнению, в условиях всеми политиками и странами мира (хотя и по разным причинам) признаваемого в наше время резкого роста международной напряженности и военной опасности, включая опасность термоядерной войны, через почти три года после начала в России СВО и фактического военного противостояния России с почти 50 враждебными в отношении нашей страны западными странами во главе с США, индифферентное отношение почти половины молодежи к политике не может не вызывать тревоги.

В 2017 году, по данным ВЦИОМ, из всех возрастных групп молодежь от 18 до 24 лет в соцсетях была меньше всего заинтересована в политических темах [4]. А ведь хорошо известно – большинство нашей молодежи в настоящее время «сидит» именно в соцсетях.

В 2018 году, в исследовании А.А. Казакова «Политическая культура современной российской молодежи в контексте медийной грамотности и влияния СИИ» правильно отмечалось, что «именно массмедиа оказывают самое непосредственное воздействие на убеждения, представления, установки и модели поведения людей в отношении политики – словом, на все то, что видный российский ученый Э. Я. Баталов считает составными элементами политической культуры. Исходя из этого, одним из важнейших

звеньев в цепи «СМИ – политическая культура» мы считаем медийную грамотность» [5].

Как правильно отмечается в данном исследовании, тот факт, что присущий молодому поколению уровень интереса к происходящему в стране и мире существенно ниже среднего по обществу, является одним из индикаторов недостаточной сформированности политической культуры у представителей данной социальной страты.

С одной стороны, по приводимым в работе данным ФОМ, хотя социально-политическая проблематика в 2017 году вызывала у молодежи больший интерес, чем, например путешествия и шоу-бизнес, тематика международных отношений в сравнении со всем населением страны (это 38%) вызывала интерес лишь у 28 процентов молодежи. Как мы знаем из данных 2023 года, можно ожидать, что вряд ли за последние годы, несмотря на резкое обострение международных отношений, этот показатель у молодежи значимо изменился в лучшую сторону.

Отсюда закономерен наш интерес к медийному фактору, в значительной степени формирующему политические взгляды молодежи. С одной стороны, в работе Казакова отмечалось, что интерес молодежи к телевидению в 2017 году был достаточно высок, в ее тематических предпочтениях занимая 77 процентов интереса. На втором месте (61%) тогда у молодежи шли новостные сайты, на третьем (50%) форумы, блоги, социальные сети, на четвертом (34%) – родственники, друзья и знакомые, только на пятом (16%) газеты, журналы и на шестом (13%) – радио.

Анализируя эти данные, автор статьи тогда отмечал, что по его мнению, по мере омоложения аудитории росла популярность новостных сайтов, блогов и социальных сетей – «того пространства, в котором разнообразие политических взглядов, идей и предпочтений, с одной стороны, значительно шире и разнообразнее, чем на телевидении, а с другой стороны, труднее поддается контролю и регламентации со стороны государства».

От себя добавим: с одной стороны, это так. А с другой мы, работающие с молодежью и студентами преподаватели, не можем не знать, что в этом «широком и разнообразном пространстве» активную роль в манипулировании сознанием нашей молодежи и в советское время, и пять лет назад, и сегодня играют враждебные нашему государству источники, прямо и открыто подчиненные западным странам (те же «Голос Америки из Вашингтона», Русская служба Би-би-си, «Немецкая волна», радио «Свобода» и т.д.), или же представляющие «пятую колонну», ими же финансируемую и направляемую (многие из этих пропагандистских

источников заслуженно числятся у нас в стране «агентами иностранной державы»).

В этом отношении важнейшее значение имеет вопрос о способности и желании молодежи верифицировать, и самое главное, критически, причем с патриотических позиций, анализировать поступающую к ним политическую информацию и идеи, зачастую носящие открыто антироссийский или русофобский характер.

В статье Казакова закономерно затрагивается в этой связи вопрос о желании или нежелании молодых пользователей информационных и политических интернет-источников проверять или перепроверять вызывающие сомнение факты и суждения. Выясняется, что 18 процентов из них предпочитают в этом случае ничего не делать (то есть, их не волнует достоверность сообщаемых сведений и суждений). При этом для 54% опрошенных в 2017 году молодых людей было «не очень важно, из каких интернет-изданий узнавать новости».

Конечно, хотелось бы надеяться, что с тех пор, особенно с началом в России СВО, ситуация изменилась в лучшую сторону. Впрочем, данные опроса 2023 года не внушают здесь большого оптимизма.

Основную роль в контрпропаганде и борьбе с враждебными источниками информации и идеями играют созданные на российских федеральных каналах телевидения и радио специальные информационные каналы – «Время покажет», «Большая игра», «Антифейк») на 1 канале, «60 минут» и «Вечер с Владимиром Соловьевым» на канале Россия 1, специальный круглосуточный информационный канал «Соловьев-Live», канал RT («Россия сегодня»), радио «Вести FM» и другие.

Однако, как мы знаем, этими каналами пользуется в лучшем случае половина нашей молодежи. Их этого вытекает, что в эфире и особенно в интернет-пространстве необходима особая информационная работа с молодежью, учитывающая ее возрастную психологию и интересы, особый язык общения и другие особенности, способные привлечь намного большее число молодых зрителей, слушателей и пользователей.

Не меньшее, а еще большее значение в работе с этой возрастной категорией имеет целенаправленная патриотическая работа с ними со стороны учителей школ и преподавателей колледжей и особенно вузов страны в рамках преподавания предметов обществоведческого и гуманитарного циклов.

В этой связи хочется обратить внимание на то, какие возможности открывают для этого учебные программы предметов, изучаемых в 2024-25

учебном году на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Это «Социология международных отношений», «Международные отношения и мировая политика», «Политические коммуникации в современном обществе», «Связи с общественностью», «Социология коммуникации», «Социология массовых коммуникаций», «Социология языка», «Теории влияния СМИ на массовое сознание и индивидуальное поведение», «Трансформация систем средств массовой коммуникации в электронно-цифровую эпоху», «Глэм-капитализм и современный консьюмеризм», «Этика публичной политики».

Очевидно, что каждая из указанных программ открывает для преподавателей и учащихся широкие возможности для политического анализа с применением методов полемики с западной либеральной пропагандой и идеологией.

К примеру, именно так этом учебном году автор этих строк и поступает в рамках учебных курсов программ «Связи с общественностью», «Социология массовых коммуникаций». «Социология языка», «Этика публичной политики» и других.

Главная решаемая им в данном случае методическая задача состоит в том, чтобы научить студентов и магистрантов аналитически (то есть критически), самостоятельно оценивать поступающую к ним информацию и идеи, делая из прочитанного, увиденного и услышанного выводы, отличающие убежденных граждан и патриотов Родины.

Библиографические ссылки

1.Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на II Минской международной конференции по европейской безопасности 31 октября 2024 года <https://president.gov.by/ru/events/ii-minskaa-mezdunarodnaa-konferencia-po-evrazijskoj-bezopasnosti>

2.Казаков А.А. Политическая культура современной российской молодежи в контексте медийной грамотности и влияния СМИ. Известия Саратовского университета. Новая серия, Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18, выпуск 2, стр. 205-211.

3.Президент России Путин В.В. Пресс-конференция по итогам XVI саммита БРИКС Казань, 24 октября 2024 года <https://fom.ru/Politika/14842.%2009.%202024>

4.Социологи рассказали о низком интересе молодежи в соцсетях к политике. РБК, 2 июня 2017 года <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/59304aea9a79474ab825cecb>

5. Участия молодежи в политической жизни страны. Отношение и интерес к политике. ФОМ, 28 февраля 2023 года <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-v-kontekste-mediynoy-gramotnosti-i-vliyaniya-smi>

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.Г. Злотников

*Белорусский торгово-экономического университет потребительской кооперации,
Проспект Октября, 50, 246029, Гомель, Республика Беларусь
zlot@ tut.by*

Анализируются стратегии демографического развития Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь» и «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». Констатируется, что демографическая ситуация Беларуси последнего тридцатилетия находится в состоянии глубокой депопуляции. Показано, что основным источником депопуляции является рождаемость, характеризующаяся тенденцией ее постоянного снижения. Выявлено, что снижение рождаемости в системе демографических процессах определяют риски, вызовы и угрозы демографической безопасности Беларуси.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; демографическая безопасность; численность населения; демографические интересы; угрозы, вызовы и риски; рождаемость.*

В начале столетия были заложены основы современной демографической стратегии. В 2002 г. она была сформулирована в Законе Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь» [1]. Основой ее стала разработка Национальной, затем Государственных программ демографического развития Беларуси. Они были выполнены в 2003 г. сначала под патронажем Президента Республики Беларусь, а затем (в 2007 и 2011 гг.) под патронажем Совета Министров Республики Беларусь. В следующих пятилетиях вместо комплексных стратегий программы стали ведомственными, что, по нашему мнению, сказалось на углублении процесса депопуляции.

В текущем году стратегия демографического развития белорусского государства была отражена в «Концепции национальной безопасности

Республики Беларусь» (далее Концепция), принятой Всебелорусским народным собранием [2]. Концепция представляет совокупность официальных взглядов по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности Беларуси. В ней существенная роль принадлежит проблемам демографического развития.

Существенной особенностью стратегии национальной безопасности является органическая взаимосвязь ее видов: политической, экономической, научно-технической, социальной, демографической, биологической, информационной, военной, экологической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь. В центре этой взаимосвязи находятся личность, общество и государство, что явствует из характеристики сущности Концепции, т.е. то, что обеспечивают социально-демографические процессы. Достаточно отметить, что среди 20-ти индикаторов состояния национальной безопасности пять связаны с социально-демографическими показателями – это объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, индекс человеческого развития, коэффициент депопуляции, миграционный прирост и ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Важнейшая особенность Концепции состоит в обеспечении национальных интересов, выявлении источников угроз, характеристики этих угроз, вызовов и рисков национальной безопасности. В демографической сфере Концепцией определены основные национальные интересы. Среди них это прежде всего стабилизация численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности.

За 1994-2023 гг. страна столкнулась с самым громадным уменьшением численности населения за послевоенный период – более чем на один миллион жителей. В этом уменьшении значительное место занимают 20-е годы. Так, если за 2010–2019 гг. численность населения Республики Беларусь уменьшилась на 90,4 тыс. чел., то только за один – 2020 год ее численность сократилась на 94,1 тыс. чел. Всего же за период после последней переписи численность населения Беларуси уменьшилась на 257,4 тыс. чел. [3; 4]. Это означает, что, если ежегодная убыль населения за последнее межпереписное десятилетие составляла 9 036 чел., то за годы после переписи 2019 г. эта убыль стала почти в 5,9 раза большей – 53 207 чел. Это привело к снижению численности населения страны до 9 155 978

человек на начало 2024 г. Такого уменьшения численности населения (более чем на четверть миллиона за короткий срок) не было за всю историю суверенного развития Республики Беларусь.

Именно такая депопуляционная ситуация определяет современную демографическую стратегию Концепции – стабилизацию численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста. В Концепции особое внимание уделяется проблемам демографического развития Беларуси. Концепция их связывает с изменениями половозрастной структуры населения, обусловленные ее старением, являющимися ключевыми в деле обеспечения стабильного уровня человеческого потенциала Беларуси. Вместе с тем процессы депопуляции, демографическое старение, снижение уровня рождаемости, сокращение продолжительности жизни, разложение института традиционной семьи, активизация эмиграционных процессов, нерегулируемая иммиграция в страну представляют потенциальную угрозу и реальный вызов национальной безопасности Республики Беларусь.

Первые годы становления суверенной Беларуси в демографическом развитии характеризуются негативными процессами. Один из них – падение рождаемости за 1992-1997 гг. более чем на 42 тыс. чел. Второй – в 1994 г. в демографических процессах Республики Беларусь сложилось отрицательное сальдо естественного движения населения, которое с тех пор характеризует главенствующую и ныне тенденцию превышения смертности по сравнению с ее возмещением рождаемостью. И третий – сокращение численности населения Беларуси. До этого рост численности населения Республики Беларусь происходил частично и за счет положительного сальдо миграции – исхода русскоязычного населения из среднеазиатских, закавказских и прибалтийских регионов в относительно спокойную от политических бурь Беларусь. Но со второй половины 1990-х гг. этот маятник миграции перестал быть положительным.

Единственным источником роста численности населения, ее стабилизации является рождаемость, которая в Беларуси стала самой низкой вообще в ее многовековой истории. Именно низкая рождаемость является внутренним источником угроз демографической безопасности. До принятия Закона РБ «О демографической безопасности в Республике Беларусь», самым низким уровнем рождаемости был показатель 88 512 чел. в 2003 г. Реализация демографической стратегии, заложенной Законом 2002 г., привел к росту рождаемости в 2015 г. с показателем 119 028 младенцев.

После этого произошло изменение демографической стратегии – вместо прежних (2003-2005, 2007-2010 и 2011-2015 гг.) государственных программ обеспечения демографической безопасности в 2016-2020 и 2021-2025 гг. стали разрабатываться ведомственные программы. Наряду с этим было принято ряд других ведомственных документов в итоге приведших к резкому падению рождаемости. Их итогом стал показатель рождаемости в 2018 г. – 94 042 родившихся младенцев и в 2019 г. – 87 608 чел., самого низкого официального зафиксированного статистикой уровня. С тех пор отсутствуют статистические данные о состоянии репродуктивных процессах Беларуси.

Данные о возрастной структуре населения Беларуси, характеризуют значительное уменьшение населения в возрасте 0-4 года: на начало 2020 г. – 520 478 чел., 2021 г. – 482 898 чел., 2022 г. – 444 851 чел. и 2023 г. – 416 021 чел. [5]. Эти данные отражают и снижение численности рожденных детей в возрастной структуре 0-4 года. Нами на основе этих данных осуществлен расчет численности родившегося белорусского населения за 2020-2023 гг. Средний показатель рождаемости в пределах статистической погрешности по нашим расчетам составил в 2020 г. – 83 077 чел., 2021 г. – 77 079 чел., 2022 г. – 71 006 чел. и 2023 г. – 66 404 чел. [6, с. 177].

В Концепции отражены как внутренние, так и внешние источники угроз в демографической сфере. К числу внутренних источников относятся диспропорции в половозрастной структуре населения; снижение репродуктивных установок, их неполная реализация; негативные трансформации института семьи, проявляющие в снижении уровня брачности, увеличении возраста вступления в первый брак, росте числа неполных семей, овдовлении. Основным внешним источником угроз национальной безопасности в демографической сфере является проведение иностранными государствами политики, направленной на стимулирование эмиграции населения Республики Беларусь.

Концепция предусматривает антикризисное реагирование на риски, вызовы и угрозы демографической безопасности, для чего требуется осуществление анализа (мониторинга), оценка демографической ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий, выработка предложений по совершенствованию оперативного реагирования на вызовы и угрозы демографической безопасности Беларуси. В этой связи необходимо повысить уровень научного и информационного обеспечения государственных программ по снижению остроты депопуляционных процессов в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Закон Республики Беларусь № 80-3 от 04.01.2002. «О демографической безопасности в Республике Беларусь» // Белзакон.net [сайт]. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2002/1218 (дата обращения: 20.05.2024).
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // [Электронный ресурс] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 26.04.2024. 1/21360. (дата обращения: 28.04.2024).
3. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. Т.1. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – 776 с.
4. Численность населения на 1 января 2024 г. и среднегодовая численность населения за 2023 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа. Статистический бюллетень. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – 30 с.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2023. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023. – 322 с. ISBN 978-985-7307-61-6.
6. Злотников А.Г. Депопуляция и ограничения статистической информации в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4. № 3. – С. 167-181. DOI. [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11). EDN [WGXXZK](https://www.edn.by/edn/article/10.19181/demis.2024.4.3.11).

ИНВЕСТИЦИИ КИТАЙСКИХ СЕМЕЙ В ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРЕХОД ОТ ТРАДИЦИЙ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ПРОДВИЖЕНИЮ И КАРЬЕРЕ

И.И. Калачева, Чэнь Сяоцзяо

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
596617530@qq.com*

Китайские семьи уделяют большое внимание образованию детей, придавая ключевое значение передаче культурного наследия и опыта от старших поколений к младшим. Однако, в современных условиях, когда конкуренция профессиональных специалистов на рынке растет, этого опыта становится явно недостаточно. Поэтому китайские родители делают ставку на образование детей, на приобретение такой специальности, которая позволит в будущем занять достойное социальное положение в обществе и получить устойчивый статус в личной жизни. «Переход» от традиций преемственности к новым ориентирам, которые будут способствовать социальному

продвижению и росту в карьере является новым вектором в функционировании китайской семьи. Данный факт лежит в основе государственной семейной политики, однако, все еще существуют нерешенные проблемы, такие как организация внешкольной занятости детей не в ущерб их физическому и психологическому здоровью, развитие репетиторских услуг как дополнительных со скидками и др.

Ключевые слова: *китайские семьи, инвестиции в образование, культурное наследие, трансформация ценностей, социальное продвижение и карьера.*

В китайской социальной и культурной традиции внимание семей к образованию детей имеет глубокие корни. Этот взгляд проистекает из конфуцианской концепции «совершенствования личности, управления семьей, правления государством, поддержания гармонии во всем мире» [1, с.25-36]. Образование детей в семье рассматривается как важнейший путь формирования личных качеств человека и процветания семьи в целом. В традиционной китайской культуре устоявшимся средством коммуникации являются традиции, опыт и культурное наследие. Именно через передачу опыта от старших к младшим сохранялась преемственная связь, что обуславливало силу семейных отношений.

В современных условиях этого опыта не хватает: возникли объективные обстоятельства, указывающие на необходимость обновления знаний, получения новых компетенций, важных для того, чтобы страна постоянно продвигалась к изменениям и преобразованиям.

Однако, стремление китайских семей к образованию детей, не означает утрату ценностного отношения к национальному наследию и философии китайской культуры. По-прежнему, в образовательных учреждениях разного уровня дети изучают конфуцианскую классическую культуру, семейные традиции и местные обычаи. Например, в частных школах (сышу) дети осваивают классические произведения, чтобы понять, в чем значение конфуцианских нравственных ценностей в межпоколенческих отношениях; каким образом осуществлялась передача знаний о составлении генеалогического древа, о ритуалах и праздниках [2, с.125-130]. Основные направления образования китайских детей основываются на передаче знаний о нравственных правилах в отношениях между людьми и изучении норм этикета в поведении, как в публичном пространстве, так и в частной жизни. Существенным вектором в образовательных практиках китайских детей является приобщение к традиционным ремеслам и народным промыслам. При этом стоит отметить, что родители зачастую не жалеют финансовых средств на обучение детей в частных образовательных

учреждениях, к примеру, выбирают дорогостоящие дошкольные учреждения.

На этапе обучения детей в начальной и средней школе отмечается, что родители склонны привлекать к обучению детей дополнительные ресурсы: так востребованными становятся услуги репетиторов.

При этом годовые расходы городских семей на дополнительные занятия достигают нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч юаней, - отмечает в своей работе Сюэ Хайпин [3, с.24-34]. В 2019 году в Пекине был опубликован доклад «О развитии детей в Китае — состояние внешкольной жизни детей». В докладе отмечается, что участие детей в занятиях вне школы стало обычным явлением и важной частью их уклада жизни. 60% китайских детей посещают дополнительные занятия, затрачивая на это в среднем 3,4 часа в течение пяти учебных дней и 3,2 часа за два выходных дня. Среднегодовые расходы на занятия для одного ребёнка составляют 9211 юаней, что эквивалентно 12,84% от общего дохода семьи [4]. Очевидно, что это очень большие средства!

Обучение за рубежом также является важным направлением инвестиций для китайских семей. В современных условиях, когда материальное положение многих китайских семей значительно улучшилось, это делает возможным реализацию родительского замысла об обучении детей вне Китая. С одной стороны, рост доходов семей создает основу для увеличения финансовых вложений в образование, а с другой, - уменьшение размера семей позволяет сосредоточить ресурсы, что, в свою очередь, способствует увеличению инвестиций.

Китайские родители не просто хотят дать детям качественное образование, они стремятся убедить их в том, что образование является залогом изменения социального положения обществе, продвижения по карьерной лестнице.

В условиях трансформаций в социальной структуре китайского общества заметно усилилось расслоение между представителями разных социальных групп, что является основанием для фокусирования на образовании. Именно образование становится важнейшим каналом для социальной мобильности и обретения устойчивости, а значит, дает уверенность в улучшении социального статуса. Конкуренция на рынке труда обострилась, и компании отдают предпочтение высококвалифицированным и многопрофильным специалистам: люди с высоким уровнем образования имеют больше возможностей для трудоустройства и более высокий начальный доход.

Одновременно меняются и ценностные представления: успех всё чаще связывают с личными достижениями и социальным статусом, а примеры успешных инвестиций в образование в ближайшем окружении родственников, друзей, коллег побуждают других следовать их примеру.

Обозначенные изменения в ценностной картине китайской семьи относительно роли образования имеют положительные и негативные последствия. С точки зрения развития детей, положительная сторона заключается в том, что у них появляется больше возможностей для обучения, что способствует формированию более широкого кругозора, к примеру, участие в международных обменах или освоение различных навыков является опытом, который становится важнейшим для профессионального роста.

Негативная сторона феномена состоит в том, что усиливается «давление» конкуренции, что может привести к психологическим проблемам, так как обилие внеклассных занятий лишает детей времени на отдых и самостоятельные исследования. В семейных отношениях могут возникать разногласия между супругами по поводу решений о финансовых вложениях в образование; отношения между родителями и детьми могут становиться напряженными из-за завышенных ожиданий родителей, а финансовое «давление» от затрат на образование может сказываться на стабильности семьи в целом. Что касается системы образования, то усиливается противоречие между спросом семей на качественные услуги и неравномерным распределением данных услуг между специалистами, которые могут предложить достойный уровень подготовки и обучения. Очевидно, что коммерциализация образования приводит к быстрому росту рынка репетиторства, а порой к возникновению недобросовестных организаций по оказанию услуг.

Таким образом, в современных условиях китайские семьи огромное значение придают образованию детей, так как считают, что именно образование способствует изменениям в социальном положении и приобретению нового статуса. Этот признак в системе семейных отношений становится определяющим, так как именно вся семейная структура стремится к достижению цели. Ценность образования, в особенности высшего образования, становится залогом полноценной жизни, создания собственной семьи для поколений молодых китайцев. В данный период осуществляется «переход» китайского общества от определяющего значения культурного наследия к новым знаниям, что обуславливает неравномерность в формировании системы ценностных представлений о

том, как обучать детей, в каких учреждениях и какие финансовые затраты для этого необходимы. Очевидно, однако, что переход обусловлен усилением конкуренции на рынке труда и этот фактор становится важнейшим для стратегий развития китайских семей.

Библиографические ссылки

1. Фэй Сяотун. Сянту Чжунго [乡土中国]. Пекин: Писатель, 1985. С. 25-36.
2. Лян Шумин. Чжунго вэньхуа яои [中国文化要义]. Пекин: Бизнес, 2021. С.125-130.
3. Сюэ Хайпин. Исследование внеучебных занятий в начальном образовании Китая [中国基础教育课外补习研究]. Пекин: Наука, 2021. С.24-34.
4. Хао Мэнцзя. Китайский доклад о развитии детей (2019) — Внешкольная жизнь детей [Электронный ресурс]. URL: https://t.m.china.com.cn/convert/c_y9Ox72W0.html (дата обращения: 10.10.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСЦИПЛИН

Е.А. Кечина

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

В статье рассматриваются основные методические принципы использования образовательного портала БГУ и практический опыт их реализации при подготовке студентов-социологов.

Ключевые слова: лекция, виртуальная аудитория, практикоориентированное обучение, образовательный портал

В настоящее время особенно актуальным является освоение студентами-социологами не только теоретических основ изучаемых дисциплин, но и одновременное приобретение практических навыков использования получаемых знаний в практической работе социолога. Важным при этом является необходимость обеспечения возможности практикоориентированного обучения студентов не только традиционно на семинарах, следующих за изложением лекционного материала, но и непосредственно в процессе лекций. Автором разработаны и внедрены в учебный процесс дистанционные лекционные курсы по дисциплинам

«Социальная и экономическая статистика» и «Демография» для студентов специальности «Социология» первой ступени обучения. Лекции ведутся на образовательном портале БГУ eduffsn.bsu.by в форме «виртуальной аудитории». Качественное освоение этих учебных курсов требует не только изучения основных понятий и теоретических концепций, но и работы с большим объемом эмпирических данных, необходимых для понимания собственно сути изучаемой дисциплины.

«Виртуальная аудитория» - это реализация целого комплекса учебно-методических приемов в дистанционной форме обучения, основанных на сочетании следующих принципов: 1) индивидуализации восприятия лекции студентом, обусловленного наличием индивидуального компьютеризированного рабочего места студента с доступом в Интернет; 2) интерактивности коммуникации студента и преподавателя в процессе лекционного занятия; 3) включения изучения широкого спектра информационных ресурсов в структуру лекционного занятия; 4) повышение уровня контроля за качеством усвоения студентом материалов лекции; 5) непрерывного доступа к лекционным материалам в виде видеолекций и видеопрезентаций, а также ко всем информационным материалам, использованным в процессе лекций (научные статьи, информационные ресурсы организаций, базы данных и др.).

Представим наш опыт применения «виртуальной аудитории» на примере практики преподавания лекционного курса «Социальная и экономическая статистика» для студентов специальности «Социология». Спецификой преподавания этого курса является то, что он обязательно должен сопровождаться изучением статистических данных в рамках национальной системы статистической информации. Без «живого общения» со статистикой в процессе лекции студенту просто трудно понять, какое практическое воплощение имеют изучаемые теоретические вопросы по данному курсу. Как показывает практика, изложение только теоретических материалов на лекции без одновременного знакомства с реальными системами статистических данных значительно усложняет понимание студентами лекционного материала и влияет на интерес к предмету, на понимание самих теоретических материалов и на понимание того, как система статистической информации используется в практической работе социолога, т.е. как встраивается в систему социологической информации.

В настоящее время система статистической информации в Республике Беларусь доступна пользователям в самом широком объеме, от вопросов методологии до широкого спектра статистических данных, на интернет-

портале Национального статистического комитета Республики Беларусь. Изучение статистических данных на указанном портале наиболее эффективно проходит не в аудитории, где преподаватель имеет в своем распоряжении только экран для презентаций или интерактивную доску, а при наличии индивидуального компьютеризированного рабочего места студента, а именно, ноутбука, на котором он слушает лекцию и одновременно под руководством лектора знакомится с необходимым спектром эмпирических статистических данных. В аудитории существуют, во-первых, чисто физические барьеры – наиболее хорошо видят статистические таблицы на экране только те, кто сидит в первых рядах. Сидящие дальше видят экран значительно хуже, особенно, если имеют проблемы со зрением. Во-вторых, в аудитории рассмотрение информационных материалов происходит со стороны студента пассивно – он просто следит за действиями преподавателя (например, смена таблиц, указание на числа и т.д.). В «виртуальной аудитории» все эти проблемы исчезают, и студент в процессе лекции под контролем преподавателя и в диалоге с преподавателем самостоятельно осуществляет поиск статистических данных по различным источникам в Интернете, знакомится с национальными и международными базами данных статистической информации, а также получает навыки анализа этих данных, выполняя текущие упражнения аналитического характера. Некоторые элементы лекционной работы в принципе невозможно произвести в аудитории при традиционной форме лекции. Так, для данного курса очень важно ознакомление и получение индивидуальных навыков работы с интерактивными статистическими базами данных, предоставляемых органами государственной статистики на сайте Белстата в свободный доступ для индивидуальных пользователей.

Отметим, что очень важным является то, что при чтении лекций в «виртуальной аудитории» преподаватель должен предоставлять в распоряжение студентов видеопрезентации или видеозаписи своих лекций, которые находятся в постоянном доступе для студентов в период изучения курса. Это избавляет студентов от непродуктивной потери времени в виде записи лекции под диктовку в ходе лекционного занятия, а также дает возможность вернуться к материалам лекции в максимальном объеме в процессе дальнейшего освоения курса в ходе самостоятельной подготовки и семинарских занятий. В то же время, это не отменяет требований по формированию конспекта дисциплины, необходимого для работы на семинарских занятиях в аудитории, но уже в свободном режиме, в удобное

для студента время. Также в доступе у студентов остаются все информационные ресурсы, которые использовались непосредственно в ходе лекции, их можно более глубоко изучить после лекции, как в ходе повторения ее материалов, так и воспользоваться ими при подготовке к семинарам.

Таким образом, после лекции в «виртуальной аудитории» студент имеет в своем распоряжении не просто конспект, а целый комплекс лекционных материалов: 1) видеолекции или видеопрезентации с изложением теоретических материалов лекции, 2) тематические информационные материалы, в том числе научные и методические (например, документы по методикам расчета статистических показателей на сайте Белстата), 3) научные публикации по изучаемым темам, в том числе и по использованию конкретных статистических данных в процессе социологического исследования. Особо следует отметить необходимость подготовки преподавателем качественных видеоматериалов лекции, с обязательным голосовым сопровождением лекционных материалов. То есть недостаточно формально «вывесить» на портале текст лекции, это должны быть именно лекции с живым участием самого лектора (аудио или видео), излагающего основные моменты лекции с фокусом на наиболее значимых ее аспектах. Такой подход, как показывает практика, весьма позитивно воспринимается студентами, усиливая интерес к содержанию лекции, улучшая возможности понимания и запоминания лекционного материала. При этом допустимы две формы видеолекции – как запись реально проведенной лекции с присутствующей аудиторией, так и более краткая видеопрезентация, которую сопровождает голос одного лектора.

Хороший результат дает также знакомство на лекции не только с массивами эмпирических данных, но и с научными публикациями. Например, при изучении темы «История статистики» прямо во время лекции студенты знакомятся с оригиналами научных работ 18-19 веков, ныне размещенными в научных электронных библиотеках. Это уникальная возможность буквально «полистать» и обсудить те книги, которые либо вообще недоступны в библиотеках, либо имеются в их каталогах в единичных экземплярах в залах редкой книги. Такой подход стимулирует и научную работу студентов, которые с интересом читают эти издания уже во внеучебное время, после лекций, имея к этим публикациям доступ на обучающем портале в разделе лекционного курса.

«Виртуальная аудитория» также дает возможность контроля усвояемости материалов лекции студентами через соответствующие

функции образовательного портала, что в принципе невозможно в аудитории. Так, в читаемых автором лекционных курсах по окончании каждой темы или тематического блока студентам в конце занятия предлагается пройти тест по только что изученному материалу, в том числе и для самооценки своих знаний. Обсуждение и анализ результатов такого теста, в свою очередь, дает обратную для преподавателя для понимания того, как усваивается материал, какие аспекты изученной темы вызывали затруднения, какие воспринимались легко и т.д., что, в свою очередь, может быть использовано им в последующем для улучшения качества лекции. Кроме того, как уже отмечалось, в процессе лекции студенты выполняют упражнения в текущем режиме, что также повышает уровень внимания к излагаемому лектором материалу и, соответственно, уровень активности студента.

«Виртуальная аудитория» как комплекс непосредственно лекционных материалов и широкого спектра учебно-методических материалов лекции является инновационной формой преподавания лекционных курсов. Наиболее оптимальным является комплексный подход к преподаванию дисциплин с использованием «виртуальной аудитории», а именно, сочетание методики «виртуальной аудитории» в форме дистанционного обучения и семинарских занятий в форме аудиторного обучения. При таком подходе эффективность практикоориентированного обучения студентов значительно возрастает.

ЦЕНТР КУЛЬТУРНО-КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДЛЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО ПОИСКА

О.В. Кобяк¹, А.Е. Шифрин²

¹*Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь
aleh.kabiak@mail.ru*

²*Белорусская государственная академия искусств,
пр-т Независимости, 81, 220012, Минск, Беларусь
shifrin7@gmail.com*

Стремительное развитие культурно-креативных индустрий в эпоху цифрового общества продемонстрировано на основе официальных документов и данных мировой

экономической статистики. Представлены ключевые направления научно-исследовательской, научно-методической и образовательной деятельности Центра культурно-креативных индустрий, созданного по инициативе авторов в 2022 году на базе отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Изложены основные текущие результаты творческой деятельности авторов в области разработки и обоснования концепции, а также методики и техники организации и проведения новой белорусской социально-ориентированной спортивной игры в Слупки «Папараць Кветка».

Ключевые слова: культурно-креативные индустрии; цифровое общество; социологический образ мышления; междисциплинарный научный поиск; спортивная игра в Слупки; «Папараць Кветка».

Культурно-креативные индустрии проявляют себя в качестве всё более интересного объекта исследования для представителей гуманитарного научного знания. С одной стороны, социологи, культурологи и искусствоведы стремятся к пониманию причин погружения гуманитариев в техносферу, с другой стороны, современные специалисты технического профиля всё более пристально всматриваются в причины, порой неожиданных, технологических треков, формируемых под влиянием социально-культурных факторов. В 1966 г. Вильям Баумоль и Вильям Боуэн опубликовали свою книгу «Исполнительские искусства: экономическая дилемма» [1], которая оказала чрезвычайно большое влияние на развитие сферы культуры, поскольку научный анализ экономики искусства впервые был выполнен именно в этой работе. В 1982 г. на проходившей в Мехико Всемирной конференции по культурной политике была принята знаковая декларация, в которой впервые на столь высоком уровне была отмечена значимость культуры в развитии современного общества и мировой экономики.

Дальнейшие научные исследования вкупе с государственной поддержкой культуры и увеличением количества профильных фондов начали постепенно приводить к весьма ощутимым результатам. В конце 2006 года, через 40 лет после выхода книги Баумоля и Боуэна, был опубликован доклад «Экономика культуры в Европе», подготовленный по заказу Европейской Комиссии [2]. В этом докладе были введены понятия креативного творчества как источника инноваций, а также «креативно-культурной сферы» как объекта исследования, в контексте промежуточного потребления культурных ресурсов в ходе процесса производства в «некультурных» секторах. Благодаря такому подходу были разработаны

соответствующие методики и произведена оценка социально-экономических показателей деятельности в «креативно-культурной сфере» Европы. Данные, приведенные в докладе, подтверждают высокую значимость «креативно-культурной сферы» в экономическом развитии Европы. Например, товарооборот креативно-культурной сферы ЕС составил в 2003 г. более 654 млрд. евро, по сравнению с оборотом 271 млрд. евро в автомобилестроении в 2001 г. или – с оборотом 541 млрд. евро у производителей информационно-компьютерных технологий в 2003 г. Общий рост добавленной стоимости в креативно-культурном секторе составил 19,7% в 1999–2003 гг., показатели экономического роста сектора за этот период были на 12,3% выше, чем в целом по европейской экономике. В 2004 году в сфере работало 5,8 млн. человек, что было эквивалентно 3,1% от общей численности занятого населения в ЕС на тот момент [2, с. 6].

В декабре 2015 г. были опубликованы результаты масштабного исследования «Культурные времена. Первая глобальная карта индустрий культуры и творчества» [3], впервые количественно определившее глобальный социально-экономический вклад сектора Culture Creative Industry (CCI) в контексте видов деятельности. В исследовании выполнен анализ 11 культурных и творческих индустрий сектора: рекламы, архитектуры, книгоиздательства, игровой индустрии, кино, музыки, газет/журналов, исполнительского искусства, радио, телевидения и изобразительного искусства. По результатам исследования общемировой доход CCI равен \$2,25 трлн., что составляет 3% от мирового ВВП, а занятость – 29,5 млн. работников, что составляет 1% от экономически активного населения мира [3, с. 8].

После столь весомых доказательств влияния «креативно-культурной сферы» на экономику Европы и Мира в целом, существенно повысился социально-экономический статус сферы культуры, что способствовало еще большему привлечению внимания со стороны руководства всех развитых стран и различных фондов и привело к значительному расширению научных исследований в данной области уже на глобальном уровне. В рамках Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО [4] в процессе исследований, проводимых под эгидой этой организации в 2014–2021 гг., продолжалась разработка инновационных методик сбора и анализа информации о деятельности «креативно-культурной сферы», за которой официально закрепилась аббревиатура CCI (Culture Creative Industry), а 2021 год был объявлен Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации

Объединенных Наций. Работу по проведению Года возглавляла Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) в сотрудничестве с ЮНЕСКО и другими соответствующими подразделениями ООН.

Стремительное развитие культурно-креативных индустрий в эпоху цифрового общества обуславливает объективные предпосылки и создаёт необходимые условия для формирования целого научного направления: социологии культурно-креативных индустрий, в рамках которой можно будет разрабатывать современные социально-культурные механизмы интеллектуализации цифрового общества. С целью обеспечения необходимых условий для осуществления междисциплинарного научного поиска в данном направлении, по инициативе авторов настоящей публикации, в рамках Соглашения о сотрудничестве с Белорусской государственной академией искусств от 27 сентября 2019 года и при непосредственном участии руководства и ведущих специалистов Академии искусств и Института социологии НАН Беларуси приказом директора института (№ 36 от 21 июня 2022 года) на базе отдела экономической социологии создан Центр культурно-креативных индустрий.

Ключевые компетенты Центра особое внимание уделяют вопросам повышения квалификации научных сотрудников и совершенствования методов подготовки кадров высшей квалификации. В этом ключе на базе Центра уже проведены первые методологические семинары для аспирантов и соискателей Института социологии НАН Беларуси по вопросам подготовки социологических диссертаций. Первый семинар провела доктор социологических наук, доцент И.А. Андрос, которая, опираясь на собственный профессиональный опыт, подготовила учебно-методическое пособие «Как написать автореферат. Практикум» [5]. В пособии в доступной форме изложены рекомендации по подготовке автореферата диссертационной работы. Чётко прописана рабочая схема подготовки. Приведены полезные и наглядные примеры. Все практические советы и рекомендации прошли успешную апробацию в процессе защиты И.А. Андрос кандидатской и докторской диссертаций по социологическим наукам. Второй методологический семинар для соискателей ученой степени кандидата наук и академической степени магистра на тему «Принципы подготовки и представления доклада соискателя на защите и ответов на вопросы по диссертационной работе» провёл доктор социологических наук, профессор О.В. Кобяк, который является председателем совета по защите диссертаций Д 01.44.01 по социологическим наукам.

Специалисты Центра, вовлечённые в процесс междисциплинарного научного поиска, уже работают по целому ряду перспективных направлений, среди которых: 1) теоретико-методологическое обоснование социологии культурно-креативных индустрий как теории интеллектуализации цифрового общества; 2) разработка методологии формирования искусство-побуждающего образа мышления специалистов творческих профессий естественно-научного профиля в цифровом обществе; 3) развитие социологического образа мышления с помощью мультимедийных технологий на примере сказок Навигител; 4) Разработка и обоснование концепции, методики и техники организации и проведения новой белорусской социально-ориентированной спортивной игры в Слупки «Папараць Кветка».

Последнее направление осветим более детально. Актуальность развития и популяризации игры в Слупки «Папараць Кветка» обусловлена рядом обстоятельств. В условиях тотальной цифровизации всех сфер общественной жизни сфера досуга также всё в большей мере привязывается к различным гаджетам. Соответственно, стиль проведения свободного времени становится всё более малоподвижным, а общение – всё более опосредованным (через различные сети и мессенджеры) и всё более формально-символичным (посредством разных смайликов). Цифровые технологии открывают много новых возможностей, но, вместе с тем, они не решают проблему досуга. Социологическое исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в октябре 2021 года, показало, что только 16,3% жителей республики полностью удовлетворены имеющимися у них возможностями для отдыха и проведения досуга по месту проживания; 37,4% – скорее удовлетворены; 25,0% – скорее не удовлетворены; 10,2% – совсем не удовлетворены (11,1% – не смогли оценить). В ходе исследования были выявлены существенные резервы в области физкультурно-массовой работы с населением, поскольку в оценке работы спортивных объектов (спортзалы, спортплощадки и т.д.) мы пока имеем большую «зону молчания» – 27,5% затруднились по разным причинам дать какую-либо оценку работе этих объектов по месту жительства. Удовлетворённых их работой оказалось только 13,9%. Скорее удовлетворены работой спортивных объектов – 36,5%; скорее не удовлетворены – 15,5%; не удовлетворены – 6,6%. Как видим, «есть что улучшать». Поэтому для повышения уровня удовлетворённости, как работой спортивных объектов по месту жительства, так и условиями для проведения досуга в целом, мы создали бюджетный, широкодоступный,

интересный, физкультурно-игровой вариант активного досуга – игру в Слупки «Папараць Кветка».

Ожидаемые эффекты от вовлечения в такую форму досуга включают: 1) физкультурно-оздоровительный эффект, связанный с повышением уровня двигательной активности, улучшением координации движений, развитием меткости, профилактикой сердечно-сосудистых заболеваний, а также – профилактикой вредных привычек; 2) социально-психологический эффект, связанный с формированием и поддержкой позитивного общего тонуса, хорошего настроения, развитием целеустремлённости, усидчивости, ответственности, конкурентоспособности; 3) социально-культурный эффект, связанный с приобщением к объектам белорусской культуры, быта, природы, образованием через игровые формы, развитием творческого воображения и созидательного потенциала на основе белорусской культуры и природы. Спортивная игра в Слупки «Папараць Кветка» является объектом интеллектуальной собственности. Удостоверение Белорусской торгово-промышленной палаты (серия V-АП № 2022-003) выдано авторам настоящей публикации 18.10.2022 г. Правила спортивной игры в Слупки «Папараць Кветка» и другие материалы о деятельности Центра культурно-креативных индустрий размещены в сети Интернет на корпоративном сайте: www.cccsi.by.

«Папараць Кветка» эволюционирует и постепенно превращается в одну из виртуальных творческих лабораторий Центра культурно-креативных индустрий для междисциплинарного научного поиска. Будучи первоначально спортивной игрой с национальным белорусским колоритом, она становится сейчас социально-культурным инструментом создания креативной образовательной среды. В этой среде происходит осмысление вопросов игрового дизайна. В процессе проектирования авторы исходят из того, что дизайн игровых фигур подвижных игр не только отражает функциональность и эстетику, но также может быть вдохновлён этнокультурными особенностями различных народов и их традиций [6]. Конструирование фигур и управление их компонентами в ходе игры развивают креативное мышление участников этого увлекательного процесса, а национальный колорит мягко вводит игроков в белорусскую языковую сферу коммуникации, способствуя тем самым естественному приобщению к белорусской культуре [7]. Важная роль «Папараць Кветки» – это популяризация традиционных семейных ценностей и здорового образа жизни [8]. Во-первых, игровой досуг организуется в реальности и тем самым стимулирует более тесное и непосредственное общение между

членами семьи. Во-вторых, игровая атрибутика продумана так, чтобы быть интересной («слупки», «кийки», «кругляши» и др.) и безопасной для детей всех возрастов, что позволяет старшим детям, которые раньше или лучше освоили игру, обучать игровым приёмам младших детей. Тоже самое могут делать и родители в отношении своих детей. Именно то, чему научили папа и/или мама, дети запоминают на всю жизнь. Быть здоровыми и подвижными, уметь играть и добиваться успеха в игре «Папараць Кветка» – это хороший пример!

Библиографические ссылки

1. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing Arts: The Economic Dilemma. The Twentieth Century Fund. New York, 1966. – 582 p.
2. The Economy of Culture in Europe. Study prepared for the European Commission (Directorate-General for Education and Culture). – Brussels: KEA, October, 2006 [Электронный документ]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/user/Downloads/1.-the-economy-of-culture-in-Europe.pdf>. – Дата доступа: 09.09.2023.
3. Cultural times. The first global map of cultural and creative industries. CISAC. EY, December, 2015. – 120 p. [Электронный документ]. – Режим доступа: [https://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/cultural times. the first global map of cultural and creative industries.pdf](https://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/cultural%20times.%20the%20first%20global%20map%20of%20cultural%20and%20creative%20industries.pdf). – Дата доступа: 10.09.2023.
4. Среднесрочная стратегия ЮНЕСКО. 2014–2021 гг. Документ 37 С/4. Париж, 2014. – 40 с. [Электронный документ]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000227860_rus. – Дата доступа: 01.10.2024.
5. Андрос, И.А. Как написать автореферат. Практикум: Учебно-методическое пособие / И.А. Андрос. – Минск: Центр культурно-креативных индустрий, 2022. – 17 с. [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://navigitel.by/about/files/>. – Дата доступа: 01.10.2024.
6. Кобяк О.В., Шифрин А.Е. Дизайн современной спортивной игры в Слупкі «Папараць-Кветка» с национальным белорусским колоритом // Артэфакт. Научно-методический журнал. – 2024. – № 21. – С. 91–98.
7. Міхайлоўская С.В. Як вучоныя Папараць-кветку... вынайшлі. Мяркуеце, такое немагчыма? Дарма // Беларуская Думка. – 2024. – № 7. – С. 46–50.
8. Кобяк О.В., Шифрин А.Е. «Слупкі», или «Папараць-кветка». Новая оригинальная спортивная игра. – Здоровый образ жизни. Научно-методический журнал. – 2024. – № (296)09. – С. 35–37.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Н.В. Курилович

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
kurilovich@bsu.by*

Рассматриваются вопросы, связанные с кризисом преподавания учебных дисциплин в высшей школе. Подчеркивается, что в современных условиях для преподавателя одной из ведущих становится функция организатора учебной деятельности студентов. Анализируются учебные программы по учебным дисциплинам, закрепленным за кафедрой социологии БГУ. Репрезентируются основные подходы к преподаванию социологических дисциплин и наиболее популярные в преподавательской среде формы контроля знаний, используемые при организации образовательного процесса. Актуализируются принципы использования в образовательном процессе таких традиционных форм контроля знаний, как доклады и эссе.

Ключевые слова: *высшее образование; организация учебной деятельности; кризис преподавания; социологические дисциплины; подходы к преподаванию; формы контроля знаний.*

В высшей школе вопросы преподавания учебных дисциплин относятся к числу значимых, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Модернизация образовательной среды современных учреждений высшего образования, во многом обусловленная стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, требует от преподавателей, во-первых, достаточно высокого уровня информационной культуры и, во-вторых, эффективной реализации функции организаторов учебной деятельности студентов. Указанная функция становится ведущей в условиях субъект-субъектного взаимодействия участников образовательного процесса в рамках модели смешанного обучения (сочетание аудиторных занятий с занятиями с применением дистанционных образовательных технологий), преобладающей сейчас в отечественной системе высшего образования [1].

К настоящему моменту времени в научном дискурсе можно обнаружить публикации, констатирующие кризис преподавания в высшей школе. Весьма показательной в этом плане стала опубликованная в 2022 году в журнале «Социологические исследования» статья профессора В.В. Радаева,

который представил подробный список из двенадцати индикаторов кризиса в современном преподавании учебных дисциплин «цифровому поколению» студентов [2]. В той или иной степени, пожалуй, все преподаватели высшей школы уже столкнулись с нежеланием современных студентов внимательно изучать академические тексты, поскольку они многостраничные и достаточно сложные; со стремлением большинства студентов заменить весьма трудоемкий процесс обучения элементарным «прогугливанием» информации; с острой потребностью нового поколения студентов в исключительно визуальной форме подачи учебного материала; с трудностями удержания внимания студенческой аудитории (в этой связи все чаще упоминается феномен фаббинга (англ. *phubbing*, от англ. *phone* – телефон и *snubbing* – пренебрежение), т.е. постоянное «сидение студентов в гаджетах» в ходе учебного занятия); с отсутствием у современных студентов стабильной мотивации к обучению при растущем давлении на преподавателей в отношении выставляемых отметок за те или иные формы контрольных мероприятий в рамках рейтинговой системы оценки знаний по учебным дисциплинам; с падением в глазах студентов престижа преподавательской деятельности и авторитета преподавателей, во многом связанным с негативными последствиями коммерциализации высшего образования.

В контексте перечисленных выше индикаторов кризиса преподавания существенно трансформируются сами подходы к преподаванию учебных дисциплин, в том числе социологической направленности. Обращение к реальному опыту преподавания учебных дисциплин студентам специальности «Социология» на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета (далее – ФФСН БГУ) посредством анализа учебных программ, составителями которых являются преподаватели кафедры социологии, свидетельствует о том, что наиболее активно в организации образовательного процесса на ФФСН БГУ используются практико-ориентированный подход, методы проектного и группового обучения, учебной дискуссии, а также приемы развития критического мышления. Намного реже в учебных программах по социологическим дисциплинам можно обнаружить указание их составителей на использование эвристического подхода, кейс-метода (метода анализа конкретных ситуаций) или метода деловой игры при организации образовательного процесса. Самыми распространенными формами контроля знаний в учебных программах по учебным дисциплинам кафедры социологии ФФСН БГУ выступают опросы, доклады, эссе,

письменные отчеты, презентации проектов, дискуссии, контрольные и практические работы, тесты (причем не только в так называемом бумажном формате, но и электронные тесты, которые разработаны преподавателями и доступны студентам на Образовательном портале факультета).

Несмотря на то, что подготовка докладов к семинарским занятиям относится к числу традиционных форм работы со студентами, а также учитывая неготовность многих представителей современного поколения студентов изучать трудные академические тексты, по некоторым из социологических дисциплин использование данной формы контроля знаний является правомерным и во многом обязательным, поскольку изучение ряда дисциплин невозможно без знакомства студентов с трудами выдающихся зарубежных и отечественных социологов.

В зависимости от целей и задач учебной дисциплины, а также формируемых у обучающихся компетенций в качестве основы для доклада преподаватели могут предлагать научные труды классиков социологии. Так, особенно актуально это в рамках преподавания таких учебных дисциплин, как «История классической социологии», «История отечественной социологии», «История современной западной социологии», изучение которых просто невозможно представить без работы студентов с первоисточниками. В рамках социологических дисциплин, посвященных освоению тех или иных отраслей социологической науки (например, «Социологии образования», «Социологии массовой коммуникации», «Социологии брака и семьи», «Экономической социологии», «Социологии управления» и др.), преподаватели, как правило, ориентируются на ознакомление студентов с научными статьями, опубликованными в журналах и сборниках научных работ социологической направленности. В этой связи чаще всего используются такие периодические издания, как ежемесячный научный журнал Российской академии наук «Социологические исследования», «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», сборник Института социологии НАН Беларуси «Социологический альманах» и др. В таком случае при отборе статей для подготовки студентами выступлений с докладами на семинарских занятиях (чаще всего сопровождаемыми презентациями) преподавателям следует руководствоваться следующими ключевыми принципами:

1. информационная насыщенность и актуальность излагаемого в статье материала (студентам надо предлагать действительно максимально информативные и «неустаревшие» публикации);

2. прагматическая направленность излагаемого в статье материала (в этом случае необходимо учитывать практико-ориентированность обучения в отечественных учреждениях высшего образования);

3. надежность и достоверность информации (для соблюдения данного принципа необходимо прежде всего отбирать статьи из рецензируемых журналов);

4. доступность статьи (поиск искомой публикации не должен быть для студента слишком сложным, в идеале, конечно, статья должна иметь электронную версию на сайте периодического издания).

Наряду с докладом эссе также выступает достаточно популярной и традиционной формой контроля знаний по социологическим дисциплинам. При использовании эссе в контексте текущей аттестации студентов преподаватель может ориентироваться как минимум на три способа организации их учебной деятельности:

1. предложить всем студентам подготовить эссе по одной и той же теме (например, такой подход использует автор статьи в рамках преподавания учебной дисциплины «Социология образования», предлагая обучающимся третьего курса специальности «Социология» написать эссе на тему «В чем для меня заключается ценность получения высшего образования?»);

2. предложить студентам примерный перечень тем эссе на выбор (например, при освоении учебной дисциплины «История отечественной социологии» может быть репрезентирована следующая тематика эссе: а. Загадки и парадоксы истории отечественной социологии; б. Проблема преемственности в развитии истории отечественной социологии; в. Предназначение социологической науки в понимании классиков; г. Самая оригинальная концепция в истории отечественной социологии; д. Репрезентация проблемы социального порядка в истории отечественной социологии; е. Представления классиков отечественной социологии об обществе будущего.);

3. предложить каждому студенту самостоятельно сформулировать собственную тему эссе в русле проблемно-тематического содержания изучаемой дисциплины.

Важно отметить, что при организации образовательного процесса описанные выше три способа могут сочетаться и комбинироваться в том или ином формате. Особого внимания заслуживает вопрос о критериях оценивания эссе, среди которых в обязательном порядке следует предусмотреть отсутствие в тексте эссе неправомерных заимствований. При этом серьезной проблемой для преподавателей в настоящее время

становится использование студентами ресурсов искусственного интеллекта (например, ChatGPT и др.) для создания текста эссе.

Таким образом, актуальные подходы к преподаванию социологических дисциплин базируются на применении как инновационных, так и проверенных временем традиционных форм контроля знаний студентов.

Библиографические ссылки

1. Курилович Н.В. Преподаватель как организатор учебной деятельности студентов в образовательной среде современного вуза // Инновационные подходы и креативные компоненты обучения социально-гуманитарным дисциплинам в высшей школе: сборник научно-методических статей / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 47-56. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234261> (дата обращения 23.09.2024).

2. Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. №6. С. 114-124.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.А. Легчилин

*Белорусский государственный университет
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
liahchylin@bsu.by*

Идентичность как понятие выражает феноменальное наличное бытие здесь и сейчас, с которым отождествляем себя и через которое выделяем себя из мира всеобщностей. Мы вправе рассуждать об идентичности современных белорусов, поляков, литовцев, французов, немцев, узбеков и пр. Среди главных факторов, влияющих на трансформацию национальной идентичности — это глобализация и широкое распространение информационных технологий (приводит к взаимопроникновению культур). Близость и доступность культур приводит к тому, что в смысловом пространстве становится достаточно много «Другого», в итоге, сложным становится различить свое и чужое. Реализовывать законное право государства на национальную безопасность и суверенитет (т.е. отстаивать свою идентичность) становится все сложнее. В такой ситуации государствам приходится уступать все большие доли своего суверенитета. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Чем больше мы, якобы утрачиваем свою идентичность, тем большую силу

приобретает государственность, оказывающая влияние на национальную идентичность. Именно поэтому национальная идентичность не становится утопическим проектом в рамках глобализации, а напротив, приобретает принципиально иные возможности. Иными словами, нация обретает новые возможности для самореализации.

Ключевые слова: *идентичность; национальная идентичность; полиидентичность; идентичность в контексте государства.*

Известно, что культурные и социальные различия народов во многом сложились в силу специфических исторических обстоятельств. Сегодня в начале XXI века эти различия часто становятся предметом пристального анализа. При этом используется термин «идентичность», который все чаще и становится все более популярным.

Феномен идентичности (от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) на самом деле настолько подвижен, что в лучшем случае может претендовать на роль некоего маркера в отношении того или иного социально-культурного явления. О чем только не пишут сегодня, связывая со словом идентичность: это и образование, и культура, и различные социальные, конфессиональные, национальные особенности и т.д.

Вместе с тем, идентичность как понятие, прежде всего, отражает некую феноменальную данность, наличное бытие здесь и сейчас, с которым мы себя отождествляем и через которое выделяем себя из мира всеобщностей. Мы вправе рассуждать об идентичности современных поляков, литовцев, белорусов, французов, немцев, узбеков и пр. Мы фиксируем это посредством языка именно в тот момент, когда вынуждены устанавливать и подчеркивать свое различие, выделяя «Свое». «Я - белорус», а значит не немец, не литовец, не поляк. В каком-то смысле идентичность ассоциируется с реальной границей того или иного пространства. Это пространство в большинстве случаев является физическим (или метафизическим). Идентичность, не мыслима без границ, поскольку граница — это не то, где нечто заканчивается, но как это поняли уже греки, граница – это то, откуда нечто начинает свое присутствие, заметил как - то М. Хайдеггер. Таким образом, понятие «идентичность» скорее будет обозначать не только отождествление себя с чем-то, но, напротив, будет подчеркивать отличие и устанавливать различие. И в этом его специфика и достоинство.

Причем, мы замечаем это на всех уровнях. Можно говорить об идентичности семейной, национальной, можно исследовать европейскую

идентичность, или идентичность жителя латиноамериканского региона, обнаружить христианскую или мусульманскую идентичность. Однако, здесь вряд ли уместно применение логических критериев, с помощью которых возможно приведение к единому знаменателю. Поиски идентичности неотъемлемо связаны с борьбой за признание себя. Однако часто они оборачиваются претензией на собственную исключительность и даже появления культурного и другого экстремизма, а в итоге ведет к агрессивности по отношению к Иному.

Как видим, проблема идентичности весьма многополярна в своем проявлении и решении. Существует множество вариаций ее анализа и осмысления. Данная тема особенно привлекательна, когда идет процесс становления, формирования национального сообщества, или любого другого социального феномена в своем историческом развитии. Таковыми в последние десятилетия XX – нач. XXI вв. являются европейская интеграция и глобализация, постсоветская децентрализация, которые породили, так называемые, новые, независимые национальные и сверхнациональные идентитеты.

Для нас весьма интересным является вопрос о том, способны ли сложившиеся глобальные коммуникационные, геосоциальные перемены в нач. XXI столетия воздействовать на формирование национальных идентичностей. Как бы там не было, все констатируют о рождении человека иного мирозерцания, радикально отличного от того, который уже был в классические времена. Иначе говоря – в перспективе предполагается смена поколений и ожидается новое поколение, для которого национальные ценности своей культуры получили иной уровень развития, а также иное содержание. В данной системе оценок по-новому осмысливаются такие феномены как «пространство», «место», «свое», «чужое», «граница», «государство», «нация».

Среди факторов, влияющих на трансформацию национальной идентичности в самом общем ракурсе, рассматриваются следующие: развитие и широкое распространение информационных технологий (приводит к взаимопроникновению культур), что способствует своеобразному пространственно-временному сжатию. Близость и доступность любой культуры приводит к тому, что в смысловом пространстве становится достаточно много «Другого», в итоге, сложным становится различить свое и чужое. А собственная идентичность, как известно, не мыслима без границы между своим и чужим, и соответственно не мыслима без того, кто от меня отличается. Мы оказываемся в ситуации,

когда идентификация себя с одной определенной нацией, к которой ты принадлежал с рождения, становится проблематичной. Мир все чаще характеризуется как полиидентичный. Однако, в то же время мы можем наблюдать противоположную тенденцию. Достаточно серьезные вспышки национального эгоизма, а также не прекращающуюся борьбу некоторых наций за независимость и признание. Эта борьба идет на уровне политических партий, избравших своей основой построение модели национальной идентичности. Все это свидетельствует о том, что от национальной принадлежности, как одной из ведущих характеристик общества и личности еще рано отказываться. Более того, необходимо проводить ее анализ с учетом всей специфики сложившейся ситуации, чтобы ответить на вопрос: как возможна национальная идентичность в эпоху постсовременности?

Теперь обратимся к проблеме соотношения нации и государства в контексте идеи идентичности. Национальная идентичность - основа самостоятельного государства и высшая форма общественного единства. Она выражается в стремлении формировать специфическое состояние сознания этноса и социально-психологической ориентации людей, а также сопряженные с ними идеологию, политику, торию и социальную практику. Государство реализует и отстаивает стратегию самодостаточной национальной принадлежности через специфическое отношение к другим нациям. Государство заинтересовано в поддержании и культивации «своего» для этого общества. Оно реализуется с помощью системы образования, культуры среди всех членов общества. Такое положение дел является следствием специфики современной полиидентичности. Поворот к национальной идентичности является своего рода симптомом, по которому можно поставить диагноз современному обществу. Идентичность неразрывно связана со всеми остальными характеристиками нашего времени и теми изменениями, которыми пестрит наша эпоха.

Существует мнение (З.Бауман, М. Кастельс), что именно глобализация оказывает влияние на изменение статуса национального государства, ведя его к разрушению. Национальные государства оказываются в зависимости от капитала, который теперь совершенно свободен в своих перемещениях. Глобальные рынки навязывают законы и предписания нациям и всей планете. Основная характеристика этой тенденции – потеря контроля над тем, что происходит в государстве. Реализовывать законное право государства на национальную безопасность и суверенитет (т.е. отстаивать свою идентичность) становится все сложнее. В такой ситуации

государствам приходится уступать все большие доли своего суверенитета. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Чем больше мы, якобы утрачиваем свою идентичность, тем большую силу приобретает государственность, оказывающая влияние на национальную идентичность.

А так как существование нации еще никто не отменял, то возникает дилемма: что является первичным – нация (некое этнокультурное образование) по отношению к государству или государство по отношению к нации? В эпоху глобализации оказывается, что если государство не приемлет общую национальную идею, то национальная идентичность отнюдь не является необходимостью для данного государства. Однако акцент на специфике национальной идентичности нередко является стремлением государства усилить свои позиции и повысить свой авторитет.

До сих пор мы рассуждали о различных аспектах феномена идентичности как такового, в том числе, и идентичности в контексте процессов глобализации. Сейчас мы попытаемся обратиться к некоторым проблемам на микроуровне, представить, что называется, взгляд изнутри. На первый взгляд, тема идентичность и безопасность не коррелируют друг с другом. Однако утрата национальной безопасности связана с огромными рисками, непредсказуемостью для человека и в таких условиях не о какой идентичности не может быть и речи. Известно, что глобализация возникла в первую очередь как явление экономическое и экономическая же составляющая влияет на культурные и социальные аспекты. Она же, экономическая доминанта, разрушила сложившиеся на протяжении веков национальные идентичности, привела к обострению и столкновению цивилизационные социальные отношения в мировом масштабе.

Следует отметить и другие существующие тенденции глобализации по отношению к нациям. Благодаря глобализации культуры и их представители обретают перспективу социальной мобильности. Все это ведет к идее искусственности различного рода границ: культура не знает границ, соответственно это ведет к эрозии национальной самоидентификации. Гораздо важнее в данном отношении осознание собственной специфичности, которая, тем не менее, не является препятствием в какой-либо коммуникации. В данном контексте различные средства коммуникации, в том числе Интернет является технической составляющей, позволяют такого рода интеграции осуществиться.

Вместе с тем, эпоха глобализации – это эпоха национального возрождения. Социальные взрывы в конце XX начале XXI столетий доказывают, что в современном мире нации хотят жить собственной

жизнью, воплощаясь в независимых культурных конструктах и политических проектах. Применительно к национальной идентичности глобализация ведет к «плюрализации границ», то есть размыванию оппозиции между национальным и интернациональным. Это влечет за собой новую политику сравнения: западный вариант модерна не должен для нас быть преобладающим, образцом для оценки других культур. Необходимо уяснить, что цивилизации не-западного типа представляют собой свои собственные, особые сочетания культуры, капитала и национального государства. Именно поэтому национальная идентичность не становится утопическим проектом в рамках глобализации, а напротив, приобретает принципиально иные возможности. Иными словами, нация обретает новые возможности для самореализации.

В эпоху глобализации возникает необходимость обратиться к тому, что происходит внутри национальных государств. А происходит в условиях глобализации то, что национальное часто уже более не является национальным. Национальное теперь необходимо рассматривать как глобальное. Что касается самого национального, то здесь можно увидеть интересную тенденцию - подрывается устоявшаяся оппозиция своего – чужого, национального – не-национального. То, что процесс происходит в границах национального государства, зачастую не означает, что этот процесс имеет национальное содержание; и наоборот – национальное все чаще располагается за пределами национального государства (за рубежом или в виртуальном пространстве).

Национализм, в своем традиционном понимании, не имеет права на существование, поскольку неизменно ориентирован на превозношении «собственного» и отрицании «другого». Однако, это не обозначает полной унификации культурных и национальных особенностей, скорее это способность быть одинаково открытым ко всем локальным сообществам.

В итоге наших теоретических размышлений следует лишь еще раз констатировать, что вопрос по поводу статуса собственно национальной идентичности остается открытым. Это связано с тем, что такое понятие как «место», «пространство», «топос» (со времени греков) перестает полностью определять жизнь сообщества, а историческая коллективная и культурная память (если ее не стимулировать) теряет свое единство, перманентность, целостность.

И все же полной утраты культурных и национальных особенностей в эпоху глобализации ожидать не следует. Напротив, национальная идентичность не становится утопическим проектом, но приобретает

принципиально иные возможности. Иными словами, нация обретает новые возможности для самореализации, но в совокупности с поддержкой национальной идеи государством. Таковы, на наш взгляд, сегодняшние реалии и, с другой стороны, единственно возможные перспективы модели национальной идентичности. Особенно это характерно для большого количества новых, появившихся и претендующих на независимость и самостоятельное существование государств, формирующих свою национальную идентичность.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА

Е.В. Лебедева

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь
lebedevaev@bsu.by*

Статья посвящена анализу социально-культурных предпосылок, обусловивших развитие современных западных концепций социологии города. Проводится различие между индустриальным городом, как предметом исследования классической социологии города и сетевым, находящимся в фокусе внимания современных социологических теорий, выделяются основные факторы, обусловившие теоретико-методологическую рамку социологии города в настоящее время.

Ключевые слова: *город; социология города; история социологии; современная западная социология.*

Традиционно, к социокультурному контексту зарождения классической социологии (в том числе классической социологии города) относят становление рыночных отношений, развитие капиталистических форм собственности, индустриализацию, урбанизацию. При этом тематика раннесоциологических трактовок городской среды (конфликты, конкуренция, сегрегация, внутригородская мобильность) была в полной мере обусловлена вышеперечисленным контекстом – возникновением «мегаполиса, который классически отличался от автономного средневекового европейского города» [1, р. 347]. Однако процесс социальной эволюции перманентен, что приводит к существенным трансформациям как со стороны экономических аспектов жизни общества,

политического устройства, а также технологического оснащения самих городов. Соответственно должна претерпевать изменения и социологическая концептуализация городской среды. Однако для того, чтобы в максимально детализировать новейшие социологические теории эволюции городской среды, необходимо изучить внешние условия их возникновения. Новые социологические концепции городской среды отражают социальные, политические и экономические тенденции конца XX – начала XXI века. Главными из них П. Ле Гале считает «новую волну капитализма, экологический кризис, эрозию национального государства, усиление индивидуализма и противоречивость процесса глобализации» [1, р. 347-348]. Рассмотрим вышеперечисленные аспекты подробнее.

Прежде всего, на трансформацию социологической теории в сфере изучения городской среды влияют значительные перемены в сфере мировой экономики (прежде всего, реструктуризация капитализма), произошедшие в последнее десятилетие XX века – «после краха “реального социализма” ... в социологическую теорию ... вернулась перспектива рассмотрения современных обществ как капиталистических или неокapиталистических» [2, с. 84]. Отличительными особенностями неокapитализма, по мнению ряда исследователей, являются: во-первых, *глобальный характер*, во-вторых, акцент на *цифровые и информационные технологии*, «экономику знаний» и, в-третьих, его «*финансализация*», то есть отделение капитала от реальной, производственной сферы, перевод его в плоскость «виртуальных» экономических отношений, что, в свою очередь, вызвало значительный рост финансового сектора в течение последних десятилетий XX века и, в конечном итоге, обусловило мировой финансовый кризис в 2008-2010 гг. Очевидно, что переход в фазу неокapитализма привнёс значительные перемены в жизнь промышленных городов, особенно моногородов, что с методологической точки зрения обусловило «разрыв между социальной теорией и сбором эмпирического материала на местности» [1, р. 348]. Новые экономические реалии потребовали дополнения категориального аппарата классической городской социологии и включения в него таких понятий, как «сети», «виртуальность», «коммуникация», «культурный капитал». «Кризис модели вертикальной корпорации» [2, с. 87], характерный для эпохи постфордизма актуализировал вопросы, связанные с децентрализацией власти, низовыми инициативами, активизмом и социальными движениями. Оформившаяся модель «сетевого предприятия», как обозначил её М. Кастельс [3], стала олицетворением не только сетевого общества, но и *сетевого города*, который пришёл на смену индустриальному, основанному

на принципах рационального бюрократического управления. Современный город вышел за пределы «материального мира», включающего в себя здания, улицы, площади, как ресурсы жизнедеятельности за которые идёт непрерывная война между горожанами. Сетевой город – это и культурные индустрии, воплощённые в разнообразных «креативных кластерах», производящих новые идеи, стили жизни, эстетические идеалы; и новые измерения социального неравенства, которое помимо традиционных экономических и политических параметров, включает в себя и цифровые, и гендерные, и символические, поскольку современное общество представляет собой «трансформацию классовых отношений и отношений неравенства» [2, с. 89].

Помимо прочего, размывание границ классического «национального государства» и противоречивые тенденции глобализации потребовали от современных городских исследователей умения «думать за пределами национальных границ» [1, р. 349]. По мнению С. Сассен «глобализация обусловила интенсификацию транснациональных и транслокальных процессов, вызвала фундаментальные изменения в трудовых отношениях, усилила социокультурное разнообразие» [1, р. 353-354] и именно города стали теми узлами, в которых тенденции глобализации приобрели чёткие формы и начали масштабироваться на более высокие уровни. Город мыслится современными социологами уже не как территориально ограниченная единица, а как подвижная совокупность множества трансграничных явлений и процессов, при этом факторы, обуславливающие данные явления и процессы зачастую лежат за пределами национальных границ. Иными словами, роль города как «оплота» национальности, уходит на второй план, «локальное» перестаёт быть синонимом «близкого», а принципиальная возможность существования некой территориальной идентичности ставится под сомнение (переход от горожанина к гражданину мира).

Как результат, статичные теории городской среды уходят на второй план, а их место занимают разнообразные «теории потоков». Среди них можно отметить концепцию «текучей современности (liquid modernity)» З. Баумана [4], согласно которой «привязанность к определенному месту не столь важна, поскольку это место может быть достигнуто и оставлено по собственной прихоти в короткое время или в мгновение ока» [4, с. 20], поскольку современные горожане живут в «в мире, полном возможностей, каждая из которых более привлекательна» [4, с. 70]. И если в раннекапиталистических городах ресурсы привлекали людей в город

(сельские жители, как правило, переселялись в большие города в поисках работы), то для городов позднего капитализма непосредственно человек является ресурсом. Наиболее полно эта идея отражена в работе Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [5], в которой описывается как приток культурного капитала в тот или иной город (концентрация в нём представителей «креативного класса» – специалистов, занятых в постиндустриальном секторе экономики) способен в значительной степени изменить общую траекторию городского развития.

Ещё одним важным фактором, определившим социокультурный контекст развития современных социологических теорий о городской среде, стала пандемия Covid-19, охватившая мир в 2020-2022 гг., а именно «социальные последствия массовой вынужденной самоизоляции и дистанцирования» [6, с. 6]. Проблемы «эмоциональной отдалённости, коммуникативных барьеров и ксенофобии проявлялись в жизни больших городов и до этого момента» [6, с. 6], однако Covid-19 сделал их максимально видимыми. Потенциал реализации одной из важнейших функций городской среды – коммуникативной – был серьёзно ослаблен. К негативным последствиям этого можно отнести размывание территориальной идентичности, вызванное уходом в единственно доступную виртуальную плоскость, ослабление локальных сообществ и института соседства, сегрегацию и изоляцию [6]. С другой стороны, в силу вынужденной самоизоляции, жизненный ареал обитания горожан был значительно сокращён, типичное для многих городов разделение на жилые кварталы и районы досуга, изменилось – «парки и центральные улицы были недоступны (либо воспринимались как не безопасные), обитаемое пространство сузилось до ближайшего магазина, собственного двора или даже вида из окна» [6, с. 9], иными словами, фокус внимания горожан сосредоточился на территориях непосредственной близости. На передний план вышли вопросы локальных аспектов «жизненного мира» горожан, в силу чего городская социология вновь обратилась к темам, бывшим на пике популярности в 1960-70-х гг. – принципы соседства, «городские совместности», «право на город», а также конфликты, неизбежно возникающие в результате реализации данного права. Тут уместно вспомнить «прагматический поворот», который заострил внимание на разного рода социальных конвенциях, связанных с обоснованием того или иного социального порядка (социальной справедливости).

Таким образом, значительные социокультурные перемены, произошедшие в городах за последние несколько десятилетий

(трансформация капитализма и финансовый кризис, цифровая революция и глобализация, а также пандемия Covid-19) в значительной степени обусловили необходимость переосмысления предмета социологии города, с целью расширения её возможностей понимать и объяснять современную социальную реальность.

Библиографические ссылки

1. The Future of Urban Sociology / T. May, B. Perry, P. Le Galès [et al.] // Sociology. – 2005. – Vol. 39(2). – P. 343–370.
2. Полякова, Н.Л. Новые горизонты теории общества начала XXI в.: от постиндустриализма к неокapитализму / Н.Л. Полякова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2016. – № 2. – С. 83-115.
3. Castells, M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process / M. Castells. – Oxford, 1989. – 416 p.
4. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее (пер. с англ.) / Р. Флорида. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
6. Лебедева, Е. В. Цифровой город в эпоху пандемии: новый этап научного дискурса / Е. В. Лебедева // Журнал БГУ. Философия. Психология. – 2021. – № 2. – С. 4–11.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

С.А. Мудров

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь
s.mudrov@gmail.com*

В статье проанализированы особенности взаимодействия Православной церкви и учреждений образования в Республике Беларусь. В настоящее время взаимоотношения Белорусской Православной Церкви (БПЦ) и образовательных институций регулируются Конституцией, «Законом о свободе совести и религиозных организациях», а также подзаконными нормативно-правовыми актами, включая постановления Совета министров, министерств и ведомств Беларуси. С момента заключения первого соглашения с Министерством образования, Православная Церковь в Беларуси смогла создать работающий механизм взаимодействия с образовательными учреждениями, отражаемый в программах сотрудничества БПЦ и Минобразования.

Ключевые слова: Православная Церковь; образование; Беларусь; преподавание религии; программы сотрудничества.

Введение

Православная Церковь стремится к построению тесных конструктивных взаимоотношений с системой образования, включая все его уровни – от начального до высшего. Для религиозных организаций взаимодействие с учреждениями образования имеет значение в контексте просветительской работы и разъяснения сущности христианских ценностей. Действительно, школа определённым образом влияет на формирование взглядов учащихся; при этом церковь заинтересована в том, чтобы у молодого поколения складывалось доброжелательное отношение к христианскому мировоззрению. Церковь также стремится к защите традиционных семейных ценностей и оказанию помощи учащимся, которые могут быть дезориентированы в пространстве множественных идеологических моделей.

В данной статье будут рассмотрены основные вопросы взаимодействия Белорусской Православной Церкви и учреждений образования, в контексте официальных документов и экспертных интервью, проведённых автором исследования. Взаимодействие БПЦ и образовательных учреждений анализируется в разрезе системы государственно-церковных отношений, сложившихся в Республике Беларусь.

Церковь и государство: особенности взаимодействия

В настоящее время взаимодействие Белорусской Православной Церкви с государственными институтами определяется Конституцией Республики Беларусь (редакция 2022 года), Законом «О свободе совести и религиозных организациях» (редакция 2023 года), и Соглашением о сотрудничестве между Православной Церковью и Республикой Беларусь (2003 год). Белорусские учёные в целом позитивно оценивают существующую нормативно-правовую базу. По мнению Д.Низовича, Церковь и государство «находят точки соприкосновения в социокультурной сфере»; а сама Православная Церковь оказывает значительное влияние на белорусское общество [1].

Следует отметить, что для законодательно-практического поля Беларуси не актуален принцип «отделения церкви от государства». В Конституции Республики Беларусь (ст.16) обозначено, что, при регулировании взаимоотношений государства и религиозных организаций, учитывается

«их влияние на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Действующая редакция Закона «О свободе совести и религиозных организациях» признаёт особую роль Белорусской Православной Церкви «в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», что в целом вписывается в контекст взаимоотношений православных церквей и государственных институций [2; 3]. В Соглашении 2003 года между БПЦ и государством постулируется, что Православная Церковь является «одним из важнейших социальных институтов», и взаимодействие с БПЦ выступает «важным фактором общественной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира на белорусской земле». При этом особое внимание уделяется взаимодействию Православной Церкви и государственных институций в области образования, культуры, благотворительности, семьи и семейных ценностей, нравственности. Однако на практике сотрудничество между БПЦ и учреждениями образования началось задолго до того, как об этом было упомянуто в Соглашении 2003 года [4; 5].

Соглашения и программы сотрудничества

Первое формальное соглашение между Министерством образования и Православной Церковью было заключено в 1994 году, то есть за девять лет до подписания Соглашения о сотрудничестве между БПЦ и Республикой Беларусь. В некоторой степени это стало возможным благодаря личным договорённостям между тогдашним предстоятелем БПЦ митрополитом Филаретом и министром образования Василием Стражевым, который в целом положительно относился к сотрудничеству с церковью. Соглашение о сотрудничестве, подписанное в сентябре 1994 года, стало уникальным документом в контексте отношений Церкви и государства в начале 1990-х годов, когда ещё в немалой степени сохранялись нормативы советского восприятия роли и функций религиозных организаций. Для Экзархата открывались (по меньшей мере декларативно) новые возможности, о которых сложно было говорить всего несколько лет назад. В небольшом документе (он занимает три страницы) акцент был сделан на «возрождение духовности и нравственности белорусского народа, восстановление культурной традиции и утверждение исторической роли Православия в Белоруссии». Соглашение можно считать первым документом постсоветского периода белорусской государственности, в котором звучат новые, более свободные принципы церковно-государственных отношений. Особого внимания заслуживают следующие аспекты.

Во-первых, документ отмечает значимость реализации в Беларуси «традиционного европейского принципа» дифференцированного статуса конфессий и вероучений, исходя из их отношения к культуре и государственно-образовательным программам. Во-вторых, обозначена необходимость разработки «условий, принципов и методов», открывающих возможности для традиционных конфессий участвовать в научном, учебном и административном процессе в учебных заведениях. Соглашение предполагает создание благоприятных условий для присутствия Православной Церкви в учебных заведениях и потенциальную возможность корректировать содержание программ различных учебных дисциплин. Примечательно, что в документе упоминаются недостатки в преподавании ряда предметов (философии, этики, культурологии, истории и т.д.), которые «всё ещё базируются на атеистической основе»; при этом для избегания «идеологического монизма» предлагается проводить консультации по содержанию данных курсов с представителями Православной Церкви и других традиционных конфессий. По убеждению авторов Соглашения, в системе образования должны присутствовать курсы, основанные на «исторически традиционном для Белоруссии религиозном мировоззрении». Очевидно, что Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и Экзархатом предполагало преодоление негативных явлений прошлого, и было нацелено на то, чтобы учитывать интересы и мнения традиционных конфессий.

Соглашение 1994 года стало во многом революционным документом, поскольку декларировало для Православной Церкви возможность доступа в образовательные учреждения, а также постулировало уникальное положение о том, что «светские мировоззренческие курсы и их части» не должны вызывать «принципиальных возражений со стороны исторически традиционных конфессий и религий». Предусматривалось развитие механизмов по признанию дипломов, учёных степеней и званий в области богословия. При этом «необходимые действия» по признанию богословских дипломов должны быть предприняты уже к сентябрю 1996 года, то есть в течение двух лет.

Однако инновационные положения в Соглашении Экзархата и Минобразования остались, в немалой степени, декларациями о намерениях. Отчасти это можно объяснить оппозиционностью по отношению к религии, отражающей наследие советской эпохи. Кроме этого, в целом законодательная среда в 1990-х годах была не настолько благоприятна Православной Церкви, как, например, в начале 2000-х. Подписание

соглашения между БПЦ и РБ в июне 2003 года открыло возможности для заключения рамочных соглашений между Экзархатом и государственными организациями. Новая программа сотрудничества между БПЦ и Минобразования была подписана спустя 10 лет после первой программы, в 2004 году, сроком на два года. Последующие программы действовали в 2007 – 2010 гг., 2011-2014 гг., 2015 - 2020 гг. В настоящее время действует пятилетняя программа, рассчитанная на 2020-2025 годы.

В целом, оценивая развитие Программ сотрудничества между БПЦ и Минобразования в 1994-2020 гг., можно отметить размывание содержания данных программ, в менее благоприятную для Православной Церкви сторону. Действительно, изначальные положения, связанные с признанием дипломов учебных заведений БПЦ, учреждением кафедр теологии и внедрением факультативных курсов богословия в высших учебных заведениях, были исключены в последующем. Программы в большей степени стали ориентироваться на мероприятия общего характера: совместные семинары, лекции, визиты, круглые столы, дискуссии и т.п. При этом практические аспекты сотрудничества по-прежнему зависят от позиции руководителей образовательных учреждений.

Преподавание религии в школе

Действующее белорусское законодательство не предполагает изучение религии в школе в качестве обязательного предмета (в сетке расписания). В этом отношении ситуация в Беларуси отличается от России, где учащиеся могут выбрать (в качестве обязательного модуля) изучение одной из основных религий: православия, ислама, буддизма и иудаизма, или «светской этики», если не высказано предпочтение ни одной из указанных выше четырёх религий. В белорусской школе разрешено факультативное изучение религии (или смежных дисциплин); в настоящее время в перечень включены следующие предметы:

- Основы православной культуры (для начальной школы, 1-4 классы);
- Основы православной культуры (для средней школы, 5-9 классы);
- Библия как памятник истории и литературы (6 класс);
- Храмы, замки и дворцы в Беларуси (7 класс);
- Искусство колокольного звона (9 класс);
- Культура и религия (10-11 класс);
- Основы религиоведения (11 класс);
- Основы православной культуры. Православные святыни восточных славян (1-11 классы);
- Святыни родного края (9-10 классы);

Основы духовно-нравственной культуры и патриотизма (5-7 классы).

Некоторые из указанных выше дисциплин носят общий характер; другие более связаны с православием, поскольку предлагают знания о православии и отражают православное мировоззрение. Сюда можно включить «Основы православной культуры» и, в некоторой степени, «Библию как памятник истории и литературы». В настоящий момент у автора нет информации о том, в каком количестве школ представлены предметы религиозной направленности.

Заключение

С момента подписания в 1994 году первого соглашения между Министерством образования Беларуси и Белорусской Православной Церковью прошло 30 лет; за этот промежуток времени была сформирована устойчивая система сотрудничества, определяемая существующей нормативно-правовой базой и сложившейся практикой. В целом действующее законодательство лояльно Православной Церкви, но не создаёт при этом режима «особого благоприятствования» для деятельности БПЦ в учреждениях образования. Содержание учебников по ряду дисциплин, преподаваемых в учебных заведениях, отражает скорее атеистическое, нежели религиозное мировоззрение; позиция Церкви либо вовсе не принимается во внимание, либо учитывается в незначительной степени.

Невзирая на декларации программ сотрудничества между БПЦ и Минобразования, остаётся нерешённым вопрос о признании дипломов и учёных степеней, присваиваемых учебными заведениями Церкви (духовными семинариями, училищами и академией). Преподавание дисциплин религиозного характера в средней школе по-прежнему ведётся в основном на факультативной основе, без включения в сетку обязательного расписания. В силу особенностей действующего законодательства и сложившейся практики, взаимодействие учебных заведений и БПЦ в немалой степени зависит от субъективной воли руководителей и учредителей учебных заведений.

Библиографические ссылки

1. Низович, Д. (2019) 'Предпосылки и содержание социально-культурной деятельности Православной церкви в Республике Беларусь' Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. - Минск: РИВШ, С. 380-388

2. Antonov, M. (2020) 'Church-state symphonia: its historical development and its applications by the Russian Orthodox Church'. Journal of Law and Religion 35(3), pp. 474-493
3. Kalkandjieva, D. (2011) 'A Comparative Analysis on Church-State Relations in Eastern Orthodoxy: Concepts, Models and Principles'. Journal of Church and State 53(4), pp.587-614
4. Mudrov, S. 'Church-State relations in the post-Communist world: the cases of Belarus and Estonia' / Journal of Church and State. Vol. 59 (2017), Issue 4, pp. 649-671
5. Mudrov, S. and N.Zakharov (2022) 'The Internal Discussions in the Belarusian Orthodox Church on Identity and Policy Issues: A Contemporary Perspective.' Journal of Religion in Europe. 15(1-4), pp. 81-104

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.Г. Пацеева

*Белорусский государственный экономический университет,
Партизанский проспект 26, Минск, Беларусь
nastasiapaceeva@gmail.com*

В статье раскрываются подходы к постановке цели современного социологического образования, также в работе аргументируется необходимость перехода интерпретации целей социологического образования от понимания социальных процессов к оцениванию их.

Ключевые слова: педагогическое целеполагание, социологическое образование, изучение социологии, миссия социологии.

Целеполагание является основополагающим процессом при организации педагогической технологии. По сути, под целеполаганием подразумевается осмысление, проектирование результатов педагогической деятельности преподавателя. Постановка педагогической цели обуславливает не только направление развития технологий профессиональной деятельности педагога, но и обеспечивает ее качество. Качество в данном контексте необходимо понимать, как соответствие характеристик педагогического процесса, ожиданиям, предъявляемым к нему различными институтами общества.

Традиционно, разрабатывая учебные программы и другие элементы обеспечения педагогической деятельности, осуществление задачи целеполагания, решается в классическом ключе формулирования либо различного вида компетенций, либо знаний, умений, навыков, которые

должны быть сформированы. При этом сам корпус социологического знания позволяет расширить и переосмыслить процесс планирования целей.

Получение качественного социологического образования, а также изучение социологии как учебной дисциплины в рамках получения иных специальностей в системе высшего образования в современных условиях приобретает качественно новый аспект. Это новшество заключается в акцентировании роли социологии в формировании мировоззренческих позиций студентов в отношении социальных, общественных процессов с позиции соответствия их некоторому образу «нормальности». Этому способствует, во-первых, объективная необходимость формирования социальных представлений о нормальном функционировании общества, основанных на научных предпосылках. С другой стороны, само по себе социологическое знание обеспечивает понимание, того, что одни процессы в обществе функциональны, другие, напротив, дисфункциональны.

В первую очередь отметим, что целеполагание может быть осуществлено в двух формах: с одной стороны, это формализованная фиксация проекта будущих компетенций в программных документах. «Под целеполаганием в педагогике мы понимаем сознательный процесс выявления и постановки целей и задач педагогической деятельности, закрепление их в официальных выражениях образовательной политики государства, придание им законодательного статуса, нормативных установок» [1, с. 237]. С другой стороны, целеполагание — это неформализованный процесс утверждения и распространения определенных идей, миссии. И если в формализованных документах присутствуют свои жёсткие требования оформления, то неформальная сторона процесса целеполагания требует постоянного переосмысления и дискуссии и реализуется в том числе и в деятельности самих социологов.

Деятельность Давида Генриховича Ротмана, и педагогическая, и научная остаётся в памяти его учеников образцом того, что несмотря на всё сложности общественных отношений, несмотря на конъюнктурные моменты задача социолога состоит в том, чтобы ориентироваться на то, что в функционировании общества есть то, что является нормальным с точки зрения закономерностей социальных процессов, а также на высокие профессиональные стандарты. И если общение с ученым и педагогом остаётся аргументом в пользу этой позиции лишь в памяти учеников и коллег, то его научное наследие выступает вещественным обоснованием. Корректный, многогранный анализ качества осуществления социологических исследований, осуществленный им в работе

«Современное социологическое исследование: проблемы повышения качества данных» выступает одним из примеров этой грани деятельности учёного [2].

«Социология формирует стабилизационное сознание и соответствующее общественное мнение; социологическое образование, представляя картину социальной реальности, закладывает мировоззренческий фундамент убеждений, гражданской позиции, ответственности», - четко сформулировал Сергей Александрович Шавель [3, с. 12]. И этот устоявшийся подход к пониманию роли социологии в системе общественных отношений определяет цель социологического образования как становление человека и гражданина; как обеспечение становления и развития гражданского самосознания. Фактически, в этом подходе имманентно присутствует убеждение, что само по себе понимание социальных процессов людьми повысит вероятность устойчивого развития общества.

Одной из возможных позиций ученого социолога является активная позиция, согласно которой он призван не только изучать общественные процессы, но и принимать активное участие в принятии управленческих решений. «Миссия социологии не сводится только к обслуживанию оперативных, текущих задач взаимодействия социальных институтов (политики, власти, права, быта, семьи и т. д.) между собой и народом, хотя и это требует профессиональной компетентности социологов, например, в выявлении общественных мнений и настроений, в научном анализе результатов опросов. Социолог профессионален, когда он докапывается до истины, становясь «рыцарем без страха и упрека», не боясь правды и не скрывая её от людей, принимающих решение» [4, с.308]. Активная профессиональная позиция социолога сталкивается с неготовностью населения воспринимать объективную социологическую информацию. При этом, по мнению одного из российских исследователей одной из причин, препятствующих реализации роли социологии как науки в современном мире, является «недостаточная социологическая грамотность, а зачастую, и полная безграмотность большей части населения, способствующая распространению стереотипов, предрассудков, предубеждений относительно роли социологии, её возможностей, а также её значимости в процессах функционирования и изменения общественных систем» [5]. Сокращение возможностей изучения социологии в белорусских учреждениях высшего образования даёт дополнительные основания полагать, что ситуация в Беларуси отчасти сходна.

И безусловно то, что изучение социологии является необходимым условием для оценивания того, как протекают социальные процессы. Ещё Т.Парсонс и Э.Дюркгейм обращали внимание на то, что функционирование общества может следовать как нормативной, так и дисфункциональной логике. И цель изучения социологии студентом в современных условиях информационных, пропагандистских компаний расширяется в направлении оценивания социальных процессов. Студент, понимающий, что феномен безработицы является нормальным и необходимым для сложных обществ с рыночной экономикой, не поддастся популистской позиции, заявляющей о необходимости уничтожения её. Осознание позитивного значения селективной функции социального института образования простимулирует конкуренцию в образовательной среде и обеспечит рост мотивации к обучению. Понимание демографических процессов и функционирования системы пенсионного обеспечения позволит по-иному оценить репродуктивные установки. А взвешенное оценочное отношение к процессам перехода к цифровому обществу не даст переоценить возможности виртуального общения. Эти результаты отразят эффективность педагогического процесса изучения науки социологии.

Таким образом, формирование цели социологического образования обеспечивается формальным образом, через закреплённые в программах, фиксированные нормативными документами цели и задачи учебных дисциплин. В неформальном виде цели социологического образования транслируются самими социологами, учеными и преподавателями. Неоценимым вкладом в понимание задач изучения социологии является авторитет педагогов. Традиционное понимание ценности изучения социологии как дисциплины, и получения социологического образования в целом отражается в том, чтобы видеть в социологическом знании фундамент понимания социальных процессов. Элементом новаторства в интерпретации целей социологического образования становится формирование оценочного отношения к социальным процессам, формирование основ для анализа функциональных и дисфункциональных процессов в обществе.

Библиографические ссылки

1. Мижеригов В.А. Целеполагание как системообразующая основа профессиональной деятельности педагога // В.А.Мижеригов / Журавлевские чтения. Трансформационные процессы в педагогической науке и образовании. – Материалы VI

Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Журавлева Василия Ивановича. Отв. редактор: Н.А. Горлова. – Москва, 2022. – с.236-245

2. Ротман, Д.Г. Современное социологическое исследование: проблемы повышения качества данных. // Д.Г.Ротман / Социология, 2010, № 1 .- С.95-100

3. Шавель, С.А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. - Минск : Беларус. навука, 2010. - 404 с.

4. Шпак Л. Л. Миссия социологии в обществе. // Л. Л. Шпак / Международный научный журнал «Символ науки», 2015, №8. – с.305-310

5. Сорокина Н. Д. Роль и миссия социологии в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 131-142. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-10, URL: [https://rrsociology.ru/journal/article/2783/.](https://rrsociology.ru/journal/article/2783/)»

ВКЛАД ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ В ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.Г. Рихтикова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
nastya81a-a@mail.ru*

Научный руководитель – Кечина Евгения Аркадьевна, доктор социологических наук, профессор

Инновационное развитие регионов Республики Беларусь характеризуется рядом ключевых показателей, которые демонстрируют уровень внедрения и использования новых технологий, инновационной активности предприятий, а также способности регионов привлекать и использовать инновационные ресурсы. В статье проведен анализ отдельных показателей за 2017-2023 годы по областям и г. Минску.

Ключевые слова: *регионы; инновации; развитие; индикаторы*

Инновации являются важным показателем развития, поскольку они отражают способность общества, экономики или региона адаптироваться к изменениям, создавать новые продукты и услуги, а также улучшать существующие процессы и технологии. Их значимость можно рассматривать с различных аспектов, начиная от экономического роста и заканчивая улучшением качества жизни. Инновационное развитие играет немаловажную роль для экологической устойчивости и рационального

использования ресурсов: инновации играют ключевую роль в разработке технологий, способствующих снижению воздействия на окружающую среду, таких как возобновляемые источники энергии, энергоэффективные технологии и переработка отходов, а также позволяют более эффективно использовать природные ресурсы, что важно для устойчивого экономического роста и сохранения экосистем.

Региональное развитие Республики Беларусь характеризуется неоднородностью, которая отражается на уровне экономического, социального и инфраструктурного развития различных областей страны. Важные аспекты этого развития включают:

1. Экономическое развитие.

В результате экономического развития достигается экономический рост, выражающийся в повышении производительности - инновации ведут к созданию новых технологий и методов, которые повышают производительность труда и капитала. Это способствует росту ВВП и экономическому развитию; созданию новых отраслей - инновации могут привести к появлению совершенно новых отраслей, таких как информационные технологии, биотехнологии, возобновляемая энергетика и другие, что расширяет экономические возможности и создает рабочие места; повышении конкурентоспособности - страны и компании, активно внедряющие инновации, имеют больше шансов на глобальной арене, так как могут предложить уникальные товары и услуги.

2. Социальное развитие: уровень жизни и безработица.

Минск и прилегающие районы имеют более высокий уровень жизни, который выражается в высоких доходах населения, развитой инфраструктуре, следовательно в доступе к качественным медицинским и образовательным услугам (Таблица 1) [1, с.44, 2, с. 4-11].

Таблица 1 – Номинальная начисленная среднемесячная зарплата по областям и г. Минску, рублей в месяц

	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РБ	822,8	971,4	1092,9	1254,6	1443,5	1633,2	1915,9
Брестская обл.	699,1	828,4	929,2	1054,6	1205,8	1386,8	1655,4
Витебская обл.	687,3	814,4	911,8	1038,3	1181,0	1350,0	1593,8

Гомельская обл.	722,9	853,3	955,8	1079,4	1248,5	1424,7	1696,7
Гродненская обл.	703,2	831,9	931,3	1062,1	1216,7	1412,2	1682,2
г. Минск	1125,5	1329,6	1495,2	1753,4	2024,1	2255,1	2569,1
Минская обл.	812,9	956,8	1079,6	1223,5	1414,3	1596,7	1898,6
Могилевская обл.	690,4	802,0	891,6	1010,0	1147,3	1305,9	1564,0

Уровень безработицы варьируется по регионам, где более промышленно развитые области, такие как Минская и Гродненская область, имеют более низкий уровень безработицы по сравнению с аграрными регионами (Таблица 2) [1, с. 36, 3].

Таблица 2 - Уровень безработицы населения по областям и г. Минску, %

	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РБ	5,6	4,8	4,2	4,0	3,9	3,6	3,5
Брестская обл.	7,5	5,2	5,5	4,5	4,2	4,4	4,4
Витебская обл.	6,4	4,8	3,6	4,3	5,0	4,0	3,7
Гомельская обл.	6,1	6,1	5,3	4,8	3,7	3,3	3,4
Гродненская обл.	4,4	3,3	2,8	3,2	2,6	2,4	2,1
г. Минск	3,8	3,5	3,5	3,1	3,5	3,4	3,3
Минская обл.	4,9	4,4	3,5	3,7	3,0	3,0	3,2
Могилевская обл.	8,0	7,1	5,4	5,5	5,9	4,9	4,3

Социальное развитие способствует улучшению качества жизни - инновации в здравоохранении, образовании и других социальных сферах приводят к повышению уровня жизни населения, улучшению здоровья и увеличению продолжительности жизни; расширению доступа к информации и образованию - инновации в области информационных технологий делают знания и образование более доступными для широких слоев населения, что способствует социальному равенству и развитию человеческого капитала.

3. Инфраструктурное развитие: транспорт и жилищное строительство.

Минская область и Минск имеют наиболее развитую транспортную сеть, включая дороги, железные дороги и аэропорты. В других регионах инфраструктура может быть менее развита, что ограничивает их экономические возможности.

В регионах Беларуси ведется активное жилищное строительство, однако его темпы также значительно различаются. Минск и пригородные зоны продолжают лидировать по объемам строительства.

4. Государственная поддержка: программы регионального развития, субсидии и льготы.

Государство активно поддерживает развитие регионов через программы, направленные на улучшение инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса, а также стимулирование инновационной деятельности.

Для стимулирования инвестиций и экономической активности в отстающих регионах предоставляются различные субсидии и налоговые льготы.

Необходимо отметить, что одной из ключевых проблем неравномерности развития является значительная разница в уровне развития между Минском и другими регионами, что приводит к оттоку населения в столицу. Поэтому региональная экономика нуждается в диверсификации, чтобы снизить зависимость от отдельных отраслей и улучшить устойчивость к внешним экономическим шокам.

Основные показатели инновационного развития регионов Беларуси:

1. Доля предприятий, внедряющих инновации:

Минск Брестская область лидируют по числу предприятий, занимающихся инновационной деятельностью. Здесь сосредоточены научно-исследовательские центры, университеты и предприятия, активно внедряющие новые технологии.

В областях, таких как Витебская и Гродненская, также наблюдается значительная инновационная активность, но в меньшей степени по сравнению с Минском (Таблица 3) [4, с.74, 5, с.57, 6, с. 58, 7, с.59, 8, 9, 10].

Таблица 3 - Доля инновационно-активных организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации в общем числе обследованных организаций промышленности по областям и г. Минску, %

	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023

РБ	21,0	23,3	24,5	26,2	27,5	27,8	28,3
Брестская обл.	26,0	30,4	32,0	31,8	35,3	37,8	40,2
Витебская обл.	23,9	23,9	27,6	27,6	32,3	30,5	26,7
Гомельская обл.	25,2	16,8	15,7	19,8	16,5	16,7	16,2
Гродненская обл.	20,8	21,9	25,1	32,3	30,5	30,3	31,2
г. Минск	30,3	31,8	32,3	35,1	41,6	42,4	43,8
Минская обл.	15,2	18,7	19,6	18,7	17,5	17,3	17,5
Могилевская обл.	15,7	17,9	18,1	18,7	19,6	20,1	21,8

2. Объем затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР):

Основная часть затрат на НИОКР приходится на Минск, где сосредоточены крупнейшие научные учреждения и компании, занимающиеся исследованиями. В других областях расходы на НИОКР ниже, что связано с ограниченными ресурсами и меньшим числом научных организаций (Таблица 4) [4, с.24, 5, с.20, 6, с. 20, 7, с. 20, 8, 9].

Таблица 4 – Объем внутренних затрат на научные исследования и разработки по областям и г. Минску, тыс. рублей

	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РБ	617 684	739 340	777 843	807 017	813 308	919 820	1 249 999
Брестская обл.	8 898	11 140	12 943	11 550	14 114	13 285	14 781
Витебская обл.	16 943	19 051	20 790	35 799	33 183	34 163	51 800
Гомельская обл.	83 237	39 556	54 572	51 177	60 286	65 647	138 767
Гродненская обл.	4 907	6 859	5 543	6 422	7 735	8 784	15 720

г. Минск	421 157	520 224	538 657	545 180	535 876	638 660	797 165
Минская обл.	68 780	125 073	130 629	139 974	143 947	137 163	204 236
Могилевская обл.	13 762	17 437	14 709	16 915	18 167	22 118	27 530

3. Количество патентов и заявок на изобретения:

Минск лидирует по количеству зарегистрированных патентов и заявок на изобретения. Это отражает высокую научную и инновационную активность в столице. Гродненская и Брестская области демонстрируют также сравнительно высокие показатели патентной активности, что связано с развитием предприятий и научных центров.

4. Уровень занятости в сфере высоких технологий:

В Минске сосредоточена большая часть занятых в сфере ИТ и высоких технологий, что связано с развитием Парка высоких технологий (ПВТ) и других инновационных кластеров. В Гомельской и Витебской областях также развивается занятость в сфере ИТ, однако на более низком уровне по сравнению с Минском. Не секрет, что страны и компании, ведущие в области инноваций, формируют мировую повестку дня и определяют будущее технологического развития, будь то искусственный интеллект, биотехнологии или новые материалы.

5. Доступность и использование инновационной инфраструктуры:

В Минске, а также Витебской области, функционируют технопарки и инновационные кластеры, которые предоставляют поддержку стартапам и малому бизнесу. В регионах доступ к инновационной инфраструктуре может быть ограничен, что снижает их инновационный потенциал. Создание благоприятной среды для инноваций, в том числе путем создания технопарков, кластеров, венчурного финансирования, способствует поддержке и развитию инновационной активности (Таблица 5).

Таблица 5 - Количество научно-технологических парков в областях и г. Минске, единиц

	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РБ	14	15	16	17	17	17	16
Брестская обл.	2	2	2	2	2	2	2

Витебская обл.	3	3	3	3	3	3	3
Гомельская обл.	2	2	2	2	2	2	1
Гродненская обл.	1	1	1	1	2	1	1
г. Минск	3	3	4	4	3	4	5
Минская обл.	1	2	2	3	3	3	2
Могилевская обл.	2	2	2	2	2	2	2

Отдельно хочется отметить, что образовательный процесс играет немаловажную роль в инновационном развитии регионов. В Республике Беларусь функционирует 47 учреждений высшего образования (42 государственной и 5 частной формы собственности), в которых обучается свыше 232 тыс. студентов, курсантов, слушателей. Образовательный процесс обеспечивают более 17,5 тыс. преподавателей, из них более 46% докторов и кандидатов наук. Из 47 учреждений 25 (53,2 %) находятся в Минске, 6 – в Гомеле и Гомельской области (1 из них частной формы собственности), по 5 – в Витебске и области, Могилеве и области, 4 – в Бресте и области, 2 – в Гродно и области.

В заключение можно отметить, что Минск остается основным центром инновационного развития в Беларуси. Вместе с тем, наблюдается рост инновационной активности и в других регионах. Это связано с государственной поддержкой, развитием инфраструктуры и постепенным увеличением числа инновационных предприятий. Важным шагом для улучшения показателей инновационного развития регионов является стимулирование НИОКР, развитие технологических кластеров и поддержка малых и средних инновационных компаний по всей стране.

Библиографические ссылки

1. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Численность и заработная плата работников Республики Беларусь: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Уровень безработицы (по данным выборочного обследования домашних хозяйств) по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000025>. – Дата доступа: 7.10.2024.

4. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

10. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь: стат. бюллетень / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.С. Савчин, Н.В. Курилович

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
n.savchin_edu@outlook.com, kurilovich@bsu.by*

Рассматриваются этапы становления и развития инклюзивного образования как социального феномена. Особое внимание уделяется нормативно-правовым основам регулирования процессов инклюзии в образовании. Подчеркивается, что развитие инклюзивного образования выступает одним из важных направлений образовательной политики в Республике Беларусь. Определяются основные проблемы и перспективы развития инклюзивного образования в стране.

Ключевые слова: *инклюзия; инклюзивное образование; история инклюзивного образования; модели инклюзивного образования; особенности психофизического развития; Республика Беларусь.*

Доступность для любого индивида получения качественных знаний и в дальнейшем возможность их применять в своей жизнедеятельности, а также непрерывно обучаться на протяжении всей жизни на сегодняшний день

объявлены Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций (ООН) одной из стратегических целей устойчивого развития для достижения в срок до 2030 года [1].

Важнейшей проблемой сферы обучения и воспитания, которая требует «свежих идей» и методов решения, выступает инклюзивное образование, ориентированное на достижение цели равноправной возможности получения образования всеми лицами независимо от состояния их здоровья, расы, пола и иных социальных индикаторов. В теоретическом плане инклюзивное образование представляет собой концепцию интегративного подхода к учащимся, имеющим особенности развития в области физического, интеллектуального, социального, эмоционального, языкового и иного направления с последующим обучением таких лиц в коллективе с обычными учащимися.

Отечественные специалисты характеризуют инклюзивное образование как процесс, который требует тщательного учёта определенных факторов психического развития при включении в совместный образовательный процесс индивидов, имеющих особенности психофизического развития (далее – ОПФР) [2, с. 3]. Инклюзивное образование требует развития и реализации гуманных методик и рациональных идей с целью создания оптимальных условий для получения образования индивидами, имеющими ОПФР, совместно с лицами, не имеющими таких особенностей. Развитие инклюзивной образовательной концепции способствует формированию толерантного отношения к лицам, имеющим ОПФР, признанию возможности развития альтернативных форм обучения и воспитания в разных образовательных учреждениях.

Инклюзивное образование имеет свою историю становления. В 1948 году вместе с Всеобщей декларацией прав человека формируются правовые основы регулирования получения образования. Статья 26 настоящей декларации гласит, что каждый человек имеет право на образование, при этом образование должно быть бесплатным, по меньшей мере начальное и общее. Начальное образование выделяется как обязательное для всех, техническое и профессиональное должно быть общедоступным, а высшее должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого [3, ст. 26]. Кроме того, декларация определяет, что целью образования является развитие человеческой личности, увеличение уважения к правам человека и основным его свободам.

Следующим нормативным правовым документом, регулирующим образовательное пространство, стала Конвенция о борьбе с

дискриминацией в области образования, разработанная ЮНЕСКО 14 декабря 1960 года. Данный документ определяет недопустимость дискриминации индивида в образовательной среде не только по здоровью, но и по половым, расовым, возрастным, религиозным, политическим и иным характеристикам. Конвенцией описывается недопустимость ограничения возможности получения образования определенному кругу или группе лиц, создании для них отдельных образовательных систем или учебных заведений [4, ст. 1].

С 70-х гг. XX в. перечень нормативно-правовых документов, регулирующих равноправное образование для всех, значительно расширяется. Принимаются такие документы как Декларация ООН о правах умственно отсталых (1971), Декларация о правах инвалидов (1975), Всемирная программа действий в защиту инвалидов (1982), Всемирная декларация «Об обеспечении выживания, защиты и развития детей» (1990), Саламанская декларация лиц с особыми потребностями (1994), Конвенция ООН «О правах инвалидов» (2006), Лиссабонское соглашение Европейского союза (2007) и иные документы по регуляции процессов в инклюзивной образовательной среде.

Впервые практика «включенного» (инклюзивного) образования возникает в 40-е гг. XX в. Первыми странами, внедрившими подобную практику, стали Англия, Германия и Дания. Только в 1960-70-е гг. в этой сфере начинают свою работу страны Скандинавии, США и Японии. Изначально концепция инклюзивного образования рассматривается как идея обучения детей с ОПФР. Исследователь И.А. Турченко предлагает следующую периодизацию истории развития подхода к обучению детей с ОПФР [5]:

1. медицинская модель – сегрегация (начало XX в. – середина 1960-х гг.);
2. модель нормализации – интеграция (середина 1960-х гг. – середина 1980-х гг.);
3. социальная модель – инклюзия (середина 1980-х гг. – по настоящее время).

Медицинская модель – сегрегация предусматривала помещение детей с ОПФР в специальные школы или школы-интернаты. Данная модель видела в ребенке с ОПФР или с определенной степенью утраты здоровья больного человека, соответственно, очевидна необходимость получения таким лицом надлежащего уровня оказания медицинского ухода и специального подхода в обучении. Одним из преимуществ данной модели выступало наличие

высококвалифицированного медицинского и педагогического персонала, который имел необходимый уровень специальных знаний в области обучения (методике преподавания) и оказания медицинской помощи, а также наличие специального оборудования. Однако данная модель имела и отрицательные стороны, например, изоляцию детей от внешнего мира (семьи, сверстников и т.д.). Как правило, такие дети замыкались в своем социуме и впоследствии имели проблемы с будущей социализацией.

Моделью, пришедшей на смену модели сегрегации, является модель интеграции. Данная модель отличается от предыдущей, поскольку предполагает создание общего образовательного пространства для детей с ОПФР. Другими словами, дети получают возможность обучаться в условиях, приравненных к обычной среде с минимальными ограничениями. У такого ребенка появляется возможность вести жизнь, приближенную к жизни обычных детей, однако достижения полноценной инклюзии здесь невозможно.

Социальная модель – инклюзия предполагает не только включение лица с ОПФР для обучения с лицами, не имеющих каких-либо особенностей, но и адаптацию образовательных процессов в учреждении образования к потребностям индивидов, имеющих ОПФР. В этой модели определяется социальное равноправие всех участников образовательного процесса, возможность лицам с ОПФР иметь постоянный контакт со сверстниками, возможность протекания оптимального процесса социализации в обществе. Принципы инклюзивной школы констатируется в Саламанской декларации лиц с особыми потребностями следующим образом: «все дети должны обучаться совместно во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие трудности или различия, существующие между ними» [6, с. 11].

В настоящее время развитие инклюзивного образования является одним из приоритетных направлений образовательной политики в Республике Беларусь. С каждым годом уменьшается количество учреждений специального образования, однако, несмотря на попытки государства развивать инклюзивное направление, специалисты констатируют в этой сфере следующие проблемы: недостаточную разработанность понятия инклюзивного образования, проблемы в области финансирования инклюзивных новаций (приобретение специального оборудования, совершенствование материально-технической базы учреждений образования и т.п.), проблемы создания специализированной адаптивной среды для каждого ребенка, имеющего специальные образовательные

потребности, отсутствие адекватно сформированной «инклюзивной культуры», неполная укомплектованность учреждений образования квалифицированными педагогическими кадрами [7].

В нашей стране задействованы инновационные формы учёта лиц с ОПФР. Огромную работу в области развивающего обучения и реабилитации лиц с ОПФР осуществляют психолого-медико-педагогические комиссии в области диагностической деятельности и выявлению лиц с ОПФР. Комиссии формируются на базе государственных центров коррекционно-развивающего обучения и реабилитации и ведут информационно-разъяснительную и просветительскую работу с родителями по проведению обследований ребенка с ОПФР [8, с. 27-29].

Дальнейшую работу с данными детьми, когда они приобретают статус выпускника учреждения образования, ведут территориальные центры социального обслуживания населения в отделениях дневного пребывания. По мере возможности учреждения общего среднего образования направляют денежные средства на создание сенсорных комнат, или комнат психологической разгрузки для учащихся, для работы с детьми с ОПФР вовлекаются центры дополнительного образования детей и молодёжи [9].

Таким образом, инклюзивное образование в Республике Беларусь находится в состоянии поиска оптимальных методов организации совместного обучения и воспитания в учреждениях образования лиц с ОПФР с лицами, не имеющими особенностей. Особое внимание в стране уделяется развитию специальной материально-технической базы учреждений образования, своевременной и качественной подготовке педагогических кадров.

Библиографические ссылки

1. Цели в области устойчивого развития ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. (дата обращения: 29.09.2024).
2. Дифференциация образования учащихся с особенностями психофизического развития с учётом принципа инклюзии : пособие для пед. работников учреждений общ. сред. и спец. образования / О. С. Хруль [и др.]. Минск : Нац. ин-т образования, 2023. 264 с.
3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (дата обращения: 29.09.2024).

4. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml. (дата обращения: 29.09.2024).

5. Турченко И. А. Развитие инклюзивного образования детей в Беларуси и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3AMEPP>. (дата обращения: 29.09.2024).

6. Саламанская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf. (дата обращения: 29.09.2024).

7. Змушко А. М. Проблемы развития инклюзивного образования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3AMHws>. (дата обращения: 29.09.2024).

8. Каплина О. Расширяем границы: о работе системы специального образования // Минская школа сегодня. 2022. № 8. С. 27–29.

9. Козлова Е. Ресурс для успешной социализации: формирование социально-коммуникативных компетенций у детей с ОПФР // Минская школа сегодня. 2023. № 5. С. 24-27.

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ: ЧТО ЖДЕТ ЦИФРОВУЮ СОЦИОЛОГИЮ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.П. Салтанович

Минский государственный лингвистический университет

Ул. Захарова, 21, 220034, Минск. Беларусь

info@mslu.by

Поскольку Беларусь движется к своей амбициозной цели стать развитой цифровой страной, интеграция цифровых гуманитарных и социальных наук в высшее образование можно рассматривать как ключевую стратегию. В этой статье рассматривается необходимость преподавания цифровой социологии для студентов не социологических специальностей, иллюстрируя ее значимость в образовательном ландшафте Беларуси для решения современных задач и удовлетворения будущих потребностей.

Цифровая социология, как развивающаяся область, изучает сложное взаимодействие между цифровыми технологиями и общественными структурами. Работа раскрывает многогранную природу цифровой социологии, концепцию, аспекты, сферу применения и ее важность в современной системе образования Беларуси. В эпоху стремительной цифровизации все аспекты нашей жизни, от работы до личных

отношений, претерпевают значительные изменения под влиянием технологий, что делает изучение цифровой социологии крайне актуальным.

Ключевые слова: *цифровая социология; цифровые технологии; цифровая грамотность; критическое мышление; интердисциплинарность; цифровая культура.*

Цифровая трансформация заставляет нас обратиться к фундаментальным вопросам: как мы создаем знания и как мы хотим обучать следующее поколение студентов? Соответствие цифровой трансформации можно построить через понимание экономических и общественных сдвигов, где глобальная экономика и общественные структуры все больше подвержены влиянию цифровых технологий и где университеты играют ключевую роль в подготовке выпускников к пониманию и внесению вклада в этот цифровой ландшафт.

Растущая сложность мира, вызванная цифровой трансформацией, теперь требует новой модели знаний для объяснения и реагирования на реальность вездесущих цифровых данных, алгоритмических автоматизированных процессов, вычислительных инфраструктур, цифровых платформ и цифровых объектов.

Цифровая социология — область социологии, изучающая взаимодействие между социумом и цифровыми технологиями, фокусируясь на том, как цифровые инструменты и платформы влияют на социальные структуры, процессы и отношения. Цифровые технологии изменили способы, которыми люди общаются, формируют сообщества и обмениваются информацией. Социальные медиа, онлайн-платформы и мобильные приложения создают новые формы взаимодействия и идентичности. Цифровая социология помогает понять эти изменения, анализируя, как они влияют на социальные нормы, ценности и поведение.

Несмотря на растущую значимость цифровых гуманитарных наук в академическом ландшафте, форма и практика, подразумеваемая под названием «Цифровая социология», остаются порой достаточно невнятными. Концепция цифровой социологии возникла из науки как подотрасль в конце 1990-х годов. Чуть более десяти лет назад Дж. Дэниелс (Daniels and Feagin, 2011) заметила, что есть «цифровые гуманитарные науки, но не цифровая социология [1]. С тех пор ситуация изменилась, с появлением отредактированного сборника Ортона-Джонсона и Прайора (Orton-Johnson and Prior, 2013) [2], монографии Лаптон (Lupton, 2014) [3] и монографии Маррес (Marres, 2017) [4].

В своей книге «Цифровая социология», изданной в 2014 году, Д. Лаптон отмечает, что уже тогда американские социологи Д. Фаррелл и Дж. С. Петерсон призывали социологов не исследовать исключительно веб-данные, ибо в этом направлении существуют определенные тренды исследований [3].

Поскольку интернет-технологии прокладывали путь новым формам коммуникации, новым источникам информации и новым средствам распространения, социологам следовало стремиться понять, как это влияет на жизнь людей, культурные модели и тенденции, а также на более крупные социальные структуры, такие как экономика и политика.

Д. Лаптон выделила четыре основные области цифровой социологии: профессиональное использование цифровых инструментов социологами, социологический анализ использования цифровых медиа, социологический анализ цифровых данных и критический анализ цифровых медиа и сопутствующих им цепей капитала и власти. Нельзя не согласиться с М. Кэриган, что «цифровую социологию следует рассматривать как проект, реализуемый в рамках быстро развивающегося сообщества практиков» [5].

Оцифровка повлекла за собой гораздо более серьезные изменения, более фундаментальный сдвиг и в создании знаний. Поскольку общества все стремительнее оцифровываются, одним из глубоких последствий этого сдвига является то, что исследования и знания также неизбежно опосредованы цифровыми технологиями в различной степени. Следовательно, активно становится востребован тот, кто способен эффективно использовать широкий набор цифровых инструментов в рамках процессов производства знаний, которые соответствующим образом переосмысливаются и концептуализируются.

Аспекты цифровой социологии систематически изучаются. Очерчиваемая сфера демонстрирует целесообразность применения цифровой социологии в образовательных учреждениях для студентов всех специальностей, а не только социологического профиля. Преподавание курса «цифровая социология» для студентов не социологических специальностей имеет несколько важных обоснований.

В современном мире цифровые технологии проникают во все сферы жизни. Понимание их влияния на общество, культуру и поведение людей становится необходимым для профессионального роста в любых областях.

Студенты различных специальностей сталкиваются с вызовами цифровой эпохи в своей профессиональной деятельности. Например, маркетологи используют данные из социальных сетей для анализа

потребительского поведения, журналисты исследуют влияние фейковых новостей и не только, а специалисты по информационным технологиям разрабатывают продукты с учетом социальных аспектов их использования. Курс по цифровой социологии предоставляет этим студентам инструменты для критического осмысления и эффективного использования цифровых технологий в их областях.

Так как цифровая социология объединяет знания из различных дисциплин — интердисциплинарность является одной из ее главных характеристик, позволяя студентам развивать комплексное мышление и применять междисциплинарные методы в своей будущей деятельности. Умение работать с большими объемами данных становится важным навыком во многих профессиях. Курс может дать студентам основы анализа социальных данных, что поможет им в будущем принимать более обоснованные решения.

Цифровая социология даст возможность понять, как цифровые технологии влияют на социальные взаимодействия, формирование общественного мнения и культурные тренды, что полезно для специалистов многих не социологических специальностей. Важной частью курса является обсуждение этических аспектов использования цифровых технологий, что поможет студентам осознать ответственность за свои действия в цифровом пространстве и учитывать социальные последствия своих решений.

Исходя из реальной ситуации, многие профессии будут изменяться под влиянием цифровизации. Знания в области цифровой социологии помогут студентам адаптироваться к этим изменениям и быть более конкурентоспособными на рынке труда. Также курс будет способствовать развитию критического мышления, позволяя студентам анализировать информацию, выявлять манипуляции и понимать сложные социальные динамики, что важно в условиях информационной перегрузки.

Таким образом, курс «цифровая социология» предоставит студентам не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности в современном обществе.

Преподавание цифровой науки специальностям не социологического профиля имеет важное значение из-за растущей интеграции технологий во всех областях. Цифровая грамотность охватывает различные навыки, включая кодирование, мультимедиа, критическую оценку информации, играющие значимую роль для профессионального успеха в современном цифровом ландшафте [6][7].

Цифровая грамотность стремительно входит в число обязательных навыков для любого уровня высшего образования и представляет собой основополагающий компонент успешной профессионализации. Учитывая глубокое проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь, цифровая грамотность предлагает набор трансверсальных навыков, которые могут применяться в любой области деятельности, от банковских операций до гражданского участия. Приобретение этих навыков способствует развитию креативности, критического мышления и сотрудничества, необходимых для будущей карьеры [8][9].

Цифровая социология может значительно обогатить образование для студентов не социологических специальностей, предоставляя следующие преимущества:

- *анализ данных*: Студенты учатся использовать большие данные и алгоритмы для анализа социальных явлений, что полезно в таких областях, как маркетинг, управление и журналистика [10][12];

- *критическое мышление*: Изучение влияния цифровых технологий на общество развивает навыки критического анализа, что актуально для всех гуманитарных и социальных наук [11];

- *междисциплинарный подход*: Цифровая социология объединяет методы из разных дисциплин, позволяя студентам применять социологические инструменты в своих областях [10][12];

- *понимание цифровой культуры*: Знание о том, как цифровые технологии влияют на социальные взаимодействия и идентичности, помогает студентам лучше адаптироваться к современным реалиям [11].

Эти аспекты делают цифровую социологию важным дополнением к образовательным программам в различных областях.

Во многих университетах развитых и развивающихся стран курсы цифровой социологии преподаются на уровне бакалавриата и магистратуры. Возможно введение «Цифровой социологии» в качестве курса в высшем образовании нашей страны может быть продиктовано острой необходимостью для удовлетворения спроса нашего времени.

Сделать цифровую социологию обязательным курсом в университетах — не просто идти в ногу с технологическими достижениями; это перестройка образования для лучшей подготовки студентов к будущему. Это гарантия, что выпускники не только будут владеть цифровыми технологиями, но и обладать глубоким пониманием гуманистических и социальных измерений цифровой эпохи, что делает их универсальными, адаптивными и готовыми вносить вклад в самые разные области.

«Сегодня очень важно направить усилия на исследование будущего, прогнозирование нового витка социальной эволюции. В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве матрицы новой реальности, центра, наполняющего происходящие перемены ценностным содержанием» [13, 7].

Введение цифровой социологии — это не просто академический императив, а стратегическая необходимость вооружить студентов навыками и знаниями, необходимыми для навигации и формирования цифрового будущего. Способствуя междисциплинарному обучению, повышая цифровую грамотность и продвигая инновационное решение проблем, курс может внести значительный вклад в видение Беларусью цифровизации страны до 2030 [14]. Успех этих инициатив будет зависеть от эффективной реализации политики, четко прописанной в Указе «О цифровом развитии», где утверждены приоритетные сферы внедрения данных платформ, финансирования проектов по "цифре" и дальнейшего расширения цифровой инфраструктуры и грамотности по всей стране.

Библиографические ссылки

1. Daniels, J. The (coming) social media revolution in the academy \ J. Daniels, J. R. Feagin // Fast Capitalism. – 2011. – 8(2). – P. 1 – 6 DOI: <https://doi.org/10.32855/fcapital.201102.001>
2. Orton-Johnson, K. Digital sociology: Critical perspectives \ K. Orton-Johnson, N. Prior. – Springer. – 2013. – 249 P.
3. Lupton, D. Digital sociology / D. Lupton. – Routledge. – 2015. – 236 P.
4. Marres, N. Digital sociology: The reinvention of social research. – Cambridge: Polity. – 2017. – 232 P.
5. Carrigan, M. An agenda for Digital Sociology / M. Carrigan. – EDUFBA. – 2018 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://markcarrigan.net/2019/10/20/an-agenda-for-digital-sociology-2/>. – Дата доступа: 10.08.2024.
6. Exploring Digital Literacy Skills in Social Sciences and Humanities Students // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/5/2483>. – Дата доступа: 05.08.2024.
7. The future of education for digital skills // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eitdigital.eu/fileadmin/2022/ecosystem/makers-shapers/reports/EIT-Digital_Report_The-Future-of-Education-for-Digital-Skills.pdf. – Дата доступа: 05.08.2024.
8. Resetting the way we teach science is vital for all our futures // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/science-education-reset-stem-technology/>. – Дата доступа: 26.08.2024.

9. Understanding the role of digital technologies in education: A review // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666412722000137>. – Дата доступа: 26.08.2024.
10. Шураева Л. Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке / Л. Ю. Шураева // Социальные технологии и процессы. Вестник университета. – 2020. – № 3. – С. 174-177
11. Добринская, Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества / Д. Е. Добринская // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philsoc.psu.ru/228-nauka/vestnik-2021/sotsiologiya/1560-tsifrovaya-sotsiologiya-dlya-izucheniya-tsifrovogo-obshchestva>. – Дата доступа: 30.08.2024. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-250-259>
12. Цифровая социология. Высшая школа современных социальных наук МГУ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vshssn.msu.ru/nauka/projects/cifrovaya-sociologiya>. – Дата доступа: 30.08.2024.
13. Данилов, А.Н. Система образования: потенциал и перспективы / А.Н. Данилов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 3. – С. 4 - 8
14. О цифровом развитии. Указ № 381 от 29 ноября 2023 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-381-ot-29-noyabrya-2023-g>. – Дата доступа: 26.08.2024.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

А.Я. Сарна

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sarna_al@bsu.by*

В работе осуществляется общий анализ процессов, фиксируемых в академической среде под влиянием развития технологий искусственного интеллекта (прежде всего – генеративных нейросетей типа ChatGPT), что приводит к изменениям в научно-исследовательской деятельности и стимулирует технические, экономические, образовательные и социальные трансформации в современном обществе.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративные нейросети; цифровая трансформация; научно-исследовательская деятельность.

На сегодняшний день складывается ситуация, когда наиболее активно формируются тренды на развитие и использование технологий, связанных с разработками в сфере искусственного интеллекта. Искусственный интеллект (далее – ИИ) при этом выступает как понятие, объединяющее в себе комплекс проблем информатики, кибернетики, математического моделирования и программирования для имитации человеческого мышления и поведения – от автоматов до роботов, а также самоорганизующихся информационных систем, которые не требуют специального контроля и вмешательства человека.

Разработки в сфере ИИ производятся на основе образцов автоматических устройств, способных осуществлять массовый сбор, обработку и анализ данных, представление различных фрагментов реальности в виде детализированных и все более сложных моделей, применение автоматических систем принятия решений и проработки условий их реализации при достижении все большей автономии без участия человека в данном процессе.

Пока сложно предсказать, к чему приведет интенсивное развитие ИИ и рост его влияния на нашу жизнь, но ученые уже сейчас делают прогнозы и пытаются понять, какие последствия это вызовет. Так, российский исследователь А. Казун высказывает предположение, что при осуществлении достаточно успешных попыток замены человеческих возможностей функциями ИИ в научной сфере «некоторое количество исследователей мировой науке все же потребуется. Однако кажется, что и здесь произойдет цифровой разрыв, поскольку потребуются либо сборщики данных с невысокой квалификацией в сфере аналитики, либо высокопрофессиональные исследователи с высокой репутацией, которые будут дирижировать технологиями ИИ и отвечать за их успехи и ошибки. Всю «середину» науки ИИ заберет себе» [1].

При достаточно быстром развитии ИИ в какой-то момент может достичь настолько высокой степени автономии, что станет возможно выделение специализированной сферы научного знания и деятельности, которые целиком будут «отданы на откуп» ИИ просто по той причине, что человеку станет невозможно с ним конкурировать. Появятся научные издания для публикаций, созданных при посредстве ИИ, их будут осваивать все более совершенные модели ИИ, они станут обсуждать и обмениваться данными на уровне, недоступном человеку – и вот уже вполне реалистичными выглядят сценарии «научной антиутопии», где человек не будет способен контролировать деятельность по производству, обработке и анализу

научного знания, поскольку это будет прерогатива автоматов. На его долю останутся лишь «черновые» варианты работы при контакте с себе подобными, когда полевые и лабораторные эксперименты потребуют участия человека на этапе сбора данных.

С другой стороны, вряд ли ИИ сможет сам определять актуальные направления для развития науки и потребности в решении тех или иных исследовательских задач. И исследователь по-прежнему будет решать, в каком направлении осуществлять поиск, как разрабатывать адекватную стратегию и подбирать инструменты анализа, на что обратить внимание в первую очередь и как распределить финансирование научных проектов.

Понятно, что в поле академической науки и аналитической деятельности сохранятся те структуры, которые предполагают заинтересованное участие человека как субъекта действия в рамках различных социальных институтов, а также воспроизводимых ими научных школ и традиций. ИИ может предлагать некоторые версии и варианты возможных изменений (например, сценарии реформирования институтов для оптимизации и повышения эффективности их работы), но выбор того или иного сценария в конечном счете останется за человеком.

Кроме того, ИИ не способен нести ответственность за принимаемые им решения и их результаты, которые могут искажаться – как случайно (если изучается массив данных с ошибками, допущенными предыдущими исследователями), так и вполне целенаправленно (в интересах коммерческих компаний или политических партий). В этом плане авторитет и репутация ученого, несущего ответственность за проделанную им работу, может выступать в качестве социального и культурного капитала, которых ИИ пока лишен. Впрочем, определенные гарантии качества работы ИИ могут предоставляться компанией-разработчиком, которая гордится своей продукцией и стремится поддерживать репутацию бренда. Однако она может снимать с себя всякую ответственность за те цели, которые ставит перед собой заказчик и не может отвечать за случаи, в которых технология используется как инструмент злоупотребления и манипуляции, подтасовки данных и их неправомерного использования.

Это с неизбежностью подводит нас к вопросу об этике науки и ответственности ученого, ведь «без этических ограничений ничего не мешает ИИ развивать направление исследований, которое человечеству покажется негуманным и которое никогда бы не велось человеком. Потому в динамичном научном разговоре машины с машиной должен присутствовать человек» [1].

Если учитывать социокультурный контекст, в котором создается и применяется ИИ, то можно говорить о своеобразной «культурной зависимости» языковых моделей, что, в свою очередь, определяет влияние ИИ уже на наши суждения и восприятие мира. «Говоря конструктивистским языком, речь идет о том, как ChatGPT создает нашу реальность или, точнее, нашу академическую реальность. Сейчас мы не знаем, на каком материале обучен ChatGPT, можно ли считать эти источники проверенными и надежными. Но даже если в дальнейшем подобная языковая модель будет обучена на основе вполне надежных источников, она так или иначе будет нести на себе печать той культуры, внутри которой эти тексты были созданы» [2].

На сегодняшний день возможности генеративных нейросетей вроде ChatGPT ограничены точностью и актуальностью больших данных, на которых они обучались и которые взяты за образец или шаблон для собственных разработок. Но как только ИИ начнет функционировать на основе «умных» поисковых систем и получит доступ к самой свежей информации в интернете, ограничения будут сняты и положение может резко измениться. Ведь его ресурсы и эффективность возрастут настолько, что вполне уверенно можно будет говорить о появлении «новой субъектности» ИИ и ее влиянии на происходящие социальные процессы в формате «здесь и сейчас». И это неизбежно приведет к радикальным изменениям уже не только в научной-исследовательской деятельности и академической среде, но и во всем современном обществе – не только на инструментально-техническом, но и организационно-институциональном уровнях.

Тем самым можно сделать вывод о том, что, хотим мы того или нет, но следует признать неизбежность постепенного усиления роли ИИ в качестве инструмента по сбору и обработке самой разной информации – и эта роль будет лишь возрастать по мере улучшения качества работы ИИ и его эффективности. Поэтому следует принять сам факт использования больших языковых моделей и генеративных нейросетей в научной деятельности, что не противоречит основным ценностно-нормативным компонентам научного этоса. «Так, модель может протестировать код, найти закономерности в изображениях, например, в рентгенографических снимках или помочь выявить рак на основании фотографий родимых пятен, проверить и поправить перевод метаданных статьи. Однако использование модели для написания научного текста, даже если это обзор литературы,

который, как правило (но не всегда), не предполагает высокой степени новизны, на наш взгляд, является проблематичным» [3].

И поскольку сейчас нет прямого запрета на использование больших языковых моделей в науке (хотя его можно принять на законодательном уровне), следует как можно скорее определить, какие способы использования ИИ уместны, а какие противоречат основным целям и ценностям науки, и также решить, кто и как будет контролировать исполнение норм и ограничений при отсутствии четких инструментов распознавания использования нейросетей для решения тех или иных научных задач.

Библиографические ссылки

1. Казун А. Цифровой разрыв: зачем нужны ученые после появления ChatGPT? / Социодиггер [Электронный ресурс]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/cifrovoy-razryv-zachem-nuzhny-uchenye-posle-pojavlenija-chatgpt> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Никольский В. Наша новая академическая реальность/ Социодиггер [Электронный ресурс]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/nasha-novaja-akademicheskaja-realnost> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Коваль Е., Ушкин С. Огонь, вода и ChatGPT: новые вызовы научному этосу / Социодиггер [Электронный ресурс]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/ogon-voda-i-chatgpt-novye-vyzovy-nauchnomu-ehtosu> (дата обращения: 10.10.2024).

ПОКОЛЕНИЕ «СЭНДВИЧ» В БЕЛАРУСИ

Л.В. Филинская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
filinskalv@gmail.com*

В статье анализируются некоторые особенности жизни и деятельности поколения «сэндвич» в Беларуси, представители которого больше заботятся о других, чем получают заботу. Делается вывод о том, что люди в возрасте 45-60 лет должны не только соединять членов семьи в единое целое, но и жить собственной полноценной жизнью.

Ключевые слова: *межпоколенческие взаимодействия; поколение «сэндвич»; культурный код; ценности самовыражения.*

Термин поколение «сэндвич» в настоящее время применяется во многих странах при анализе межпоколенческих взаимодействий. Возрастные границы данного поколения определяются чаще всего с 45 до 65 лет, иногда до 60 лет. Представители данных возрастных групп должны вырастить и воспитать детей и внуков, а также заботиться о престарелых родителях, иногда и о партнерах, то есть они заботятся о других, мало думая о себе.

Поколение «сэндвич» появилось из-за демографических изменений: увеличилась продолжительность жизни, мужчины и женщины стали позже вступать в брак, увеличился возраст рождения первого ребенка, дети стали позже покидать родительский дом. Все это в комплексе накладывает на поколение 45-65-летних дополнительные обязанности. В повседневной жизни они вынуждены выполнять многочисленные функциональные обязанности – покупают и готовят еду, дают лекарства, поддерживают эмоционально и обеспечивают материально.

В выборке исследования, проведенного ЦСПИ БГУ в 2023 г., поколение «сэндвич» составляет – 15,9%.¹ У представителей данной группы есть партнеры, дети, родители (жив хотя бы один из родителей), внуки (38% из них имеют внуков), 89,3% из них работают, 5% - пенсионеры.

Состояние «прослойки» может оцениваться по-разному. Для кого-то это норма, счастье – помогать родителям и детям, быть полезным и востребованным для них, не думая о собственном счастье, отказываясь от здорового эгоизма. Но есть и те, кто физически и психологически не справляется с возложенными на них обязанностями, у них нет времени на отдых, личную жизнь.

Всесторонний анализ поколения «сэндвич» возможен лишь при сочетании качественных и количественных методов исследования, например, опрос и проведение глубинных интервью, фокус-групп. Только такой подход позволит получить полную информацию о моделях и шаблонах поведения, нормах и воззрениях, мотивационных привычках, стандартах общения. Культурные коды мужчин и женщин 45-65 лет отличаются не только от мировоззренческих установок детей и внуков, но и зачастую не совпадают с воззрениями их родителей.

¹ Используются результаты второй волны лонгитюдного исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», проведенного при поддержке Фонда народонаселения ООН и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Объем выборочной совокупности – 2700 человек.

Родители поколения «сэндвич» к 50-60-ти годам воспринимали себя пожилыми людьми, заканчивали свою карьеру, занимались детьми и внуками, домашним хозяйством, жили на пенсии. Результаты исследования 2023 г. свидетельствуют, что 89,7% представителей поколения «сэндвич» в Беларуси работают и только 4,6% находятся на пенсии.

Социологи, психологи и социальные работники, характеризуя данное поколение, чаще всего отмечают следующую особенность – *они больше заботятся о других, чем получают заботу*. Полученные данные подтверждают этот факт, если сравнивать ответы поколения «сэндвич» и «не сэндвич»:

- **помогали ухаживать** за ребенком в течение последних 12 месяцев 16,5% представителей «сэндвич» и 13,2% «не сэндвич»;
- **получали регулярную помощь** в выполнении работы по дому за последние 12 месяцев – соответственно 6,7% и 10,7%;
- **оказывали регулярную помощь** в выполнении работы по дому за последние 12 месяцев – соответственно 14,7% и 8,5%;
- **оказывали за последние 12 месяцев регулярную помощь** по уходу родственникам при мытье, вставании с постели, одевании – соответственно 9,7% и 5,5%;
- **дарили за последние 12 месяцев какие-либо товары или деньги** на сумму 800 рублей – соответственно 11,2% и 6,6%.

Распределение домашних обязанностей у представителей «сэндвич» и «не сэндвич», имеющих партнера, практически не отличаются – доминирует гендерная специализация (приготовление еды, стирка – женская обязанность, мелкий ремонт остается мужчине, оплата счетов и организация досуга – супруги занимаются в равной степени). Однако уровень удовлетворенности распределением домашних обязанностей не совпадает: при общей высокой оценке по 10-ти балльной шкале у «не сэндвичей» средний балл 8,48, у «сэндвичей» – 8,33.

У поколения «сэндвич» фиксируется меньше оптимизма в отношении изменения собственного финансового положения: перспективу улучшения ожидают 33,8% «не сэндвичей» и 26,9% «сэндвичей». Уровень счастья по 10-ти балльной шкале: у «не сэндвичей» 8,07 баллов, у «сэндвичей» – 7,89.

В ходе данного лонгитюдного исследования не ставилась задача выявить и проанализировать насколько эта возрастная группа погружена в интересы родителей и детей, есть ли у них время на личную жизнь, как они отдыхают, какие психологические проблемы их сопровождают.

Забота о двух поколениях сразу может восприниматься как нечто естественное, «сэндвичи» могут считать свое положение нормой жизни, не связывая ухудшение здоровья, появление хронических заболеваний, постоянные стрессы с двойной нагрузкой. Однако, видеть собственное благополучие исключительно в нужности для других – не самый верный жизненный принцип. Проблемы поколения «сэндвич» пока еще не доминируют в общественном сознании белорусского общества, но ценности самовыражения, умение отстаивать свои границы постепенно возникают благодаря межпоколенческому изменению ценностей.

DIGITAL SOCIOLOGY IN INTERNATIONAL PERSPECTIVE

Чжан Нин

*Belarusian State University,
Kalvariyskaya St, 9, 220004, Minsk, Belarus
sociology@bsu.by*

Supervisor: A. I. Zelenkov, doctor, professor

This paper introduces the concept of digital sociology and its development in the international academic community. Digital sociology is concerned with the shaping of social structures and relationships by digital technologies and how the social environment influences the development and application of digital technologies. The article explores five major research themes in digital sociology: labor economies and production, social relations and interactions, bodies and selves, social inequality, and methodological innovations. These themes cover how digital technologies affect economic patterns, employment patterns, interpersonal interactions, the Internet of Bodies, the digital body, social inequality, and research methodologies. The article emphasizes that digital sociology, as a branch of sociology, offers new perspectives for understanding digital societies and points out that digital sociology is in a phase of rapid development and faces many research opportunities.

Keywords: *digital sociology; social structure; social relations; social interaction; methodological innovation.*

1. What is digital sociology

Digital technology has not only reconfigured the basic pattern of social life, but also triggered fundamental social changes. In the face of the social changes triggered by digital technology and the new problems in the digital society, sociological research needs to conduct in-depth studies.

Since its formal introduction in 2009, "digital sociology" has gradually gained recognition in the international academic community, and has rekindled the imagination of sociology on many topics, providing new perspectives for understanding the digital transformation of human societies and the relationship between individuals and society in digital societies. Although the concept of "digital sociology" has been widely adopted, the academic community has not yet formed a unified understanding of it. Scholars are still debating the following two core issues: first, should digital sociology be understood as a comprehensive innovation of sociology in the digital age, or a new branch of sociological research? Second, how should the research scope of digital sociology be defined?

With regard to the first question, there are currently two voices in the academic community. One voice believes that the process of digitization involves many fields of sociological research and that all fields should respond to it. Another voice believes that digital sociology is a sub-discipline of sociology, which provides a perspective for understanding society, but should not be understood as the whole of sociology in the digital age.

Regarding the second question, the core research scope of digital sociology is recognized by most researchers - digital sociology is concerned with the shaping of social structure and social relations by digital technologies, and how the development and application of digital technologies are affected by the social environment. In addition to the core dichotomy of "digital technology and society", some scholars also focus on the triadic relationship of "digital technology, society and knowledge production", or other broader research categories [1, P.18-20].

2. Five research themes in digital sociology

Labor economy and production

First, the widespread application of digital technology has given rise to new economic forms. Along with the booming development of the digital economy, a large number of employed people have been absorbed by industries such as online car rental, online sales and short-video operation, which rely on the Internet and various platforms. In addition, the application of digital technology has also promoted changes in the production mode of traditional industries, and some highly technical and specialized types of work have been affected.

Second, the development of the digital economy has contributed to changes in workers' labor conditions. Flexible employment has become the new mode of employment, exposing workers to greater instability along with increased employment flexibility. Some studies have also argued that this description is oversimplified and ignores the heterogeneity of digital platforms as well as

workers.

Third, the combination of production and consumption creates more insidious forms of exploitation. In the digital economy, individual users have gradually transformed themselves from single consumers or producers into composite "producers and consumers", producing content while engaging in leisure and entertainment, and contributing vast amounts of information and huge profits to digital platforms through unpaid, large-scale behaviors.

Social relations and interaction

Firstly, the spread of digital technology has changed the mode of interpersonal interaction and the construction of social relations. While traditional interpersonal interactions were based on face-to-face communication, technological advances have made it possible for people to participate in "presence" interactions in the "absence" of their bodies. While this not only maintains the user's ties with friends and family and broadens the ways in which social relationships are constructed, it can also lead to shallow interpersonal relationships. In addition, the constant online presence of digital technologies has led to a blurring of the boundaries between work and life. The boundaries between the private and the public are gradually blurred, among other issues.

Secondly, digital technology promotes the formation of online communities. In online communities, users' identities are more personalized, and their sense of identity is highly variable and diversified; they can also consolidate their existing offline relationship networks through online communities and enhance the durability of their relationships. At the same time, social media also provide the soil for the convergence of extreme speech. The traditional view is that social media amplify the echo chamber effect by pushing users' preferred content so that people are constantly reinforcing their prejudices in a homogenized information flow. However, recent studies have shown that breaking the social media echo chamber may not necessarily have a moderating effect on different positions [2, P. 188-214].

Body and self

Firstly, digital technologies are driving the formation of an Internet of bodies. With the expansion of the Internet of Things, the human body is gradually being connected through networks, forming the "Internet of the body". The constant innovation of Internet of Bodies devices and the unprecedented monitoring, analysis, and even modification of the human body by countless sensors have opened up a new space for healthcare, but also brought new challenges to the integrity and autonomy of the human body, and put forward new requirements for human security and privacy protection [3, P.77].

Secondly, digital sociology is concerned with the "digital body" and self-construction in virtual space. The digital body is a digital double that people create in virtual spaces, such as online games, based on their imagination of their bodies and selves. It can inhabit the same digital space with other users in a virtual world that is separate from the physical world and have real-time visible communication. With the advancement of virtual reality technology, this experience has become more realistic and the user's presence in the virtual space is increasing. This practice and experience based on the digital body also affects people's self-perception and self-construction. Digital space makes people's self-perception more complex, and while it offers countless possibilities, it may also cause people to lose themselves in the virtual world. Since the construction of self-identity is accomplished in an individual's interactions with others, users adjust their selves based on interactive feedback from social media, which may lead to deviations between the real and ideal selves, or even seek acceptance at the cost of losing one's authenticity.

Social inequality

Digital sociology focuses on the following two questions: first, what role do digital technologies play in the reproduction of pre-existing social structures (e.g., class structures, gender structures, racial structures, etc.)? Second, does the widespread use of digital technologies create new social inequalities?

With regard to the first issue, some scholars believe that digital technology has demonstrated great potential in promoting resource sharing and breaking the monopoly of information. However, some scholars believe that the popularization of the Internet cannot really alleviate social inequality. The gap between the skills and benefits of Internet use may lead to further widening of social inequality, thus aggravating the reproduction of the original social structure. In addition, the application of digital technology may make racial and gender discrimination more insidious.

With regard to the second issue, the widespread use of digital technologies may create new social inequalities. Scholars have categorized the "first level of digital divide", "second level of digital divide" and "third level of digital divide" based on differences in Internet access, digital skills and usage, and the resulting differences in benefits. ". Under the division of the digital divide, senior software engineers and technology executives who have mastered digital technology form a new elite class - the programming elite - while those who suffer from a new type of poverty - digital poverty - due to a lack of digital devices or digital skills, and may consequently face many social problems such as resource scarcity and social isolation [4,P.205-225+230].

Methodological innovations in digital sociology

First, digital sociology emphasizes the mining and use of new types of data sources. Researchers can analyze digital traces of users to advance the understanding of human behavior and macro-social structures. It is worth clarifying that digital sociology and computational social science belong to different categories - digital sociology is one of the sub-disciplines of sociology, while computational social science focuses on methodology, and the latter provides digital sociology with powerful research tools.

Second, digital sociology focuses on revolutionizing traditional analytical tools. Digital sociology researchers have expanded the scope of fieldwork to new media spaces and developed new research methods such as digital ethnography. Digital ethnography adheres to the concepts of traditional ethnographic research, but the researcher usually has to participate in the observation in the cyberspace where the research subjects live in everyday life, and conduct interviews with digital technologies commonly used by the other side, which reflects the research vision of considering digital technologies as an integral part of the life world. Other scholars have combined digital ethnography with data mining to develop ethnographic mining methods [5,P.25-33]. In light of the current development, there is still a long way to go for methodological innovation in digital sociology. For example, the data content of big data is too thin and usually lacks meaning and value, so some scholars advocate combining big data with other data. For digital ethnography, new academic norms are likewise needed for data collection and data sharing. How to improve data transparency while taking into account the protection of respondents' privacy has become one of the key concerns of scholars.

3.concluding remarks

Digital technology has swept across the globe, pushing human society once again into the orbit of change. The current development of digital sociology presents a situation in which multiple fields are advancing together, methodology and research tools are constantly being innovated, and empirical research and theoretical exploration are promoting each other. Digital sociology is still in its infancy, and there are still many core questions to be answered, providing a rare research opportunity for a wide range of scholars.

List of references

- 1.Wen Jun,Liu Yuting. Methodological reflection on digital sociology research and its change[J]. Social Science Digest,2023(12):18-20.
2. Schivinski B, Dabrowski D. The effect of social media communication on consumer perceptions of brands[J]. Journal of Marketing Communications, 2016, 22(2): 189-214.

3. matwyshyn A M. The internet of bodies[J]. Wm. & Mary L. Rev., 2019, 61: 77.
4. Liu Yuting. Five views of numbers in sociological perspective[J]. Sociological Research, 2023, 38(04): 205-225+230.
5. Пчелкина, Д. С. Цифровая этнография: методологические основания в культурологическом исследовании этнической манифестации / Д. С. Пчелкина // Сибирский антропологический журнал. - 2021. - Т. 5, № 4. - С. 25-33.

ПЛАНИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

Чэнь Сыци

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
schen1657@gmail.com*

Научный руководитель: Кучко Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор

Планирование карьеры является ключевым этапом в развитии студентов в период их обучения и оказывает глубокое влияние на процесс их социализации. В статье рассматривается планирование карьеры как основной элемент социализации студентов, анализируется его важная роль в формировании карьерных целей, укреплении самосознания и повышении конкурентоспособности на рынке труда. Грамотное планирование карьеры помогает студентам не только получить преимущества в конкурентной среде, но и ускоряет их процесс социализации, способствует быстрой интеграции в общество и принятию на себя соответствующих социальных ролей и обязанностей, что положительно сказывается как на карьерных успехах, так и на социальной адаптации.

Ключевые слова: планирование карьеры; социализация; студенты.

Планирование карьеры это процесс анализа субъективных и объективных факторов, влияющих на выбор профессии, определение целей и стремление к их достижению. Оно требует от человека определения своих интересов и особенностей, чтобы занять должность, на которой он сможет наилучшим образом использовать свои сильные стороны, и выбрать наиболее подходящую профессию. Профессиональная ориентация является ключом к успеху или неудаче в карьере и служит отправной точкой для планирования карьеры. Планирование карьеры охватывает ожидания и

планы человека в течение всей жизни в отношении занимаемых должностей, включая обучение, вклад в профессию или организацию, а также планы на выход на пенсию. Полное планирование карьеры состоит из трех элементов: профессиональной ориентации, установки целей и проектирования карьерных путей [5], что отражает непрерывное системное планирование карьеры и жизни.

Основная цель планирования карьеры заключается в том, чтобы помочь человеку найти подходящую работу и достичь соответствия между его навыками и требованиями должности. Первоначальным этапом этого процесса является анализ и самоопределение, которые позволяют понять собственные интересы, способности и подходящие для себя профессии, тем самым закладывая основу для карьерного роста. Кроме того, планирование карьеры способствует профессиональному развитию, позволяя разрабатывать платформы для развития на каждом этапе и соответствующие планы. Это помогает человеку справляться с вызовами, связанными с рыночной ситуацией, перспективами отрасли и требованиями к должностям, эффективно использовать возможности карьерного роста и достигать своих профессиональных целей.

Университетский этап является ключевым периодом в трансформации человека из студента в профессионала, и планирование карьеры в этом контексте имеет решающее значение. В условиях быстроменяющегося современного общества и технологического прогресса разумное планирование карьеры помогает студентам через самоанализ определить направление карьерного развития, достичь соответствия между человеком и работой, что в свою очередь повышает шансы на успешное трудоустройство.

Маркс отметил, что сущность человека является совокупностью всех общественных отношений [2,с.135]. Социализация — это процесс интеграции индивида в общество, в ходе которого он усваивает влияние социальной культуры и овладевает навыками и нормами поведения, адаптируясь к социальной среде. В то же время, опираясь на свои убеждения, ценности и личные качества, индивид влияет на общество, способствуя культурным инновациям и создавая новую культуру, соответствующую требованиям времени. Таким образом, социализация является важнейшим видом социального взаимодействия [3,с.20].

С точки зрения особенностей социализации, такие характеристики, как социальная принудительность, субъективная активность и пожизненная непрерывность, также незаметно влияют на карьерное планирование

студентов. Социальная принудительность заставляет студентов при выборе профессии учитывать влияние внешней среды и общественные ожидания. Субъективная активность помогает им принимать индивидуальные решения на основе собственных интересов, а пожизненная непрерывность подчеркивает необходимость корректировки карьерных планов в соответствии с изменениями в обществе. В целом, эти характеристики формируют карьерное планирование студентов, делая его более гибким, автономным и способным адаптироваться к изменениям на рынке труда.

Процесс социализации охватывает все этапы жизни человека, и на каждом этапе есть свои особенности и задачи. В детстве человек находится на стадии начальной социализации, постепенно заменяя действия на вербальное общение через обучение языку, а также осваивает жизненные навыки и социальные нормы. В подростковом возрасте начинается действовать предвосхищающая социализация: индивид готовится к выполнению будущих ролей, осваивая соответствующее социальное поведение. Эта стадия закладывает основу для будущих взрослых ролей и является важной частью первичной социализации. В зрелом возрасте первичная социализация в основном завершена, и человек формирует собственный образ "Я", однако всё ещё необходимо адаптироваться к новым социальным ролям. Взрослые не только учатся новым ролям, но и могут выбирать, переопределять или даже создавать их заново, что позволяет им постоянно адаптироваться и развиваться в обществе. Социализация в зрелом возрасте сталкивается с особыми вызовами: в последний период жизни человек часто вынужден справляться с серьезными изменениями в своих установках и поведении, что делает этот этап одним из самых сложных в процессе социализации. В целом, процесс социализации отражает постоянную потребность в адаптации и обучении на разных этапах жизни человека. На каждом этапе социализации на индивида влияют различные факторы, причем их соотношение меняется в зависимости от стадии развития [1,с.57].

Процесс социализации студентов заключается в дальнейшем усвоении социальной культуры, при котором ценности, установки, нормы и знания превращаются в привычные правила повседневной жизни и личные навыки, формируя зрелого человека, способного вести самостоятельную жизнь и взаимодействовать с обществом [4, с. 60-62]. В этом процессе планирование карьеры является ключевым фактором. Оно помогает студентам четко формулировать карьерные цели, развивать профессиональные навыки и углублять самопознание, а также подготавливает их к выполнению будущих

профессиональных и социальных ролей. Таким образом, планирование карьеры становится неотъемлемым элементом социализации студентов и напрямую влияет на их выбор профессии и направление карьерного роста.

В быстро меняющемся современном обществе мы сталкиваемся с новыми вызовами и возможностями. В этом контексте планирование карьеры играет жизненно важную роль в социализации студентов. Оно не только является ключевым фактором их социализации, но и служит важной основой для выполнения социальных ролей, а также необходимым средством для создания социальных сетей.

Планирование карьеры является ключевым фактором социализации студентов.

Прежде всего, оно помогает студентам определить свои профессиональные цели и направление развития, что не только закладывает прочную основу для их будущей адаптации к рабочей среде, но и мотивирует их сохранять сосредоточенность и активность в процессе обучения.

Во-вторых, планирование карьеры предоставляет студентам основу для адаптации к профессиональной роли. В этом процессе студенты изучают и усваивают нормы социального поведения и правила сотрудничества на рабочем месте, которые необходимы для успешной интеграции в профессиональную среду. Участвуя в стажировках, волонтерских программах и деятельности в студенческих организациях, они не только получают возможность развить свои навыки в реальных условиях, но и применяют полученные знания и умения на практике. Этот практический опыт имеет решающее значение для будущей успешной карьеры.

В-третьих, планирование карьеры помогает студентам укрепить уверенность в себе и развить профессиональную идентичность. По мере того как они начинают лучше понимать свой карьерный путь и осознавать свою социальную ответственность, студентам становится легче формировать позитивный взгляд на будущее и повышать способность справляться с профессиональными вызовами. Таким образом, планирование карьеры является не только ключевым фактором в процессе социализации студентов, но и основой для успешной интеграции в общество и достижения личных и общественных целей. Этот процесс позволяет студентам в условиях быстро меняющегося общества постоянно корректировать свои направления развития, повышать свою конкурентоспособность и создавать прочную основу для будущего успеха.

Планирование карьеры является важным условием для выполнения студентами социальных ролей.

Американский социолог R.H. Mead и антрополог R. Linton первыми ввели концепцию "роли" в исследование социальной психологии, заложив основы теории социальных ролей. Социальная роль представляет собой набор моделей поведения, соответствующих социальной позиции индивида в социальной системе и соответствующих требованиям общества. Это можно понимать как идентичность, которую индивид получает в группе, а также обязанности и функции, которые он должен выполнять.

Объективность, соответствие, однозначность, функциональность, исполняемость, множественность и стабильность социальных ролей формируются в контексте современной социальной культуры и исторического фона, создавая рамки для функционирования личности в обществе. Планирование карьеры является важной предпосылкой для того, чтобы студенты могли брать на себя социальные роли. Эта точка зрения глубоко отражает многомерные характеристики социальных ролей и их глубокое влияние на развитие личности. В этом процессе студентам необходимо эффективно планировать свою карьеру, чтобы быть готовыми к выполнению будущих социальных ролей.

По мере углубления понимания студентами профессиональных ролей, они осознают, что их карьерное развитие как части общества связано не только с самореализацией, но и с социальным прогрессом. Это понимание побуждает студентов учитывать более широкий социальный контекст и свой вклад в общество при выборе профессии, что повышает их социальную ценность. Планирование карьеры является не только основой для принятия на себя социальных ролей, но и ключевым способом достижения личных и общественных целей в условиях сложной социальной среды. Благодаря эффективному планированию карьеры, студенты могут гибко справляться с различными вызовами на рынке труда, увеличивать свою конкурентоспособность и карьерный потенциал, закладывая прочную основу для будущей профессиональной деятельности.

Планирование карьеры является необходимым средством для студентов в построении социальных сетей.

Социальная сеть — это система относительно стабильных отношений между членами общества, сформировавшаяся благодаря взаимодействию, и она сосредоточена на взаимодействиях и связях между людьми, которые глубоко влияют на социальное поведение индивидов. Lee Rainie и Barry Wellman ставят социальную сеть наравне с революцией в области

мобильной связи и революцией интернета как три главные революции, оказывающие влияние на человеческое общество в новое время [6].

В современном обществе, особенно в условиях стремительно развивающейся цифровой эпохи, планирование карьеры помогает студентам четко определять свои профессиональные цели и направления развития, предоставляя эффективные стратегии и рамки для участия в различных социальных мероприятиях. Научный подход к карьерному планированию позволяет студентам целенаправленно выбирать активности, тесно связанные с их профессиональной областью. Участвуя в этих мероприятиях, студенты получают актуальную информацию об отрасли и становятся частью сети обмена знаниями и совместного использования ресурсов, что способствует расширению их профессиональных контактов и возможностей.

Планирование карьеры способствует глубокому пониманию и активному построению социального круга студентов, а также наделяет их способностью точно передавать свои преимущества и профессиональные цели в сложной социальной среде. Систематическое развитие планирования карьеры позволяет студентам осваивать ключевые навыки, что повышает их уверенность и эффективность в выборе профессии и социальном взаимодействии. Участвуя в отраслевых мероприятиях, они расширяют свои горизонты, развивают коммуникативные и межличностные навыки, что улучшает передачу информации и создает прочную сеть социального сотрудничества. Планирование карьеры также помогает студентам осознать динамику и разнообразие социальных сетей, позволяя гибко использовать онлайн-платформы и профессиональные социальные медиа для расширения связей и улучшения взаимодействия с различными социальными каналами.

Таким образом, планирование карьеры играет ключевую роль в процессе социализации студентов. Оно способствует четкому определению профессиональных целей, выявлению интересов и сильных сторон через самоанализ, а также укреплению самосознания. Планирование карьеры предоставляет студентам необходимые навыки и знания для успешного выполнения будущих социальных ролей, что позволяет им эффективно справляться с социальными обязанностями и вызовами. Участвуя в соответствующих социальных мероприятиях и стажировках, студенты устанавливают связи с профессионалами в своей области, расширяя свои контакты и формируя социальную сеть. Таким образом, планирование карьеры содействует выбору и развитию карьеры студентов, а также

становится основой их успешной интеграции в общество, поддерживая выполнение социальных ролей и непосредственно влияя на их конкурентоспособность на высококонкурентном рынке труда, являясь неотъемлемым элементом процесса социализации.

Библиографические ссылки

1. Александрович П. И. Социализация личности студента /П. И.Александрович //Труды БГТУ.История.Философия.Флология. 2014. №5.С. 56–59.
2. Избранные сочинения Маркса и Энгельса (Том 1) [М] Пекин: Народное издательство, 2012
3. Обручникова С. Р. Социализация студентов в современной системе образования (на примере студентов высших учебных заведений г. Хабаровска) /С. Р. Обручникова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 19–28. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/19-28
4. Чжан Цзюньхуа, Цюй Тинтин. "Исследование социализации студентов в новых условиях." /Чжан Цзюньхуа, Цюй Тинтин // *Партийное строительство и воспитание идеологии в школе* 2017(21):С. 60-62.
5. Яо Юйцзюнь, Лю Цзямин. Планирование карьеры и развитие [М]/Яо Юйцзюнь, Лю Цзямин// Издательство Столичного университета экономики и бизнеса, 2009.
6. Lee Rainie, Barry Wellman·Networked: The New Social Operating System /Lee Rainie, Barry Wellman // London: The MIT Press, 2012.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В.К. Щербин

*Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая 1, 220072, Минск, Беларусь
shcherbin5353@mail.ru*

Основной темой доклада является проблема понимания и специфика ее отражения в учебной литературе по социологии управления. Рассматриваются ключевые для данного исследования научные понятия: «понимание», «понимающая социология», «управление», «социология управления» и др. Целью исследования является описание существующих подходов к решению указанной проблемы, разработанных в рамках социологии управления как отрасли социологического знания, научной и учебной

дисциплины. Обосновывается вывод о необходимости более тесной интеграции научно-исследовательских и научно-педагогических подходов к рассмотрению проблемы понимания.

Ключевые слова: научно-исследовательская программа, понимание, понимающая социология, социология управления, управление, учебная литература.

К настоящему времени в Беларуси и России опубликованы десятки учебников и учебно-методических пособий по социологии управления. К сожалению, проведенный нами контент-анализ их содержания показал, что в подавляющем большинстве из них проблеме понимания существующей социально-политической ситуации, сложившейся на постсоветском пространстве, уделяется явно недостаточное внимание. В то же время отечественная научная и общественно-политическая литература, с которой регулярно знакомятся студенты белорусских и российских вузов, буквально «пестрит» сообщениями следующего типа:

- «...история является цепью самых ужасных явлений, которые начинаются от нехорошего понимания действительности» [1, с. 719];
- «...та правящая верхушка стариков времен Брежнева просто не понимала взглядов и потребностей нового общества. <...> Когда отсутствует здоровое, то есть рациональное понимание того, что именно происходит в мире, общество утрачивает защитные механизмы» [2, с. 61, 62];
- «Академик Р. Нигматулин как-то сказал, что наша беда – не столько в чиновниках, гребущих все под себя, сколько в непонимании ими происходящего в стране. Этим страдают врачи, учителя и даже профессора. <...> В современном мире элита определяет лицо государства, формирует общественное мнение. И если для нее характерно непонимание окружающей реальности, то она его передает «верхам» и «низам» [3, с. 105];
- «Индустрия сознания – порождение последней сотни лет. Она развивалась столь стремительно, обрела столь различные формы, что само ее существование в целом и по сей день не поддается пониманию – можно даже сказать, что оно практически непостижимо» [4, с. 7];
- «Именно отсутствие научного понимания происходящих процессов, слепое следование идеологическим догматам вчерашнего дня в ущерб научному познанию законов экономического и общественного развития привело к распаду СССР» [5, с. 4];
- «Большая часть того, что люди делают, есть производство ненужностей, бесполезностей, вредностей, бессмысленностей. Они давно

не понимают этого и никогда уже не поймут. Им не до этого. Они действуют, действуют и действуют. Но они при этом тратят время, - время социальное. Его уже почти не остается в наличии. Недалеко то время, когда фактор, формирующий социальное время, исчезнет как компонент социальной эволюции человечества» [6, с. 385].

Знакомство студентов вузов с приведенными выше высказываниями известных отечественных и зарубежных ученых о существующей в современном обществе проблеме понимания социальных процессов вызывает у них целый ряд вопросов, ответы на которые должна содержать учебная литература по социологии управления. Но их там нет. Зато там можно найти методологические подсказки относительно а) структурных характеристик современной социологии управления («это и отрасль социологического знания, объектом которой является управленческая практика, и самостоятельная научная и учебная дисциплина, занимающая вполне определенное место в разделении научно-исследовательского и преподавательского труда» [7, с. 230]); б) возможного пути поиска ответов на вопросы по проблеме понимания («...ни один нормальный преподаватель не начинает свой курс с определения таких высоких научных абстракций, как объект или предмет социологии управления, а тем более с социально-философских категорий..., хотя в научной аудитории это было бы не только уместно, но и желательно. Преподаватель начинает с проблем управленческой практики и только затем переходит к обоснованию необходимости для ее понимания и объяснения использования социологических знаний, накопленных и структурированных в такой дисциплине, как социология управления. Затем разговор об этом может плавно переходить в плоскость изложения вопросов истории становления самой дисциплины» [7, с. 231]).

В свою очередь, И.Я. Писаренко считает, что для понимания и объяснения прикладных проблем управленческой практики социологических знаний, накопленных в рамках социологии управления, недостаточно: «...на прикладном уровне она (социология управления. – *В.Щ.*) немыслима без учета исследований в области социологии труда, социологии права, социологии морали, социологии массовых коммуникаций, региональной социологии, экономической социологии, социальной педагогики, социальной психологии и других наук, исследующих различные сферы человеческой деятельности, т.к. они так или иначе выходят на уровень социального управления, дополняют социологию управления своими результатами» [8, с. 448].

На наш взгляд, при освещении проблемы понимания существующих недостатков управленческой практики наиболее действенную помощь социологии управления могут оказать социологические знания, накопленные в рамках такого направления социологической науки, как понимающая социология.

Так, к настоящему времени усилиями «понимающих социологов» (к их числу в Беларуси можно отнести В.Л. Абушенко и др.) концептуально описаны три базовые концепции понимания, разработанные, соответственно, М. Вебером, Г. Зиммелем и В. Дильтеем: «...объединяющей темой для мыслителей рассматриваемого круга являлась собственно проблема понимания, давшего название всему теоретико-методологическому направлению в целом. Причем с самого начала в исследовательскую программу понимающей социологии были заложены все основные (в последующем развернутые) версии понимания, но все они сходились в том, что лишь понимание может обеспечить доступ к основам («истокам») социальных феноменов. М. Вебером была предложена концепция понимания как процедуры (метода), предваряющей и делающей единственно возможным социологическое объяснение. Социальное действие конституируется осознанием (и/или наличием) смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом и требующего соотнесения возможного на его основе действия с возможными действиями других. Переплетение таких соотнесений образует «смысловую связь поведения» (М. Вебер). Последняя является непосредственным предметом социологического изучения, задача которого, интерпретируя, понимать социальное действие. Средством понимания (понимающего истолкования) выступают логически конструируемые идеальные типы, обеспечивающие понимание через узнавание в легитимируемых и санкционируемых культурой типизациях. Последнее позволяет М. Веберу ... обосновать стратегию целерационального действия как наиболее полно выявляющую смысловую основу социальной реальности. Остальные стратегии социального действия рассматриваются как отклоняющиеся от этой «идеальной» модели и «затемняющие» смыслы (убывание рациональности в действии суть одновременно уменьшение возможности понимания).

Зиммель в своей концепции предвосхитил последующую универсализацию понимания как специфического отношения человека к действительности, способа «здесь-и-теперь» бытия, с одной стороны, и возможность его истолкования как универсальной метапознавательной практики – с другой. Тем самым понимание можно рассматривать и как

основное событие человеческой жизни, как отношение одного духа к другому, как способ перемещения из одного культурного мира в другой, и как универсальный способ «критики самоочевидностей», «внесение» в познание субъективной компоненты (но и одновременного контроля за ней), подключения в познание «практически направленного интереса».

В концепции Дильтея (по мере ее развития) можно обнаружить три версии понимания: 1) как непосредственного усмотрения «внутренним взором» (в интроспекции) «конечной реальности» человеческой жизни; 2) как познание-переживание другого во внутреннем опыте через данные извне знаки; 3) как развертывания самопонимания через расширение жизненных контекстов и их постоянное переистолкование (переинтерпретацию), фиксируемое средствами языка в определенных текстах» [9, с. 757-758].

Указанные выше концепции понимания М. Вебера, Г. Зиммеля и В. Дильтея образуют своего рода концептуальную рамку для рассмотрения и оценки новых подходов к решению проблемы понимания, в том числе в учебной литературе по социологии управления. К примеру, поскольку даже в «Большой Российской энциклопедии» понятие «управление» определяется как «функция организованных систем, возникших естественным (эволюционным) или искусственным путем. Различают управление в искусственных (технических), биологических, социальных (экономических, политических) и др. системах» [10, с. 58], то вполне закономерно, что в последние годы основную головную боль для преподавателей и студентов, решающих для себя проблему понимания, представляют новейшие искусственные системы (интеллектуальные технологии).

С одной стороны, «представители передовой науки всё яснее понимают, что человек постепенно теряет поддающееся интерпретации понимание того, что исследует, а следовательно, теряет и возможность верить в свои знания. Современные теоремы (скажем, в математике) часто так сложно доказать, что этот труд благоразумно отдаётся трудолюбивому и не знающему усталости искусственному интеллекту. Но, что важнее, полученные доказательства занимают так много места и настолько сложны, что человек уже не в состоянии их как-то интерпретировать. Что это означает? Что он вынужден надеяться на то, что искусственный интеллект, совершающий и проверяющий доказательство теоремы, обладает достаточными средствами, чтобы делать всё правильно» [11, с. 356].

С другой стороны, попытки моделировать то или иное сложное явление в целях его понимания нередко ведут к смене ранее поставленных целей: «Моделирование мира и сохранение целей нелегко уживаются друг с другом... С развитием интеллекта может произойти не просто количественное нарастание возможностей добиваться имеющихся целей, но и качественно новое понимание природы реальности, при этом может выясниться, что старые цели никчемны, бессмысленны или даже не определены» [12, с. 405]. Конечно, «ученые-натуралисты в состоянии обеспечить все более глубокое понимание все более мелких деталей изучаемого предмета. Но это происходит за счет потери общей картины изучаемого и риска «не увидеть за деревьями леса» [13, с. 48].

Вот почему в последние годы все большую популярность в социологии управления приобретает универсальная, холистическая модель понимания, которая «синтезирует подходы философско-гуманитарного и естественнонаучного представлений, она является многомерной, включающей и логические, и психологические, и этико-мировоззренческие, и аксиологические измерения» [14, с. 114-115]. Преимущества такой холистической модели понимания известный британский ученый Бертран Рассел раскрывает следующим образом: «...я думаю, что действовать лучше всего исходя из глубокого понимания Вселенной и человеческой участи, а не под влиянием необузданного порыва к романтическому, но неадекватному самоутверждению. Привычка довольствоваться мыслями, а не действиями защищает от опрометчивости и чрезмерной жажды власти, сохраняет рассудок в беде и присутствие духа среди волнений. Жизнь, всецело вращающаяся вокруг собственной персоны, рано или поздно становится нестерпимой. Только окно в больший и менее издерганный мир помогает переносить жизненные невзгоды» [15, с. 31].

Таким образом, проведенный анализ учебной литературы по социологии управления дает нам основания сделать вывод о жизненной необходимости более тесной интеграции научно-исследовательских и научно-педагогических подходов к рассмотрению проблемы понимания.

Библиографические ссылки

1. Так говорил ... Лем: Сборник переводов с польского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 764 с.
2. Сергей Кара-Мурза: «Осознавать угрозы значит проектировать будущее» (беседовал Вадим Гигин) // Беларуская думка. 2008. № 5. С. 60-65.

3. Кива А.В. Модернизация как окно в будущее // Мир перемен. 2011. № 1. С. 105-120.
4. Энценсбергер Г.М. Индустрия сознания. Элементы теории медиа /пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
5. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Большие вызовы XXI века // Инновации. 2020. № 2. С. 3-13.
6. Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Издательский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2023. 392 с.
7. Тихонов А.В. Социология управления. 2-е изд. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
8. Писаренко И.Я. Социология управления // Социологический словарь / Сост.: А.Н. Елсуков, К.В. Шульга; Науч. ред. Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко. 2-е изд. – Мн.: Университетское, 1991. С. 446-449.
9. Абушенко В.Л. Понимающая социология // Социология: Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 757-758.
10. Инютин С.А. Управление // Большая Российская Энциклопедия в 35 т. – Т. 33. – М.: БРЭ, 2017. С. 58-59.
11. Сафронов А.В. Единое ничто. Эволюция мышления от древности до наших дней. – М.: Эксмо, 2023. 384 с.
12. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта /пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019. 560 с.
13. Медикус Г. Быть человеком: Преодоление разрыва между науками о теле и науками о душе /пер. с англ. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 244 с.
14. Яскевич Я.С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности: учебно-методическое пособие. – Мн.: БГЭУ, 2007. 186 с.
15. Рассел Б. Похвала праздности; Скептические эссе /пер. с англ.. – М.: АСТ, 2022. 384 с.

СЕМИНАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Т.В. Щёлкова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
tvscholkova@yandex.ru*

В материалах рассматриваются реализуемые образовательные стратегии и практики в процессе проведения семинарских занятий на основе анализа эссе студентов-социологов 4 курса специальности «Социология» Белорусского государственного университета. Выявлены эффективные формы и методы проведения семинарских занятий. Определено, что студенты-социологи ориентированы на активные методы обучения и инновационные технологии социологического образования.

Ключевые слова: семинарские занятия; формы организации семинарских занятий; методы обучения; педагогические технологии; образовательный процесс.

На современном этапе развития белорусского общества одной из важнейших задач высшей школы является подготовка высококвалифицированных специалистов с высоким адаптивным потенциалом, владеющих глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками, способных к самостоятельному принятию решений, работе в режиме многозадачности, творчеству и креативу. Выполнение этой задачи во много зависит от организации учебного процесса, методов и технологий обучения, реализуемых преподавателем в студенческой аудитории. Однако, «система образования, смыслы и цели которой направлены лишь на передачу информации, пусть даже самой новейшей, с ее последующим усвоением и воспроизведением будущими специалистами, вряд ли может сегодня обеспечить решение актуальных задач» [1, с.8]. Поэтому особое значение приобретает создание новых методик, внедрение и использование инновационных подходов к обучению.

Особый научный интерес, с нашей точки зрения, представляет изучение отношения студентов к семинарским занятиям, выявление наиболее эффективных образовательных технологий и продуктивных методов и форм их проведения. С этой целью был осуществлен анализ 17 эссе студентов 4 курса специальности «Социология» Белорусского государственного университета.

Результаты показали, что авторы эссе в полной мере осознают роль семинарских занятий в образовательном процессе и считают их наиболее полезной и интересной формой обучения. Они обращают внимание на то, что именно семинар способствует развитию творческих способностей и критического мышления, выработке умения отстаивать свои взгляды и вести научную дискуссию. Однако, успешность и результативность семинарского занятия, по их мнению, во много зависит от реализуемых преподавателем на занятии приемов и методов обучения.

Большинство студентов считают, что традиционные формы проведения семинарских занятий в большинстве своем скучны и непродуктивны, так как «не вовлекают обучающихся в образовательный процесс». Блиц-опросы, вопросно-ответная форма, представление докладов и рефератов видятся им наименее эффективными.

«Одним из неэффективных методов является простое заучивание материала наизусть. Этот подход не способствует развитию критического мышления и аналитических способностей студентов, а также не помогает им понимать социальные процессы и явления в широком контексте. Кроме того, такой подход не учитывает индивидуальные особенности студентов и не позволяет им развиваться в соответствии с их способностями...».

«...если же говорить про неэффективные методы проведения семинарских занятий, то я бы выделила обычные опросы по знанию конспекта. Безусловно, для некоторых дисциплин важно знание именно теории и опросы проводить необходимо, однако, когда это происходит из пары в пару и никаких других форм больше не используется, студенты, зачастую, теряют интерес к этим занятиям... Им становится просто скучно постоянно заучивать конспект, из-за чего может падать мотивация. Простое заучивание не даёт понимания материала, что так же негативно влияет на общий уровень знания...»

По поводу докладов и рефератов мнения разделились. Большинство авторов считают их малоэффективной формой проведения семинарского занятия. Свою позицию они аргументируют тем, что «не каждый студент готовится качественно к выступлению и пытается придумать что-то оригинальное» и «студенты, которые заслушивают докладчика, чаще всего занимаются своими делами и не задают вопросы для уточнения представляемого материала». Вместе с тем, есть и немногочисленные сторонники данной формы. Одни из них считают, что доклады и рефераты интересны и полезны лишь на младших курсах или при условии четкой организации со стороны преподавателя. Другие – их безусловные почитатели.

«...форма выступления с докладами и рефератами в рамках семинарских занятий очень интересна, но только при большом разнообразии предложенных тем. На некоторых дисциплинах иногда складывалась неприятная ситуация, когда для 19 студентов предлагалось лишь 5–10 тем, а задание выполнялось всей группой. В таком случае материал брался из одних и тех же источников, некоторые студенты пользовались

правилом «первой ссылки», что только повышало шанс нахождения одинаковой информации. И даже если студент подойдет к выполнению задания максимально ответственно и поработает с большим количеством источников, основная суть материала все равно остается одинаковой...».

«...подготовку докладов/презентации я считаю эффективной, так как студент индивидуально занимается поиском, анализом и, в итоге, усвоением не только базовой, но и дополнительной информации. Ведь для того, чтобы сделать качественный доклад студенту необходимо просмотреть хотя бы несколько источников информации, что значительно улучшает её запоминание. Далее студент систематизирует и анализирует необходимый ему материал, что также способствует развитию полезных навыков и умений. А при создании презентации происходит не только закрепление учебного материала, но и развитие творческого потенциала студента. Таким образом, студент самостоятельно находит, систематизирует и анализирует необходимые знания...».

Несмотря на то, что «педагогические подходы и инновации не спасли университеты от образовательной неуспешности студентов» [2, с.17], от применяемых преподавателем методов и форм обучения зависят удовлетворенность учебным процессом, степень усвоения и понимания материала, заинтересованность студентов и их вовлеченность в изучаемую дисциплину. Анализ эссе показал, что почти все авторы в качестве эффективных и запомнившихся форм проведения семинарских занятий выделили проведение дебатов, групповые дискуссии, составление интеллект-карт, работу в малых группах, деловые игры, кейс-стадии, демонстрацию кинофильмов, образовательных видео и др. По мнению студентов-социологов использование интерактивных элементов и эвристических методов в проведении семинарских занятий способствуют активизации творческой деятельности студентов, развитию их критического мышления, коммуникативных навыков и способностей к самоанализу и рефлексии.

«Что касается наиболее интересной для меня формы проведения семинарских занятий, это рисование интеллектуальных карт. Мне нравится данное задание, потому что здесь можно проявить свою креативность, а также этот вид работы является хорошим тренажёром для логики и построения причинно-следственных связей, да и занятия проходят веселее, когда вы рисуете что-то на доске, а потом рассказываете по этим же рисункам пройденный материал...».

«...ролевые игры способны усилить рефлексию учащихся, улучшить их понимание мотивов действий других людей и, конечно же, разнообразить учебный процесс, сделать его веселым и запоминающимся. Мозговой штурм учит оперативно анализировать и отбирать поступающие предложения, развивает творческие способности студентов, позволяет развивать навыки слушания и говорения. Учащиеся учатся выдвигать и доказательно обосновывать свою точку зрения во взаимодействии с оппонентами...».

«Высокой степенью эффективности обладают наглядные методы преподавания, а именно демонстрация кинофильмов, образовательных видео. Как мне кажется, с помощью аудиовизуальных средств за определенный промежуток времени учащийся способен освоить большее количество информации. В ходе просмотра образовательного видео вся информация выстраивается в сознании студентов в цепочки наглядных образов, наиболее понятных для обучающихся, чем традиционный текст...».

Также, в качестве полезных и интересных форм работы на семинарских занятиях большинство авторов эссе выделяли выполнение групповых проектов и творческих заданий. Однако, их эффективность, по мнению, студентов во многом зависит от правильной организации. Студенты обращали внимание на то, что оптимальное количество человек в группе должно быть не более трех и распределение по группам должно осуществляться по собственному желанию. В случае, когда группы многочисленны и преподаватели сами случайным образом распределяют составы групп, нередко возникает ситуация, когда всю работу выполняет лишь небольшая часть членов группы, в то время как остальные никак не участвуют в процессе работы. Студенты считают, что постоянная смена членов групп случайным образом полезна лишь на первом курсе на этапе адаптации, чтобы студенты лучше узнали друг друга, проявили свои способности и умения.

«...отличный метод – командная работа. Однако желательно, чтобы студенты выбирали себе команду для решения учебных задач. Дело в том, что, когда преподаватель сам выбирает группы, он может совместить более сильных и слабых студентов. Обычно из этого выходит следующая ситуация: часть студентов абсолютно ничего не делают, а пару человек в команде работают за всех...».

«Еще хотелось бы отметить преимущество групповых проектов по различным темам. В рамках нашего обучения мы как проводили собственные социологические исследования, так и участвовали в

подготовке совместных творческих проектов. На мой взгляд, данный метод очень актуален в современном мире, так как мы живем в социуме, и нам необходимо учиться коммуницировать друг с другом и учиться работать в команде, грамотно разделять обязанности (чтобы проект не выполнял один человек), а также уметь находить компромиссы...».

Авторы эссе в полной мере осознают специфику социологического образования. При отсутствии практических занятий, именно семинары, по их мнению, должны давать возможность применять теоретические знания на практике, приобретать профессиональные умения и навыки.

«Хотелось бы также отметить эффективный метод преподавания, базирующийся на обучении действием. Так, некоторые из семинарских занятий могут основываться на выполнении практического задания, в ходе которого студенты перейдут от «слов» к «делу». Так, изучив теоретическую основу, преподаватель сразу направляет студентов реализовывать полученные знания на практике...».

«...выполнение практических заданий, среди которых может быть проведение исследования на выбранную тему, проведение фокус-группы или интервью, можно отнести к наиболее продуктивным формам семинаров с большим количеством плюсов...».

Таким образом, студенты-социологи ориентированы на инновационные методы и формы проведения семинарских занятий. Им импонируют эвристический, практико-ориентированный и проектные подходы, способствующие развитию профессиональных умений, критического мышления, умению работать в команде, навыков коммуникации, творческих способностей и креативности. Современная модель социологического образования ориентирована на активизацию учебно-познавательной деятельности студента и минимизацию только передачи знаний; диалог между преподавателем и студентами и между студентами; развитие исследовательских навыков и профессиональных умений высококвалифицированных и конкурентноспособных специалистов.

Библиографические ссылки

1. Король АД, Морозова НИ. Диалогизация университетского образования: опыт Белорусского государственного университета // Университетский педагогический журнал. 2021. №1. С. 5–10.
2. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 17–27.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ВОСПИТАНИЯ

А.В. Яшина

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор

В статье рассматриваются особенности изучения проблем воспитания с социологической точки зрения. Раскрываются противоречия, с которыми сталкивается социология воспитания в процессе её развития, а также приводятся примеры факторов, влияющих на возрастание актуальности изучения проблем воспитания в современном мире.

Ключевые слова: *воспитание; социальные изменения; воспитательная работа; педагогический подход; социокультурное пространство.*

Социология воспитания – это отрасль социологического знания, познание которой является важнейшей частью профессиональной деятельности социологов, социальных работников, педагогов, специалистов по работе с молодежью и других. Главной особенностью данной отрасли является ее относительно небольшая популярность в социологических кругах. Воспитание, как общественный феномен, часто относят либо к педагогике, либо к социологии образования. Так, долгое время единственным учебником по социологии воспитания для вузов было пособие «Социология воспитания: (О некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности)» известного российского социолога А. Г. Харчева, изданное еще в 1990 году до распада СССР. Таким образом, резкие перемены в общественной жизни повлияли на научно-образовательный процесс и стали требовать от него выработки и разрешения современных проблем социологии воспитания.

Социология воспитания как специальная социологическая теория сформировалась в 20 веке. Тем не менее, с того времени воспитание так и не стало настолько изученным феноменом как человек, его поведение, личность, социальная стратификация и иные общественные явления. Многие социологи не берутся изучать новую отрасль из-за неотчетливой

формы и содержания объекта социологического анализа. В связи с этим можно сказать, что в современной реалии социология воспитания становится на стадии становления, а процесс ее развития осложнен рядом противоречий и проблем, как и многие другие отрасли.

Одним из таких противоречий является *противоречие идеологического характера*. Ранее устаревшие теоретико-идеологические установки в области воспитания перестали быть актуальными, а марксистские принципы анализа (примат классовых ценностей и другие) утратили свою значимость в качестве методологической основы для научных исследований. Изучение материалов съездов и пленумов ЦК КПСС, учебных пособий времен социализма, а также планов работы вузов, школ, предприятий того исторического периода показывает, что разделы «Воспитательная работа», «Воспитание подрастающего поколения» выступали их обязательной частью: «КПСС придавала и придает первостепенное значение делу коммунистического воспитания. Проблемы коммунистического воспитания приобрели особую актуальность на этапе развитого социализма, когда на качественно новую ступень поднялась роль субъективного фактора организованности и сознательности масс в общественном прогрессе. Они стали предметом тщательного обсуждения на XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС, последующих пленумах ЦК» [1].

В то время воспитательная работа была направлена на выявление вдохновленных, уверенных, страстных, умеющих заечь и завлечь за собой других людей, то есть подвижников и энтузиастов, готовых строить идеальное коммунистическое общество. Оно тогда являлось общественным идеалом, а социальной моделью подражания были его строители, всесторонне развитые личности.

В белорусском обществе происходит пересмотр идеалов и ценностей в связи с социальными изменениями. Воспитание, являющееся важным и неизменным, традиционным социальным институтом, сталкивается с вызовами новых времен, когда устаревшие ценности и нормы теряют свою актуальность (например, отказ от коммунистической идеологии и попытки изменить основные ценности воспитания). В результате это привело к неопределенности в ценностных ориентациях школьного, семейного и вузовского воспитания. Из-за этого возникают проблемы с регуляцией, контролем и нормированием процесса воспитания.

Изменение социально-политической ориентации Беларуси сказывается на всех аспектах жизни общества, включая культурное развитие и систему воспитания. В период социализма внимание уделялось активному

воздействию на формирование личности через воспитание, однако сегодня большинство граждан проявляют равнодушие к этому важному аспекту общественной жизни. Современная белорусская реальность отличается утилитарной ментальностью, где ценности и приоритеты изменились. Поэтому необходимо разработать новую концепцию социальной организации, которая будет ориентирована на формирование облика будущего белоруса, учитывая изменения в ценностях и потребностях общества.

А. Г. Харчев подчеркивает, что система общественного устройства и социальные отношения находятся в постоянном изменении, влияя на цели воспитания. Каждый момент требует формулирования новых целей, отвечающих требованиям, вытекающим из динамики развития общества. В период существенных социально-экономических изменений эти цели становятся неопределенными, поскольку изменчивость среды создает неопределенность в требованиях к формированию личности. Отсутствие стабильности в обществе затрудняет точное и долгосрочное определение целей воспитания, поскольку сроки и сценарии социального развития не предсказуемы. В этом контексте актуальной становится необходимость постоянного анализа и изменения целей воспитания в соответствии с вызовами современного общества [3].

В последние годы наблюдается возрастание заинтересованности части населения Беларуси в вопросах воспитания, что отражается на повседневном сознании людей. Этот интерес сопровождается инициативами по использованию социокультурного потенциала воспитания в различных образовательных учреждениях, включая школы, колледжи и вузы, а также в различных общественных пространствах, таких как клубы, семейное окружение, религиозные общины и другие места общественных взаимодействий. Однако, стоит отметить, что настоящее общественное явление остается вне зоны внимания социологов, несмотря на его активное развитие и увеличение значимости в широком общественном дискурсе. Учитывая стремительное развитие этой тенденции, следует обратить внимание на ее потенциальное влияние на образ жизни и ценностные ориентации человека.

Дисциплина социологии исследует широкий спектр объектов, включая как устойчивые и статичные социальные структуры, следующие определенным правилам и процессам, так и разнообразные новообразования в обществе. Эти новые социальные образования

становятся неизбежным результатом социальной динамики и одновременно определяют ее собственную траекторию.

В истории социологии отмечается, что некоторые общественные явления остаются объектом изучения этой науки даже в условиях их изменений, в то время как другие периодически исчезают из ее сферы интересов, исчерпав свою актуальность. Однако существуют социальные процессы, на которые социология специально не обращает внимание, поскольку их современные формы трудно понять, и практические рекомендации по управлению ими не могут быть реализованы в современном социальном контексте. Примером таких феноменов в современной белорусской социологии служит воспитание.

Немало важную роль в изучении воспитания также играют *противоречия онтологического характера*. Можно выделить основные противоречия, которые требуют осмысления с точки зрения социологического анализа воспитания:

1. Общество имеет сильную потребность в использовании объединяющего потенциала воспитания, однако его эффективная реализация затруднена из-за неопределенности в его нормативно-ценностном содержании;
2. Существует потребность в развитии государственной идеологии в сфере культуры и воспитания граждан, но она отсутствует из-за нормативно-ценностного кризиса;
3. Необходимо развивать духовную сферу общества, однако отсутствует социальный идеал как основополагающий фактор;
4. Воспитание, осуществляемое различными образовательными структурами (семьей, школой, церковью) сталкивается с нежелательным влиянием неинституционализированного социокультурного пространства;
5. Наблюдается увеличение культурных отклонений в белорусском обществе, при этом воздействие воспитания как средства культурной социализации на их предотвращение и преодоление остается недостаточным;
6. Здоровые силы белорусского общества стремятся к социокультурной интеграции, но многие граждане, социализировавшиеся в период рыночных отношений и кризиса ценностей, не принимают позитивные культурные ценности;
7. Приняты государственные программы по молодежной политике, однако отсутствует социальная регуляция и контроль их выполнения [1].

Третья группа противоречий связана с *проблемами определения воспитания как реального процесса и проблемами социальной обусловленности социологического анализа этих факторов*. В

исследовании воспитания, так же, как и в изучении других социальных процессов, значительное влияние оказывают социальные изменения. Развитие различных областей научного знания часто представляет собой сложный и многосторонний процесс, который может быть условно разделен по времени. Это объясняется воздействием значительных общественно-исторических событий, таких как революции, войны и естественные катастрофы, которые существенно влияют на направление и содержание научного развития. Однако развитие научного знания продолжается несмотря на подобные факторы, благодаря неукротимой способности человеческого ума [2].

Четвертая группа проблем связана с *эпистемологическими трудностями*, которые отражают сложности и противоречия в сфере познания. Эти проблемы включают в себя следующие аспекты:

- Основное внимание в педагогическом понимании воспитания уделяется объектам (предметоцентризм), и необходимо преодоление этого подхода на основе социологической перспективы;
- Существует потребность в социологическом исследовании воспитания как культурного социального явления, но отсутствуют фундаментальные работы белорусских социологов в данной области науки;
- Осознание кризиса в области воспитания как социокультурного явления, и недостаточно изучены социологические механизмы его преодоления [1].

Таким образом, можно говорить о том, что социология воспитания имеет свои собственные особенности в рамках социологического исследования. Эти особенности включают в себя сложные эпистемологические проблемы, связанные с необходимостью преодоления предметоцентризма в педагогическом подходе к воспитанию, отсутствие фундаментальных разработок отечественных социологов в этой области, и слабую степень изученности социологических механизмов преодоления кризиса воспитания. В связи с этим, социология воспитания требует особого внимания и исследовательской работы для более глубокого понимания социальных процессов, происходящих в области воспитания и их влияния на развитие личности и общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Барсукова, Т. И. Трехуровневая методологическая модель анализа воспитания в социологии [Электронный ресурс] / Т. И. Барсукова – Режим доступа: superinf.ru/view_helpstud.php?id=1850. – Дата доступа: 20.04.2024.

2. *Зимняя, И. А.* Стратегия воспитания: возможность и реальность / И. А. Зимняя // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 67-74.

3. *Харчев, А. Г.* Социология воспитания: (О некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности) / А. Г. Харчев. – М. : Политиздат, 1990. – 220 с.

СЕКЦИЯ 2
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИНСТИТУТЫ:
ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ПОИСКА

POLARIZATION: HOW SOCIAL MEDIA PLATFORMS SHAPE
POLITICAL SENTIMENT AND BEHAVIOR

Yan Shuai

Master's degree student of communication.

*The Faculty of Philosophy and Social Sciences of Belarusian State University ,
 Kalvaryiskaia str. 9, Minsk Republic of Belarus 220004,
 y1969427178@gmail.com*

Supervisor — Irina I. Ekdumova, Associate Professor, Department of Social Communication, Belarusian State University.

The process of globalization and informatization has promoted social media to become the core platform for contemporary political communication, changing the traditional way of political communication. The "flat" information transmission of social media allows individuals to directly participate in political discussions and influences user emotions and behaviors through complex algorithms and platform design. Social media pushes content that is consistent with the user's existing position, forming "information cocoons" and "echo chambers", strengthening the individual's political position and causing his or her views to become extreme. According to Sunstein's "group polarization theory", individual views in highly homogeneous social circles will become more extreme. This paper aims to explore how social media promotes political polarization through its algorithmic bias and communication mechanism, and combines the perspectives of journalism, communication, sociology and political science to analyze its impact on contemporary political emotions and behaviors, and provide reference for the design and management of future social platforms.

Keywords: Social media; political polarization; algorithmic bias; emotional communication; information cocoon; group polarization.

1. Social media and political emotions from the perspective of journalism

With the rise of social media, the way news is produced and consumed has undergone fundamental changes. Traditional news organizations no longer dominate the flow of information, and users have become the main producers and

disseminators of information [1]. Against this background, the emotional trend of news has become increasingly obvious. Social media platforms, such as Facebook and Twitter, use algorithms to prioritize content that can trigger strong emotional responses, leading to the rise of "emotional news." According to research by Papacharissi, emotional news attracts users' attention by exaggerating emotions (such as anger, fear, entertainment, etc.), thereby increasing click-through rates and communication effects. This emotion-driven news model weakens the focus on facts and makes political reporting more emotional and inflammatory [2].

Especially in the field of political news, emotional manipulation has become an important means to attract users. Negative emotions such as anger and fear inspire users to share more than neutral or positive emotions, so such emotions are often deliberately amplified in political reports. According to research by Soroka, the speed and scope of the spread of negative emotions on social media are much greater than neutral reports. This phenomenon has led to the rise of "angry politics". When users are exposed to these emotional news, their political emotions tend to become more intense or even extreme [3].

Social media has changed the structure of news dissemination and fragmented news content. Compared with traditional long-form reports, news on social media is more often presented in a short, concise, and emotional way. Complex political issues are reduced to quickly consumable content, which is a breeding ground for emotion. News fragmentation weakens the space for rational discussion and increases the possibility of emotional fluctuations. According to Bennett and Segerberg's "logic of connective action", news in the social media environment often promotes collective action through simplified information and emotional resonance, rather than in-depth thinking and discussion [4].

Virality is a prominent feature on social media, especially in political news, where certain stories spread quickly through emotional resonance, driving up public sentiment. For example, the fake news incident during the Trump campaign is a typical case: emotional and simplified news quickly triggers public discussion and reaction, and this immediate reaction is often based on emotional impulse rather than rational thinking. Research by Allcott and Gentzkow pointed out that the viral spread of fake news through social media not only changes public perception, but also exacerbates political divisions in society [5].

Social media has not only changed the way news is produced, but has also given rise to the rise of "citizen journalists" and grassroots journalism. Ordinary users can easily post political comments and share news reports through social media platforms, and the emotional characteristics of these grassroots news are more obvious. This decentralized news production model expands the scope of

emotional communication and allows political emotions to spread rapidly among a wider user group [6]. According to research by Hermida, citizen journalists on social media not only participate in reporting events, but also strengthen the emotional color of the news from a personal emotional perspective.

User-generated content (UGC) plays an important role in emotional communication. UGC is often based on the user's personal experience or emotional response. This individualized emotional expression is amplified through the algorithm of social media, forming the spread of group emotions. Hampton et al.'s research shows that UGC amplifies the original emotional fluctuations by being repeatedly shared and commented on in the social media environment, thereby promoting the rapid spread of political emotions in the virtual space and even spreading to real political actions [7].

2. Social media and group polarization from a sociological perspective

The algorithm design of social media in information dissemination is one of the main reasons for the formation of the "echo chamber effect" and "information cocoon room". These platforms personalize content that users are interested in, reducing exposure to different viewpoints and forming a highly homogeneous information environment. The "echo chamber effect" theory proposed by Sunstein suggests that when individuals are repeatedly exposed to views consistent with their own positions on social media, their attitudes will become more extreme. Through this feedback loop, social media effectively reduces the exchange of dissent and promotes convergence of opinions within the group.

The effect of "filter bubbles" further strengthens the internal identity of the group. Pariser pointed out in his work that the personalized recommendation system of social media immerses users in a closed information environment and makes it difficult to access different viewpoints. This not only hinders cross-group dialogue, but also makes users gradually reject and oppose the outside world. As a result, extreme emotions within political groups are continuously amplified, forming a more exclusive group identity. This phenomenon is particularly evident on the issue of political radicalization. Social media has contributed to the trend of more solidified political positions by shaping a closed discussion space.

Social media not only reinforces the "echo chamber effect" through algorithms, but also further strengthens users' identities through political discussions. According to Tajfel and Turner's social identity theory, individuals define themselves by belonging to specific social groups, forming a clear "us vs. them" opposition. In a social media environment, political discussions are often accompanied by strong emotional overtones and stance labels, and users often gain a sense of identity by supporting a certain political stance. Cyberspace

provides a stage for users to demonstrate their identity, especially through political behavior to seek recognition and a sense of belonging. Bennett pointed out that social media has made the expression of identity politics more personal and public, with users showing their political stance to specific groups through behaviors such as “likes”, reposts, and comments. This kind of self-expression not only strengthens users' identification with specific political positions, but also consolidates the boundaries of the group to a certain extent, making the group more polarized.

In social networks, the accumulation of social capital has an important impact on group polarization. Social capital can be divided into two categories: bridging capital and bonding capital. Putnam pointed out that connecting capital facilitates communication and understanding across groups, while cohesive capital strengthens relationships and identities within groups. On social media platforms, cohesive capital is often further enhanced through close social networks and high-frequency interactions, promoting extreme emotions within the group to become mainstream. This phenomenon is particularly prominent in political groups. By strengthening internal identification and emotional resonance, group members weaken interaction with external groups, causing political emotions within the group to become extreme [9].

In addition, opinion leaders in social networks play an important role in the group polarization process. The "opinion leader theory" of Katz and Lazarsfeld believes that opinion leaders promote the spread and strengthening of certain opinions within a group through their own influence. Social media has amplified the role of opinion leaders, who influence the attitudes and emotions of group members by publishing political content with strong emotional overtones. Research shows that emotional political content spreads more easily in social networks than rational analysis, allowing extreme emotions within the group to gradually dominate political discussions [10].

3. The influence of social media on political behavior from the perspective of political science

With the popularity of social media platforms, online political participation and activism have become increasingly diverse. Social media makes it easy for users to participate in virtual protests, petitions, online signatures, crowdfunding, and share political content. This phenomenon of "clicktivism" and "slacktivism" is considered a low-cost, low-barrier method of participation that can gather a large number of participants in a short period of time. Gerbaudo pointed out in his study that social media has provided users with new means of organizing and coordinating protests, especially during events such as the Arab Spring and

Occupy Wall Street, where social media platforms played a vital role in mobilizing large numbers of participants.

This kind of online political participation not only stays in the virtual world, but can also be transformed into real political behavior. Political scientist Tufekci proposed that emotional resonance and emotional mobilization on social media platforms can prompt individuals to take practical actions, such as participating in elections, protests, and marches. After political emotions are quickly spread and amplified on social media, they can often inspire collective action in reality. For example, in the 2016 U.S. election, discussions on social media around topics such as race and economy not only aroused voters' emotions, but also directly affected voters' voting behavior [8].

The algorithm and platform design of social media not only promote political participation, but also exacerbate political polarization and social divisions. On social media, radical speech is more likely to gain attention and spread than moderate speech. According to research by Bail et al, political discussions on social media platforms have shown an increasingly polarized trend, and this polarized speech has further exacerbated the divisions in social and political systems. Users are frequently exposed to content consistent with their political leanings on the platform, and polarized discussions continue to strengthen their existing positions, while they have less and less contact with opposing positions, leading to the formation of "homogeneous" communities. This polarization is not limited to ideological differences, but is also reflected in users' attitudes toward different political groups, such as race, religion, economic class, and other opposing sentiments [11].

Political polarization has also had a profound impact on democratic institutions and public decision-making processes. Political scientists Levitsky and Ziblatt pointed out in their research that the polarizing effect of social media weakens the operational foundation of the democratic system. Polarizing rhetoric intensifies antagonisms in public discourse, making compromise in a democratic society more difficult [12]. When the public participates in political discussions through social media, they often fall into a state of "tribalization", that is, they are more inclined to support the opinions of the political groups to which they belong rather than making judgments based on rational discussions [13]. This phenomenon leads to gridlock in the public decision-making process, making policy formulation and implementation more difficult. What's more serious is that political polarization promoted by social media may also weaken the public's trust in the democratic system and even encourage some groups to turn to extremist positions, further threatening the stability of the democratic system.

4. Conclusion

In the context of social media exacerbating political polarization, how to effectively regulate the content of the platform and alleviate its negative impact on political communication has become an urgent problem to be solved. First, the platform's algorithm needs to be adjusted to reduce the push of emotional content and encourage more rational and diversified discussions. Research shows that the transparency and neutrality of the algorithm will help reduce the proliferation of polarized information, thereby alleviating the impact of the "echo chamber effect" and "information cocoon"[14].

Political communication also needs to adapt to the changes in the social media era. Public institutions and political leaders should explore new ways of communication to promote more inclusive political discussions on social media platforms. By guiding the public to have rational discussions and strengthening dialogues between different groups, political communication can play a constructive role in the social media environment, reduce the spread of extreme emotions, and promote a healthier public decision-making process [15].

Reference

1. Pariser, E. *The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think*. M. Penguin Press. 2011.
2. Bennett, W. L. The personalization of politics: Political identity, social media, and changing patterns of participation. *J. The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2012, 644(1), 20-39.
3. Katz, E., Lazarsfeld, P. F. *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. M. Free Press. 1955.
4. Tucker, J. A., Theocharis, Y., Roberts, M. E., & Barberá, P. From liberation to turmoil: Social media and democracy. *J. Journal of Democracy*. 2018, 28(4), 46-59.
5. Papacharissi, Z. *Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics*. M. Oxford University Press. 2015.
6. Soroka, S. N. *Negativity in Democratic Politics: Causes and Consequences*. M. Cambridge University Press. 2014.
7. Bennett, W. L., & Segerberg, A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. *J. Information, Communication & Society*. 2012, 15(5), 739-768.
8. Allcott, H., & Gentzkow, M. Social media and fake news in the 2016 election. *J. Journal of Economic Perspectives*. 2017, 31(2), 211-236.
9. Hermida, A. *Tell Everyone: Why We Share and Why It Matters*. M. Doubleday Canada. 2014.

10. Hampton, K. N., Rainie, L., Lu, W., Dwyer, M., Shin, I., & Purcell, K. Social media and the spiral of silence: The impact of social media on political discussion. M. Pew Research Center. 2017.
11. Putnam, R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. M. Simon & Schuster. 2000.
12. Gerbaudo, P. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. M. Pluto Press. 2012.
13. Tufekci, Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. J. Yale University Press. 2017.
14. Bail, C. A., Argyle, L. P., Brown, T. W., Bumpus, J. P., Chen, H., Hunzaker, M. B. F., Lee, J., Mann, M., Merhout, F., & Volfovsky, A. "Exposure to opposing views on social media can increase political polarization." Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018., 115(37), 9216-9221.
15. Levitsky, S., & Ziblatt, D. How Democracies Die. M. Crown Publishing Group. 2018.

THE ROLE OF EDUCATION IN MODELING THE REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF CHINESE WOMEN: THE EXPERIENCE OF MODERN CHINA

Zhao Li Jiafeng

Belarusian State University

Faculty of Philosophy and Social Sciences, Department of Sociology

Kalvaryiskaia str. 9, Minsk Republic of Belarus 220004,

zhaolijiafeng@gmail.com

Scientific supervisor - Lebedeva Elena Viktorovna, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

Research has shown that the popularization of education reduces women's fertility intentions. This paper describes the development of women's higher education and the current situation of women's workplace in modern China. The prolongation of education and the "hidden" discrimination against women's marriages and childbearing in the job market have led to the majority of women's choices of marrying later and childbearing later, and the postponement of their marriage and childbearing age, as well as the low willingness to give birth. Finally, it is concluded that the development of education has made modern women more free and independent, but it has also indirectly led to the decline of China's birth rate in recent years.

Keywords: *education; modern Chinese women; late marriage and late parenthood; fertility intentions; birth rate.*

In the feudal society of China, where men were superior to women, Chinese women did not have the right to education, and it was their life's mission to teach their children, making it difficult for them to give full play to their personal ideals and values. Later, with the introduction of new ideas, a small number of advanced women began to awaken, shouting the slogan of equality and freedom, and striving for equal rights to education for men and women. Since then, there has been hope for women in their pursuit of the right to education. Since the founding of New China, women's right to education has been fully guaranteed, and thanks to decades of unremitting efforts by the Party and the State, women's higher education in modern China has made unprecedented progress.

The development of women's higher education in modern China promotes women's pursuit of freedom and independence.

According to the 2022 statistical monitoring report on the Programme for the Development of Chinese Women (2021-2030), released by the National Bureau of Statistics in December 2023, the ratio of men to women in higher education in modern Chinese society is basically balanced. The level of popularization of higher education has been further raised, and women's right to receive higher education has been strongly safeguarded. In 2022, there were 29.033 million female students enrolled in higher education, an increase of 1.225 million compared with 2021; they accounted for 50.0 per cent of the total number of students enrolled in higher education, and the proportion of men and women remained balanced. Among them, there are 1,871,000 female postgraduates, accounting for 51.2 percent of all postgraduates; 18,312,000 and 5,314,000 female students are enrolled in general undergraduate colleges and adult undergraduate colleges, accounting for 50.0 per cent and 56.9 percent of the total, respectively [1]. The degree of women's higher education has been deepening, and the proportion of women in higher education has been increasing year by year, even surpassing that of men. At the same time, the development of education has brought about the liberation of women's thinking, personality independence, modern Chinese women are a group of independent thinking, economic independence, creativity, in the social market economy is playing an increasingly important role in all walks of life in all walks of life in the society can be seen everywhere in their figure, personal ideals into the realization of the great rejuvenation of the Chinese nation's historical process. However, it cannot be ignored that women's role as mothers and gender factors have also brought some

difficulties to the career of modern Chinese women, and this paper further analyses this issue against the backdrop of the declining birth rate in China in recent years.

Modern Chinese Women's Workplace Dilemma Leads to Low Female Fertility Intentions.

According to the survey report on the current situation of Chinese women's workplace in 2023, marriage and childbearing are still the shackles of women in the workplace, the economic burden "binds" childbearing, gender injustice in the workplace still exists, and women are pursuing equality through self-improvement. Among them, more than 10% of married women don't want to get married, more than 40% of unmarried women hope to get married after 30 years old or don't get married; nearly 40% of women only want to give birth to one child, and more than half of them think that it is difficult to solve the problem of high birth cost by "Canceling the birth registry"; more than 70% of the "baby mums" have worked full-time as mothers, and more than 20% of them want to relieve the economic pressure. More than 70% of "baby mothers" have been full-time mothers, and more than 20% have returned to the workplace to relieve economic pressure; about half of married women complain that their "teammates" are incompetent, and only 6% of fathers approve of this; 50% of women want to reconcile career and family, and more than 20% expect to become a "big woman" in their career. 51.9% of women consider gender equality as a holistic view of both genders. 51.9% of women regard gender equality as the same right of speech for both genders in all aspects; more than 60% of women are asked about marriage and childbearing in their job search, and 30% of them are affected by age problems in the workplace; nearly 60% of women attribute gender inequality in the workplace to childbearing; more than 50% of women hope that the enterprise and the society will share the burden of childbearing; and in order to pursue gender equality in the workplace, 65.6% of women are willing to improve the competitiveness of their workplaces [2]. All these show that gender equality in modern Chinese society has not yet been fully formed, and that modern Chinese women face difficulties in the workplace because of marriage and childbearing, age and other problems, the double pressure of family and career, and economic pressure, which leads to a lower willingness to give birth, a greater tendency to marry later and give birth later, and even some women choose not to get married to improve their competitiveness in the workplace.

The development of higher education in China has, on the one hand, enabled women to acquire more knowledge and skills, independent thinking and economic capacity, and more choices in life. On the other hand, the longer a woman has

been educated, the later her marriage and childbearing age will be, and at the same time, due to age and marriage and childbearing problems, women face certain difficulties in the job market, lacking market competitiveness compared to men, and their personal development is limited. In China's severe employment environment, women can only obtain jobs and improve their competitiveness in the workplace by marrying later and having children later. It reflects women's right to reproductive freedom and is an important manifestation of social development and progress. But on the other hand, it has also contributed to some extent to the decline in China's birth rate in recent years.

By analyzing the development of women's higher education in China, and taking into account the characteristics of modern Chinese women's independence of thought and pursuit of freedom, this paper proposes that the in-depth development of higher education has, to a certain extent, lowered women's willingness to have children, and that they are more willing to realize their values in society, and that women face "implicit" employment discrimination due to their marital and childbearing problems. This has led women to choose to delay marriage and childbearing. Finally, it is concluded that the development of education has had an impact on the reproductive choices of women in modern China and on the decline in China's birth rate in recent years.

Bibliography

1.National Bureau of Statistics. 2022 Statistical Monitoring Report on the Programme for the Development of Chinese Women (2021-2030) [Electronic recourse].–Mode of access: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231229_1946062.html.– Date of access: 31.12.2023.

2.Wisdom Recruitment.2023 Survey Report on the Status of Chinese Women in the Workplace[Electronic recourse].–Mode of access:<https://www.163.com/dy/article/HVCPRI020514R9KQ.html>.–Date of access: 08.03.2023.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

А.К. Абдина

Astana IT University, департамент общеобразовательных дисциплин,

Бизнес-центр EXPO, блок С1

проспект Мангилик Ел, 55/11, Астана, Казахстан, 010000.

ainur.abdina@astanait.edu.kz

Репрезентированы сложившиеся концепции старения с учетом их формирования в эпоху цифровизации, определяется термин «позитивное старение», обосновывается многомерность понятия «благополучие пожилых людей, его контекстуальность в части культуры, индивидуального восприятия и научного изучения.

Ключевые слова: старение населения, «позитивное старение», эмоциональный интеллект, благополучие пожилых людей, концепты старения и технологий.

Тема благополучия пожилых людей является одной из актуальных не только в академической среде, но и в различного рода социальных дискурсах и общественных обсуждениях. Однако главной проблемой исследуемого вопроса является то, что само понятие благополучия до сих пор не концептуализировано, поэтому встречаются разночтения в академических текстах и публичном использовании данного термина.

Под благополучием понимается удовлетворенность жизнью, душевное равновесие, оптимистический взгляд на жизнь, и многое другое. Кроме того, значение термина “благополучие” может зависеть от различных культурных контекстов, а также восприятия разными возрастными категориями. Исследователи пишут, что “...ученые согласны с тем, что благополучие - это многомерное понятие, но расходятся во мнениях относительно того, каковы эти измерения и компоненты. Такое положение вещей проблематично” [1].

Когда мы говорим о философии благополучия, мы основываемся на различных теориях, направленных на общую природу, и, чаще всего, на этические и аксиологические основания данного концепта. Как правило, это гедонистические и эвдемонистические теории. Что касается непосредственно философских оснований благополучия пожилых людей, то, как отмечает Søren Harnow Klausen, несмотря на большой исследовательский интерес к данной теме, теория благополучия пожилых людей как таковая по-прежнему отсутствует. Кроме того, исследователь обращает внимание на особенности психологии пожилых людей и типичные условия их жизни, и считает, что эти факторы, которые считаются составляющими благополучия, должны интерпретироваться и взвешиваться иначе, чем в случае с другими возрастными группами [2].

В последнее время, в контексте благополучия пожилых людей, стал часто применяться термин “позитивное старение”. Так, например, ученые определяют позитивное старение как “...многомерное понятие, которое хорошо сочетает в себе различные характеристики старения, такие как оптимальное, успешное, продуктивное и здоровое старение. Позитивное старение состоит из пяти независимых факторов: здоровья, когнитивных

способностей, активности, аффекта и физической формы. На практике это определяется широким набором биопсихосоциальных факторов и оценивается как с помощью объективных, так и субъективных показателей. Основная идея заключается в том, что в любом возрасте, включая преклонный и очень старый, люди в определенной степени сами отвечают за качество своей жизни” [3]. Иначе говоря, позитивное старение - это ключ к благополучию и инклюзии пожилого населения стареющего мира.

Еще один важный проблемный момент, это сложность измерения благополучия. Каковы критерии благополучия? Насколько они объективны? Исследователи отмечают, что “...последние тенденции в области измерения благополучия повысили научные стандарты и строгость, связанные с подходами к национальным и международным сравнениям благополучия. Одной из основных тем этого исследования стал переход к многомерным подходам, а не к использованию традиционных показателей, таких как единичные показатели (например, счастье, удовлетворенность жизнью) или экономические показатели (например, ВВП)” [4].

Взаимосвязи концептов старения населения и прогресса технологий и их влиянию на благополучие пожилых людей также уделяется достаточное внимание в академической литературе. В специальном выпуске журнала "Старение и технологии" представлены статьи, охватывающие широкий спектр международных научных исследований в области старения и технологий. Сборник статей демонстрирует положительное влияние, которое технологии могут оказывать на жизнь и благополучие пожилых людей, включая улучшение когнитивных способностей, физического и психического здоровья, а также повседневной деятельности и практик людей [5].

Еще одно исследование посвящено цифровизации и демографическим изменениям как двум основным и взаимосвязанным социальным трансформациям, которые в значительной степени формируют общества в XXI веке. Ученые отмечают, что новые стареющие группы населения все чаще переходят на цифровые технологии, но при этом исследования по-прежнему приводят к выводу, что цифровой разрыв между возрастными группами сохраняется. Подавляющее большинство исследований фокусируется на положительном потенциале цифровизации, однако, в соответствии с дискурсами о цифровой усталости и цифровой детоксикации, исследования также ставят под сомнение некритичное предположение о том, что цифровые технологии всегда полезны для их пользователей, включая пожилых людей. Данные исследования также

показывают потенциальные риски, связанные с цифровизацией, для старения [6].

“Возможно, больше, чем что-либо другое, благополучие пожилых людей демонстрирует сложный, целостный и динамичный характер благополучия в целом; то, как оно – не будучи фундаментально непостижимым, относительным или субъективным - зависит от тонкого взаимодействия между познанием и аффектом, ценностями, предпочтениями и опытом”, - пишет Søren Harnow Klausen [2].

Таким образом, можно отметить, что благополучие пожилых людей, влияние цифровых технологий на качество их жизни и инклюзию достаточно подробно рассматривается в мировой академической литературе. Но говорить о философии благополучия пожилого населения является преждевременным, так как теоретические и концептуальные основы этого феномена еще не разработаны.

Библиографические ссылки

1. What Is Wellbeing? // Aaron Jarden, and Annalise Roache // Int J Environ Res Public Health. 2023 Mar 12;20(6):5006. doi: 10.3390/ijerph20065006
2. Søren Harnow Klausen. Understanding Older Adults' Wellbeing from a Philosophical Perspective// https://www.researchgate.net/publication/336949632_Understanding_Older_Adults'_Wellbeing_from_a_Philosophical_Perspective
3. Bar-Tur L. Fostering Well-Being in the Elderly: Translating Theories on Positive Aging to Practical Approaches// <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8062922/>
4. Kai Ruggeri, Eduardo Garcia-Garzon, Áine Maguire, Sandra Matz & Felicia A. Huppert. Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries// <https://hql.o.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12955-020-01423-y>
5. Hannah R. Marston, and Charles B. A. Musselwhite. Improving Older People's Lives Through Digital Technology and Practices // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8436304/>
6. Anna Wanka, Anna Urbaniak, Frank Oswald & Franz Kolland. Digital Transformations in Ageing Societies// Einführung zum Thema, Volume 56, pages 177-180, 2023.

RELIGIOUS INTERPRETATION OF MENTAL ILLNESS IN ARAB SOCIETIES

Д.Н АЛ-Мудафар

Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
duaanaser656@gmail.com

Научный руководитель: Солодухо А.С., кандидат психологических наук, доцент.

Since ancient times, man has tried to explain the phenomena and events surrounding him in the social and cultural framework in which he lives, and derived his cognitive and cultural perceptions about the disorder from social sources, and this belief balance has come to perform many functions in confronting diseases. In fact, the current scientific progress, the spread of health awareness, and the progress of psychological sciences have not completely eliminated this beliefs , as broad sectors of society still derive their perceptions, concepts, and various interpretations of psychological disorders from this diverse social and cultural heritage. In this sense, we find that the disorder is a social reality as well as a scientific reality, and that in many human societies and cultures, such as Arab societies, the idea of disorder is linked to some cultural concepts such as religion, the religion plays a major role in these societies in terms of contracting the disease and how to deal with it. In these cultures, it is encouraged to go to a religious healer to practice some rituals in the hope of healing, or to magicians And charlatans who use religion as a means to attract people and make money, exploiting people's beliefs and faith.

Keywords: *Social perceptions, mental disorder, religion, Arab Islamic societies*

With the development that humanity has reached in the modern era in the field of treating and caring mentally ill patients, some societies are still influenced by primitive superstitious ideas and beliefs, as exceeding a certain historical stage does not lead to the disappearance of their effects, and the interpretations that were prevalent in that stage do not disappear completely, and the evidence for this is that magical and metaphysical interpretations of mental disorders still exist at the present time, if we speak about the Middle East, which is our study society in the current research, as individuals still resort to clerics, magicians And charlatans seeking treatment, as a result of society's negative perceptions of the mentally ill and psychotherapy alike [13, p. 58]. A close analysis suggests that our current opinions, both positive and negative, are rooted in a mixture of facts and popular myths, What we want to say is that the spread of certain social perceptions of disease phenomena in a new era does not necessarily lead to the erasure and disappearance of other perceptions that prevailed in the previous era at all , What is certain is that the new criticizes the old and works for its elimination, and the old, for its part, resists the new and works to repel it Thus, we find that disease is a social concept in the first place, and it differs from one society to another and

from one culture to another, This idea was confirmed by many scholars such as (Foster), who went on to say that health and disease are social phenomena just as they are biological phenomena, If we study the medical practices present in traditional societies, we must study them within the framework of the societal culture , Disease is also a relative concept that differs from one society to another, as each society has its own interpretation and beliefs about it , Social perceptions play a major role in the population's perception of the disease phenomenon, as they determine the patient's assessment and perception of his medical condition and his actions towards the disease. He either goes to the doctor or therapist, or to the local healer, or the clergyman, or the magician, or completely ignores his illness, (Foster) confirms that the prevailing social perceptions are what formulate and determine individuals' assessment of their health and medical condition, and these judgments and perceptions differ according to the social, cultural, and ethnic background of individuals [2, p. 106].

In this regard, both (Leighton and Scott) see the importance of addressing and understanding the disease in its social context, especially in traditional societies, where the inhabitants of these societies deal with the disease as a supernatural phenomenon, to the point that their testing of the effectiveness of healers is within the framework of their adherence to the traditional health beliefs and practices stemming from their society [13, p. 97], especially in the Arab world and Eastern societies in general, where much ambiguity surrounds psychological disorder, which prompts people to attribute psychological disorders to religious causes such as punishment for a sin, or as a result of the influence of hidden forces such as magic, jinn, and envy, and this is linked to social perceptions which are in turn the product of society itself [5, p. 13].

There are some social perceptions that attribute the occurrence of the disease to the evil eye, and others attribute it to the influence of jinn and magic [9, p. 83], Consequently, these societies also have perceptions related to health care, some of which are positive and others negative. These therapeutic methods are also often linked to the prevailing social perceptions, the environment, and the level of education [8, p. 326], as the educational level and social perceptions overlap as basic factors for determining ways of thinking, which lead to basic social concepts that are relied upon [12, p. 85].

Many social groups in our Arab society are still dominated by many of these traditional perceptions that are related to religion and magic, and the resulting behavioral patterns that appear in the form of rituals and customs, in order to control cosmic phenomena and events, and to control disease as well, to the point that these rituals and practices have become an important part of the way society

deals with the dangers and diseases that it faces [6, p. 78]. In her study of culture, health and illness in some rural communities in the Middle East, (Margaret Mead) sees that one of the prevailing beliefs about the causes of mental illness is centered on the population's belief that illness occurs as a result of failure to perform important religious rituals and duties, such as not performing the Hajj [3, p. 149]. In the same context, (Laila Meesum (2018) confirms that most of the cases that believe they are afflicted with possession, jinn, magic and the evil eye are actually suffering from psychological disorders, suffering from delusions, having superstitious thinking, and being affected by the prevailing social perceptions in society, due to the fragility of their personalities and their enjoyment of a pathological psychological structure and poor mental health. It seems that there is a strong relationship between the prevailing social perceptions in the Middle East and psychological disorders. In this regard, (Tawfiq Al-Samai (2017) explains that the role of social culture is represented in structuring the general perception of the disturbed participant and inciting him to follow the ritual process from beginning to end [11, p. 47]. If we return to society and the nature of social upbringing in the context of the family and its major role in choosing the causes and treatments that a person adopts in the event that he is afflicted with a disease, if the family in which he lives believes in the unseen, there is no doubt that the treatment path that the patient will take to seek treatment will be in this context. (Amina Shabo) concluded that Arab society entrusts the issue of dealing with the disease crisis to women first, then to spiritualists or religious men second, as they are the trustees responsible for knowledge related to the disease [10, pp. 206-207].

But on the other hand, factors such as family and religion can have a positive effect. For example, family ties are strong in the Middle East, and this can play a positive role, to the point that it can be used as a huge social support factor in the midst of many social pressures. Likewise, the effect of religion can be positive, as it motivates people to do good, and protects people from harm, among the harms they bring upon themselves. In other words, religion can be a factor that protects people from suicide [4, p. 38].

In a study conducted by the Harvard School of Public Health and published in 2018, the results were very clear that participating in religious and spiritual activities and practices (such as prayer and meditation) periodically from a young age is strongly associated with positive mental health indicators, specifically reducing the chances of depression, smoking and addiction, and increasing the chances of feeling satisfied and positive in the twenties.

Another study (2019) used a systematic review of previous studies and found that religiosity is generally more associated with positive indicators of mental

illness, However, this study attempted to analyze the different aspects within religiosity itself in the included studies as well, and found that going through an internal religious struggle may be a cause of increased mental distress or reduce the ability to adapt positively and recover from it (in more than half of the studies). This is a controversial result, but it points to an important fact that religiosity itself may carry different practices and aspects that may lead to different results when each is studied separately [14].

In addition, the religious healer has a very important role, as most patients who suffer from psychological illnesses in this part of the world go first to a religious or spiritual healer, whose mission is usually to free the patient from the evil spirit or the evil eye and envy, and this leads to a great waste of time, and the patient is exposed to continuous suffering.

Therefore, the religious perspective, unlike other points of view regarding psychological disorders, is concerned with spiritual factors, According to this perspective, spiritual alienation and the absence of correct spiritual knowledge, or its contradiction, are fundamental factors that prevent the individual from enjoying a balanced personality and make him more susceptible to psychological illnesses. In Islam, psychological disorders occur as a result of the person's misguidance and deviation from religious teachings [4, p. 38]. In other words, the illness occurs as a punishment for religiously and morally unacceptable acts that the patient may commit [3, p. 148], such as the patient or one of his parents committing sins, crimes, or crimes such as murder, adultery, lying, cheating, and immoral sexual practices with animals or with individuals of the same species , Confession is a preliminary step to achieving healing , In many societies, especially Arab societies, the influence of religion on behavior is evident, as we find that deviating from religious rules brings with it punishment, evil, and pain for the disobedient [1, p. 295].

In Arab-Islamic culture, illness is seen as a normal, inevitable phenomenon, because it is recorded in a person's destiny, and health is a fleeting gift that a person must deal with all humility , This is what they refer to as fate or destiny, In people's perception, this concept refers to something that cannot be controlled, something that directs their lives or an impersonal force that cannot be escaped, No matter how strong a person is, he cannot but be subject to his destiny. Many people do not mean that their perception of destiny is negative and surrendering , Belief in destiny means, above all, realizing illness as a normal, inevitable phenomenon, and receiving it as a test that must be endured, Illness sometimes carries a positive meaning for some, as the individual lives as a thinker or purifier , In Arab-Islamic or religious culture, illness means that God will purify the

patient from sins and transgressions, When pure people are exposed to calamities and diseases, we find that their social environment interprets this as a mitigation of the punishment of the afterlife, which undoubtedly exceeds the punishment of this world [7, pp. 248-250].

Reference

1. Abbas M. The psychological and social structure in the Qur'anic discourse. 2011 .327-371 p. Lebanon: Beirut, Islamic University Journal, Volume 19, Issue 1, (in Arabic)
2. Abdul Latif S. The culture of disability: a socioanthropological study on the families of disabled children in the city of Sohag. 2007.1-366 p. Doctoral dissertation. Egypt: Department of Sociology, South Valley University, (in Arabic)
3. Beshai A. Sociology and medical anthropology. 1994 .236p. Egypt: Cairo, Dar Al-Maaref (in Arabic)
4. Bo od A. Psychological disorders between modern psychology and the Islamic perspective. 2014. 4-52 p. Publications of the Arab Psychological Sciences Foundation, Rasikoon Magazine, Publications of the Arab-Islamic Heritage Committee, Issue 8, (in Arabic)
5. El-Sherbiny L. Psychiatry and people's concerns. 2003. 217p. Egypt: Alexandria, Mansat al-Ma'arif, (in Arabic)
6. Mostaganem F. The function of cultural belief in the therapeutic orientation of an adult with a psychological disorder. 2020-2021.284 p. Doctoral dissertation. Abdelhamid Ibn Badis Mostaganem University, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, . (in Arabic)
7. Muhammad A and others. Studies in medical sociology.2011.365p. Egypt: Alexandria, University Knowledge House, (in Arabic)
8. Naamaraw M . factors associated with alchohol dependence among adult male clients in Butabika hospital Uganda .2014. 322–326 p. USA: journal of social work practice in the addiction ,vol 14, n 03,
9. Otiso M .cultural and customs of Uganda .2006 .224p. London : green word press , west port ,Connecticut,2006
10. Safari M and Shin S. The relationship between folk medicine and formal medicine. 2013. 206-208 p. Algeria: Sokra, Journal of Human and Social Sciences, No. 05, 2013 (in Arabic)
11. Sami T. About the rituals of backbiting, transcendental awareness, emotional evasion, or psychological treatment.2017.75-76 p. Algeria: Center for Research in Social and Cultural Anthropology, Insaniyat Journal, double issue. (in Arabic)
12. Shalhat Y. Towards a new theory in religious sociology.2003.1-233 p . Lebanon: Beirut, Dar Al-Farabi, 1st edition, 2003. (in Arabic)
13. Sidi Abed A. Cultural background and its relationship to the perception of psychological disorder and the choice of treatment method in light of the variables of educational level

and gender among shrine visitors.2016-2017.1-256 p . Doctoral dissertation. Algeria: University of Oran, 2016-2017 (in Arabic)

14. Does a believer in God not get mentally ill? [Electronic source] .URL: <https://www.aljazeera.net/sukoon/2021/10/24/> (Publication date: 24.10.2021)

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С.Е. Андреев

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Данилов А.Н., доктор социологических наук, профессор.

Инновации выступают одной из основных движущих сил экономического роста и социальных изменений. В статье рассматриваются особенности развития инновационного потенциала. Объектом исследования являются белорусские учреждения высшего образования. Целью научной статьи является определение развития инновационного потенциала в регионах Республики Беларусь.

Ключевые слова: *инновационное развитие; университет; инновационный потенциал; высшее образование.*

Белорусское образование является одним из ключевых секторов развития страны. Однако, чтобы обеспечить его постоянное совершенствование, необходимо активно разрабатывать и внедрять инновационные подходы и практики. В данном тексте рассмотрим инновационный потенциал белорусского образования на примере регионов.

Инновационное развитие регионов и образования играет важную роль в современном мире, поскольку позволяет повысить конкурентоспособность регионов за счет создания и внедрения новых технологий, улучшения качества образования и развития человеческого капитала. Инновации способствуют росту производительности, повышению качества жизни населения, созданию новых рабочих мест, привлечению инвестиций и укреплению экономической устойчивости.

В целом, социологи подчеркивают несколько ключевых аспектов:

1. Образование и квалификация. Важно развивать систему образования и повышать квалификацию специалистов, чтобы они могли адаптироваться к

изменениям на рынке труда и внедрять новые технологии. Стоит отметить, необходимость повышения качества профессионального образования и подготовки специалистов в области высоких технологий для стимулирования инновационной активности [1].

2. Сотрудничество между наукой и бизнесом. Установление связей между научными учреждениями и промышленностью может помочь реализовать научные разработки на практике, что приведет к увеличению инновационной активности. Создание благоприятного климата для инновационной деятельности считается важным условием для развития потенциала. Это подразумевает формирование интегрированного подхода к взаимодействию между государственными институтами, бизнесом и научными организациями. Участие всех сторон в совместных проектах и инициативы по созданию бизнес-инкубаторов и технопарков также играют значительную роль. [3].

3. Социальные факторы. Учитываются также социальные и культурные факторы, которые могут влиять на восприятие инноваций и готовность общества принимать новые идеи [2].

Один из важнейших аспектов инновационного развития образования – это привлечение квалифицированных педагогов. Регионы Беларуси активно работают над совершенствованием системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Использование новейших педагогических методик и внедрение современных технологий в учебный процесс позволяет повысить качество образования в регионах.

Следует отметить значимость цифровизации образования. Белорусские регионы активно внедряют информационные и коммуникационные технологии в образовательный процесс. Это позволяет создать комфортные условия для обучения, увеличить доступность образования и расширить возможности саморазвития для студентов и педагогов.

Еще одной важной составляющей инновационного потенциала белорусского образования является развитие университетско-производственной интеграции в регионах. Сотрудничество между образовательными учреждениями и предприятиями позволяет студентам получать практические навыки и опыт работы в реальной сфере деятельности. Это обеспечивает выпускникам лучшие перспективы трудоустройства и способствует развитию региональной экономики в целом.

Необходимо отметить, что в белорусском образовании уже существуют успешные примеры инноваций. Например, в ряде регионов активно

разрабатываются и внедряются программы дополнительного образования, которые позволяют учащимся расширить свои знания и навыки за пределами учебной программы. Также акцент делается на развитие творческих и инновационных способностей учащихся.

В Минске и других городах созданы парки высоких технологий, которые поддерживают стартапы и IT-компании. Например, ПВТ в Минске передает начинающим компаниям не только налоговые льготы, но и доступ к ресурсам, включая офисные площади и консультации.

В ряде белорусских регионов образованы инновационные кластеры, которые объединяют университеты, научные центры и предприятия. К примеру, кластер «Искусственный интеллект» в Гомеле способствует разработке новых технологий и внедрению искусственного интеллекта в различные отрасли.

В Беларуси активно работают различные акселераторы, такие как «Start-Up Belarus», которые предоставляют финансовую и менторскую поддержку стартапам, помогая им развивать инновационные идеи и выходить на рынок.

Ученые из белорусских университетов занимаются прикладными исследованиями, которые способствуют развитию конкретных отраслей. Например, исследования в области биотехнологий и новых материалов, которые могут быть применены в производственной сфере.

Необходимость создания системы мониторинга и оценки эффективности инновационной политики и программ, что позволит своевременно корректировать действия на уровне как отдельных регионов, так и всей республики.

Образование играет важную роль в инновационном развитии, поскольку является основой для формирования квалифицированных кадров, способных создавать и внедрять новые идеи и технологии. Развитие образования включает в себя совершенствование учебных программ, использование современных образовательных технологий, поддержку научно-исследовательской деятельности и развитие системы профессиональной подготовки.

Международное сотрудничество в сфере инновационного потенциала университетов Беларуси с другими странами является важным фактором для укрепления научного оборота, обмена опытом и развития образовательных программ. Для достижения успеха в этом направлении следует рассмотреть несколько ключевых аспектов:

1. Установление партнерств между университетами Беларуси и зарубежными высшими учебными заведениями, что позволяет создавать совместные научно-образовательные программы, проводить исследовательские проекты и обмен студентов и преподавателей.

2. Участие в международных научных конференциях и семинарах, что дает возможность представить свои результаты исследований, выяснить последние тренды и достижения в различных областях знания, а также установить новые связи с коллегами из других стран.

3. Развитие программы обмена студентами и преподавателями между университетами Беларуси и зарубежными учебными заведениями, что способствует расширению культурного опыта, повышению качества образования и научных исследований.

4. Создание совместных многих дисциплинарных лабораторий и центров инновационной деятельности с участием университетов Беларуси и зарубежными партнерами.

Для успешного инновационного развития необходимо создавать благоприятные условия для развития науки, технологий и образования в регионах. Это включает в себя поддержку научных исследований, финансирование инновационных проектов, создание инфраструктуры для развития высокотехнологичных отраслей, а также сотрудничество между образовательными учреждениями, научными центрами и предприятиями.

Инновационное развитие регионов и образования требует комплексного подхода и взаимодействия всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса, образовательных учреждений и научных центров. Только таким образом можно создать устойчивую инновационную экосистему, способную обеспечить долгосрочное развитие регионов и повышение качества жизни населения.

Библиографические ссылки

1. Волнистая, М. Г. Современный профиль университетского образования: перспективы развития и риски / М.Г. Волнистая. – Минск: РИВШ; 2023. – 212 с.
2. Титаренко, Л. Г. Исследование восприятия студентами инновационных процессов: социокультурные и гносеологические особенности / Л.Г. Титаренко // Философские исследования. – 2023. – № 10. – С. 212–219.
3. Костюкевич, С.В. Цифровизация образования и технологическое развитие. / Л.Г. Титаренко // Социологический альманах. – 2022. – № 13. – С. 244–252.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д.В. Белявцева

*Белорусский государственный университет,
Ул. Академическая, 25, 220004, Минск, Беларусь
belyavtseva@mail.ru*

Статья посвящена актуальной научной проблеме современного социально-гуманитарного знания – оценке благополучия населения. Объектом исследования является население Беларуси. В статье рассматривается практика решения заявленной темы на международном и национальном уровне, выявляются различия в исследовании объективного и субъективного благополучия, выделяются основные параметры и эмпирические индикаторы оценки уровня субъективного благополучия населения и выявляются их половозрастные особенности в Беларуси. Полученные результаты свидетельствуют о наличии различий в оценке удовлетворенностью жизнью по ряду индикаторов на групповом уровне, что позволяет рассматривать их как ресурс повышения уровня субъективного благополучия.

Ключевые слова: *счастье; индекс счастья; благополучие; субъективное благополучие; качество жизни, удовлетворенность жизнью.*

Оценка субъективного благополучия населения представляет не только теоретический интерес, но и обладает возможностями практического применения в качестве одного из ориентиров в формировании и реализации государственной политики и предотвращения в обществе конфликтов. В июле 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую страны – члены ООН, оценивать счастье своего народа и использовать его как ориентир в политике государства. С 2012 г. ООН публикует Всемирные доклады о счастье. Для оценки национального счастья используются 6 факторов: ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность жизни, свобода граждан самостоятельно принимать жизненно важные решения, щедрость и отношение к коррупции. Каждый фактор оценивается по 10-балльной шкале [1].

Сегодня многие государства разрабатывают национальные индексы счастья, связывая его с оценками населением своего благополучия. Однако единого общепринятого определения «субъективного благополучия» до сих пор не существует. Все чаще эта тема поднимается в выступлениях

представителей органов власти и государств постсоветского пространства. Например, спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко предложила измерять уровень счастья россиян [2]. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко также часто высказывается о счастье: «Белорусам я хочу сказать: счастье, по большому счету, у нас одно – надо сберечь нашу землю. Это большое дело – беречь Беларусь. Мы все понимаем, когда теряем что-то в своем доме. А это большой дом. Так вот запомните: не будет этого большого дома – и вашего маленького дома не будет» [3].

В науке проблематика субъективного благополучия является междисциплинарным направлением, и активно реализуется также в рамках сравнительных исследований. Так международные организации изучают субъективное благополучие в рамках таких опросов как Всемирное исследование ценностей (World Values Survey), Европейское исследование ценностей (European Values Study) и другие.

В крупных международных проектах чаще всего используются показатели удовлетворенности и счастья [4, с.7]. Зарубежные методики измерения благополучия и счастья, позволяющие учитывать не только объективные (материальные) аспекты благополучия, но и субъективные уже сейчас применяются российскими и белорусскими учеными.

По мнению ряда исследователей, субъективным благополучием обычно называется самооценка людьми качества их жизни. Оно включает в себя как когнитивные суждения, так и аффективные реакции, через призму которых люди оценивают свою жизнь в целом и конкретные её обстоятельства [5]. Если же благополучие рассматривается как субъективное, то тогда его синонимами выступают «счастье» и «качество жизни», а индикаторами – самооценки уровня жизни и удовлетворенность ее условиями.

Объективные и субъективные оценки благополучия могут не совпадать, поэтому роль субъективного фактора считается более важной, и в последние годы возрастает интерес именно к субъективной стороне «благополучия».

Основными параметрами субъективного благополучия выступают счастье и качество жизни, а эмпирическими индикаторами – работа и здоровье. Счастье в данном случае понимается как эмоциональное состояние, основанное на «положительных значениях» перечисленных критериев оценки. Еще один важнейший индикатор счастья – взаимоотношения. Он отражает также эмоциональное состояние – люди, испытывающие чувство одиночества, считаются менее счастливыми по сравнению с обладающими устойчивым кругом общения [6, с.59-60].

С учетом цивилизационного культурного многообразия мира сегодня отсутствуют общепризнанные показатели качества жизни, счастья, а также консенсус по вопросам их составляющих и факторов их определяющих.

Субъективные оценки качества жизни, счастья составляют суть социологического анализа благополучия. Важными показателями его изучения, таким образом, становится мнение людей об удовлетворенности жизнью, работой, оценка здоровья и окружения. Их анализ позволяет описать разные уровни действительности.

Для выявления субъективного благополучия обратимся к результатам исследования, которое осуществил ЦСПИ БГУ в 2023 г. под руководством профессора Ротмана Д.Г.² В рамках опроса респондентам задавались вопросы о счастье, удовлетворенности жизнью, здоровье, работе, окружении и ощущениях.

Оценка удовлетворенности своей жизнью измерялась по шкале от 1 до 10. Средний показатель 7,58 одинаков и для мужчин и женщин. Он постепенно повышается и достигает своего пика у респондентов возрасте 30–39 лет. Минимальное значение 6,92 наблюдается у респондентов старше 70 лет.

Показательны также средние оценки счастья. Они практически не отличаются у мужчин (7,94) и женщин (7,90) при среднем показателе 7,92 и приближаются к оценкам удовлетворенности своей жизнью. Больше всего белорусы счастливы в возрасте 30–39 лет.

В рамках изучения семейных отношений в указанном исследовании также было установлено, что самые высокие оценки счастья характерны для респондентов в возрасте от 20 до 39 лет, которые имеют и супруга, и детей.

Данная закономерность находит подтверждение в ответах на вопросы о том, с кем чаще всего респонденты обсуждают важные личные вопросы. Большинство респондентов вне зависимости от пола выбрали супругу или супруга – 52,8%. Среди мужчин таковых оказалось 60,1%, среди женщин – 46,6%. Далее в среднем идут друг, знакомый, сосед или коллега (31,5%) и мать (21,5%). Предпочтение обсуждать важные личные вопросы в семье

² Исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» было осуществлено в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», реализуемого Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь в партнерстве с Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и финансируемого Правительством Российской Федерации проводилось в форме лонгитюда, объем выборки – 2700.

также в большей степени характерно для возрастной группы 30-39 лет (65%).

В целом белорусам характерно оптимистичное отношение к возникающим трудностям. Большинство считают, что в случае затруднений есть множество людей, на которых можно положиться (44,5%), достаточно людей, с которыми они ощущают близость (45,1%) и могут полностью доверять многим людям (22,3%). В ходе исследования также было установлено, что позитивное отношение к возникающим трудностям у женщин выше, чем у мужчин. Например, уверенность в наличии достаточного количества людей, с которыми они ощущают близость выразили 50,3% женщин и только 30,8% мужчин. Также позитивные ощущения выше в возрастных группах 18–19 лет и 70 и старше.

Важным эмпирическим показателем счастья является удовлетворенность работой (среднее значение 7,69). В целом данный показатель существенно не отличается у мужчин (7,54) и женщин (7,83) и соответствует общей удовлетворенности жизнью. Выше всего уровень удовлетворенности нынешней работой у людей в возрастных группах 60–69 (7,93) и 70 и старше (8,19).

Анализ оценок здоровья демонстрирует склонность мужчин к их завышению. Они чаще, чем женщины при ответе на вопрос о состоянии здоровья выбирают варианты ответов «очень хорошее» и «хорошее» здоровье.

Таким образом, белорусскому населению характерен достаточно высокий уровень субъективного благополучия. Он подтверждается соответствующими индикаторами счастья – удовлетворенностью работой, удовлетворенностью от жизни и взаимоотношениями с окружающими, уверенностью в нем. Низкий уровень оценки здоровья как плохого или очень плохого позволяет белорусам чувствовать себя в целом счастливыми. При этом женщины критичнее относятся к своему здоровью, но больше удовлетворены работой и своим эмоциональным состоянием и окружением, чем мужчины. Различия в оценке окружения и ощущений между мужчинами и женщинами являются существенными при одинаковом уровне удовлетворенности своей жизнью в целом. Иными словами, указанные индикаторы обладают ресурсным потенциалом в повышении уровня счастья для такой группы как мужчины. Субъективное благополучие выше всего в возрастной группе 30-39 лет.

Библиографические ссылки

1. World Happiness Report 2023/ Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Aknin, L. B., & Wang, S. (Eds.). New York: Sustainable Development Solutions Network, 2023. // World Happiness Report [Electronic resource]. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2024/happiness-of-the-younger-the-older-and-those-in-between/#ranking-of-happiness-2021-2023> (date of access 28.09.2024).
2. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко предлагает проверять, как решения органов власти повлияли на уровень счастья россиян // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/6187084> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Лукашенко А.Г. Цитаты Президента. О стране и народе // Президент Республики Беларусь. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-strane-i-narode> (дата обращения: 28.09.2024).
4. Алмакаева А. М., Гашенина Н. В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. No 1. С. 4–13.
5. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: a general overview. South African // Journal Of Psychology. 2009. No 39(4), P.391–406.
6. Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С.57–62.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ

Т.В. Бурак

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Представлена характеристика актуальных направлений развития современного туризма и путешествий в Беларуси в контексте изменений мирового туристического опыта, рассматриваются особенности тенденций развития внутреннего и международного туризма в Беларуси и изменяющиеся установки белорусских путешественников. На основе анализа эмпирических и статистических данных выявлено, что современные туристические потребности вызывают необходимость формирования новых предложений внутреннего туризма в Беларуси. Во-первых, ориентация белорусских путешественников на активный отдых в пределах Беларуси требует обеспечения привлекательности дестинаций культурно-познавательного направления. Во-вторых, параллельно с динамикой экологических установок белорусов

происходит постепенный процесс роста показателей устойчивости туризма в Беларуси. В-третьих, неизбежно возникает необходимость использования новых инструментов организации и продвижения туризма в Беларуси, учитывая растущую потребность белорусов в индивидуально-организованных путешествиях. В-четвертых, в соответствии с цифровыми установками белорусов привлекательность путешествий по Беларуси может быть обеспечена активизацией цифровых возможностей подготовки к путешествию и его организации на туристических объектах Беларуси.

Ключевые слова: *тенденции развития туризма; привлекательность туристического объекта; туристические предпочтения; активный туризм; индивидуализация туризма; устойчивый туризм; цифровизация туризма.*

Туризм сегодня стал важной и практически обязательной формой досуга современного человека, а анализ статистических показателей и эмпирических данных, характеризующих состояние и тенденции развития социальных отношений в области туризма и путешествий – инструментом развития и контроля институтов туризма и отдыха. В частности, социологическое исследование, проведенное в Беларуси в 2024 году (Институт социологии НАН, выборка 900 человек, метод телефонного опроса), показало, что для подавляющего большинства белорусов (71,9%) путешествия являются важной частью жизни [1]. Кроме того, для Беларуси туризм стал значимой областью экономики. В частности, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в «постковидный» период наблюдается существенный рост показателей туристского сектора в Беларуси: например, в 2023 году по сравнению с 2022 годом показатель выездного туристского потока увеличился с 3868662 до 4223810 человек, показатель въездного туризма – с 4920463 до 5678395 человек [2]. Однако следует учитывать, что в силу ряда объективных обстоятельств 2019–2022 годов изменилась структура и география туристических потоков, а также предпочтения путешественников относительного внутреннего и международного туристического опыта.

Привлекательность туризма конкретного региона зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Прежде всего, интерес путешественников к посещению туристических объектов зависит от потенциала туристической территории. Однако для дальнейшего увеличения туристических потоков важнее степень развитости туристской инфраструктуры и темпы совершенствования ее основных элементов, что в свою очередь сильно связано с субъективными факторами, такими как: потребности, предпочтения, стереотипы и другие установки

путешественников. Следовательно, изучение субъективных факторов туристической привлекательности является необходимым для выявления значимых социальных проблем развития туризма и понимания путей решения вопросов несоответствия туристических услуг потребностям различных групп потребителей.

В разрезе тенденций изменения мировой туристической отрасли в Беларуси отмечаются такие же процессы интенсивного формирования потребностей, ценностей и предпочтений активного, познавательного и устойчивого туризма, индивидуализации и цифровизации путешествий. Рассмотрим, как связаны между собой траектории развития внутреннего и международного въездного туризма в Беларуси и изменяющиеся установки белорусских путешественников.

Среди основных видов туризма – развлекательный, пляжный, лечебно-оздоровительный, познавательный, религиозный, деловой, экологический и активный – в мировом измерении все более значимые позиции в оценках показателей экономики туризма и с точки зрения предпочтений путешественников занимают активные и развивающие формы туристического опыта. На белорусском туристическом рынке наряду с традиционными формами туризма сегодня также представлены новые направления, среди которых активный, гастрономический, деловой, медицинский, образовательный, промышленный и событийный виды туризма. Анализ целей путешествий белорусов в пределах своей страны демонстрирует распространенность сформированных установок на активно-познавательные формы отдыха. Так, основные мотивы белорусских путешественников связаны с потребностью посещения исторических и культурных мест (53.3 %), природных объектов (38.7 %), культурных мероприятий (19.8 %) и религиозных святынь (15.0 %) [1]. Очевидно, что в динамике потребностей белорусов наблюдается формирование установок на активный туристический отдых. В свою очередь для реализации культурно-познавательного туризма Беларусь располагает множеством достопримечательностей (крепости и замки, родовые усадьбы, храмы и монастыри, заповедники, музеи и этнографические деревни, родные места знаменитых художников, писателей и ученых и др.), среди которых есть и объекты, внесенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Еще одной важной составляющей развития современной туристической индустрии как сектора экономики является реализация программы развития устойчивого туризма, основанной на принципах сохранения традиционных

культур, культурного и биологического разнообразия, ценности природы и ландшафта. Чтобы помочь туристическим компаниям формировать составляющие устойчивой модели туризма был разработан специальный индекс – индекс устойчивого туризма. В рейтинге устойчивого туризма 2020 года от Euromonitor International, который рассчитывался по 99 странам, Республика Беларусь в целом занимала 26-е место, в том числе в оценке динамики роста экологической устойчивости за период 2015– 2020 годов Беларусь имеет 7-е место, а в оценке устойчивости транспорта – 4-е место [3]. Стремление туристической Беларуси соответствовать принципам устойчивого туризма должно сопровождаться интериоризацией соответствующих ценностей у белорусских путешественников.

Исследователи отмечают заметное увеличение доли белорусского населения, внешне проявляющих экопривычки: в 2022 году доля людей, повторно использующих вещи или отдающих их на переработку с целью сохранения окружающей среды, выросла с 31.0% до 97.0%, доля людей, отдающих предпочтение местным продуктам, возросла с 6.1% до 98.5 % [4]. Можно предполагать, что подавляющее большинство белорусов демонстрируют в поведении высокую степень развитости экологических установок, которые будут распространяться на повседневные практики путешествий в том числе.

Тенденция индивидуализации туризма в Беларуси имеет выраженный характер. Согласно эмпирическим данным социологического исследования 2024 года (Институт социологии НАН, выборка – 900 человек, метод телефонного опроса), у белорусских граждан уже сформировалась установка на самостоятельно организованное путешествие: две трети опрошенных белорусов (65.5 %) выражают желание самостоятельно заниматься организацией туристического выезда и только 1/5 часть (22.6%) отдает предпочтение организованным агентствами путешествиям [1].

Потребность туристической отрасли в использовании цифровых технологий особенно обострилась в результате кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Прежде всего, международные туристские организации оказались заинтересованы в стимулировании диджитал-процессов для быстрого восстановления экономики.

Внутренний туризм в Беларуси испытывает потребность в эффективном продвижении, что выражается в создании туристических информационных ресурсов, в активном использовании инструментов мобильного маркетинга и рекламы (включая сотрудничество с блогерами), PR-мероприятий, в

периодичности туристических выставок и ярмарок и т.п. Отвечая на запрос белорусов в визуализации, туристическая отрасль развивает практику использования поисковой оптимизации и инструментов продвижения в сети Интернет. Для современного потребителя важно, чтобы туристические сайты допускали возможность онлайн-потребления: бронирование туров, отелей и других туристических услуг, организация виртуального путешествия (в формате 360°), доступность информации на мобильных платформах и др. Для белорусов характерно наличие сформированных цифровых туристических потребностей, что находит свое выражение в их оценке перспективных направлений развития туризма в Беларуси. В частности по данным исследования БИСИ, одними из самых важных задач, стоящих перед туристическим рынком сегодня, по мнению белорусских путешественников, являются более широкое использование цифровых технологий в туристической индустрии (31.33%) и технологий виртуального туризма (11.33%) [5].

Примером успешной реализации технологии визуализации в сфере туризма в Беларуси по современным стандартам может быть музей «Страна мини» [6], предлагающий интерактивные мультимедийные зоны, мобильное приложение, зону виртуальной реальности в формате 360°. При этом пока нельзя говорить о высокой чувствительности объектов туристического сектора в Беларуси к цифровым потребностям путешественников. Например, исследование предпочтений посетителей музеев в 2023 году (выборка 200 человек, анкетный опрос) показывает, что основными причинами непосещения музеев для белорусов являются непривлекательность белорусских музеев (31 %) и недостаток информации о проводимых мероприятиях (31 %) [7]. Это косвенно свидетельствует о недостаточном использовании современных цифровых технологий в туристической индустрии Беларуси и о необходимости внедрения активных виртуальных инструментов в практику работы туристических объектов.

Актуальность исследования предпочтений и установок белорусских путешественников основана на утверждении, что привлекательность объектов туристической отрасли в Беларуси сильно зависит от соответствия туристического сектора современным требованиям, предъявляемым потребителями туристических услуг в виде сформированных социальных ожиданий. Поэтому в перспективе эффективного развития туризма в Беларуси (как внутренних потоков, так и потоков въездного туризма) уже образовалось несколько актуальных направлений, требующих использования новых инструментов продвижения и коммуникации, а также

расширения форм организации путешествий в Беларуси, а именно: обеспечение привлекательности объектов, удовлетворяющих потребность путешественников в активном познании; обеспечение соответствия туристической отрасли Беларуси принципам устойчивого туризма; расширение условий для самостоятельно организованных путешествий; развитие разнообразных виртуальных форм в туриндустрии Беларуси и более активное внедрение технологий виртуального туризма.

Библиографические ссылки

1. Туристические предпочтения белорусов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov/>. – Дата доступа: 21.10.2024
2. Статистическое приложение. Барометр международного туризма ЮНВТО. – 2018. – 16(1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf DOI: <https://doi.org/10.18111/wtobarometerrus>. – Дата доступа: 22.02.2022
3. Ежель О.В. Республика Беларусь в рамках индекса устойчивого туризма: сравнительный анализ // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 сент. 2023 г. / Национальное агентство по туризму ; редкол.: И. Н. Воронович (предс.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. С.372–385
4. Шершунович Е., Горская М. Экологически ответственное поведение населения Беларуси: активные действия и информационные привычки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://beroc.org/upload/medialibrary/1eb/1eb174d5897b56288efdafd94719aefd.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2024
5. Белорусский туризм: тенденции и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socio.bisr.by/beloruskij-turizm-tendencii-i-perspektivy/>. – Дата доступа: 11.10.2024
6. Официальный сайт ООО «Страна мини» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarusmini.by>. – Дата доступа: 02.10.2024
7. Дранкевич О.Г., Романова О.В. Маркетинговое исследование деятельности музея архитектурных миниатюр «СТРАНА МИНИ» // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 сент. 2023 г. / Национальное агентство по туризму ; редкол.: И. Н. Воронович (предс.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. С.425–439

МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА КІРАВАННЯ ПАКАЛЕННЯМІ Z І АЛЬФА ВА ЁМОВАХ ЛІЧБАВАГА ГРАМАДСТВА

К.В. Варажбіцкая, П.І. Малочка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
Вул. Кальварыйская, 9, 220004, Мінск, Беларусь
katyavorozhbitskaya6@gmail.com, pollikm2005@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: Масаловіч У.П., старэйшы выкладчык

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці кіравання маладымі супрацоўнікамі, абавязаныя на іх ключавыя характарыстыкі як прадстаўнікоў пакалення Z і Альфа ў кантэксце развіцця лічбавых тэхналогій. Прапануюцца прылады кіравання прадстаўнікамі пакаленняў Z і Альфа. Апісваюцца прыклады арганізацый, якія скарыстаюць дадзеныя прылады для прыцягнення і матывацыі маладых супрацоўнікаў.

Ключавыя словы: *пакаленне Z, пакаленне Альфа, тэорыя пакаленняў, менеджмент, лічбавае асяроддзе.*

Напачатку 2020-х гадоў прадстаўнікі пакалення Z паступова пачалі ўлівацца ў працоўную дзейнасць. На працы ім даводзіцца ўзаемадзейнічаць не толькі са сваімі аднагодкамі, але і з прадстаўнікамі старэйшых пакаленняў, якія з'яўляюцца іх менеджарамі і падначаленымі. Тэматыка ўзаемадзеянняў розных пакаленняў мае глыбокія карані як у гісторыі і культуралогіі, гэтак і ў сацыялогіі.

Найболей дэталёвую тэорыю пакаленняў распрацавалі ў 1991 годзе амерыканскія даследнікі дэмограф Нэйл Хоўв і гісторык Вільям Штраус, што апісвала амерыканскую тэорыю пакаленняў. Пазней праца Н. Хоўва і В. Штрауса была адаптавана і скарыстана даследнікамі іншых краін для аналізу працоўнага ўзаемадзеяння некалькіх пакаленняў [1]. Нягледзячы на тое, што тэорыя Хоўва-Штрауса атрымала неадназначныя ацэнкі, шмат якія даследнікі пакаленняў выявілі заканамернасці ў развіцці пакаленняў у межах розных сацыякультурных арэалаў [2]. Напрыклад, у расійскай навуцы найлепшай адаптацыяй амерыканскай тэорыі пакаленняў прызнана тэорыя, распрацаваная групай даследчага цэнтра “Ru Generations - даследчая школа Тэорыі пакаленняў” [3].

У сваёй тэорыі Штраус і Хоўв ахарактарызавалі пакаленне як сукупнасць усіх людзей, народжаных у пэўны прамежак часу, якія выпрабавуюць уплыў адных і тых жа падзей, і асаблівасці выхавання з падобнымі

каштоўнасцямі [2]. Таксама тэарэтыкі вылучылі 3 асноўныя крытэры для ідэнтыфікацыі пакалення. Першы — пакаленне ўяўляе адну гістарычную эпоху, то бок, перажывае адны і тыя ж гістарычныя падзеі ў прыкладна аднолькавым веку. Другі — усе прадстаўнікі аднаго пакалення падзяляюць пэўныя перакананні і дэманструюць агульныя мадэлі паводзін. Трэці — прадстаўнікі пакалення адносяць сябе да дадзенага пакалення. Жыццё аднаго пакалення, на думку Хоўва і Штрауса, складае каля 20 гадоў. Кожнае пакаленне адрозніваецца ад папярэдніх і будучых наборам рыс характару, каштоўнасцямі, нормаў паводзін, звычкамі і асаблівасцямі [2].

Існуюць мноства розных паглядаў на тое, людзі якіх гадоў народзінаў складаюць пакаленне Z. У тэорыі Хоўва і Штрауса гэта перыяд з 2001 па 2020 год [1]. Аднак цяпер усё больш за даследнікаў вылучаюць і пакаленне Альфа, куды ўваходзяць сучасныя дзеці, якія нарадзіліся пасля 2012 года [4]. Іх выходзяць людзі пакаленняў міленіялаў і зумераў. У адрозненне ад папярэдніх пакаленняў, на фармаванне цяперашніх пакаленняў уплываюць не толькі сацыяльныя інстытуты, такія як сям'я, культура, эканоміка, але і тэхналагічныя інавацыі.

Дзеці, народжаныя ў перыяд станаўлення пакаленняў Z і Альфа, валодаюць навыкамі карыстання лічбавымі рэсурсамі з народзінаў. Доступ да іх аказвае істотны ўплыў на псіхалагічнае і сацыяльнае развіццё моладзі. Каштоўнасці і перакананні, якія трансліруюцца на шырокую аўдыторыю ў масмедыі, не заўсёды дакладна інтэрпрэтуюцца дзецьмі і падлеткамі. Гэта прыводзіць да таго, што ў іх складаецца ўяўленне пра складаныя палітычныя і эканамічныя працэсы, якое адрозніваецца ад іншых пакаленняў. Для пакаленняў Z і Альфа сацыяльныя сеткі з'яўляюцца не проста прыладамі для наладжвання віртуальнай камунікацыі, а платформаў для фармавання новай ідэнтычнасці і самавыяўлення. Менавіта таму для наладжвання ўзаемадзеяння з сучаснай моладдзю трэба быць гатовым да таго, што малады калега лічыць цалкам натуральным публікацыю сваіх перажыванняў на ўсеагульны агляд [5].

Тэорыя пакаленняў Хоўва і Штрауса карыстаецца папулярнасцю ў сучасным свеце не толькі дзякуючы магчымасці зразумець асноўныя характарыстыкі кожнага пакалення, але і таму што веды пра гэтыя характарыстыкі можна скарыстаць на практыцы. Пакаленне Z ужо выходзіць на працу, а гэта значыць што ў менеджараў павінна быць выразнае ўяўленне пра новы тып супрацоўніка і яго спецыфіку. Звернем увагу на асаблівасці кіравання пакаленнямі Z і Альфа ва ўмовах лічбавага

грамадства, які характарызуецца зменлівасцю, нявызначанасцю, складанасцю і неадназначнасцю [6].

Варта пачаць з таго, што пакаленні Z і Альфа з'яўляюцца лічбавымі пакаленнямі [6]. Яны выкарыстоўваюць лічбавае асяроддзе для камунікавання, забаўкі, сацыяльнага прызнання і самавыяўлення. Ранняе знаёмства дзяцей пакалення Альфа з лічбавымі тэхналогіямі аказвае значны ўплыў на іх кагнітыўнае развіццё, асабліва на моўныя навыкі, увагу і памяць [7]. Для пакаленняў Z і Альфа ўласціва кліпавае мысленне, як звычка ўспрымаць інфармацыю фрагментарна, і за кошт гэтага хутка, а таксама навочна-вобразнае мысленне. Усё гэта робіць іх актыўнымі карыстальнікамі і нават “жыхарамі” віртуальнай прасторы, якія адрозніваюцца высокай адапцыйнасцю да зменлівых умоў рэчаіснасці, шматзаданненасцю і шпаркасцю дзеянняў.

Лічбавізацыя дае магчымасць пакаленням Z і Альфа ісці ад класічнага працоўнага тыдня з абавязковай наяўнасцю ў офісе ў пэўныя гадзіны. Усё часцей прадстаўнікі гэтых пакаленняў абіраюць выдаленую працу, вольны і гнуткі графік, пастаноўку і кантроль заданняў праз інтэрнэт сэрвісы [2]. Таму менеджары актыўна асвойваюць лічбавыя прылады кіравання, інтэрнэт камунікацыю і фармуюць новыя прынцыпы працы на базе тэхнічных сродкаў. Да таго ж прадстаўнікі Z і Альфа пакаленняў імкнецца да высокага роўню волі ў рамках сваёй працоўнай чыннасці, што дае магчымасць скарыстаць прылады самакіравання.

Галоўная матывацыя Z і Альфа пакаленняў - цікавасць [8]. Прадстаўнікі дадзеных пакаленняў не робяць з працы культу, а абіраюць сябе і асабісты эмацыйны стан. Апроч таго ў пакаленняў Z і Альфа назіраецца “боязь што-небудзь выпусціць”, па іншым званая з'ява ФОМО - стан, калі чалавек баіцца прапусціць нешта значнае і цікавае для сябе і з-за гэтага адчувае трывогу [7]. Грунтуючыся на гэтым мы можам выказаць здагадку, што менеджарам варта ставіць перад Z і Альфа цікавыя заданні, вырашаючы якія тыя змогуць выявіць сваю шматзаданненасць (шматзадачнасць), актыўнасць і крэатыўнасць. Таксама варта ўвесь час трымаць сувязь з супрацоўнікамі, абмяркоўваць зацікаўленасць у той ці іншай у дзейнасці для выпрацавання (для выпрацоўкі) найболей эфектыўнага і ў таксама час камфортнага плана размеркавання заданняў. Зважаць на інтарэсы рэкамендуецца яшчэ на стадыі наймання супрацоўніка, пры яго сумоўі.

Для падтрымання цікавасці ў прадстаўнікоў Z і Альфа менеджары таксама скарыстаюць прылады гейміфікацыі. Гейміфікацыя - выкарыстанне гульнёвых элементаў для вырашэння гульнявых задач. Прыкладам,

менеджары супольна з HR аддзеламі ствараюць карпарацыйныя сацыяльныя сеткі, уключаючы туды рэйтынг прагрэсу супрацоўнікаў, новыя ўзроўні, на якія можна перайсці выконваючы свае працоўныя заданні і зарабляючы балы, якія потым можна канверсаваць у сапраўдныя бонусы. Гейміфікацыя дапамагае павялічыць пачуццё агульнасці з калектывам, пры гэтым абуджае жаданне не адставаць ад калегі, працаваць руплівей. Да таго ж яна стварае навоchnы малюнак дзейнасці, якую лягчэй успрымаць. Напрыклад, з дапамогай элементаў гейміфікацыі нашмат лягчэй прасачыць кар'ерны ўзрост супрацоўніка і яго калегі.

Дынамічнасць і высокая хуткасць зменлівасці навакольнага асяроддзя сфармавалі ў прадстаўніках Z і Альфа жаданне хуткага кар'ернага ўзросту. Для Z неабходны зразумелыя правілы паводзін і пабудовы кар'еры, дзякуючы якім яны змогуць дамагчыся жаданых вышын без значных выдаткаў па часе [9]. Менеджары атрымаюць большай эфектыўнасці ад Z і Альфа, калі адразу пададуць ім усю інфармацыю аб магчымасцях росту ўнутры кампаніі і канкрэтных патрабаваннях для гэтага.

Пакаленні Z і Альфа валодаюць нізкім роўнем камунікатыўнай кампетэнцыі, з'яўляюцца індывідуалістамі і не ўмеюць добра працаваць у камандзе [9]. Пакаленне Альфа ўжо цяпер характарызуюць як пакаленне адзінотнакаў і дамасадаў [4]. З гэтага варта, што менеджарам давядзецца прыкладаць высілкі ў вобласці сацыялізацыі такіх супрацоўнікаў у кампаніі, падвышэнні іх навыкаў міжасабовага камунікавання, каманднай працы. Сацыялізацыя і ўзаемадзеянні паміж людзьмі ў пакаленняў Z і Альфа адбываецца пераважна праз віртуальны свет, які, у тым ліку, можна скарыстаць у кіраванні [6]. Аднак варта помніць пра баланс паміж рэальнай і віртуальнай камунікацыяй у дзелавой сферы.

Адной з асаблівасцяў Z і Альфа з'яўляецца патрэба ў сталай і аператыўнай зваротнай сувязі. Важнае значэнне для такіх супрацоўнікаў мае пахвала, як паказчык таго, што яны рухаюцца ў слухным кірунку і менеджмент імі задаволены [4]. Апроч асабістай гутаркі гэту патрэбу можна зачыняць праз карпарацыйныя анлайн платформы.

Прадстаўнікі пакаленняў Y, Z і Альфа больш чым прадстаўнікі іншых пакаленняў занепакоены сацыяльнымі, экалагічнымі і этычнымі праблемамі грамадстваў [10]. Ад арганізацый, у якіх яны працуюць, Y, Z і Альфа будуць чакаць актыўнага ўдзелу ў развязак дадзеных праблем. Ад гэтага будзе залежаць імідж кампаніі ў вачах сучаснага пакалення. Таму для прыцягнення і ўтрымання прадстаўнікоў Z і Альфа менеджарам давядзецца

браць удзел у сацыяльных, экалагічных і этычных імпрэзах, падтрымаць праграмы ўстойлівага развіцця і сацыяльнай адказнасці.

Звернемся да рэальных прыкладаў арганізацый, якія накіраваны на працу з маладымі спецыялістамі, і разгледзім іх спосабы прыцягнення і матывацыі.

У кодэксе паводзін A1 Group можна знайсці мэты ў сферы аховы навакольнага асяроддзя, сацыяльнай скіраванасці і рацыянальнага кіравання. Яны акцэнтуюць увагу на сваіх высілках у абласцях гендарнай роўнасці, змагання з кліматычнымі зменамі, выкананні прававых і этычных нормаў. Актыўная сацыяльная, экалагічная і этычная пазіцыя прыцягвае маладыя пакаленні, даюць адчуць сябе часткай чагосьці большага, якое робіць свет лепшым [11].

У дзесяці прынцыпах кампаніі Google таксама ёсць тэзіс, што “бізнес павінен даваць карысць усім”. Там жа можам выявіць прынцып “Сур'ёзным можна быць і без гальштука”, які абвешчае, што праца павінна быць цікавай, абстаноўка ў офісах камфортнай, размяшчаць да асобаснага і прафесійнага росту супрацоўнікаў [12].

Кампанія Яндэкс мае цэлае накіравання Young&Yandex, якое займаецца навучаннем, стажаваннямі і імпрэзамі для моладзі, прыцягваючы іх на ранніх этапах прафесійнага вызначэння. Яндэкс актыўна развівае ІТ утварэнне, падтрымлівае развіццё тэхналогій і штучнага інтэлекту. Пра гэтыя яны пішуць у сваіх прынцыпах у падзеле штучны інтэлект і ўстойлівае развіццё [13].

Такім чынам можна назіраць сукупнасць характэрных асаблівасцяў прадстаўнікоў Z і Альфа пакаленняў, якія ў хуткім часе будуць складаць значную долю супрацоўнікаў на сучасным рынку. Гэтыя асаблівасці вывучаюць на пастаяннай аснове, а атрыманую інфармацыю актыўна ўжываюць для распрацоўкі новых прылад кіравання, якія прывядуць да эфектыўнай і разам з тым камфортнай дзейнасці. Аднак не варта забываць, што тэорыя пакаленняў разглядае людзей як членаў пэўнай сацыяльнай групы, не акцэнтуючы ўвагі на іх індывідуальных адрозненнях. Таму кіраўнікі і даследнікі, якія займаюцца пытаннямі сацыяльнага кіравання, у кіраўніцтве кожным асобна ўзятым супрацоўнікам не павінны абапірацца толькі на тэорыю пакаленняў. Трэба ўлічваць і індывідуальныя характарыстыкі, якія могуць моцна адрознівацца ад сярэднестатыстычных.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Яшкава А. В., Синева Н. Л., Сакалоў В.А. Тэорыя пакаленняў: асаблівасці кіравання супрацоўнікамі ў сучасным свеце [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-osobennosti-upravleniya-sotrudnikami-v-sovremennom-mire>. - Дата доступу: 08.10.2024.
2. Мамаіна Р. І., Толсцікава І. І. Phygital пакаленне ва ўмовах вольнай глабальнай камунікацыі [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/phygital-pokolenie-v-usloviyah-svobodnoy-globalnoy-kommunikatsii/viewer>. - Дата доступу: 07.10.2024.
3. Жаваранкава А. А. Тэорыя пакаленняў у Расіі: міф ці рэальнасць? [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-pokoleniy-v-rossii-mif-ili-realnost/viewer>. - Дата доступу: 08.10.2024.
4. Родзіна Г. А., Плучэўская Э. В. Тэорыя пакаленняў. Праца з рознымі пакаленнямі ў сацсетках. Пакаленне Альфа – дзеці будучыні [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: https://tribune-scientists.ru/media/p_articles/Родина.pdf. - Дата доступу: 08.10.2024.
5. Салава Т. Л., Козина А. А. Пакаленне Альфа ў структуры лічбавай цывілізацыі [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2021/10/sociology/Salova_Kozina.pdf. - Дата доступу: 08.10.2024.
6. Шлегель А. В. Пакаленне «Альфа»: у пошуках тыповых рыс [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://vestnik.gu-ural.ru/documents/articles/2023/4/gu-2023-4-shlegel.pdf>. - Дата доступу: 08.10.2024.
7. Расказава В.А. Канфлікты пакаленняў у сучасных арганізацыях і шлях іх рашэння [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-pokoleniy-v-sovremennyh-organizatsiyah-i-puti-ih-resheniya>. - Дата доступу: 08.10.2024.
8. Варанкова В. С. Асаблівасці сучаснай сацыяльнай сітуацыі развіцця падлеткаў пакалення Z і Альфа [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2024/lichn_i_prof_razv_bud_special/8/Voronkova.pdf. - Дата доступу: 08.10.2024.
9. Спасеннікаў В. В. Сацыялдызайн пераемнасці пакаленняў: тэарэтыка-эксперыментальны падыход [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiodizayn-preemstvennosti-pokoleniy-teoretiko-eksperimentalnyy-podhod>. - Дата доступу: 08.10.2024.
10. Карпава А. Г. Сацыяльна-псіхалагічныя прылады кіравання «Пакаленнем Z» на рынку працы ў прамысловасці і гандлі [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: http://www.info-rae.ru/wp-content/uploads/2019/11/Сборник-трудов_Часть_2_Симпозиум-3.pdf#page=318. - Дата доступу: 09.10.2024.

11. Кодэкс паводзін А1 [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: https://www.a1.by/medias/sys_master/images/hde/he3/9172346830878.pdf. - Дата доступу: 09.10.2024.
12. Дзесяць прынцыпаў Google [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://about.google/philosophy/?hl=ru>. - Дата доступу: 09.10.2024.
13. Прынцыпы Яндэкс [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <https://yandex.ru/company/values>. - Дата доступу: 09.10.2024.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ*

А.В. Винокурова

А.Е. Кучуганова

Дальневосточный федеральный университет

п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922, Владивосток, Российская Федерация

vinokurova77@mail.ru

kuchuganova.ae@dvfu.ru

В данной статье представлены основные аспекты характеризующие профессиональные стратегии выпускников инженерных специальностей. В качестве исследовательского кейса выбран Дальневосточный федеральный университет. Основная цель заключалась в выявлении профессиональных стратегий будущих инженеров – студентов, обучающихся на выпускных курсах данного вуза. Исследование выполнено с опорой на методы анкетирования и интервью. Результаты показали направленность на стратегию получения высокого заработка и стратегию продвижения в карьере. Комплексный анализ полученных эмпирических данных позволит в дальнейшем выделить практические рекомендации для совершенствования управления профессиональными стратегиями выпускников инженерных направлений подготовки.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования ДВФУ FZNS-2023-0032 «Социальное пространство благополучия детства: комплексный анализ».

Ключевые слова: профессиональные стратегии; студенческая молодежь; выпускники высших учебных заведений; компетенции выпускников вузов; подготовка инженерных кадров.

Глобальные вызовы XXI века ставят новые требования в отношении структуры и содержания формируемых в процессе обучения компетенций выпускников вузов. Современный инженер – кто это? Должен ли он владеть только профессиональными техническими компетенциями (hard skills)? Или же важно наличие широкого набора универсальных компетенций (soft skills): коммуникативность, умение работать в команде, системное и критическое мышление и другие, о которых еще несколько лет назад и речи не было? Универсальные компетенции не менее важны, чем профессиональные – именно так на этот вопрос отвечает высшее образование и рынок труда. При этом современные исследования свидетельствуют о постоянном возрастании значимости универсальных компетенций для инженерных кадров [см. подробнее: 1; 3; 7].

Профессиональная стратегия – это продолжительный план осуществления желаемых намерений в процессе профессиональной реализации. Но данную стратегию можно рассматривать и со стороны создания, изменения или воплощения поставленных целей, а также средств их достижения [5, с. 10].

На основании представленных в научной литературе подходов к классификации профессиональных стратегий [см. подробнее: 4; 6] мы особо хотели бы отметить те, которые отражают индивидуальные и организационные аспекты. Исходя из этого, обозначим профессиональные стратегии в зависимости от целей: карьерные, направленные на развитие и продвижение по служебной лестнице, включая обучение, получение навыков и опыта; стратегии получения высокого дохода, в том числе выбор способа заработка, инвестирование, финансовое планирование; стратегии социальной защиты, предполагающие направленность на обеспечение социального статуса, защиты от рисков (например, страхование), пенсионное обеспечение и т. п. Также можно классифицировать профессиональные стратегии по методам реализации: образовательные (обучение, получение дополнительных квалификаций, повышение квалификации); стратегии продвижения в карьере (планирование карьеры, управление временем, установление целей); финансовые стратегии (управление финансами, инвестирование, налоги).

В современном мире каждый год уровень требований к профессионалам только растет. В этой связи особого внимания заслуживает изучение стратегий, которые применяют выпускники вузов для успешной интеграции на рынке труда.

Подготовка инженерных кадров для развития инновационной экономики России является приоритетным направлением в деятельности Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Спектр образовательных программ обеспечивает потребности практически всех отраслей промышленности, включая нефтедобычу и нефтепереработку, горное дело и геологию, архитектуру, строительство и энергетику, проектирование и производство морского и сухопутного транспорта, разработку приборов различного назначения, а также инноватику и безопасность жизнедеятельности. Подготовка специалистов ведется по 24 образовательным инженерным программам бакалавриата, 4 программам специалитета, 22 программам магистратуры и 39 программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. В 2024 году выпуск осуществляется по 18 из указанных образовательных программ бакалавриата.

Стабильность и развитие любой области рыночной экономики, в том числе и инженерной, определяются способностью работников быстро адаптироваться к новым условиям и прогрессировать в них. В нашем случае изучение профессиональных стратегий выпускников инженерных направлений подготовки позволяет не только глубоко понять, но и эффективно реагировать на социальные изменения. Но зачастую из-за недостаточного владения информацией о возможностях управления личными профессиональными стратегиями студенты после выпуска могут иметь последствия в виде сложностей с самоопределением, карьерной траекторией и трудоустройством по профессии.

Мы попытаемся концептуализировать процесс формирования и реализации профессиональных стратегий выпускников вузов инженерных направлений подготовки Дальневосточного федерального университета. Исследование выполнено с опорой на комплексный подход. В данном ключе мы разделяем мнение российских исследователей о том, что комбинирование качественных и количественных методов приводит к соединению преимуществ качественной и количественной методологии и получению более надежных данных и результатов [2, с. 118].

При сборе эмпирических материалов мы по большей части опирались на опросные методы. Нами были проведены серия неформализованных

интервью и анкетирование выпускников инженерных направлений подготовки. Согласно оперативной информации Политехнического института Дальневосточного федерального университета от 03.04.2024 года в Политехническом институте обучается около 6500 студентов, из них 475 – выпускники. Представленные данные позволили нам сформировать выборочную совокупность для проведения анкетного опроса, объем выборки составил 207 человек ($n=207$). В интервью приняли участие 18 человек ($n=18$), по одному выпускнику из каждого инженерного направления подготовки, по которым планировался выпуск в 2024 году. Полевые работы проводились в мае-июне 2024 года.

В ходе проведения исследования мы выявили, что студенты инженерных направлений подготовки ДВФУ ориентированы на стратегию получения высокого заработка после выпуска. Так, при ответе на вопрос: «Что для вас является в работе самым важным?» (допускался выбор нескольких вариантов ответа), наши респонденты указали, что для них наиболее значимы такие условия, как: «высокая заработная плата» (100%), «востребованность на рынке труда» (53%) и «благоприятные условия работы» (42%). Вариант «социальный пакет» выбрали 36% респондентов, а «гибкий график» важен для 29%. Менее важны возможности самореализации (24%) и «близость к дому» (23%). В дополнение к представленным данным уместно привести цитаты из интервью. Так, наши информанты отметили: *«... моя цель была в том, чтобы найти место работы престижнее, чтобы много зарабатывать, к чему я сейчас и иду...»* (муж., 22 года, выпускник направления «Кораблестроение, океанотехника и системотехника объектов морской инфраструктуры»); *«... я сама выбирала направление, на которое хочу поступать. Моя семья была удивлена, знакомых нет с такой специальностью, но они приняли мое решение. Я руководствовалась заработком какой могу получать после окончания университета...»* (жен., 21 год, выпускница направления «Инноватика»).

При этом большинство наших респондентов планируют работать именно по специальности (45%). Продолжать образование будут 32%, а 15% – еще не определились с выбором. Вариант «открыть собственное дело» и «посвящу себя дому, семье» выбрало по 3% респондентов. Не собираются работать по окончании вуза – 1%. Также информанты указали на имеющийся у них практический опыт и возможности его применения в будущем: *«... я уже прошел стажировку в компании. Мне понравилось. В последний день стажировки ко мне подошли и сказали, что после получения*

диплома они готовы меня трудоустроить на полную ставку. Я решил, что туда и пойду работать. Я уже там все узнал. В “FESCO” (крупная судоходная компания – прим. авт.) круто...» (муж., 22 года, выпускник направления «Технология транспортных процессов»); «... я уже работаю по специальности. Принимаю некоторые заказы на дизайн комнат. Более крупными проектами занималась в студенческой организации «EAST ARCHITECTS» и на стажировке в Москве. Когда мне дали посмотреть объект, над которым предстояло нам работать, я очень переживала, что могу не справиться. Мне помогли наставники в компании и коллеги. Очень классный коллектив и крутой опыт. Я очень хочу в будущем создать в Приморье что-то подобное. Но пока я буду работать на дядь, чтобы набираться опыта. Возможно, когда-нибудь я смогу осуществить мечту...» (жен., 22 года, выпускница направления «Архитектура»).

Примечательно, что свое будущее ребята связывают именно с Дальним Востоком, после завершения обучения многие планируют остаться в Приморье: *«... я сама из небольшого села Забайкальского края. Я смогу найти работу там, но больше возможностей именно здесь. Я уже проходила у них практику. Я знаю людей, которые добились успеха в этой компании. Им нужны такие, как я. А вернуться я всегда успею...» (жен., 23 года, выпускница направления «Инфокоммуникационные технологии и системы связи»).*

В целом, наши результаты показали, что чаще всего выпускники инженерных направлений подготовки ДВФУ по цели ориентированы на стратегию получения высокого заработка, предполагающую, что человек будет искать возможности увеличить свой доход разными способами: получая дополнительное образование или навыки, ища должности с более высокой заработной платой и т. д. По методам реализации выпускники придерживаются стратегии продвижения в карьере: им важен карьерный рост, они уже планируют свою карьеру и умеют управлять временем, расставляя приоритеты и достигая целей.

Комплексный анализ полученных эмпирических данных дает возможность выделить практические рекомендации для совершенствования управления профессиональными стратегиями выпускников инженерных направлений подготовки Дальневосточного федерального университета. Таковыми рекомендациями являются: усиление практико-ориентированной составляющей образовательных программ; развитие системы карьерного консультирования и профессионального самоопределения студентов; усиление взаимодействия с работодателями; развитие

предпринимательских компетенций студентов; мониторинг и анализ трудоустройства и карьерного роста выпускников.

Библиографические ссылки

1. Арсентьева Н.М., Бусыгин В.П., Харченко И.И. Модели поведения молодежи в сфере образования и на рынке труда: механизмы и факторы формирования // Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 126–140.
2. Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Чистяков П. А. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 63–77.
3. Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С 117–122.
4. Омельченко Е.Л. Стилиевые стратегии занятости и их особенности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 36–47.
5. Пашков М.В. Жизненные стратегии современной молодежи со средним образованием: профессиональные траектории на рынке труда. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. 265 сан.
6. Федотова Н.Н. Социально-профессиональный статус поствузовской молодежи на рынке труда. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2000. 55 с.
7. Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИФРОВОЙ НОМАДИЗМ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Воробьева

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
cherbourg@mail.ru*

В публикации представлен анализ изменений в формировании механизмов самоопределения и поиске идентичности, вызванных влиянием практик цифрового номадизма в сетевом обществе. Сетевое общество внесло коррективы в процесс социализации, усложнив конструирование «образа себя». Обосновано, что методологически важно различать три особенности самоидентификации в сетевом

обществе. Первая особенность связана с рассогласованностью развития первой и второй сигнальных систем, составляющих ресурсы социализации. Вторая – с экстерриториальностью и вневременностью цифрового номадизма, влияющих на идентичность посредством ослабления или исключения привязок к пространственным и временным границам вследствие доминирования имманентных, привязывающих к настоящему времени, и формальных (вневременных) причин. Третья особенность обусловлена пребыванием цифрового номада в номиналистической среде, в которой ослаблено или исключено влияние реалистических образов общества, формируемых в социуме.

Ключевые слова: *идентичность; цифровой номадизм; сетевое общество; ретардация визуального восприятия; экстерриториальность; вневременность; реалистические образы общества.*

Сетевое общество трансформировало, во-первых, межличностные и межгрупповые отношения, во-вторых, процесс социализации, частично сместившийся из реальности в киберпространство. Подобные изменения обусловлены практиками цифрового номадизма – электронного кочевничества, видоизменившего механизмы самоопределения и поиска идентичности [1–5], усложнившего формирование «образа себя» на личностном и социальном уровнях [6–9]. Для решения этой проблемы важно актуализировать точки пересечения идентичности и цифрового номадизма и на этой основе выявить особенности самоидентификации в сетевом обществе.

Сетевое общество как социальная структура, основанная на информационно-коммуникационных технологиях (идея М. Кастельса), порождает множество проблем, которые условно можно разделить на три группы. Первая группа связана со смещением критериев меры и истины с человека на технику, вторая – с порождением сверхбыстрого мира неопределенности, третья – с повышением уровня опасности виртуального мира и неумением противостоять угрозам с его стороны. Не вникая в детали и аспекты, связанные с принадлежностью проблемы к какой-либо группе, подчеркну, что основная опасность заключается в сдерживании формирования механизмов самоидентификации, обусловленном безграничной свободой взаимодействия с виртуальными эрзацами реальности, размывающими границы нормальности [2].

Формирование механизмов самоидентификации лежит в плоскости социализации, когнитивные условия которой составляют развитие чувственного и на его основе рационального познания. Однако для периода

дошкольной социализации стали характерными сдерживание интенсивного периода формирования речи, а затем – навыков чтения, связанного с усиленным развитием второй сигнальной системы без достаточного развития первой системы. Первая сигнальная система обеспечивает обобщенное отражение действительности путем развития сенсорных каналов поступления информации, вторая – отражение действительности, опосредованное языком/речью. В последующем интеллектуальном развитии мышление, в котором доминирует первая сигнальная система, становится ассоциативным (аналоговым) мышлением, а в котором доминирует вторая сигнальная система, – логическим (дискретным) [10, с. 5].

Рассогласованности двух сигнальных систем способствуют ранние практики цифрового номадизма, приводящие к ретардации – нереализованному переходу от хаотического восприятия мира, т.е. скачкообразных возвратных визуальных движений, к последовательному и упорядочивающему восприятию. В случае ретардации имеют место проблемы с развитием навыков чтения (дислексия), а в дальнейшем наблюдается преимущественное формирование клипового мышления, пытающегося адаптироваться к визуальному хаосу. Преодоление ретардации визуального опыта предполагает развитие двух стратегий распознавания – целостной (холизм) и аналитической (поэлементной), обеспечивающих конструирование, соответственно, аналоговых и дискретных ментальных репрезентаций.

Цифровой номадизм характеризуется двумя особенностями, влияющими на идентичность, – экстерриториальность и вневременность, ослабляющие или исключаяющие привязки к пространственным и временным границам. Отсутствие иерархий и четких пространственных границ замещается фрагментарностью или клиповой (мозаичной) сборкой. Отсутствие временных границ означает, что становление идентичности осуществляется вне потока времени. Временной поток не только сохраняет постоянные и устойчивые структуры в мыслях, чувствах и действиях человека, но также проверяет и укрепляет их, формируя ресурсы рефлексивных аргументов тела (чувств и эмоций) и рефлексивных аргументов разума, подсказывающих, что необходимо удержать и что отбросить.

Вследствие экстерриториальности и вневременности практики цифрового номадизма обуславливают пограничное бытие человека, «кочующего» в глобальной сети. Пограничное существование как следствие нестабильных структур и дезориентаций означает отсутствие или слабую

развитость механизмов самоидентификации на двух уровнях – эмоций и разума. Как результат, практики цифрового номадизма не способствуют развитию механизма «сворачивания эмоций» [11, с. 255] и преодолению «пограничных условий в разуме» [12, с. 121]. К этому присоединяется утрата ясности и четкости «границы свободы и ответственности», которую «они приобрели в Новое и Новейшее время. Вменяемое “Я” становится некоей “точкой сборки” свободы и самосознания» [13, с. 33].

Экстерриториальность и вневременность цифрового номадизма преодолевается путем установления социальных границ, значение которых раскрывается посредством наборов признаков. Это могут быть разные, в зависимости от цели и задач научного исследования, группы свойств или отношений, например: неопределенность, двусмысленность и противоречие; неустойчивость, контекст и гибридизация; дополнение, конкуренция и антагонизм; парадоксы, неразрешимости и аномии. Границы самоопределения человека являются, прежде всего, социально-культурными границами. Поэтому, как показал В.Л. Каганский на примере исследования феномена маргинального, путь к его пониманию лежит в плоскости изучения пространственных границ, переходных, или «пограничных, зон и сред, где они значимы (советское пространство, культурный ландшафт, городская среда)». Главными категориями, используемыми для описания пространства как универсума, выступают имеющиеся в нем места, позиции, смежности, расстояния, направления, области, границы [14].

Маркерами пограничных состояний в практиках номадизма являются, например, неопределенность мест, нечеткость дистанций, неустойчивость позиций, подвижность смысловых границ. Это затрудняет формирование идентичности в виртуальных пограничьях как пространствах постоянного взаимодействия. М. Дуглас по этому поводу подчеркнула: «Находиться в пограничном состоянии, значит соприкасаться с опасностью и приближаться к источнику силы» [15, с. 147.]. Она отталкивается от мысли Гуго Сен-Викторского, который утверждал, что привязанность к месту означает слабость, значит, более сильным оказывается тот, кто менее привязан, но он же становится и опасным вследствие этой силы.

Идентичность оказывается пограничной, если жизнь продолжительное время протекает на границе [16]. Пограничье как место перехода, например, интеллектуальной рецепции Чужого в Свое и Своего в Чужое, представляет собой противоречивое или антиномическое образование. В частности, антиномические аспекты человеческого существования составляют

оппозиции открытости и закрытости, статичности и становления, завершенности и незавершенности. Однако цифровой номадизм предполагают постоянную открытость, становление и незавершенность «электронного кочевника». Значит, целостность номада становится невозможной, его самость в социальных сетях переживает одиночество, эмоции мимолетны, устойчивых интеллектуальных чувств нет. Актуальной становится сформулированная М. Фуко дефиниция пограничья как пространства, в котором «разум и неразумие бесконечно меняются местами, вступая в опасную, обратимую связь» [17].

Разрыв времен, свойственный практикам цифрового номадизма, подтверждается аристотелевской типологией оснований, в которой обосновано различие темпоральных и вневременных причин. К темпоральным причинам относятся имманентные причины, связанные с настоящим временем, действующие (побуждающие) причины, связанные с прошлыми переживаниями или событиями, и целевые причины, направляющие в будущее посредством придания значения и смысла действиям. Вневременные причины являются формальными, поскольку «тесно связаны с языком и ментальными картами», на основе которых «Я» «создает свои реальности» [18, с. 118, 121]. Идентичность в контексте практик цифрового номадизма формируется преимущественно с позиций имманентных и формальных причин.

Представители цифрового поколения являются активными и продвинутыми пользователями сетей, поэтому сама виртуальная реальность стала для них ценностью, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Отрицательные стороны обусловлены доминированием причин, удерживающих в настоящем, и формальных причин, в контексте которых когнитивная беспомощность, например, очень часто выдается за абсолютную истину или за моральную позицию. Подобная беспомощность требует новых интеллектуальных навыков, позволяющих идентифицировать непонятные феномены, формируя ресурсы собственного мышления, связанные с действующими и целевыми причинами. Однако, как подчеркнул Г.Л. Тульчинский, «в социальных сетях формируются сообщества», в которых «люди привыкают “лайкать и банить”». Поскольку «у них нет времени, ни уже навыков слушать и читать другую точку зрения, а также аргументировано обосновывать свою», постольку они отучены «от “длинных мыслей”, от обсуждения, диалога» [13, с. 36].

Когнитивная беспомощность может быть преодолена только в социальном контексте посредством усиления соответствующих механизмов самоидентификации индивида, связанных со второй сигнальной системой. Это означает, что самоидентификация невозможна без образов, формируемых в социуме и которые транслируют способы самореализации в социальной структуре, обретение какого-либо социального статуса. Согласно Р. Дебрэ, работа социологов заключается в изучении и анализе общества с целью «"возвращения" его ему самому» [19]. При этом «самые сильные и правдоподобные из образов общества еще и влияют на самих людей, меняя в мало предсказуемом направлении их взгляды и, в конечном счете, поступки». Р. Дебрэ в качестве аргумента сослался на Х. Абельса, который акцентировал внимание на значении разрабатываемых наукой образов, подчеркнув, в частности, что «созданный наукой образ молодежи оказывает воздействие на само поведение молодежи» [19]. Поэтому важно усиливать чувствительность современной социологии «к замеру смыслов, которые современная молодежь вкладывает в свою интерпретацию базовых ценностей» [6, с. 109].

Цифровые аборигены «проводят большую часть своей жизни в сети Интернет» вследствие чего они «не делают различия между жизнью в Сети и вне нее», значит, «не воспринимают свою идентичность в цифровом и реальном пространстве как нечто обособленное». Более того, «зеты» убеждены, что «их идентичность представлена сразу в нескольких пространствах» [8, с. 11]. Это означает, что социальный статус личности, например, стример, тролль или эльф одинаково реальны и значимы как в реальном, так и в виртуальном мире.

Интернет как новая среда социальной идентификации внес свои коррективы в процесс формирования механизмов самоидентификации, предопределяемых социализацией. Модификации традиционного смысла социализации происходят посредством технических средств, формирующих новые способы адаптации к социальной действительности и механизмы самоидентификации, связанные с практиками цифрового номадизма [1; 2; 4]. Согласно проанализированным источникам [1–5], можно утверждать о наличии ряда особенностей самоидентификации в условиях цифрового номадизма. Это предпочтения виртуального общения реальному, текстового сообщения разговору, презентации своей жизни в виртуальном мире закрытости, сосредоточенность на краткосрочных целях желанию становится частью устойчивых групп, погруженность в себя эмпатии другому.

Выявленные особенности формирования идентичности свидетельствуют о необходимости поиска новых подходов к пониманию социального отчуждения, которое находится в корреляции с экзистенциальными девиациями в цифровом мире. Девиации как отклонение от того, что считалось нормой и рассматривалось в качестве приемлемого, предполагают изменение или сдвиг в соответствии с новыми обстоятельствами или контекстом. Как результат, процесс конструирования идентичности в виртуальном пространстве становится текучим, непрерывным, гибридным. Н.А. Равочкин отметил, что «девиации в цифровом обществе реализуются в форме мимикрии социальных феноменов к постоянно меняющимся особенностям окружающей действительности», но «ускорение социальной динамики не позволяет большинству акторов понять и идентифицировать содержание идей в полной мере» [20].

Таким образом, идентичность и цифровой номадизм пересекаются в контексте социализации, которая претерпевает изменения в сетевых условиях. Актуальными точками пересечения следует признать, во-первых, трансформации, связанные с рассогласованностью развития первой и второй сигнальных систем, составляющих ресурсы социализации. Цифровой номадизм способствует ретардации визуального восприятия, отсрочивая переход к аналоговым и аналитическим стратегиям восприятия мира. Во-вторых, экстерриториальность и вневременность цифрового номадизма препятствует формированию ориентаций в социальном пространстве, затрудняя организацию социального бытия, поскольку идентичность формируется преимущественно с позиций имманентных, привязывающих к настоящему времени, и формальных (вневременных) причин. В-третьих, идентичность, формирующаяся в условиях цифрового номадизма, пребывает в номиналистической среде, в которой ослаблено или исключено влияние реалистических образов, формируемых в социуме. Это способствует формированию когнитивной беспомощности в противовес осваиванию способов самореализации в социальных структурах.

Библиографические ссылки

1. Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2. С. 37–59.
2. Кужелева-Саган И.Р., Спичева Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87

3. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 6–10.

4. Яковлева Е.Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 1 (45). С. 58–68 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37133475> (дата обращения 29.12.2020).

5. Яковлева Е.Л., Дарчинов Э.В. Попытка философского осмысления метафизики электронного кочевника // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 399–402.

6. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журн. Белорус. гос. ун-т. Социология. 2017. № 1. С. 109–118.

7. Никонов Е., Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. Издательский дом Университета «Синергия», 2017. 140 с.

8. Пэлфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011. 386 с.

9. Сорокоумова Е.А., Журинская В.О. Психологическая готовность к школе детей поколения Z // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 3(6) [Электронный ресурс]. URL: [http://j-chr.com/upload/выпуск_3\(6\)/PDF/Сорокоумова_69-76.pdf](http://j-chr.com/upload/выпуск_3(6)/PDF/Сорокоумова_69-76.pdf) (дата обращения: 07.10.2024).

10. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.

11. Джерольд К., Хэл С. Я ненавижу тебя, только не бросай меня. Пограничные личности и как их понять СПб.: Питер, 2019. 320 с.

12. Ярославцева, Е.И. Статус ума и интеллекта в современной цифровой среде // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 123–143.

13. Тульчинский Г.Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28–43.

14. Каганский В.Л. Вопросы о пространстве маргинальности // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/3/voprosy-o-prostranstve-marginalnosti.html> (дата обращения: 30.09.2024).

15. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 288 с.

16. Воробьева С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики нomaдизма и пограничные состояния // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. С.121–124.

17. Фуко М. История безумия в классическую эпоху // Яков Кротов. Опыты [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/21_f/uk/o_34.htm (дата обращения: 02.10.2024).

18. Дилтс, Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Пер с англ. СПб.: Питер, 2010. 256 с.

19. Дебрэ Р. Введение в медиалогию [Электронный ресурс] // URL: https://mem.knigogid.ru/books/274148-vvedenie-v-mediologiyu/toread?update_page (дата обращения: 04.10.2024).

20. Равочкин Н.Н. Детерминанты практического воплощения идей в реалиях цифрового общества // Искусственные общества. 2021. Том 16. Выпуск 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://artsoc.jes.su/S207751800016636-8-1> (дата обращения: 05.10.2024).

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ МИНИСТЕРСТВА СПОРТА И ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПОРТИВНОГО РЕЗЕРВА И СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОГО КЛАССА

В.М. Гаптарь

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,

ул. Московская, 17, 220089, Минск, Беларусь.

Аппарат Совета Министров Республики Беларусь,

ул. Советская, 11, 220010, Минск, Беларусь

vitalgaptar@tut.by

В статье раскрываются особенности управления системой подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации в Республике Беларусь, сочетающего в себе государственное и общественное регулирование, социальная роль Министерства спорта и туризма в системе подготовки спортивного резерва и спортсменов высокого класса.

Ключевые слова: *Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, система спортивной подготовки, спорт высших достижений, спортивный резерв.*

Система спортивной подготовки постоянно развивается и совершенствуется. В настоящее время, несмотря на отстранение белорусских спортсменов от участия в международных спортивных мероприятиях, одной из основных является задача по совершенствованию системы подготовки спортсменов, позволяющей обеспечить их достойное выступление на Олимпийских играх, чемпионатах мира, Европы и других международных соревнованиях [1, с. 70]. В связи с этим процессы, происходящие в спорте, требуют постоянного совершенствования и изучения его организационно-управленческих структур [2, с. 223].

В Республике Беларусь система подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации строится на основе сочетания государственного и общественного регулирования и является составной частью социального управления. Концептуальные основы данной системы определены в статье 45 Конституции Республики Беларусь [3]. Основопологающим нормативным актом, регулирующим социальные отношения в сфере физической культуры и спорта, в том числе в системе подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации, является Закон «О физической культуре и спорте» [4].

Подготовка спортсменов рассматривается как социальная система, связывающая воедино социальных субъектов с общими целями, едиными установками и пересекающимися мотивами.

В процессе проведения исследования выделены функциональные задачи организаций физической культуры и спорта: управленческие, организаторские, достижение необходимого спортивного результата, контролирующие, методические, восстановление спортсмена после перенесенной физической нагрузки или полученной спортивной травмы (поддерживающие), производственные и другие. Данные функции – это ответ на социальный заказ по подготовке спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации, способных добиться на международной спортивной арене высоких спортивных результатов, а их содержание во многом определяется структурой спорта.

Выделение функциональных задач социальных субъектов системы подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации осуществляется с учетом национальных особенностей спорта (преимущественное государственное финансирование и регулирование, доведение плановых показателей, созданная вертикаль видов спорта и другое).

Функциональные задачи по государственному управлению указанной социальной системой осуществляют следующие социальные субъекты: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, иные республиканские органы государственного управления, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы; по общественному управлению – Национальный олимпийский комитет Республики Беларусь, Паралимпийский комитет Республики Беларусь, организации, возглавляющие дефлимпийское движение Беларуси, специальное олимпийское движение Беларуси, республиканские федерации (союзы,

ассоциации) по виду (видам) спорта, республиканские государственно-общественные объединения, осуществляющие развитие технических, авиационных, военно-прикладных, служебно-прикладных и иных видов спорта, профессиональные союзы [4].

Рассмотрим основные функциональные задачи основного субъекта социального взаимодействия системы подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации – Министерства спорта и туризма Республики Беларусь.

Министерство спорта и туризма Республики Беларусь в соответствии с представленными полномочиями проводит единую государственную политику в сфере физической культуры и спорта, координацию деятельности в этой сфере других республиканских органов государственного управления. Основные задачи и функции указанного республиканского органа государственного управления определены в Положении о Министерстве спорта и туризма Республики Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2006 г. № 963 «Вопросы Министерства спорта и туризма Республики Беларусь» [5].

Кроме того, главными задачами Министерства спорта и туризма являются:

- разработка и реализация программ по физической культуре, спорту и туризму;

- подготовка спортивного резерва и национальных команд для их участия в международных соревнованиях;

- организация спортивных, спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий как на республиканском, так и на международном уровнях;

- пропаганда здорового образа жизни, широкое вовлечение населения в занятия физической культурой и спортом и другие.

В систему Министерства спорта и туризма входят структурные подразделения областных и Минского городского исполнительных комитетов, обеспечивающие реализацию государственной политики в сфере физической культуры и спорта, а также государственные организации, подчиненные данному Министерству. Для рассмотрения наиболее важных вопросов с учетом их социальной значимости в Министерстве спорта и туризма Республики Беларусь образуется коллегия, являющаяся совещательным органом.

В результате проведенной в 2013 – 2018 годах оптимизации системы государственного управления сферой физической культуры и спорта [6] для координации работы по развитию спорта в структуре центрального аппарата Минспорта функционируют: управление спорта, управление национальных команд, управление планирования и организационной работы, а также ряд иных структурных подразделений для обеспечения работы Министерства по направлениям деятельности (экономика, информационное обеспечение, кадровая работа, юридическое сопровождение, международное сотрудничество и другое).

В ходе создания новой структуры Министерства спорта и туризма Республики Беларусь учтены запросы, потребности спортсменов, тренеров, спортивных управленцев. К примеру, недостаточное научно-методическое и медицинское обеспечение спортсменов высокого класса обусловило создание в структуре управления спорта отдела спортивной науки, медицины и антидопингового контроля, недостаточная организация системы планирования в спорте – отдела планирования спортивных мероприятий

в управлении планирования и организационной работы, возрастающая роль кадрового обеспечения – вместо отдела кадровой работы, функционирующего в качестве структурного подразделения второго уровня управления кадровой политики.

Вместе с тем необходимо отметить, что не все запросы общества отражены в новой структуре Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. Так, самостоятельное управление физической культуры преобразовано в отдел физической культуры второго уровня. При этом учреждение «Республиканский учебно-методический центр физического воспитания населения» присоединен к учреждению образования «Белорусский государственный университет физической культуры». В результате в настоящее время уже наблюдается снижение внимания к развитию физической культуры и спорта, проведению физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий. Имеются вопросы также к методическому сопровождению Министерством работы специализированных учебно-спортивных учреждений. В этой связи при формировании структуры Министерства необходимо постоянно учитывать социальные преобразования, происходящие в обществе и имеющийся социальный запрос.

Библиографические ссылки

1. Гаптарь, В. М. Развитие спорта высших достижений: социологический подход / В. М. Гаптарь // Проблемы упр. Сер. А, Экон. науки, соц. науки, психол. науки. – 2020. – № 1. – С. 69–73.
2. Борисова, О. В. Научно-теоретические основы развития профессионального спорта в Украине на примере тенниса / О. В. Борисова // Современный Олимпийский спорт и спорт для всех : XVIII Междунар. науч. конгр., Алматы, 1–4 окт. 2014 г. : материалы конгр. : в 3 т. / Междунар. олимп. ком., Междунар. ассоц. ун-тов физ. культуры и спорта, Каз. акад. спорта и туризма. – Алматы, 2014. – Т. 1. – С. 223–225.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Вопросы Министерства спорта и туризма Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2006 г., № 963 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 14.09.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2013 г., № 168 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ)

В.Б. Гнучих

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
vgnucih@gmail.com*

Научный руководитель: Воробьева С.В., доцент, кандидат философских наук

В эпоху глобализации и цифровизации всех сфер жизни определение феномена границы является ключевым для понимания современного мира и места человека в нем. Границы не только разделяют, но и объединяют, контролируют, защищают, создают идентичность, порождают иерархию. Поэтому в статье раскрывается сущность границы в социальном пространстве. Дифференцированы онтологический, гносеологический и культурно-исторический аспекты границы. Проанализированы изменения, которые претерпевают границы в зависимости от контекста, на примере маргинальности.

Ключевые слова: граница; культурная глобализация; социальное пространство; маргинальность.

Актуальность феномена границы в социальном пространстве обусловлена такой особенностью глобального динамичного мира, как нахождением отдельного человека, социальных групп, государств, их союзов во множестве разнообразных отношений. Поэтому проблема границы и поиск способов ее решения имеет особое теоретическое и методологическое значение в социально-философских и социологических исследованиях. Цель статьи – раскрыть сущность феномена границы в социальном пространстве на примере маргинальности.

Определяя феномен границы, следует начать с того времени, когда исторически граница рассматривалась в значении меры или предела. Разделяя разные участки пространства, граница понималась как не принадлежащая ни к одному из них. Принимая множество разных, иногда противоположных значений, сущность границы может быть раскрыта в ракурсе следующих четырех денотатов, указанных Л.Н. Виноградовой. Во-первых, граница определяет (ограничивает) зону «своего» и соседство с «чужим». Во-вторых, она обеспечивает непроницаемость оградительной линии и в то же время предусматривает возможность ее преодоления; в-третьих, обозначает качественно разные («хорошие» и «плохие») пространственные участки; в-четвертых, сигнализирует об опасности «перехода» из одной сферы в другую [1, с.21]. Такая перегруженность смысловыми противопоставлениями придала феномену границы особый семиотический статус «конфликтной зоны», которая характеризуется состоянием неустойчивости и трансгрессии, т.е. необходимости преодоления, прорыва в другое измерение.

Позднее на основе концептуальной идеи границы сформировался ряд философских школ и направлений (философия жизни, феноменология, экзистенциальная философия, философская герменевтика, философская

антропология) [2]. В них граница получила трактовки в соответствии с раскрываемыми ключевыми концептами, например, экзистенциальные границы, границы понимания, границы человеческих возможностей. В частности.

В современной философии исследование феномена границы приобретает важный антропологический аспект, связанный с преодолением границ субъектом. Для раскрытия философского смысла границы используются и другие подходы – феноменологический и эпистемологический, где исследователи, согласно Т.В. Куликовой, рассматривают такие понятия, как «обратная перспектива», «обратное мышление», «отрицательная онтология», «творческое отрицание», «культурно-исторический горизонт», «пограничная точка» [3]. Они отмечают, что «идея границы входит в определение бытия человека и культуры в целом», человек в данном случае мыслится как носитель сознания культуры, объединяющий разные планы бытия (конечный и бесконечный, возможный и невозможный) [3].

При толковании феномена границы важно учитывать ряд проблемных аспектов. Согласно первому онтологическому аспекту, толкование границы связано с особой реальностью «между», «со-бытия» («совместного бытия»). Согласно второму гносеологическому аспекту, толкование границы связано с бытийной функцией сознания. Согласно третьему культурно-историческому аспекту, граница интерпретируется как проблема горизонта новых возможностей и перспектив, открывающихся в связи с явлением перехода, с обретением пограничной точки зрения, имеющей гуманитарный смысл. Нас же интересует другой аспект данного феномена, который связан с рассмотрением границы в контексте социального пространства, который становится особенно очевидным на примере феномена маргинального.

В любом социуме категория пространства понимается как один из основополагающих элементов устройства мира, необходимой составляющей которого является наличие границ. Чем дальше развиваются цифровые и информационные технологии, тем с большей скоростью в этом мире исчезают границы и определенность мест. Например, граница в виртуальном пространстве устанавливается в контексте «диалектики экстерриториальности и территориальности». При этом экстерриториальность концептуально соотносится с сетевой идентичностью, «пребывающей в вечном движении», территориальность – с социальной эпистемологией [4, с. 41–42].

Динамика и подвижность стали универсальными феноменами, а перемещения, в сравнении с прошлыми тысячелетиями, настолько

стремительны, что время воспринимается иначе, а привычные границы не создают трудностей и не вызывают опасений. В мире, где все места оказываются настолько взаимосвязанными, – очень сложно оказаться на территории «чужого». Как аргументирует С. Баньковская, «разделительные линии утрачивают четкость, однозначность и постоянство, а вместе с этим все сложнее быть «по ту» или «по эту» сторону границы, все больше вероятность оказаться между границ, в промежуточном – маргинальном – положении» [5, с. 463].

Американский социолог Р. Парк, определяя понятие такого промежуточного состояния и социального типа, неизменно связанного с преобразованием границ, ввел термин «маргинальность» для его обозначения. Маргинал олицетворяет собой, согласно его трактовке, конфликт различных культур, которые составляют его идентичность. Он находится в состоянии постоянного психологического дискомфорта и беспокойства, не принимая ни одну из сторон существующего конфликта. Но вместе с этим маргинал может казаться существом всегда более свободным, цивилизованным и готовым к переменам.

Функциональное определение маргинальности конструируется как на негативном, так и на позитивном содержании. Негативное содержание маргинала включает следующие три признака. Первый заключается в недостаточном участии (нахождении за границами) в работе социальных институтах, материальном производстве, процессе принятия политических решений, распределении символических ресурсов. Второй признак – в исключении из социальных структур, вытеснении за их границы. Третий признак связан со стигматизацией и изоляцией, или эксклюзией, когда люди с особенностями (физическими, психологическими, социальными или нравственными) оцениваются как чужие или чуждые. Эксклюзия является противоположностью инклюзии – модели установления отношений в социальном пространстве, основанной на преодолении границ.

Положительное содержание маргинал раскрывается посредством того, что данный социальный тип находится между несколькими мирами, культурами, социальными порядками, но не отождествляет себя полностью ни с чем конкретным, благодаря чему сохраняет большинство социальных форм в состоянии конфликта, активного сопоставления. И когда маргинал находится в обществе, тогда он одним своим присутствием изменяет его социальную среду и жизнь, так как наличие универсальной социальной дистанции у него дает ему возможность наблюдения и критерий

наблюдения. В качестве такого критерия выступают нормы социального порядка, находящиеся «по другую сторону границы» [6].

Маргинал, находясь в социальном пространстве и не будучи частью «центра», может освещать те аспекты жизни общества, которые остаются незамеченными или игнорируются, может увидеть несоответствия между идеалами и реальностью, между провозглашенными ценностями и действительными поступками. Он не просто «чужак», а активный участник социального пространства, который может стать катализатором изменений, стимулировать рефлекссию и критический взгляд на общество.

Однако, помимо сочетания и стирания границ, маргинал может стремиться избежать столкновения с ними. Такой тип маргинального человека оказывается в ситуации необходимости противостоять окружающим его формам контроля, он задавлен необходимостью защищать свою идентичность от попыток освободить его от неопределенности и двусмысленности. Следствием попытки заключения в новую определившуюся форму может стать и изоляция, и агрессивные требования маргиналов о политкорректности.

Таким образом, сущность феномена границы в социальном пространстве заключается в том, что это не просто линия на карте или четкое разграничение. Граница – это живая, динамичная структура, которая меняется и переосмысливается в зависимости от контекста, в который она помещена. Граница в социальном пространстве может стать не только феноменом разъединения, но и местом или точкой пространства, где осуществляется переход и обмен ресурсами, осуществляется взаимообогащение, осуществляется помощь и взаимопомощь. Это способствует формированию нового социального пространства, обладающего устойчивостью на протяжении длительного периода времени, причем все это выражается в новых формах взаимодействия между людьми. Но там, где кончается это постоянное взаимодействие, прекращается и производство общих символов, поскольку в них исчезает необходимость, а граница социального пространства проходит там, где кончается более или менее однозначное понимание символов. В таком случае, граница становится зоной, где взаимопонимание переходит во взаимное непонимание и образование маргинальных групп, выступая рубежом непринадлежности.

Библиографические ссылки

1. Виноградова Л.Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре // Культура и пространство. Славянский мир. М.: Логос, 2004. С. 18–26.
2. Загibalова М.А. Особенности культурного развития современности: феномен границы [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnogo-razvitiya-sovremennosti-fenomen-granitsy>. (дата обращения: 09.10.2024).
3. Куликова Т.В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: автореф. дис... д-ра. филос. наук. Н. Новгород, 2011. 44 с.
4. Воробьева С.В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 26 марта 2021 г./БГУ. Минск: БГУ, 2021. С. 41–48.
5. Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). С. 457–467.
6. Каганский В. Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. 1999. № 3 (37). С. 52–62.

POLITICAL POLARIZATION IN THE AGE OF DIGITAL COMMUNICATION: CAUSES, CONSEQUENCES, SOLUTIONS

I.I. Ekdumova

*Belarusian State University,
Kalvaryiskaia str. 9, 220004, Minsk, Belarus
ekadumova@gmail.com*

Social media platforms have fundamentally transformed the space of political communication, contributing significantly to increasing political polarization within society. Such mechanisms as echo chambers, filter bubbles, and algorithm-driven content curation are shaping users' exposure to political information, while the shift from traditional journalism to post-journalism practices has prioritized emotional engagement over balanced reporting. Different social media platforms demonstrate varying effects on polarization patterns: some of them foster echo chambers while others potentially facilitate depolarization. Addressing these challenges requires a multi-faceted approach combining media literacy education, platform regulation, and community-based initiatives. Enhanced collaboration between researchers, policymakers, and social media companies emerges as crucial for developing effective strategies to foster constructive political dialogue and reduce polarization in the digital age. The success of these interventions depends on continuous research, monitoring of public

sentiments, and evaluation of policy effectiveness in creating a more balanced information environment.

Keywords: *political polarization; social media; echo chambers; filter bubbles; digital communication.*

In an age of digital communication, technologies have greatly enhanced social interactions. Since the beginning of the XXI century, social media have become a hallmark of today's society. They encourage people to communicate through user-generated content and facilitate online social networking. On the one hand, social media increase connectivity, enhance information sharing, expand learning opportunities, and facilitate collaboration. On the other hand, they come with drawbacks such as mental health risks, degradation of real-life relationships, misinformation, and privacy issues. One of the most pressing challenges social media pose for political communication is political polarization. Van Bavel J. J. et al. define political polarization as the growing ideological divide between individuals or groups, leading to sharply contrasting beliefs and attitudes within a society [1].

Political polarization means the tendency of individuals' political beliefs to become more extreme. It leads to an increase in the ideological distance between groups and reduces their willingness to find common ground or engage in constructive dialogue. Political polarization leads to a decline in trust in political institutions and heightened emotional responses, known as affective polarization, towards opposing political factions. It marks a shift from a moderate and consensus-driven political landscape to one where individuals strongly align with their identities.

Political polarization can be explained by social media's tendency to undermine users' individuality and societal integrity [2]. Research has identified several key ways of political polarization in the digital age. One primary driver is the creation of «echo chambers» on social media platforms, where people are exposed to opinions and information that reflect and reinforce their views. Another powerful driver is «filter bubbles» – a situation where the content delivered to users is based on their past online behavior, filtering out information that does not conform to their views and preferences. Echo chambers are created by users' own activity, while filter bubbles are produced by algorithms. Despite these differences, both lead to online polarization and radicalization [3].

The existing business models and the very design of present day's digital platforms encourage engagement through sensationalism and outrage, amplifying divisive content. This environment leads to heightened affective polarization,

where individuals develop strong emotional responses against opposing political groups.

The shift from traditional political engagement (like voting and party membership) to personalized online activism has affected the fragmentation of the political landscape. Social media platforms exacerbate emotional and political polarization through emotionally intense content that drives response.

In «Postjournalism and the Death of Newspapers», Andrey Miroshnichenko argues that political polarization results from changes in the media landscape. Today, social media shape this landscape more than traditional journalism. Such a shift to digital postjournalism has changed the way news is produced and consumed. Media now prioritize content that provokes strong emotions, mostly negative, focusing on sensationalism and emotional engagement. This strategy is effective in capturing attention and catering to specific audiences, but it increases animosity towards opposing views and leads to decline of trust in traditional news sources and causes the tendency to seek information from sources that align with users' political beliefs. This way, audiences increasingly turn to social media that tend to confirm their biases and isolate them from opposing viewpoints [6].

As a result, the space of political communication is becoming fragmented, which hampers constructive political dialog.

The effects of social media on polarization are varied. M.Yarchi et al. discovered that polarization is not a uniform phenomenon. Twitter interactions typically align with expectations of homophilic interactions, increased polarization, and hostility. In contrast, WhatsApp showed a trend toward depolarization over time. Facebook, in turn, had the fewest homophilic interactions and emotions [4]. These findings reveal important differences and raise questions about the drivers of polarization. Efforts to reduce polarization have mixed results. While exposing users to opposing views can boost engagement, encouraging perspective-taking by recalling disagreements with friends can enhance understanding of differing viewpoints [5]. These findings highlight the complex relationship between social media and polarization and reveal the need for platform-specific strategies.

Since today's practices of media usage prioritize conflict and division over mutual understanding and dialogue, a solution is needed to mitigate political polarization. One of the solutions can be *to restore traditional journalism principles* and prioritize factual reporting and balanced perspectives [6]. This way, media, both legacy media and new media, can help rebuild trust among audiences and provide a common ground for dialogue. By boosting their *media literacy*, especially critical evaluation skills of news sources and biases, audiences

can become more discerning consumers of information. Media literacy education can empower them to engage with a broader spectrum of viewpoints, fostering a more informed public discourse [6, 8]. Greater scrutiny and better *regulation of social media* are needed. Both self-regulation of social media platforms and legislation are important here. Social media platforms can promote content diversity to ensure that users encounter a range of perspectives. Redesigning social media platforms to diversify information sources is an example of such strategies [7]. Social media can consider the implications of their algorithms on political discourse and admit their responsibility for their design. By prioritizing diverse and balanced content, platforms can reduce the polarization effects of personalized news feeds. *Community-based media initiatives* focusing on local issues can connect people and provide a space for dialogue and collaboration. Civic participation is an indispensable solution due to its capabilities in fostering community discussions, promoting dialogue between differing political groups, and supporting collaborative problem-solving initiatives [6].

The problem of polarization can not be solved solely in the media sphere. Political solutions are also needed, particularly encouraging a culture of political tolerance where differing political views are respected and where dialogue is prioritized over conflict. This can be strengthened by fair, transparent and accountable political institutions [8, 9].

Reducing political polarization requires research and monitoring. Firstly, researchers can analyze media consumption patterns to see how different content types, such as partisan news and sensationalist reporting, affect polarization. Secondly, research can determine whether algorithms contribute to polarization by isolating users within echo chambers or by exposing them to diverse viewpoints. Social media research can show how algorithms impact content exposure and user experiences, giving conclusions to recommendations for algorithm adjustments to create a balanced information environment. Thirdly, monitoring public sentiments and attitudes towards political issues can identify polarization trends. Data on users' perceptions of political forces, ideologies, issues, and each other can help to develop measures to foster dialogue and understanding among different groups. Finally, research can evaluate the effectiveness of policies aimed at reducing polarization, such as community engagement, educational programs, and media literacy campaigns. Understanding what works allows stakeholders to refine their approaches to address the root causes of polarization [8].

Collaboration between researchers, policy makers, and social media companies can be valuable for developing effective policies to address

polarization. It can facilitate the exchange of data and ideas for developing comprehensive strategies that take into account the complexities of social media and political behavior. Establishing public feedback mechanisms on media experiences can contribute to rising digital platforms responsibility for the real-world implications of their practices. This feedback can provide information for adjustments to content moderation, algorithm design, and user engagement strategies [8].

The better stakeholders understand the conditions that cause political polarization and cooperate to overcome it, the easier they can develop policies of fostering a more balanced space of political communication that fosters a dignified, free, and responsible political dialogue. Research into the dynamics of digital media and their impact on political polarization is crucial precondition for addressing this issue.

References

1. Van Bavel J. J. et al. How social media shapes polarization // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25. №. 11. P. 913-916.
2. Lanier J. Ten arguments for deleting your social media accounts right now. Henry Holt and Company, 2018. 128 p.
3. Möller J. What are Filter Bubbles and Digital Echo Chambers? // Il.boell.org, 04.03.2022. URL: <https://il.boell.org/en/2022/03/04/what-are-filter-bubbles-and-digital-echo-chambers> (дата обращения: 18.09.2024).
4. Yarchi M., Baden C., Kligler-Vilenchik N. Political Polarization on the Digital Sphere: A Cross-Platform, Over-Time Analysis of Interactional, Positional, and Affective Polarization on Social Media // Political Communication. 2021. Vol. 38. №. 1-2. P. 98-139.
5. Saveski M. et al. Perspective-Taking to Reduce Affective Polarization on Social Media // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2022. Vol. 16. P. 885-895.
6. Miroshnichenko A. Postjournalism and the Death of Newspapers: The Media After Trump: Manufacturing Anger and Polarization. Andrey Miroshnichenko, 2020. 390 p.
7. Nelimarkka M. et al. (Re) Design to Mitigate Political Polarization: Reflecting Habermas' ideal communication space in the United States of America and Finland // Proceedings of the ACM on Human-computer Interaction. 2019. Vol. 3. P. 1-25.
8. Beaufort M. Digital Media, Political Polarization and Challenges to Democracy // Information, Communication & Society. 2018. Vol. 21, №. 7. P. 915-920.
9. Schedler A. Rethinking political polarization // Political Science Quarterly. 2023. Vol. 138. №. 3. P. 335-359.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Т.А. Игнатова

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М.

Римашевской ФНИСЦ РАН,

Нахимовский проспект, д. 32, 117218, Москва, Россия

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

eignatova0304@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена цифровизации духовных практик и их распространения в сети Интернет. Основная проблема заключается в анализе трансформации религиозного опыта под влиянием цифровых технологий, а также в оценке последствий этого процесса для религиозных институтов. Объектом исследования является онлайн-религия. Цель исследования – выявить особенности цифровизации духовных практик и проанализировать их влияние на традиционные формы религиозности. В результате исследования выявлены новые формы религиозного опыта, определены факторы, способствующие или препятствующие распространению духовных практик онлайн, а также оценены потенциальные риски и возможности, связанные с цифровизацией религиозной сферы. Результаты исследования представляют практическую значимость для понимания современных социокультурных процессов и могут быть использованы религиозными организациями для разработки эффективных стратегий в цифровой среде.

Ключевые слова: *религия; религиозность; цифровизация; онлайн-религия; духовные практики; интернет.*

Трансформация религиозного поля в XX веке представляет собой сложный процесс, характеризующийся интенсивной динамикой и плюрализмом форм религиозности. Вектор этих изменений обусловлен процессами секуляризации и десекуляризации, а также спецификой современной культуры постмодерна и влиянием капиталистических моделей социально-экономической организации. Последствиями такого рода изменений стало формирование так называемого «рынка религий», т. е. возникли новые религиозные течения, включая внеконфессиональный религиозный опыт [1]. Индивидуализированный поиск экзистенциальных ответов порой выходит за рамки институционализированной религии,

порождая феномен «приватной религиозности» и усиливая тенденцию к религиозному конструированию личной идентичности.

Цифровизация, выступая в качестве доминирующего социокультурного тренда, демонстрирует признаки парадигмального сдвига, сопоставимого по масштабу воздействия с процессами глобализации. Её проникновение во все сферы социальной жизни характеризуется инновациями, трансформирующими культурные практики и порождающими новые формы социального взаимодействия [2, с. 40]. Наблюдается активная институционализация цифровизации, проявляющаяся в разработке и реализации государственными структурами целенаправленных стратегий, ориентированных на цифровую трансформацию как экономики, так и социокультурного сектора. Ключевым фактором, определяющим текущие социокультурные изменения, выступает универсализация цифровых артефактов и широкое распространение информационно-коммуникационных технологий, формирующих новую среду социальной коммуникации и видоизменяющих традиционные социокультурные институты, включая институт религии. Социолог Т.И. Заславская отмечает, что «общей формой реализации каждого института служит не что иное, как совокупность социальных практик в соответствующей сфере» [3, с. 15]. Проще говоря, «общепринятые социальные практики в определенный момент времени начинают представлять собой результат институциональных изменений» [2, с. 41]. Такого рода практики можно разделить на традиционные и инновационные. [4, с. 55].

Интеграция цифровых технологий в религиозную практику представляет собой значимый аспект современных социокультурных и религиозных трансформаций. Традиционные формы религиозного опыта видоизменяются под воздействием цифровых инноваций. В качестве примера можно рассмотреть трансформацию практики молитвы у христиан. Исторически сложившаяся практика молитвенного обращения, предполагающая использование печатных молитвенников или устное воспроизведение молитвенных текстов в храме или домашней обстановке, сейчас дополняется, а в некоторых случаях и замещается, новыми формами, опосредованными цифровыми технологиями. Трансляция богослужений и коллективных молитв посредством телевидения или интернет-платформ представляет собой инновационную практику, появившуюся в последние десятилетия и не имеющую аналогов в историческом опыте предшествующих поколений [2, с. 41–42]. В том числе на такого рода трансформации повлияла пандемия COVID-19, когда тысячи церквей,

мечетей и других религиозных центров были закрыты, а религиозные церемонии и молитвы переходили на цифровые платформы [5].

Анализ современных религиозных практик демонстрирует необходимость включения цифровых технологий в деятельностный компонент религиозной жизни [6]. Так, наблюдается активное внедрение цифровых инструментов, что проявляется в распространении онлайн-форматов религиозной деятельности, а именно, становится обыденной практикой информационное освещение жизни религиозных сообществ через электронные СМИ, а также прямые теле- и онлайн-трансляции богослужений и других религиозных церемоний, что свидетельствует о формировании нового вида религиозного опыта – «религии онлайн» [7, с. 141]. Этот процесс подтверждает актуальность исследований влияния цифровых технологий на трансформацию религиозных практик. В качестве примера можно привести сайт Православные онлайн (Журнал о вере и Православии), в функционал которого входит возможность в онлайн режиме поставить свечку, исповедоваться, подать записку, заказать поминовение и тропарь и др. [8]. По вопросам цифровизации духовной жизни были опрошены священнослужители – протоиереи, высказывания которых содержатся в Таблице 1 [9].

Таблица 1. Пастыри об «онлайн-услугах» в духовной жизни

Протоиерей	Цитата
Андрей Ткачев, клирик храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Московская епархия)	«Технические средства никак не изменяют духовных законов. Духовные законы предполагают общение устами к устам с проповедником или духовником, чтение слова Божиего, участие в молитве». «Люди, свою религиозность измеряющие свечками, будут жертвой мошенника. Но религиозность выходит далеко за рамки свечки и вообще свеч не предполагает».
Олег Стеняев, клирик храма Рождества Иоанна	«Интернет в целом представляет опасность как часть искусственного мира...В свое время церковь категорически запрещала молиться перед какой-то там лампочкой. Церковь

Предтечи в Сокольниках (Московская епархия)	настаивала, что должен быть живой огонь лампы или живой огонь свечи. Потому что живое – это достоверное, Богом данное. А искусственное – это холодное, как бы нереально существующее». «Когда мы подаем записки, мы должны быть уверены, что имеем дело не с каким-то виртуальным приходом-призраком, а с настоящим приходом. И чтобы не обмануться, надо иметь в интернете систему распознавания».
Александр Авдюгин, настоятель храма- часовни святых Богоотец Иоакима и Анны в честь погибших шахтеров г. Ровеньки Луганской области	«Не может быть виртуальной исповеди. Не может быть виртуальной молитвы...Личное обращение к священнику через социальные сети – это вполне нормально».
Дмитрий Шишкин, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Почтовое Бахчисарайского района (Симферопольская и Крымская епархия)	«Для любого православного человека интернет – это библиотека и источник информации. Это очень полезная вещь. Можно пользоваться этим, но надо разумно пользоваться». «Человек все-таки должен трудиться. И в духовной жизни тоже. Ножками прийти в храм, постоять, помолиться. Если человек инвалид, согласен, он может общаться по интернету. Но заменить реальную молитву онлайн-общение не может». «Можно помолиться за беременную женщину, если она не может прийти в храм, но живое общение не заменит никакие онлайн-заказы, никакие онлайн-молебны».

Представленные высказывания демонстрируют неоднозначное отношение православных священнослужителей к использованию цифровых технологий в религиозной практике. Анализ высказываний позволяет выделить несколько ключевых тем. Во-первых, это ограничения цифровых технологий. Священники подчеркивают ограниченность онлайн-форматов в сравнении с традиционными религиозными практиками; отмечается невозможность полной замены личного общения со священником (исповедь, духовное руководство), а также значимость физического присутствия в храме для полноценной молитвы. Наблюдается сохранение традиционных представлений о сакральности храма и значимости личного контакта в религиозной коммуникации.

Во-вторых, поднимается вопрос об инструментальной роли цифровых технологий. Несмотря на критику онлайн-форматов, признается полезность цифровых технологий в качестве инструмента для доступа к религиозной информации и организации помощи людям с ограниченными возможностями. Такой подход подчеркивает двойственную роль цифровых технологий в религиозной сфере: с одной стороны, они не могут полностью заменить традиционные практики, с другой – представляют собой ценный ресурс для расширения доступа к религиозным практикам. В-третьих, проблемным полем остается вопрос верификации онлайн-сервисов и риска мошенничества. Необходимость системы распознавания «настоящих» приходов от виртуальных подчеркивает проблему обеспечения достоверности религиозных онлайн-услуг в контексте развития цифровых технологий.

Итак, существование разнообразия мнений среди священнослужителей по отношению к цифровизации религиозной практики указывает на сложность процесса адаптации религиозных институтов к изменениям, обусловленным развитием цифровых технологий.

Мы можем говорить о формировании новой формы религии, а именно «онлайн-религии», которая не требует личного присутствия верующего при совершении каноничных духовных практик [7]. Трансформация религиозных практик вызывает неоднозначную реакцию. Консервативные оценки часто интерпретируют изменение традиционных религиозных форм как угрозу устоям и дестабилизацию религиозной системы. М. Ю. Смирнов в связи с этим считает, что «есть «обнуление» нефункциональных институтов и практик и замещение их функциональными для современных искателей религиозных смыслов» [7, с. 142]. Таким образом, понятие «кризиса традиционных религиозных ценностей» требует осторожной интерпретации. Сам факт наличия кризиса не свидетельствует о неизбежном упадке религиозных институтов, а скорее указывает на их адаптивность и способность к трансформации в изменяющейся социокультурной среде. Важно рассматривать ценностные системы как динамичные образования, подверженные изменениям в соответствии с эволюцией социального опыта.

Библиографические ссылки

1. Кузнецова О. В. Феномен духовных практик в современной России: Организационные формы и основные участники: автореф... дис. кан. фил. наук. – Екатеринбург.: 2022. – 31 с.

2. Безнюк Д.К., Цыбульская Н.В. Религиозные практики онлайн: опыт Беларуси // Logos et Praxis. 2019. №2. С. 39–47
3. Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 13–18.
4. Ковалиско Н.В. Теория практик, практики и исследование стратификационных порядков // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 2. С. 49–63.
5. Коронавирус, религиозные лидеры и устойчивое развитие / ООН программа по окружающей среде // Природные решения [Электронный ресурс]. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/statistika-semi> (дата обращения: 07.10.2024).
6. Колкунова К. А. Религия и Интернет // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. - СПб.: Платоновское философское общество, 2017. - С. 291–293.
7. Смирнов М. Ю. Цифровизация как "обнуление" религий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. №3. С. 137–145
8. Объединяем православных верующих / Православные онлайн // Журнал о вере и Православии [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnie.online/> (дата обращения: 07.10.2024).
9. Кому зажигается виртуальная свеча? Пастыри об «онлайн-услугах» в духовной жизни / ПРАВОСЛАВИЕ.RU // Филатов Н. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/86517.html> (дата обращения: 07.10.2024).

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

И.Н. Колядко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
kaliadka.bsu@gmail.com*

Современное общество находится в состоянии перманентных трансформаций социально-экономических, политико-институциональных, социокультурных оснований, основным фактором которых выступает интеграция информационных и коммуникационных технологий в такие сферы, как экономика, политика, образование, культура в целом. Значительно увеличивается разрыв между традиционными социальными институтами, которые конституируют социальную структуру классического типа, и формирующимися сетевыми формами социального

взаимодействия, не предполагающими наличие жестко фиксированной социальной иерархии и организации. В таком своем виде целостность общества не гарантирована, оно все в большей степени становится фрагментарным, «индивидуализированным» (З. Бауман), что порождает проблему формирования и поддержания социального порядка в условиях интенсивного развития новых форм социальной коммуникации горизонтального типа. Особую роль в процессах упорядочения играют новые медиа и средства массовой коммуникации, которые посредством конструирования и продвижения социально значимых ценностей и смыслов, оказывают влияние на содержание дискурсивных практик, одной из функций которых является легитимация социального порядка. Поскольку дискурсивные практики эксплицируются, прежде всего, при помощи новых медиа, формирующих определенное смысловое пространство, представляется актуальным охарактеризовать современные социальные технологии конструирования социальной реальности в условиях, когда «событийность» становится инструментом реализации нового типа господства – «власти коммуникации» (М. Кастельс).

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии; социальные коммуникации; дискурсивные практики; конструирование социальной реальности.*

Формирование организационной структуры современного общества обусловлено интенсивным воздействием информационно-коммуникационных технологий на все сферы жизнедеятельности человека, что становится источником трансформаций социально-экономических, политико-институциональных и социокультурных оснований социума. В технологическом мейнстриме изменяются традиционные социальные практики, процессы социальной коммуникации, формируются новые общественные институты, преобразуется отношение человека к окружающему миру. Видоизменяется и само взаимодействие индивида и техники, усложняется связь между усовершенствованными технологиями и функционированием общества как целого. В условиях экстенсивного роста инновационных разработок ключевой проблемой становится переосмысление роли информационно-коммуникационных и медийных технологий в формировании социального порядка. Информационно-коммуникационные технологии не просто опосредуют освоение окружающей действительности, а являются инструментом формирования новых социальных практик, конституирующих структуру современного сетевого общества. Важным с этой точки зрения является осуществление комплексного анализа сущности формирующейся под воздействием современных средств коммуникации и новых медиа социальной

реальности, особенностью которой является сосуществование множества дискурсов и основанных на них социальных практик. Особую актуальность данная проблема приобретает в связи с появлением феномена *постравды* как социальной технологии, придающей первоочередное значение эмоциям и личным убеждениям, чем объективным фактам и событиям.

Человеческое общество сложно представить без использования техники и разнообразных технологий. Технологии воздействия на природные процессы, а также технологии, направленные на достижение социальных целей, являются неотъемлемой частью активной преобразующей деятельности человека, которая является одним из сущностных отличий человека. Особенностью современной техногенной цивилизации, как отмечает В.А.Лекторский, является не то, что «в ней впервые начинает использоваться техника и технологии, а в том, что в рамках этой цивилизации проективно-конструктивная установка в отношении природы, общества и человека становится доминирующей, а создание новых технологий осуществляется планомерно и во все больших масштабах, при этом на основе развития научного знания» [1, с. 177]. В техногенной цивилизации особое значение приобретают социальные технологии и технологии управления социальными процессами, поскольку именно с их помощью осуществляется интеграция новых инновационных разработок в социальную практику, а также реализуется возможность регулировать социальные изменения и оказывать влияние на социальную динамику и развитие общества в целом. В этой связи социальные технологии реализуют свою проективно-конструктивную функцию, выступая инструментом формирования социальной реальности как особого упорядоченного целого.

На современном этапе своего развития техногенная цивилизация находится в состоянии перманентных трансформаций социально-экономических, политико-институциональных, социокультурных оснований, основным фактором которых выступает интеграция информационных и коммуникационных технологий в такие сферы, как экономика, политика, образование, культура в целом. Стремительное развитие современных технологий коммуникации и новых медиа существенно видоизменяют традиционные каналы социализации и трансляции ценностно-смысловых и мировоззренческих структур, что порождает культурно-антропологический кризис, выражающийся в «трансформации традиционных идентификационных паттернов, структурирующих социокультурные системы переходных и модернизирующихся обществ» [2, с. 77]. Стремительные глубинные

изменения во всех без исключения сферах общественной жизни приводят к социокультурным сдвигам, что, в свою очередь, способствует радикальному изменению базисных параметров социального пространства-времени, индивидуализации и атомизации общества. Таким образом, существенно увеличивается разрыв между традиционными социальными институтами, которые конституируют социальную структуру классического типа, и формирующимися сетевыми формами социального взаимодействия, не предполагающими наличие жестко фиксированной социальной иерархии и организации. Как отмечает в этой связи Д.Г. Евстафьев, «современное общество, являющееся социально-технологическим интерфейсом между глобальным информационным пространством и человеком, построенное на технологиях сетевизированных цифровых коммуникаций, <...> является заведомо нецелостным объектом, способным на определенных этапах своего развития к не-синергичности изменений без утраты своих социо-технологических функций. В особенности эта черта современного общества проявляется в период нарастания мозаизации и атомизации социального пространства, специфической частью которого информационное общество является» [3, с. 47].

В таком своем виде целостность общества не гарантирована, оно все в большей степени становится фрагментарным, «индивидуализированным» (З. Бауман), что порождает проблему формирования и поддержания социального порядка в условиях интенсивного развития новых форм социальной коммуникации горизонтального типа. Основанный на определенной системе ценностей социальный порядок, а также тип социальности, «социальный мир», как отмечает П. Бурдьё, «постоянно поддерживаются и формируются за счет действий по конструированию и реконструированию структур, причем эти действия зависят в основном от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит» [4, с. 98]. Социальный порядок нуждается в непрерывном воспроизводстве для поддержания необходимого уровня устойчивости, самоидентификации социальной системы в условиях фрагментации локальных культурных традиций и унификации «жизненного мира» субъектов коммуникативного взаимодействия. Таким образом, социальная стабильность есть следствие ценностно-нормативной упорядоченности социума, поскольку «общество, — отмечает Т. Парсонс, — является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим

компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму» [5, с. 22].

Особую роль в процессах упорядочения играют средства массовой коммуникации и новые медиа, которые посредством конструирования и продвижения социально значимых ценностей и смыслов, оказывают влияние на содержание дискурсивных практик, одной из функций которых в данном контексте является легитимация социального порядка. Это связано, прежде всего, с тем, что новые медиа и мультимедийные цифровые технологии (в том числе социальные сети) рассматриваются в качестве принципиально новых когнитивно-коммуникационных феноменов, не только облегчающих передачу и прием информации, а, выступающих, прежде всего, в качестве инструмента смыслообразования путем конструирования знания и работы со смысловыми структурами в определенном социальном, идеологическом и культурном пространстве [6]. Таким образом, «интеграция "новых медиа" в повседневную жизнь предъявляет новые требования к частоте, интенсивности и содержанию дискурсивных практик индивидов: трансформируется предметная область, цели, языковые и стилистические, собственно коммуникативные и прочие характеристики циркулирующих в медиапространстве дискурсов. Иными словами, "новые медиа" не просто предоставляют новые средства для создания / трансляции старых смыслов, но образуют условия для качественно новой работы со смысловыми структурами» [6].

Дискурсивное конструирование реальности представляется возможным благодаря проективно-конструктивной природе дискурса как формы социальной практики. С одной стороны, дискурсивные практики формируются в определенном социальном контексте или институциональной парадигме, и не могут быть от него полностью свободны. С другой стороны, дискурс конституирует социальную реальность, оказывая влияние на формирование организационной структуры социума и его ценностно-нормативные основания. Именно поэтому дискурс выступает основой формирования картины социальной реальности, а в условиях цифровой трансформации социума играет одну из ключевых ролей в легитимации и поддержании социального порядка и социальных изменений в обществе [7, с. 9–10].

Для техногенной цивилизации, переживающей очередную волну цифровой трансформации общества и культуры, характерна «технологизация дискурса» (Н. Фэрклоф), в основе которой лежит создание у адресата убежденности в искренности и правдивости

непосредственного или медиа-опосредованного общения [7, с. 14]. Дискурсивные практики, транслируемые при помощи современных информационно-коммуникационных технологий и новых медиа оказывают влияние на трансформацию процессов смыслообразования, конструируя «реальности», неотличимые от реальности как таковой, что приводит к проблеме сосуществования множества онтологий, зачастую не связанных с действительностью. Технологии постправды становятся действенным инструментом формирования картины социальной реальности, для которой событием становится не сам факт, а его виртуальная конструкция, воспроизводящаяся в многообразных дискурсивных практиках. Таким образом, «событийность» становится инструментом реализации нового типа господства – «власти коммуникации» (М. Кастельс), что позволяет говорить о том, что именно в сфере коммуникации осуществляется конституирование «картин мира», знаний, убеждений, стереотипов, мотивов, образов социальной реальности в целом.

Для философского анализа представляется важным определить как механизмы воздействия современных информационно-коммуникационных технологий и новых медиа на формирование картины социальной реальности, так и возможные риски, связанные с утратой человеком своей идентичности. Выступая инструментом формирования социальной реальности на основе технологий постправды, новые медиа «присваивают» себе функцию управления многообразием дискурсивных практик, оказывая таким образом влияние на процессы социализации и формирования идентификационных паттернов. При этом для субъектов социальных коммуникаций сохраняется угроза манипулятивного воздействия на сознание путем навязывания определенной интерпретации событий и фактов. В этом отношении рефлексивно-критический потенциал философии становится как никогда актуальным, поскольку ориентирован на выявление в дискурсивных практиках неявных ценностно-смысловых и мировоззренческих структур, способных оказывать деструктивное влияние на процессы социализации и формирование индивидуальных и коллективных форм идентичности. Современные информационно-коммуникационные технологии могут способствовать как развитию человека, так и создавать угрозы утраты им своей сущности, поэтому нуждаются в критическом осмыслении и философско-гуманитарной экспертизе.

Библиографические ссылки

1. Лекторский, В.А. Социальные технологии и человек / В.А. Лекторский // Философия. Познание. Культура. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 177–188.
2. Колядко, И.Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и пути преодоления / И.Н. Колядко // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 76–80.
3. Евстафьев, Д.Г. Современное информационное общество как методологический объект: диалектика технологий и новой социальности / Д.Г. Евстафьев // Вопросы философии – 2024. – № 1. – С. 47–57.
4. Бурдье, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдье ; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
5. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А.Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
6. Кожемякин, Е.А. «Новые медиа» как предмет дискурс-анализа [Электронный ресурс] / Е.А. Кожемякин. – Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного национального исследовательского университета. – 2024. – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/12940/1/Kozhemyakin_Novye_media.pdf. – Дата доступа: 14.10.2024.
7. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография / под науч. ред Л.В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.

ПРОБЛЕМА ОНЛАЙН-ГЕМБЛИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВАЖНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А.В. Коржиков

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор

Рассматривается стремительно развивающийся рынок азартных игр, осуществляющий свою деятельность в интернет-пространстве. Для описания данного явления используется термин «онлайн-гемблинг». Приводятся примеры особенностей интеграции онлайн-гемблинга в медийное пространство, городскую среду, а также спортивную сферу Республики Беларусь. Выделяется предметная сторона проблемы, как противоречие между популяризацией и деструктивным влиянием азартных игр в интернете. Отмечается важность анализа данной проблемы с использованием

существующей теоретической базы в социологии для понимания причин возникновения и прогнозирования дальнейших путей развития онлайн-гемблинга в Беларуси. Представлен краткий обзор парадигм и теорий, с позиций которых можно интерпретировать изучаемый феномен. Полученные наработки применимы для последующих исследований в области онлайн-гемблинга.

Ключевые слова: онлайн-гемблинг; азартные игры; интеграция онлайн-гемблинга; теоретический анализ; информационное общество; капиталистическое общество; общество риска.

Последнее десятилетие продолжается активное развитие процесса цифровизации, сопровождаемое ростом информационных технологий и расширением возможностей интернет-ресурсов. Одной из особенностей, которой можно охарактеризовать данный период является становление и популяризация на постсоветском пространстве феномен онлайн-гемблинга (от англ. Gambling – азартная игра). Онлайн-гемблинг можно определить как форму азартных игр, осуществляющих свою деятельность посредством сети- интернет. К данной категории можно отнести казино, букмекерские конторы, лотереи, а также другие интернет-ресурсы или платформы, предлагающие игры и ставки на деньги в онлайн-режиме. Ключевым отличием онлайн-азартных игр от традиционных является возможность участия в игровом процессе через персональные компьютеры или мобильные приложения. Это значительно снижает порог вхождения пользователей в мир казино и ставок, а также обеспечивает доступ к игровым платформам из любой точки с интернет-соединением.

На сегодняшний день в веб-пространстве Республики Беларусь свою деятельность осуществляют около десятка представителей игорного бизнеса, имеющих официальную лицензию, и ещё больше – без неё. В середине прошлого десятилетия онлайн-казино и букмекерские конторы являлись преимущественно нишевым развлечением, о существовании которых знали только в основном любители испытать удачу. Сегодня же остаётся всё меньше людей, которые в своей повседневной жизни никогда не сталкивались с данной сферой, в том числе среди тех, кто максимально далёк от азартных игр. Данный факт свидетельствуют о том, что феномен онлайн-гемблинга стремительно развивается и всё больше интегрируется в общественную жизнь.

Примеров этого процесса интеграции существует множество. В городской среде сотни вывесок и баннеров пестрят названиями крупнейших онлайн-казино и букмекеров, привлекая горожан поскорее сделать свои

ставки. Для рекламы задействованы электронные таблоиды, вывески в метро и на остановках общественного транспорта, крыши и фасады зданий, автомобили премиум-класса, оклеенные плёнкой в стиле бренда и т.д.

Не меньше представлен онлайн-гемблинг и в медиапространстве. Индустрию азартных-онлайн игр справедливо можно назвать неразрывным спутником развлекательного контента в интернете. Внушительные средства вливаются в продвижение и популяризацию данных услуг за счёт видеохостингов (YouTube, Twitch и т.д). Популярнейшие блогеры в русскоязычном сегменте рекламируют онлайн-казино, делая ставки в прямом эфире за счет средств, выделяемых непосредственно самим онлайн-казино. Реклама транслируется в видео роликах, на сайтах для просмотра фильмов, в мобильных играх и приложениях. Также создаются целые шоу разнообразного содержания с привлечением знаменитостей, за счёт спонсорства изучаемой индустрии.

Особого внимания заслуживает сотрудничество данного бизнеса и спорта. На примере одной лишь Республики Беларусь можно рассмотреть, насколько сильна сегодня степень интеграции онлайн-гемблинга в спортивную сферу. Букмекерская контора Betera является официальным партнёром федерации футбола, хоккея, гандбола, баскетбола, дрифтинга Беларуси [1]. Спортивные клубы спонсируются букмекерами, а Чемпионаты проходят под их эгидой. Более того, названия самих спортивных турниров и клубов теряют свою первоначальную идентичность, по сути, превращая спорт в стране в своего рода большую рекламную компанию онлайн-гемблинга (например, «Футбольный клуб «Макслайн» или «Betera-Кубок Беларуси»).

Наконец, отдельно стоит отметить социальные проекты, которые организывают казино и букмекерские конторы. Подобного рода компании осуществляют благотворительную деятельность, оказывая помощь пожилым людям, детям с инвалидностью, а также участвуют в проектах по охране окружающей среды и помощи животным [2]. Помимо гуманитарной деятельности представители игорного интернет-бизнеса вносят весомый вклад в организацию досуга и развлечений жителей страны. Итальянский фестиваль в центре Минска Forza Betera [3], а также трансляции мировых и европейских футбольных чемпионатов на стадионе «Динамо» в формате open-air [4] пользуются большой популярностью среди горожан, вне зависимости от их пола и возраста.

Вся эта деятельность, осуществляемая игорным бизнесом, была описана с целью доказательства высокой степени интеграции онлайн-гемблинга в

различные сферы социальной жизни. Постепенно данный феномен укореняется в структурных частях социокультурного пространства, где его всё более заметное присутствие воспринимается в общественном сознании как норма и обыденное явление.

В следствии процесса нормализации онлайн-гемблинга, на задний план отходит факт деструктивного влияния азартных игр как на индивида, так и на общество в целом. По статистическим данным ежегодно более 10 миллионов человек обращаются за помощью в связи с игровой зависимостью [5]. В современной медицине игровая зависимость признаётся серьёзным расстройством, а Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет её как «патологическое влечение к азартным играм» и официально включает её в список признанных заболеваний [6, с. 150]. Последствия данной аддикции приводят к значительным нарушениям в личной, семейной, социальной, образовательной, профессиональной и других важных сферах жизнедеятельности [6, с. 150]. Широкая распространённость, высокий уровень доступности, простота использования, а самое главное – повсеместное присутствие в повседневной жизни способствуют росту вовлечённости большого числа людей в онлайн-гемблинг, что в свою очередь приводит к потенциальному росту игровой зависимости среди населения.

Исходя из вышеописанного, представляется возможным выразить предметную сторону данной проблемы как противоречие между нарастающей популяризацией и нормализацией феномена онлайн-гемблинга в Республике Беларусь и самой природой азартных игр, приводящей к дисфункциональным проявлениям в обществе.

Дополнительные сложности в изучении проблемы создает её относительная новизна и, как следствие, недостаточная изученность. Это затрудняет формирование полноценного научного подхода к анализу онлайн-гемблинга и его влияния на общество. Тем не менее, тема является актуальной для нашей страны и требует не только эмпирических данных, но, прежде всего, теоретического осмысления. Анализ проблемы с использованием теоретических наработок позволяет достичь более глубокого понимания её сути. Именно благодаря такому подходу возможно дать причинно-следственные объяснения, которые, по мнению американского социолога Дж. Гоу, должны стать основной задачей социологов, способные развеивать заблуждения и объяснять социальные явления [7, с. 150].

Само понимание специфики функционирования и распространения азартных игр за счёт информационных технологий побуждает рассматривать данную тему в рамках теории информационного общества. Так, например, в центре концепции, предложенной Д.Беллом, находится утверждение, что современное общество перешло от стадии индустриальной экономики к стадии информационной. Главным ресурсом теперь является информация, а ключевой двигатель прогресса – технологии и знания. Данная теория объясняет, как в постиндустриальном (информационном) обществе всё больше сфер человеческой жизнедеятельности адаптируются и трансформируются под влиянием технологий, перемещаясь в цифровое пространство. В этом контексте индустрия онлайн-гемблинга также выступает как продукт информационного общества, где высокий уровень технологий позволяет создавать виртуальные симуляции реальных казино. Как и в другие сферы – магазины, кинотеатры, концерты, музей – индустрия азартных игр неизбежно переходит в онлайн под влиянием необратимого процесса цифровизации.

Феномен онлайн-гемблинга также можно рассмотреть и с помощью диалектической парадигмы. Исходя из основных положений неомарксизма, современный индивид утратил собственную волю и, под воздействием идеологии, полностью находится под контролем капиталистической системы. Коммерциализация пронизывает все структурные составляющие системы, а главной формой контроля является потребление. В этом случае, благодаря диалектической парадигме онлайн-гемблинг можно рассмотреть, как продукт капиталистического устройства общества. При капитализме финансовый успех является главным показателем достижений. Навязывание ценностей, выражающихся в материальном богатстве, а также культивирование потребления, заставляют людей искать способы как можно быстрее разбогатеть. Индустрия гемблинга, осознавая это, использует манипулятивные модели, основанные на идее «разбогатей здесь и сейчас». Однако в реальности разбогатеть таким образом удастся лишь единицам, в то время как большинство, надеясь на удачу, продолжает регулярно делать ставки. В результате онлайн-гемблинг превращается в еще одну форму потребления.

Помимо удачи, на которую надеются игроки, неотъемлемым спутником онлайн-гемблинга являются риски. Немецкий социолог У. Бек выстроил собственную теорию, которая основывается на утверждении что современность можно охарактеризовать не иначе как общество риска. Он

подчеркивает, что в условиях неконтролируемого индустриального развития современное общество неизбежно сталкивается с различными угрозами и рисками. Эти риски тотальны и касаются абсолютно всех, вне зависимости от возраста, пола или социального статуса. С позиции данных теоретических рамок, феномен онлайн-гемблинга можно рассматривать как еще один рискогенный фактор современной эпохи. Риски и азартные игры неразрывно связаны: человек начиная играть или делать ставки с самой первой секунды подвергается риску потерять деньги. Чем глубже он вовлекается в азартные игры, тем сильнее возрастают риски – не только потерять деньги, но и лишиться близких, семьи, работы, собственности и, в конечном итоге, разрушить свою жизнь. На макроуровне онлайн-гемблинг может приводить к рискам увеличения уровня игровой зависимости в обществе.

У. Бек в своей теории трактовал риски как последствия взаимодействия техники, человека и экологии. Риски, связанные с онлайн-гемблингом возможно объяснить как результат взаимодействия капиталистических идеалов и процесса цифровизации. Данный пример демонстрирует, что помимо анализа с использованием существующих теорий, мы также можем синтезировать их отдельные элементы и положения для более комплексного понимания проблемы.

Таким образом, целью проделанного краткого обзора было доказать, что для проведения полноценного социологического анализа онлайн-гемблинга, важно обратиться к существующим в науке парадигмам и теориям, способным объяснить, почему данный феномен существует и развивается в текущем виде. Такой подход позволяет не только углубить понимание проблемы и установить причинно-следственные связи, но и выработать прогнозы, а также возможные пути регулирования или предотвращения негативных последствий. Это, по сути, и является выражением истинной социологической задачи в изучение той или иной проблемы.

Библиографические ссылки

1. Betera – титульный партнер Кубков Беларуси-2023 / Белорусская федерация баскетбола //Новости [Электронный ресурс]. URL:<https://belarus.basketball/novosti/kubok/7804-betera-titulnyj-partner-kubkov-belarusi-2023> (дата обращения: 05.10.2024).
2. Спорт для детей с инвалидностью, спасение животных и переработка баннеров. Как Betera реализовывала КСО-стратегию в 2022 году / Про бизнес //Новости компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://probusiness.io/press/10207-sport->

[dlya-detey-s-invalidnostyu-spasenie-zhivotnykh-i-pererabotka-bannerov-kak-betera-realizovyvala-kso-strategiyu-v-2022-godu.html](https://belta.by/society/view/italija-v-tsentre-minska-festival-forza-betera-projdet-17-avgusta-vhod-svobodnyj-652783-2024/) (дата обращения: 05.10.2024).

3. Италия в центре Минска: фестиваль Forza Betera пройдет 17 августа. Вход свободный! / БЕЛТА - Новости Беларуси // Общество [Электронный ресурс]. URL: <https://belta.by/society/view/italija-v-tsentre-minska-festival-forza-betera-projdet-17-avgusta-vhod-svobodnyj-652783-2024/> (дата обращения: 06.10.2024).

4. Евро на «Динамо» – вместе с Betera! / Агентство «Минск-Новости» // Спорт [Электронный ресурс]. URL: <https://minsknews.by/evro-na-dinamo-vmeste-s-betera/> (дата обращения: 06.10.2024).

5. Ежегодно более 10 млн человек пытаются избавиться от лудомании / Информационное агентство ТАСС // Наука [Электронный ресурс]. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/15212421?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 06.10.2024).

6. Бубнов Ю.М. Компьютерная лудомания как социальная проблема XXI века. Социологический альманах. 2022; 12:149-157.

7. Go J. Unveiling power, or why social science's task is explanation. The British Journal of Sociology [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37794601/> (date of access: 06.10.2024).

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОРОЛИКА “ПАЛОЧКИ ДЛЯ ЕДЫ”

Ли Исюань

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
a345497435@gmail.com*

Научный руководитель: Ирина Ивановна Калачёва, доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена изучению роли культурного контекста в социальной рекламе на примере китайского видеоролика «Палочки для еды». Основное внимание уделяется тому, как традиционные китайские символы гармонично сочетаются с семейными ценностями, вызывая эмоциональный отклик у зрителей благодаря художественным приемам. Исследуется связь между межличностным поведением и культурной преемственностью, демонстрирующая как разнообразие, так и единство китайской

культуры в ответ на вызовы современного общества. В условиях мультимедийной среды данная реклама получила широкое распространение и оценку аудитории. В исследовании акцентируется внимание на необходимости выбора универсальных культурных символов, которые обладают высоким уровнем рекламоспособности и являются фактором, обеспечивающим эффективность рекламной коммуникации.

Ключевые слова: социальная реклама; культурный контекст; эмоциональный отклик; межкультурная коммуникация; мультимедиа.

В условиях сосуществования глобализации и локализации культурный контекст играет все более важную роль в создании и распространении социальной рекламы. Цель данной статьи - изучить влияние культурного контекста на эффективность социальной рекламы, используя в качестве основного кейса популярную в Китае социальную рекламу видеоролика «Палочки для еды».

Социальная реклама как особая форма коммуникации направлена на повышение общественной осведомленности и содействие социальным изменениям. В условиях межкультурной коммуникации эффективная передача информации и ценностей стала проблемой, вызывающей озабоченность ученых и практиков. Г. Хофстеде отмечает, что культура - это «коллективное программирование сознания», глубоко влияющее на ценностные ориентации и модели поведения людей [1, с. 67].

«Палочки для еды» - социальная реклама, созданная агентством McCann Erickson для Центрального телевидения Китая. Через серию эмоциональных и культурно значимых кадров в ней передается ценность семейного общения и традиций повседневности. В основе рекламного сюжета выбрана история конкретной семьи.

В начальной сцене ролика показана семья, проживающая в районе Сигуань города Гуанчжоу. Выбор этого места имеет огромное значение. Сигуань, как исторический район Гуанчжоу, является ярким представителем культуры Линнань с её уникальными кулинарными традициями и семейными ценностями. Это способствует формированию региональных особенностей рекламы.

В этой сцене мы наблюдаем, как пожилой человек искусно использует палочки для еды, демонстрируя их применение для различных блюд. Затем он предлагает ребенку, сидящему за столом, последовать его примеру, тем самым передавая традиции молодому поколению.

Это, казалось бы, простое действие на самом деле содержит глубокую жизненную мудрость. Палочки для еды в данном случае - это не просто

столовый прибор, а средство передачи жизненного опыта. Пожилой человек дает ребенку испытать разные на вкус блюда - попробовать кислое, сладкое, горькое и острое, метафорически изображая различные жизненные ситуации, что отражает мудрость традиционного китайского образования, сочетающего обучение с развлечением. В то же время эта сцена также демонстрирует эмоциональную связь между поколениями и подчеркивает главную роль семьи в личностном росте молодых людей.

Затем камера переключается на семью в районе Чаннин в Шанхае. Выбор современного мегаполиса Шанхая в качестве пространственного фона подразумевает преемственность традиционной культуры в широком смысле, а именно, в современных условиях городского уклада жизни. Процесс, в котором мать учит дочь пользоваться палочками для еды, не только показывает передачу культурных навыков от старших к младшим, но и отражает такие методы и приёмы семейного воспитания как терпение и поощрение, что показывает приверженность к основным практикам китайской педагогики. Путь девочки от первоначальной неуклюжести до успешного использования палочек для еды символизирует трудности и радости обучения и роста. Эта сцена искусно связывает применение палочек для еды с культурной самоидентификацией китайцев, подчеркивая важность овладения этим навыком. В то же время взаимодействие между матерью и дочерью также демонстрирует значение эмоционального общения в семейном воспитании, усиливая воздействие рекламы.

Следующая сцена разворачивается в хакка-тулоу³ в уезде Юндин провинции Фуцзянь. Выбор этого места имеет глубокое символическое и культурное значение. Хакка-тулоу символизирует семейное единство и культурную преемственность.

В этой сцене отец легко постукивает палочками для еды по руке сына, предотвращая его попытку преждевременно взять еду. Это простое действие несет в себе глубокий смысл культурного воспитания. Здесь палочки для еды выступают не просто как столовый прибор, но и как инструмент передачи этикета и моральных норм.

³ Хакка-тулоу - это уникальные круглые или квадратные многоэтажные строения из утрамбованной земли, характерные для народности хакка в провинциях Фуцзянь и Гуандун. Эти сооружения, являющиеся ярким образцом традиционной китайской архитектуры, служили как жилища и крепости для больших семейных кланов. В 2008 году некоторые тулоу были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Сцена искусно сочетает мелкие детали повседневной жизни с традиционным китайским этическим и нравственным воспитанием, демонстрируя важную роль семьи в процессе социализации личности. Одновременно это отражает концепцию образования "личный пример - лучший учитель" в китайской культуре. Поведение отца служит не только наставлением для ребенка, но и поддержанием культурных традиций всей семьи.

Последние несколько сцен рекламы сосредоточены на встрече семьи за новогодним ужином. Постановка этих сцен имеет мировоззренческое значение: множество палочек для еды на столе представляют не только собой акт воссоединения семьи, но и символизируют гармонию и единство всего общества. Дымящиеся блюда и аккуратно разложенные палочки для еды создают теплую и мирную атмосферу, пробуждая у зрителей прекрасные воспоминания и стремление к семейному общению. В этих сценах «палочки для еды» выполняют не только функцию столового прибора, а становятся средством связи эмоций и передачи чувств заботы и внимания членов семьи друг к другу. Они символизируют взаимопомощь между членами семьи, взаимопомощь между соседями, а также теплоту всего общества. Особенно ожидания в отношении будущего детей, через образ палочек для еды, искусно связывают судьбу человека с ценностью семьи и развитием общества, в целом.

Художественная выразительность рекламной серии «Палочки для еды» заслуживает более глубокого изучения. В рекламе использованы яркие приемы художественного изображения кадра, что способствует созданию теплой эмоциональной атмосферы всей ситуации. Обращение к крупным планам позволяет зрителям четко видеть изменения выражения лиц персонажей, усиливает эмоциональную передачу смыслов рекламы. В то же время в рекламе используются звуковые элементы, будь то звук столкновения палочек для еды или диалоги персонажей, что новые возможности для восприятия текста. Выбор фоновой музыки также идеально подходит, мягкая мелодия с китайскими чертами привносит в рекламу культурный оттенок.

С точки зрения культурной коммуникации рекламный проект «Палочки для еды» успешно связывают микроскопическое индивидуальное поведение с макроскопической культурной преемственностью. Демонстрируя сцены использования палочек для еды в разных регионах и разных семьях, реклама не только показывает разнообразие китайской культуры, но и подчеркивает ее разнообразие, но в тоже время единство. «Палочки для еды» как символ

китайской культуры в рекламе наделены многослойным культурным подтекстом, от повседневных жизненных навыков до жизненной философии, от семейного воспитания до социальной гармонии, все это находит яркое выражение через этот простой и распространенный инструмент.

Кроме того, успех проекта «Палочек для еды» также отражает современный социальный запрос.

В условиях быстрого темпа современной жизни, проблемы отчуждения семейных отношений и утраты традиционной культуры становятся все более заметными. Реклама, через трогательные кадры и философски насыщенный контент, пробуждает у людей внимание к семейным ценностям и культурным традициям, играя важную роль в социальном воспитании.

В мультимедийной среде эффективность распространения «Палочек для еды» в полной мере проявилась. Эта реклама получила широкое признание не только в традиционных телевизионных СМИ, но и вызвала устойчивый интерес к распространению на новых медиа-платформах. Возьмем, к примеру, «Палочки для еды», репостнутые учетной записью «Медиа ССТV» на платформе Douyin 3 января 2020 года. По состоянию на 2024 год, это видео получило 1,01 миллиона лайков, 36 000 комментариев, 13 000 добавлений в избранное и 25 000 репостов [2]. Такой долгосрочный эффект распространения отражает жизнеспособность социальной рекламы, включающей культурный контекст, в эпоху новых и новейших социальных медиа.

Анализ комментариев пользователей показывает, что реакция зрителей на рекламу в целом положительная, многие выражают мнение о том, что ощущают собственную причастность к проблеме и идентифицируют себя с китайской традиционной культурой. Например, один пользователь прокомментировал: «Увидев сцену, где пожилой человек учит ребенка пробовать разные вкусы, я вспомнил своего дедушку, чуть не заплакал». Другой пользователь заявил: «Эта реклама заставила меня по-новому осознать культурное значение палочек для еды, в будущем я буду больше дорожить этой традицией, когда буду пользоваться палочками...». Эти комментарии подтверждают выводы исследования Zhang & Gelb о том, что когда культурные ценности в рекламе соответствуют культурному фону аудитории, эффективность рекламы значительно повышается [3, с. 30].

Социальное влияние социального рекламного проекта «Палочки для еды» не ограничивается распространением в Интернете, он способствует

диалогу о традиционной культуре и семейных ценностях. Например, в опросе пользователей на новостных медиа-сайтах, таких как «Shuying.com» и «Wenhui Daily», указывается, что эта реклама в некоторой степени сыграла роль «социального клея», усиливая социальную сплоченность общества. Репортер под псевдонимом «Цивилизованный Мэйшань» в статье-комментарии пишет: «Палочки для еды» - это не только успешная социальная реклама, но и эффективное культурное образование, она заставляет людей заново открыть для себя очарование традиционной культуры в повседневной жизни»[4].

Кроме того, успех социального проекта «Палочки для еды» также предоставляет полезный пример для межкультурной коммуникации людей. Хотя культурные символы и эмоциональные призывы в рекламе, в основном, ориентированы на китайских зрителей, транслируемые семейные ценности имеют универсальный характер.

Это соответствует выводам исследования Cheng о том, что некоторые культурные ценности могут выходить за рамки культурных границ и вызывать отклик у аудитории с различным культурным кодом [5, с. 774]. Влияние социальной рекламы «Палочки для еды» не ограничивается аудиторией Китая, она вызвала большой интерес за пределами страны. Purpin G. в своем исследовании отметила, что реклама не только демонстрирует особенность китайской культуры, но и успешно передает тему счастья, имеющую универсальное значение.

Автор считает, что эта реклама с помощью культурного символа - палочек для еды - искусно сочетает китайские традиционные ценности с современными жизненными концепциями, демонстрируя понятие «счастья с китайской спецификой»[6]. Это исследование показывает, как культурный контекст предоставляет уникальную перспективу для понимания концепции счастья в современном китайском обществе.

В заключение, успешный пример социальной рекламы «Палочки для еды» в полной мере демонстрирует важную роль культурного контекста в социальной рекламе. Умело используя культурные символы, вызывая эмоциональный отклик и передавая основные ценности, реклама способствует улучшению нравственных основ общества.

Библиографические ссылки

1. Хофстеде Г. Последствия культуры: сравнение ценностей, поведения, институтов и организаций в разных странах. М.: Sage publications, 2001. 596 с.
2. Центральное телевидение Китая. «Палочки для еды»: социальная реклама

[Электронный ресурс] // Douyin. 2020. URL: <https://v.douyin.com/iBJtGdrw/> (дата обращения: 30.09.2024).

3. Чжан Ю., Гелб Б. Д. Соответствие рекламных обращений культуре: влияние условий использования продуктов // Journal of advertising. 1996. Т. 25, № 3. С. 29-46.

4. Мэйшань жэнь идин яо кань! Чжэ гэ янши гунъи гуанггао «Куайцзы» цзин жань ба во гань дун ку лэ! / Управление по строительству духовной цивилизации города Мэйшань // WeChat [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwOTQ3NzM4NQ==&mid=2652126234&idx=3&sn=ab7233f3f5715a65689468be65419bf0&chksm=80bf907cb7c8196a65faebf2c7ca484b200a2891f88dc1ed530becbfbb43ffd701c55c444a40&scene=27 (дата обращения: 30.09.2024).

5. Чен Х. К пониманию культурных ценностей, проявляющихся в рекламе: контент-анализ китайской телевизионной рекламы 1990 и 1995 годов // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1997. Т. 74, № 4. С. 773-796.

6. Пуппин Г. Счастье «с китайским вкусом»: интерпретативный анализ социальной рекламы «Палочки для еды» (Куайцзы пян) на Весеннем фестивале CCTV 2014 года [Электронный ресурс] // Китайские дискурсы о счастье / под ред. Г. Виландер, Д. Хирд. Hong Kong University Press, 2019. URL: <https://doi.org/10.5790/hongkong/9789888455720.003.0004> (дата обращения: 30.09.2024).

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

А.А. Мисун

Белорусский государственный университет,

Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь

alina.misun@mail.ru

Научный руководитель: Кучко Е. Е. доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии

В быстроизменяющихся современных условиях государства и города начинают активную борьбу за привлечения к себе внимания путём формирования конкурентных преимуществ, создания интересных культурных объектов и достопримечательностей. Сегодня имидж территории, её репутация играют ключевую роль как для выстраивания продуктивных внешнеэкономических связей, так и для активного социально-экономического развития самой территории. Именно этим определяется актуальность изучаемого проблемного поля – территориального брендинга. Он

представляет собой комплексный подход, объединяющий в себе историко-географические, эмоционально-ассоциативные и социально-экономические элементы, способствующие созданию высокого уровня идентификации за счёт уникальных отличительных черт. Республика Беларусь вступила в стадию формирования территориального брендинга как на уровне государства, так и её регионов. Наличие огромного потенциала, а также изучение успешных примеров способно позволить Беларуси создать сильные бренды. Столица Республики Беларусь – Минск разрабатывает свой полноценный бренд, в виду чего актуальным представляется изучение особенностей его формирования.

Ключевые слова: *бренд территории; бренд города; бренд города Минска; территориальный брендинг.*

В процессе социального развития, бренды, адаптируясь к изменениям и новым технологиям, играют всё более значимую роль в жизни людей. Современные тенденции, такие как широкое распространение Интернета, возникновение новых медиа-платформ, а также прогресс в области технологий виртуальной и дополненной реальности, существенно повлияли на эволюцию брендинга. В XXI веке все больший интерес исследователей обращается в сторону территориального брендинга.

Территориальный брендинг представляет собой комплексную систему, которая включает в себя элементы, связанные с историко-географическими, эмоционально-ассоциативными, а также социально-экономическими аспектами, способствующими созданию уникальной идентичности территории [1, с. 155]. В условиях глобализации и усиливающейся конкуренции между регионами и городами за инвестициями, эффективный территориальный бренд становится важным инструментом для привлечения различных ресурсов.

В последние годы сложные природно-территориальные образования, такие как государства и регионы, становятся всё более популярными для использования в брендинге. Имидж и брендинг территории играют решающую роль в привлечении людей и капитала, поскольку они помогают выбирать место для жизни, работы и отдыха. В связи с этим всё больше территорий активно работают над созданием уникального бренда, который повышает их экономическую привлекательность, инвестиционный потенциал и туристическую популярность. Однако, проблемы в разработке бренда и отсутствие стратегического подхода к брендингу могут привести к уменьшению геоэкономической и геополитической ценности территории, делая её участником глобальной конкуренции. Поэтому крайне важным

становится разработка и эффективное позиционирование территориального бренда.

В 21 веке органы государственного управления всё чаще обращаются к формированию бренда территории, с целью его успешного применения в различных направлениях. Данная тенденция затрагивает не только разработку брендов государств, но и касается меньших территориальных единиц – областей, городов, в том числе столиц.

Бренд города находится на пересечении внутреннего восприятия его жителями и внешнего восприятия другими аудиториями. Эти два взгляда постоянно взаимодействуют и изменяют друг друга, совместно создавая бренд. Внутреннее восприятие города складывается из мнений его жителей, в то время как внешний имидж формируется на основе внешних представлений о городе. Имидж города – это набор устойчивых представлений о городе, которые закрепились в общественном сознании [2, с. 37].

Брендинг столиц представляет собой специфический вид брендинга территорий, требующий повышенного внимания и дополнительных ресурсов. Это связано с тем, что столица является ярким олицетворением государства, что, в свою очередь, создаёт прочную ассоциативную взаимосвязь между брендом страны и её столицей.

В социально-экономическом развитии Республики Беларусь ведущее место занимает столица – город Минск. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, численность населения г. Минска на 1 января 2024 года составила 1 992 862 человек [3].

Минск – это город, визитной карточкой которого являются его богатая история, уникальное географическое расположение и необыкновенный колорит. Как столица, он играет ключевую роль в политической и административной жизни страны, являясь в то же время центром промышленности, науки и культуры Республики Беларусь [4, с. 7].

Успех развития города подтверждается наградами: согласно Указу Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2024 года Минск был занесён на Республиканскую доску Почета за достижение в 2023 году наилучших показателей в сфере социально-экономического развития. Занесение на Республиканскую доску Почета является общественным признанием весомого вклада регионов и коллективов предприятий в социально-экономическое развитие и рост благосостояния страны, что мотивирует на достижение ещё более высоких результатов в будущем [5].

Минск – это динамичная столица, которая непрерывно развивается и совершенствуется для создания благоприятных условий как для жителей, так и для гостей. Важность реализации ключевых положений плана «Пять городов – в одном» остаётся высокой. Он был утверждён решениями Мингорисполкома и Минского городского Совета депутатов, разработанного с учётом экономической специфики города, социальной структуры и менталитета населения. В рамках плана были выделены пять основных направлений для развития белорусской столицы:

- ✓ Минск – город здоровья и высоких социальных стандартов;
- ✓ Минск – город знаний и наукоёмких технологий;
- ✓ Минск – город центр международных коммуникаций;
- ✓ Минск – город, привлекательный для бизнеса и инвестиций.
- ✓ Минск – город, развивающий демократию с широким участием граждан [6, с. 132].

Тема идентичности Минска активно обсуждается в последнее время. Мировой опыт показывает, что наиболее успешные территориальные бренды формируются не за счет перечисления отдельных достоинств, а благодаря созданию целостного образа, подкреплённого сильной идеей и эмоциональной составляющей [7, с. 60].

Разработка уникального бренда и его дальнейшее продвижение является перспективным направлением деятельности для органов государственного управления. В 2021 году Минский городской Совет депутатов принял решение об утверждении инновационной стратегии формирования собственного стиля г. Минска и его узнаваемого международного облика для популяризации города среди иностранных туристов до 2035 года.

Мерами практической реализации маркетинговой политики в рамках данной стратегии являются: разработка и продвижение бренда города вокруг собирательного образа г. Минска; продолжение активной PR-работы по позиционированию г. Минска, распространение информации о туристическом потенциале города в сети Интернет, СМИ, на международных туристических конференциях, выставках и других мероприятиях [8].

В целях формирования бренда г. Минска предусматриваются следующие мероприятия: создание, тестирование и интеграция достаточного спектра коммуникационных каналов брендинговой кампании, прежде всего медийных и цифровых; разработка брендбука города на основе существующих узнаваемых атрибутов, его внедрение в сферу туризма и обеспечение долгосрочного присутствия элементов фирменного стиля во

всех каналах продвижения туристической дестинации; внедрение системы брендинга объектов инфраструктуры в фирменном стиле г. Минска [8].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Современные тенденции на рынке территории включают брендинг территории в общую экономическую и социальную стратегию на уровне национального и местного управления; способствуют увеличению бюджетов на брендинг территорий, особенно в странах, ощущающих влияние международной конкуренции; укреплению связей между территориальными брендами и местной продукцией, что приводит к синергетическому эффекту, благоприятствующему экономической стабильности и повышению конкурентоспособности в долгосрочной перспективе; возрастанию важности роли символики бренда в усилении привлекательности территории.

2. В последние годы активно формируются бренды регионов и городов, что успешно используется для развития в экономической, политической, политико-психологической сферах. Однако недоработки в бренде и отсутствие стратегической политики в этой области могут привести к уменьшению геоэкономического и геополитического потенциала места, вовлекая его в глобальную конкуренцию. Главной задачей для городов, занимающихся брендингом, является грамотное распределение инициативы и ответственности за создание и дальнейшее развитие бренда.

3. Минск как бренд города находится на стадии своего формирования. Столица Республики Беларусь, обладая уникальными историко-культурными, социальными и экономическими характеристиками, имеет все шансы стать конкурентоспособным на мировой арене.

Библиографические ссылки

1 Кошелев, А. А. «Брендинг территорий»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах определения понятия / А. А. Кошелев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2017. – №2. – С. 153-155.

2 Визгалов, Д. В. Брендинг города / Денис Визгалов. [Предисл. Л. В. Смирнягина]. – Москва : Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.

3 Численность населения на 1 января 2024 г. и среднегодовая численность населения за 2023 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya->

statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/statisticheskie-izdaniya/index_89355/. – Дата доступа: 01.10.2024.

4 Генеральный план города Минска. Основные положения градостроительного развития города Минска. Система градостроительных регламентов :Указ Президента Респ. Беларусь, 23 апр. 2003 г., №165 // «УП Минскградо». – 2003. – № 49. – 1/4555.

5 О занесении на Республиканскую доску Почета победителей соревнований за 2023 год : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 апр. 2024 г., № 174 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Минск, 2024. – 1/21355.

6 Гиммельрейх, О. В. Современный урбанизм как идеологическая концепция оптимального городского планирования и благоустройства в Республике Беларусь / О. В. Гиммельрейх // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 30 ноября 2023 года, / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. социальной коммуникации ; [редкол.: И.В. Пинчук (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 128-134.

7 Карчевская, Н. В. Вклад Белорусского государственного университета культуры и искусств в развитие брендинга города Минска / Н. В. Карчевская, А. А. Филиппов // Управление культурой. – 2023. – № 4 (8). – С. 57–64.

8 Об утверждении Инновационной стратегии формирования собственного стиля г. Минска и его узнаваемого международного облика для популяризации города среди иностранных туристов до 2035 года [Электронный ресурс] : решение Минского городского Совета депутатов, 4 февр. 2021 г., №276 // Минский городской исполнительный комитет. – Режим доступа:https://minsk.gov.by/ru/normdoc/4476/pril_276_04022021_strategiya.shtml. – Дата доступа: 01.10.2024.

ПРОЕКТ МЕТАВСЕЛЕННЫХ КАК ЦИФРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ МЕТАМОДЕРНИЗМА

М.А. Непомилуева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Ул. Смольного, 1/3, 191124, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
soc@spbu.ru*

Научный руководитель: Василькова В.В., доктор философских наук, профессор

Доклад посвящён цифровой репрезентации социокультурного концепта метамодернизма в проекте метавселенной как виртуального 3D-пространства.

Актуализируется исследование смыслов социокультурной среды в их потенциале влияния на современные социальные процессы, институты и формирование социально-цифровых практик.

Ключевые слова: метавселенная, социальный смысл, метамодернизм, рендеринг, персистентность, интероперабельность, децентрализация.

Пандемия способствовала дестигматизации времени, проводимого в виртуальных мирах, вовлечению в них более старшего поколения. Аналитики составляют прогнозы становления следующего этапа функционирования информационно-коммуникационной сети Интернет – более децентрализованную его версию Web-3 и развитие проекта метавселенной – виртуального пространства, требующего 3D-опыта [1]. Сегодня он существует в виде технологически доступных человечеству протометавселенных: тройная камера iPhone для создания опыта смешанной реальности (Oculus VR); детальные радиолокационные карты дома и офиса на ряде новейших смартфонов (чипы сверхширокополосной радиолокации ultra-wideband/UWB, излучающие до 1 млрд сверхкоротких импульсов в секунду), гораздо более четкие (до нескольких сантиметров), чем GPS; проект «умный дом», встречающий человека при возвращении домой; видеоуроки-соревнования по велоспорту в прямом эфире (Peloton), фитнеспрограммы с полупрозрачным инструктором (Mirror от Lululemon), использование технологий протометавселенных при планировке и строительстве (Флорида), метавселенная «госуслуг» и офисов брендов, коммуникационная экосистема для всех сфер городской жизни (Сеул).

Согласно прогнозам, как минимум на протяжении 2020-х гг. использование протометавселенных будет доступно даже с помощью стандартных устройств потребительского класса (смартфон, планшет, гарнитуры AR и VR), которые постоянно совершенствуются: Face ID, Animoji (Apple), линзы дополненной реальности (Snap) и другое, выражение лиц пользователей присваиваются аватарам в виртуальном пространстве игры, мастер-класса и т.д [2, с. 231-232]. Такие пользователи закладывают основы метавселенных в реальном времени. По оценке большинства экспертов, в т.ч. гендиректора Unity Technologies Дж. Ричителло, к 2030 ожидается рост активных пользователей AR- и VR- гарнитур до 250 млн человек.

При сохранении подобной динамики создание полноценных метавселенных ожидается в течение периода 5-10 лет. Масштабные технологические трансформации наращивают потенциал индивидуальных

пользователей: у них появляется все больше возможностей заявить о себе в цифровом пространстве или использовать его в общественно-политических целях. В связи с этим интенсивное развитие новейших технологий проявляет всё больше социальных вопросов. Рост времени, проводимого пользователем в Интернете, ожидаемо приводит ко всё большему переносу социальных проблем в онлайн-плоскость.

Для дальнейшего полноценного функционирования индивида в новом виртуальном 3D-пространстве, в т.ч. дальнейшей цифровизации человеческого труда и культуры, необходима разработка иных стандартов и соответствующей инфраструктуры. Для этого необходимо привлечение в виртуальные миры как можно больше реальных практик и разнообразного культурно-аксиологического опыта участников.

Над исследованием феноменом социальных смыслов, то есть многоуровневых виртуальных структур [3, с. 16], имеющих потенциал влияния на социальные действия и процессы работали многие ученые от М. Вебера, Э. Гуссерля, А. Шюца и П.А. Сорокина до Н. Лумана и Дж. Александера.

Проект метавселенных и его разработанные прототипы – протометавселенные – несмотря на высокотехнологические основания развития, глубоко социальны. Несмотря на то, что сегодня влияние проекта на человеческую повседневность не носит массового характера (по данным 2022 г., менее 1 человека из 14 ежедневно обращается к опыту виртуального мира) [2, с. 174], тем не менее, тенденции на привлечение в пространство протометавселенных всё большего реализма и разнообразного социокультурного и ценностного опыта участников позволяет говорить о социально значимых предпосылках качественных трансформаций повседневности современного субъекта, имеющего доступ к широкополосному Интернету.

В этой связи представляется целесообразным обозначить сущностные свойства феномена метавселенной и проанализировать их возможные социально-смысловые истоки. В социокультурной среде последних полутора десятилетий выделяется комплекс социальных смыслов, связанный с концептом метамодернизма, оказывающих неравномерно значимое влияние на социальные процессы.

Возникший как тенденция в развитии искусства и культуры, метамодернизм обнаруживает претензию на роль новой культурной, а затем и социально-философской парадигмы, призванной сформулировать конструктивные решения кризисных состояний постмодерна, ставших

симптоматикой общего кризиса развитых капиталистических обществ. В качестве методологического подхода к формированию такого решения метамодернизм утверждает принцип осцилляции - колебаний между ключевыми смыслами и ценностями модернизма и постмодернизма, которые призваны дополнять друг друга («и то, и другое») в формируемом метамодернизмом смысловом пространстве [4].

Феномен метавселенной не имеет сегодня однозначного определения. В качестве рабочего определения использовано сформировавшееся в литературе понимание метавселенной как широкомасштабной сети «трехмерных виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, в которой фактически неограниченное число одновременных пользователей могут получать синхронный и персистентный опыт с ощущением личного присутствия и с непрерывностью данных, таких как идентичность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» [2, с. 49].

Результаты проведенного анализа позволили проследить репрезентационные связи ключевых социальных смыслов, заложенных концептом метамодернизма, с проектами протометавселенных. Иными словами, сущностные свойства метамодернизма нашли преломление в программных принципах метавселенной.

Свойства метамодерна, которым соответствует тот или иной принцип метавселенной:

1. Метамодерн: Реконструкция и аутопойезис вместо деконструкции постмодерна. Отказ от эсхатологии, преодоление конца истории, курс на возрождение культуры [5, с. 114].

2. . Все происходящее - возможность. Новый маньеризм - взаимосвязь между преобразованием физических материалов и социальной конгрегацией, признание повседневной причастности к процессу создания как попытка преодолеть отчуждение от процесса и результата труда.

Метавселенная: Рендеринг в ответ на действие каждого отдельного пользователя, создание объекта или среды в реальном времени как реакция на действие каждого индивида.

3. Метамодерн: флексибельность против нигилизма постмодерна. Стабильности больше нет, правила постоянно меняются, задача - адаптироваться под новые. «Этос открытого кода» вместо этического и эстетического релятивизма.

Метавселенная: Рендеринг в режиме реального времени.

3. Метамодерн: Отмена обнуления прошлого.

Метавселенная: Персистентность - непрерывность памяти и надежная сохранность всех данных. Личностная идентичность неотделима от непрерывной памяти (Джон Локк). Для виртуальной идентичности тоже необходима непрерывность памяти.

4. Метамодерн: Вовлеченность, реабилитация эмоций, зависимость от эмпатии. Вместо культа диверсификации в постмодерне - проблема одинаковости (каково это быть человеком). Принципиально не элитарен, берется все доступное из массового.

Метавселенная: Синхронность - в метавселенных нам нужен опыт, разделенный с другими пользователями (пример: стриминги, потоковые передачи).

5. Метамодерн: Значимость общности, «структурная потребность в нас». Личность социальна. Стремление к межсубъективной связи.

Метавселенная: Неограниченное количество пользователей и их индивидуальное присутствие. Широкомасштабная сеть сетей.

6. Метамодерн: этос партнерства против этоса конкуренции.

Метавселенная: Интероперабельность.

7. Метамодерн: «смерть-смерть автора»: невозможность авторского индивидуального высказывания не событие. Отказ от цитатности, текст как колебание между прямым высказыванием и пародией на него.

Метавселенная: Интероперабельность.

Стандарты интероперабельности - обмен данными (в т.ч. интеллектуальной собственности), интероперабельные идентификации, цифровые коммуникации и особенно платежи, в т.ч. между конкурирующими системами.

Условие необязательное, но принимающие его стороны будут расти, не принимающие - столкнутся с ограничениями. Мягкая сила лидеров. В проекте метавселенной следование принципу партнёрства выгоднее конкуренции, победа для всех несет победу для каждого. Например, игровые площадки, социальные сети обмениваются данными о «токсичных» акторах.

Пример интероперабельности объектами интеллектуальной собственности: совместные мероприятия/ акции платформ виртуальных миров (Fortnite, Minecraft и Roblox). Превратились в социокультурные пространства, которые становятся все более важной частью потребительского маркетинга и пользовательского опыта.

8. Метамодерн: Самоорганизация вместо случайности постмодерна и механистичности модерна.

Метавселенная: Децентрализация как принцип наиболее удачных метавселенных. В настоящее время децентрализация и централизация представляют собой противоборствующие тенденции в развитии проекта метавселенной.

Децентрализация (относительное перемещение онлайн-власти или ценности от платформ к пользователям) как необязательное, но возможное условие для создания перспективных метавселенных. Активизирует проблему доверия: «Я возлагаю на метавселенную большие надежды: она должна вызвать «гонку за доверием» [2, с. 407]. Потенциальное техническое решение проблемы утечки доходов и вопроса доверия может быть предложено с использованием технологии блокчейн (базы данных, управляемые децентрализованной сетью валидаторов). В концепции блокчейна обман доверия становится невыгодным.

9. Метамодерн: Реконструкция аффекта.

Метавселенная: Задача - эффект полного присутствия/погружения во фрейм, заданный 3D-виртуальным пространством.

10. Метамодерн: «Поворот к человеку» и его экзистенциальным беспокойствам. Героев нет, и каждый - герой.

Метавселенная: Каждый (участник) важен: Технология программируемых блокчейнов дала механизмы для использования объединенной мощи и ресурсов каждого человека и каждого компьютера для создания «не просто метавселенной, а децентрализованной, здоровой метавселенной». Наиболее успешные коллекции NFT ориентированы на идентичность (в т.ч. коллективную). Доверие: борьба за доверие пользователей.

Против «токсичности»: Технология невзаимозаменяемых токенов (NFT) и социальные децентрализованные автономные организации (ДАО) как способ решения проблемы харассмента и токсичности, свойственных крупным онлайн-социальным сетям.

11. Модерн: Новая искренность, стратегическая наивность/Прагматический идеализм против симуляции постмодерна.

Метавселенная: «В виртуальных мирах становится все больше реализма, разнообразия опыта, участников, культурных влияний и ценностей. В конечном итоге метавселенная, о которой писали Стивенсон, Гибсон, Бодрийяр и другие, однажды станет реальностью». [2, с. 24].

12. Метамодерн: Вопрос пространства: Концепция интериорити Петера Слотердайка: формирование безопасных пространств для человека и

человечества. Пространство не как форма, а как создание динамичных открытых структур, тяготеющих к самоорганизации.

Метавселенная - постоянная сеть виртуальных миров, данных и вспомогательных систем – представляет собой преимущественно неосязаемый опыт. Физические устройства выступают шлюзами для доступа к этому опыту и к его созданию [2, с. 236].

13. Метамодерн: Преодоление Конца Истории как «блокировки исторического воображения», вектор на новое возрождение культуры. Протосинтез и преодоление обесценивания метанарратива. Постиронический фундаментализм.

Метавселенная: Сама идея метавселенной как нового этапа развития интернета.

Таким образом, смыслы современной социокультурной среды, соотносимые с концептом метамодернизма, находят свою цифровую репрезентацию в проекте метавселенной и претендуют на роль значимых социальных смыслов, обладающим значимым потенциалом влияния на социальные практики, институты и процессы.

Библиографические ссылки

1. Web3 for 2030/ How can Web3 help achieve the Sustainable Development Goals. Report 4.3 / UNDP Regional Bureau for Asia and the Pacific [Официальная веб-страница Программы развития ООН]. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-11/UNDP-Web3%20for%202030%20-%20How%20can%20Web3%20help%20achieve%20the%20SDGs-2022_0.pdf
2. Болл М. Метавселенная. Как она меняет наш мир. М.: Альпина Паблишер, 2023. 496 с.
3. Адамьянц Т.З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования, № 9. 2021. С. 16 – 25.
4. Vermeulen T, Van Den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of AESTHETICS & CULTURE 2010, vol. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
5. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма/ Р. Ван ден Аккер. М.: Рипол-Классик, 2020. 494 с.

СИМУЛЯКР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.Г. Павлова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
kitipav@gmail.com*

Сеть Интернет превращается сейчас в информационного гегемона, где данные и смыслы многократно наслаиваются и множатся. В реальной жизни человека произошли колоссальные изменения, являющиеся следствием цифровизации реальности. Фундаментальным образом изменились принципы и способы деятельности человека. Такие её виды как: трудовая, познавательная, игровая, коммуникативная в современном обществе пронизаны принципами виртуализации и, как следствие, симулируются. Данный процесс может привести к качественным изменениям самой объективной реальности, где компьютерные технологии могут быть не задействованы, но логика виртуализации пронизывает процесс деятельности и общения, культуру общества. В качестве универсальных свойств виртуальной реальности исследователи выделяют такие её характеристики как: симулякр социального субъекта, симуляция параметров объектов в социальном пространстве, а так же эфемерность присутствия субъектов. Результаты исследования могут иметь практическое применение в лекционных курсах по социологии, а так же формировании педагогической и идеологической концепции воспитания студентов.

Ключевые слова: *виртуализация, симуляция, цифровизация, симулякр, виды деятельности*

Современный индивид помещён в симуляционное пространство, созданное организованное и опосредованное виртуальными технологиями – сетью Интернет и устройствами выхода в Интернет. Мир Интернета создаёт альтернативную реальность, насыщенную образами, подобиями реального мира, которые приобретают новые, надстраиваемые вторичные смыслы. Сеть Интернет превращается сейчас в информационного гегемона, где данные и смыслы многократно наслаиваются и множатся.

«Существует мнение, что человек изначально погружён в виртуальную реальность и переходит из одного виртуального состояния в другое, т.е. виртуальная реальность – это та ресурсная среда, которая вскормила и воспитала человека. Так или иначе, но люди всегда стремились обустроить окружающий мир, создавая свои миры, по сути дела являющиеся

виртуальными. Их виртуальность обусловлена пресловутыми «идолами» человеческого сознания, из-за которых познание вместо отражения реальности имеет результатом её симуляцию, т.е. создание картины мира, мало что имеющей с миром, на ней изображенным. ...Превращение социальной реальности в эфемерную, нестабильную, описываемую постмодернистским принципом, явно коррелирует с возрастанием в жизни людей роли различных симулякров – образов реальности, замещающих саму реальность» [1, С.63].

В реальной жизни человека произошли колоссальные изменения, являющиеся следствием цифровизации реальности. Фундаментальным образом изменились принципы и способы деятельности человека. Рассмотрим классическую концепцию деятельности, включающую такие её виды как: трудовая, познавательная, игровая, коммуникативная. Все указанные виды деятельности в современном обществе пронизаны принципами виртуализации и, как следствие, симулируются.

Трудовая деятельность оцифровывается. Обустройство трудового места предполагает компьютер с выходом в Интернет; появились новые виды трудовой деятельности, опосредованные сетью Интернет и мобильной связью – фриланс и аутсорсинг; подавляющее большинство деловых операций проводится он-лайн; финансовые и трудовые потоки регулируются посредством гаджетов и др. Цифровизация рабочих функций – это необходимое требование профессиональной компетентности работника. Профессиональные навыки отходят на второй план, на первый план выдвигается умение виртуозно пользоваться персональным компьютером, что симулирует трудовую деятельность.

Виртуализация познавательной деятельности включает повсеместное использование компьютерных программ и Интернета в качестве источника информации в образовательном процессе в школах и вузах; появление и повсеместное внедрение дистанционного образования; требование использовать компьютерные технологии визуализации при чтении лекций и проведения семинарских занятий; необходимое использование компьютера для подготовки к школьным и студенческим занятиям; написание курсовых и дипломных работ с помощью компьютера и др. Процесс образовательного творчества становится механизированным – уже не нужно ходить в библиотеку и переписывать от руки материалы из различных литературных источников – написание курсовой и дипломной работы в вузе предполагает владение компьютерными текстовыми программами и Интернет. В то время как, источники информации, размещённые в сети Интернет, многократно

наслаиваются один на другой, в результате чего генерируются новые цифровые смыслы, которые также многократно тиражируются. В результате чего, процесс познания приобретает симулятивный характер.

Разнообразный мир виртуальных игр, предлагаемых для пользователей различных возрастов – от дошкольного до пенсионного – преобразует игровую деятельность личности в пространство симуляции. Играя, индивид управляет действиями на экране монитора или мобильного устройства, тем самым он ментально приобретает новую телесность – внешность, персональные качества, ресурсы, двигательную активность. Существуют компьютерные игры, где индивид может создавать себе виртуальную семью, друзей, заботиться о виртуальных животных. Яркий мир виртуальной игры, необременённый обязательствами и ответственностью реального мира, погружает сознание человека в мир грёз и фантазий, в то время как бытийно он остаётся в реальном мире. Эта насыщенная ментальная жизнь заменяет человеку ощущения и впечатления от реально переживаемых событий, делая их скучными, обыденными, не привлекательными.

Общение как вид деятельности в современном мире на 80 процентов опосредовано виртуальными компьютерными технологиями. Остаются 20 процентов межличностных коммуникаций лицом к лицу. Каждый человек, начиная с дошкольного, возраста пользуется так или иначе мобильной связью. Если индивид, по какой либо причине в течение дня оказывается вне зоны доступа мобильной сети и ли сети Интернет, то он выпадает из социального контекста, упускает информационные возможности, не выполняет свои функции. Общение перестало быть феноменом эмоционального взаимодействия лицом к лицу. Виртуальное общение в мессенджерах и электронной почте превращается в процесс обмена краткими сообщениями, не всегда оформленными в соответствии с правилами орфографии и пунктуации языка. Эмоции выражаются графически, с помощью эмоджи или рисунка, где адресат угадывает содержание, наполняя его своим смыслом. Данный процесс представляет собой ни что иное, как симуляцию сферы общения.

Если исключить из современной жизни виртуальные технологии, человек потеряет возможность осуществлять деятельность и общение. «Виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с симуляциями. Индивид, находясь в социальной реальности институтов, воспринимает её как естественную данность, в которой приходится жить. В эпоху Постмодерна индивид погружается в

виртуальную реальность симуляций, и всё больше воспринимает мир как игровую среду, сознавая её условность, управляемость её параметров и возможность выхода из неё. Различение старого и нового типов социальной организации с помощью дихотомии «реальное – виртуальное» позволяет ввести понятие виртуализации как процесса замещения институционализированных практик симуляциями. ...Для пытающихся осмыслить этот процесс, главным остаётся вопрос о дальнейших перспективах виртуализации общества. Здесь возможны два варианта: или же она приведёт к полной подмене реальной социальной жизни, или произойдут качественные изменения самой объективной реальности» [1, С. 62-63].

«В качестве универсальных свойств виртуальной реальности можно выделить такие её характеристики как: специфическое воздействие на пользователя (виртуальное способно производить эффекты, характерные для вещественного), условность параметров объектов (моделируемых и произвольно изменяемых), а так же эфемерность присутствия (возможность прерывания и возобновления режима существования в виртуальном пространстве). ...В современном обществе сетевая логика информационного обмена заменяет / замещает традиционную логику социальных взаимодействий. Особую роль в этом процессе выполняют средства массовой информации, которые применяют мультимедийные и интерактивные технологии и, как отмечает М. Кастельс, создают своеобразную символическую среду. В ней реальность (природный мир физических объектов) преломляется и замещается символическими образами, которые становятся уже не средством передачи опыта, а новым опытом, берущим на себя функции и качество прежних форм восприятия и переживания реальности. ...Более того, современное общество также постепенно целиком «погружается» в опыт символического производства реальности и начинает восприниматься как «искусственное», целиком сконструированное посредством «высоких технологий» и воплощённое в них. В таком случае можно говорить о «симуляции» не материальных объектов (вещей или людей), но социальных взаимодействий, а также «виртуализации» конституирующих эти взаимодействия социальных институтов и всего общества в целом.

Перспектива «виртуализации общества», по мнению Д.Иванова, проявляется как возможность оформления отношений между людьми в виде взаимодействия между образами. Сегодня можно достаточно уверенно говорить о процессах «виртуализации общества», так как оно всё больше

становится похожим на виртуальную реальность и может описываться теми же характеристиками. В данном случае «виртуализация» - это любое замещение реальности её симуляцией (символическим образом). Замена может происходить и без помощи компьютерной техники, главное в этом процессе – применение логики виртуальной реальности. В этой связи можно говорить о перспективе «виртуализации» социальных взаимодействий как о возможности снятия пространственно-временных ограничений для коммуникативных процессов в любых социальных интеракциях» [2, С.51-52].

Таким образом, симулякр видов деятельности и общения личности в виртуальном пространстве влечёт изменение самой социальной реальности. Логике виртуализации подвергается общественный уклад, приобретая следующие характеристики: симулякр социального субъекта, симуляция параметров объектов в социальном пространстве, а так же эфемерность присутствия субъектов в социальном поле.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко, Т.А., Яременко, С.Н. «Бегство в мир Интернета» / Т.С. Бондаренко, С.Н. Яременко // Вестник ДГТУ.- 2012.- № 2(63), вып.1.- С.60-66.
2. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О.С. Сергеева, О.В. Терещенко. – СПб.: Алетейя, 2016. – 264 с.

ЛИЧНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ СЕРЕБРЯНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ⁴

А.А.Похомова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская,9, 220004, Минск, Беларусь
Pakhom@bsu.by*

Статья посвящена анализу форм реализации идеологии продуктивного старения на примере серебряного волонтерства. Рассматривается институт взаимопомощи в контексте оказания социальной поддержки пожилых людей, а также реализации потребности в социальной и творческой активности.

⁴ Работы выполнена в рамках НИР «Волонтерская деятельность лиц третьего возраста в условиях городской среды», №ГР20241110, сроки реализации: 19.02.2024 - 31.12.2024.

Ключевые слова: серебряное волонтерство; социальная политика; старение населения; эйджизм; инклюзия.

Трансформация социально-демографической структуры белорусского общества детерминирует изменения в общественной практике в области занятости, пенсионного обеспечения, социальной защиты населения, досуга и т.д. В рамках государственной социальной политики особое внимание уделяется уязвимым категориям граждан, которые нуждаются в дополнительных мерах социальной поддержки. К таковым нормативным документам можно отнести Закон Республики Беларусь «О социальной поддержке населения» № 192-З от 18 июля 2022 года, Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» № 292 от 29 июля 2021 г., Указ Президента Республики Беларусь «О социальной поддержке» № 402 от 29 октября 2024 года и другие.

Согласно статистическим данным, представленным Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, численность лиц, находящихся в возрасте 65 лет и старше⁵, составила на начало 2024 года 1 573 616 человек, т.е. 17,2% или почти каждый шестой гражданин [1, 2]. Также следует отметить, что наблюдается положительная динамика в изменении численности данной возрастной группы населения. Так, например, в 2021 году численность пожилых людей составляла 1 475 933 человека, или 15,8% [2, с. 40]. По прогнозам экспертов, к 2030 году в возрасте 65+ будет находиться каждый пятый гражданин.

По результатам национального репрезентативного социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук в сентябре 2024 года [3], можно отметить, что 37,9% из опрошенных лиц третьего возраста проживают одни. При этом удовлетворенность жизнью зависит от ряда факторов, в том числе и от физической активности, форм проведения досуга, достаточностью общения с близкими людьми и родственниками и др. Согласно результатам опроса, 10,7% пенсионеров отметили, что не удовлетворены на данный момент своей жизнью, 9,8% не смогли определиться с ответом на данный вопрос. Отвечая на вопрос о жизненных проблемах, респонденты чаще всего указывали такие варианты как состояние здоровья (37,5%), материальные нужды (10,7%), нехватка общения (6,2%). Оценили состояние своего

⁵ Людей в возрасте 65 лет и старше в Беларуси относят к пожилым.

здоровья как плохое 13 % респондентов, как среднее - более 55,5%. С точки зрения проблематики геронтовоонтерства следует акцентировать внимание на том, что определенная доля респондентов признает потребность в дополнительной помощи в решении социально-бытовых вопросов, таких как покупка необходимых продуктов и товаров (6,5%), приобретении лекарств (5,7%), оплата коммунальных платежей (5,3%) и прочих бытовых ситуациях. Большинство опрошенных пенсионеров, отметили, что в случае возникновения потребности, есть те, к кому они смогут обратиться, однако 7,5% вынуждены решать свои проблемы в одиночку [3].

В западной научной традиции на основе структурного функционализма возникла теория успешного старения, автором которой стал американский социолог и геронтолог Роберт Хэвигхёрст [4, с. 7]. В основе теории старения находились принципы наибольшей эффективности для функционирования общества, с одной стороны, и свобода выбора способа старения (через социальную активность или отчуждение), с другой. К концу 20 века под успешным старением понимали выполнение трех условий «профилактика болезней – хорошее физическое и когнитивное здоровье – максимально возможная вовлеченность в жизнь общества» [4, с. 8]. С 2020 года в Беларуси реализуется национальная стратегия «Активное долголетие», сфокусированная, главным образом, на реализацию потенциала пожилых граждан, повышение качества их жизни, создание необходимой социальной инфраструктуры и безопасной среды, формирование возможностей обучения и др. [5].

Таким образом, с учетом старения населения возрастает потребность в альтернативных государственным службам способах удовлетворения социальных потребностей лиц третьего возраста, в том числе и за счет пересмотра ресурса самих пожилых людей, например, через реализацию технологии серебряного волонтерства. В научной литературе встречаются близкие по значению термины, связанные с серебряным волонтерством: добровольческая деятельность лиц старшего возраста, геронтовоонтерство, волонтерство лиц третьего возраста и др. Под волонтерской деятельностью лиц третьего возраста (серебряным волонтерством, геронтовоонтерством) мы предлагаем понимать социальную деятельность людей пожилого возраста (60+), осуществляемую добровольно и безвозмездно индивидуально или в группе, организованно или неформально, непосредственно направленную на оказание помощи нуждающимся в ней людям (за исключением членов семьи, родственников,

соседей, друзей) либо опосредованно – на решение актуальных проблем в различных сферах жизни общества.

Как правило, участие пожилых волонтеров в деятельности некоммерческой организации предполагает три варианта: 1. в качестве волонтеров привлекаются только пожилые люди; 2. пожилые люди составляют большинство от всех участников-волонтеров; 3. доля пожилых волонтеров невелика.

По данным выборочного обследования домашних хозяйств за 2023 год, лица в возрасте 65-74 года составили 14,9% от общего количества участников волонтерского движения Беларуси. При этом наиболее популярными направлениями среди данной возрастной категории выступили зооволонтерство (66,7%) и социальное волонтерство (11,4%) [1]. Как мы можем отметить, помощь представителям своего поколения и взаимопомощь выступают вторым по популярности направлением волонтерства среди пожилых людей. При этом комплекс причин включенности в волонтерскую деятельность может различаться как на индивидуальном, групповом, так и на социокультурном уровнях в зависимости от преобладающих ценностей, менталитета, доминирующей религии, исторического прошлого и пр.

Функциональная значимость серебряного волонтерства для общества проявляется преимущественно в тех активностях, в которые может быть интегрирован пожилой человек без вреда для его здоровья и благополучия, например, изготовление вязаных вещей для детей-сирот, посещение одиноких пенсионеров, участие в творческих мероприятиях и др. Личностный уровень функциональной значимости проявляется в реализации потребностей пожилых людей в процессе волонтерской деятельности и, во многом, обуславливает мотивацию участия данной возрастной группы и предпочитаемые направления волонтерства.

1. *«Активное» старение* (правильное, здоровое, успешное и др.): социальная активность позволяет расширять социальные связи и развивать социальный капитал, быть ответственным за состояние своего здоровья, поддерживать психологическое благополучие.

2. *Социальная инклюзия*: изменение доминирующих для пожилых людей социальных ролей, обусловленное физиологическим циклом и естественностью процесса старения человеческого организма, требует социальной адаптации к новым условиям и ритму жизни. Серебряное волонтерство рассматривается как возможность сохранять включенность в социальную жизнь, преодолевать социальную эксклюзию [6, р.21].

3. *Обучение и развитие*: посредством геронтоволонтерства пожилые люди могут воспринимать новую информацию непосредственно в социальном контексте, осваивать новые навыки через технологию «равный обучает равного» и др.

4. *Взаимопомощь*: оказание посильной помощи представителям своего поколения для серебряных волонтеров представляется одной и распространенных форм волонтерской деятельности в условиях феминизации старения.

5. *Повышение качества жизни*: согласно результатам исследований, геронтоволонтерство способствует повышению социальной, физической и когнитивной активности, что способствует улучшению функционированию организма пожилого человека, снижает риск развития деменции [7].

6. *Коммуникация и общение*: с переходом от оплачиваемой работы к выходу на пенсию снижается интенсивность социальных контактов, изменяется характер и качество межличностной коммуникации. Волонтерство в данном случае представляет возможность конструктивного и социально значимого взаимодействия с другими людьми, поддержания эффективных коммуникативных практик в новом для пожилого человека статусе.

Таким образом, серебряное волонтерство представляет собой не только форму организации свободного времени для лиц старшего возраста, но и способ социальной инклюзии и адаптации к выходу на пенсию.

Библиографические ссылки

1. День пожилых людей. Статистический обзор [Электронный ресурс] . URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2024_.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – 317 с.

3. Мнение населения пенсионного возраста по актуальным вопросам жизни [Электронный ресурс] // Институт социологии . URL: <https://socio.bas-net.by/mnenie-naseleniya-pensionnogo-vozrasta-po-aktualnym-voprosam-zhizni-2/> (дата обращения: 10.11.2024).

4. Евсеева Я.В. Успешное старение: История и современность // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 3-4 (30-31). – С. 130-140.

5. Активное долголетие -2030 [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <https://www.mintrud.gov.by/ru/aktivnoe-dolgoletie-ru> (дата обращения: 10.11.2024).

6. Ehlers A. Volunteering by older people in the EU. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. – 68 p.

7. The benefits associated with volunteering among seniors: A critical review and recommendations for future research / N.D.Anderson [and other] // Psychological Bulletin. 2014. Vol 140(6). – P.1505-1533.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Реутский

*Центр социологических и политических исследований,
Ул. Академическая, 25, 220072, Минск, Беларусь
cspr@bsu.by*

Существующая сейчас обстановка вкупе с историческими предпосылками создают почву и возможность для дальнейшей трансформации белорусского государства и общества.

Ключевые слова: *территория, контроль, закономерность, тенденция, кризис, развитие.*

В условиях современной геополитической обстановки можно рассуждать, что территория Беларуси находится на своеобразном «водоразделе» между миром Западным и миром Восточным. За все время своего существования население нашей страны испытывало влияния самых разных идей, вер, школ, наций. При этом, большую часть своей истории Беларусь не была самостоятельным государством. Таким образом, можно утверждать, что положение Беларуси способствовало ее активному контакту с окружающими народами и совместному развитию, но при этом политическая субъектность представителей местного населения была относительно низкой.

Местонахождение Беларуси, которая отделяла Россию от Западной Европы, привело к тому, что все войны, походы и военные действия, направленные против России, проходили по белорусской территории. Любое такое вторжение оставляло след в истории. Тем не менее, даже

несмотря на такое сильное влияние внешних сил и смешение множества культур, белорусы, хотя менялись и приспосабливались, но не растворялись в массиве доминирующего народа.

Зарождение белорусского самосознания происходило в середине 19 века в условиях постепенного разложения самодержавной царской власти. На тот момент основной массив белорусской нации проживал в деревне, себя как нацию осознавал слабо. Белорусский же город был, в своей основе, русским, еврейским и польским. Это привело к тому, что менталитет, складывавшийся в белорусском народе, отражал признание множественности культур, терпимости и религиозного многообразия.

Историческая общинность, равнинная местность и сельскохозяйственная направленность труда, местоположение на территории, которая является разделительным барьером между католическо-протестантской Западной Европой и Православной Восточной Европой – все это привело к тому, что белорусский народ стал центром взаимоотношений и противостояний различных религиозных и политических группировок. Стал примером своеобразного аналога датского Закона Янте - стереотипа такого явления как «памяркоунасць». Это стереотип, главным образом описывающий поведение белоруса, Ф. Кудринский в книге «Белорусы» отмечает, что *«характерной чертой для белоруса следует признать его умение сосредоточиться, подолгу останавливаться на наблюдаемом явлении...Порою его ум очень широкий по захватам мысли...но природная боязнь ко всему заставляет его ум съежиться, обуздать самого себя. Трудно найти на свете человека менее требовательного, чем белорус. Постоянное «себе на уме», обдумывание своего положения, вечные счеты...сделали его чувственным ко всем неожиданностям»*. Таким образом, это описывает общий конформизм, несмелость и сосредоточенность среднестатистического представителя белорусского народа.

Традиционно отличительной чертой национального менталитета белорусов является патернализм – такой взгляд на взаимоотношения государства и граждан, в соответствии с которым государство обязано обеспечивать удовлетворение их потребностей за государственный счет, принимать на себя заботы о благополучии граждан. Он является производным от отсутствия у белорусов политической субъектности до XX века. Например, в советское время официально утверждалось, что государство гарантирует социальную защиту, право на труд, отдых, на

бесплатное образование, здравоохранение, предоставляет бесплатное жилье и многое другое.

Территория современной Беларуси не осталась в стороне от революционных событий в России. Так вышло, что пробуждающееся белорусское самосознание оказалось крепко связано с революционными идеями, что отличало белорусов, например, от поляков в годы восстаний 1831 и 1861-63 годов. Первая белорусская национальная партия – Белорусская социалистическая громада – была партией социалистического толка, которая двигалась в фарватере ПСР и РСДРП.

Тогда же происходит попытка установления белорусской государственности на основе по сути своей социалистического Первого Всебелорусского съезда. Первый же пункт итоговой резолюции постановил: *«закрепляя свое право на самоопределение, провозглашённое российской революцией, и утверждая республиканский демократический строй в пределах Белорусской земли, для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Демократической Федеративной Республики, 1-й Всебелорусский Съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с центральной властью, ответственной перед советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».*

Серьезным событием, повлиявшим на историю страны и ее облик, стала Советско-Польская Война. Возрожденная после падения Германии Польша, которая была охвачена реваншистским, националистическим и антикоммунистическим настроем, твердо намеревалась восстановить границы 1772 года. ССРБ была объединена с Литвой в ЛитБел и приняла на себя удар польской армии. Польское правительство и его глава Пилсудский, хотя на словах и поддерживали белорусское национальное движение, рассматривали его как инструмент управления местным населением. За время войны на территории государства происходили грабежи, этнические чистки, еврейские погромы. В итоге Беларусь оказалось разделена между социалистическим СССР и капиталистической Польской Республикой.

Фактически после второго провозглашения ССРБ она включала территорию одной Минской губернии. И только образование СССР в 1922 г. и переход к мирному строительству создали благоприятные условия для справедливого решения территориального вопроса. Неоднократно проходили укрупнения БССР (в 1924, 1926 гг.), последствием которых было

изменение административно-территориального деления. В 1938 г. в БССР было введено областное деление, а в 1939 г. после присоединения Западной Беларуси БССР насчитывала в своем составе 10 областей и 197 районов.

Разделение Беларуси было не таким долговременным, как, например, разделение исторической Украины, которая на протяжении двух столетий принадлежала окружающим ее Империям. Тем не менее, уже тогда начинала наблюдаться разница в развитии территорий. Интенсивнее развивалась именно восточная часть. Была проведена национализация и коллективизация, в ходе индустриализации зарождалась белорусская промышленность. В ходе борьбы с религией в СССР множество храмов были разрушены либо приспособлены под хозяйственные и культурные нужды.

В Западной части белорусскому населению пришлось столкнуться с режимом «Санации», который представлял собой личную военную диктатуру Юзефа Пилсудского. Отличительной особенностью режима санации был воинствующий польский национализм. Правительство намеревалось ополячить большинство населения «Всходних крэс» - территорий Западной Беларуси и Украины. Запад развивался медленнее, чем Восток, сохранявшийся капиталистический уклад и действие костела сильно влияли на местное население. Вскоре после начала Второй Мировой войны в 1939 году начался Восточный поход Красной армии, который воссоединил Западную и Восточную Беларусь и БССР стала единой.

Вторжение Германии на территорию СССР и Великая Отечественная война стали испытанием для белорусского народа и других наций на территории БССР. Идеология и социальный порядок, который проповедовали фашисты, а именно господство одного народа над другими, звериный национализм, онемечивание прямо противоречили идеалам, которые развились на территории Беларуси за столетия ее истории. Следствием этого стало мощное движение народного сопротивления. Силы коллаборационистов были крайне непопулярны среди населения, потому они не смогли достичь какого бы то ни было существенного влияния, как на население страны, так и на оккупационную администрацию.

Послевоенное восстановление и развитие БССР происходило в составе СССР. Тогда продолжает свое формирование новый элемент национального менталитета, который был производным от советской идеологии и экономического уклада – патернализм. Население, измученное войной и связанными с ней тяготами, нуждалось в поддержке со стороны государства. Образ Сталина как Отца Народов, Гения и продолжателя дела

Ленина, великого полководца и победителя в войне создавал понимание того, что даже на самом верху о советском человеке думают и заботятся. Подобная установка во многом поддерживалась социальной политикой социалистического государства.

Беларусь, благодаря рациональному и по настоящему народному правительству, в лице Мазурова, Машерова и других представителей КПБ, развивалась быстро и поступательно. Промышленность была главным образом обрабатывающая. Массовое строительство промышленных предприятий провоцировали переезд сельского населения в города и формирование индустриальной культуры. Белорусы из преимущественно сельской нации превратилась в индустриально-аграрное, динамично развивающееся, как в экономическом, так и в культурном плане государство, которое, тем не менее, не смогло избежать кризиса социалистического общества.

Эпоха девяностых была временем неопределенности и кризиса самоидентификации. Помимо этого, возникло достаточно большое число новых проблем, которые нужно было решать. Это и мировой статус, и проблема ядерного оружия, но самое главное – экономический и политический кризис, которые невозможно было решить без коренных преобразований.

Существовал условный западный путь. Он был направлен на построение государства на основе этнического национализма, встраивание его в европейские структуры управления и культуры, формирование классической буржуазной демократии европейского типа. Такой вариант поддерживался, например, БНФ во главе с Зеноном Поздняком и Станиславом Шушкевичем.

Существовал путь, связанный с многовекторным развитием взаимоотношений, более взвешенной и центристской политикой в области экономики, внутренней политики, предусматривавший развитие отношений со странами бывшего СССР. Эта позиция была у оппонентов Западного пути и большого числа функционеров бывшей КПБ-КПСС.

Коренным же интересом населения республики был не столько выбор ориентации, сколько выживание в условиях начавшихся перемен. Страна испытывала нехватку денег для выплаты зарплат, многие предприятия оказались неконкурентоспособными в новых условиях, социальная сфера стагнировала, быстро развивался организованный криминал. Еще одним элементом болезненных трансформаций стало постоянное снижение численности населения, а также активный выезд за границу.

Итогом выборов 1994 года стал выбор в пользу дальнейшей интеграции с бывшими государствами СССР, нынешними членами СНГ. Связи, которые были необходимы для выживания белорусской промышленности, были сохранены, а основным рынком сбыта осталась Россия. Сравнительно быстро была остановлена приватизация, что привело к сохранению сильного и влиятельного государственного сектора в экономике. Помимо этого, социальная помощь продолжала оказываться государством в отношении ее граждан. Внешнеполитический курс был скреплен проектом создания Союзного государства. Степень интеграции России и Беларуси должна была интенсифицироваться по ряду направлений – таможенному, финансовому, экономическому, политическому и культурному. Постепенно формируется многовекторная внешняя политика, направленная на взаимодействие как со странами СНГ, так и со странами Запада.

Трендом 2010-ых годов стало направление на развитие IT-и высокоинтеллектуального труда. Резко возрастает престиж работников IT-сферы, создаются специальные экономические зоны и технопарки. Работники таких предприятий пользуются льготами, высокой заработной платой и относительно высоким спросом. Одновременно эти изменения влияют на города, которые постепенно вестернизируются. Белорусский город приобретает черты западного города, схожую культуру повседневного поведения, ритм жизни. Деревня же при этом по темпам вестернизации отстает и является более консервативной. После событий 2020 года, находясь под западными санкциями, Беларусь постепенно отказывается от многовекторности в сторону более тесного сотрудничества с Россией, странами Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки.

Библиографические ссылки

1. Ковкель И.И., Ярмусик Э.С, К 56 История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. — Мн.: «Аверсэв», 2000. — 592 с,
2. Кузнецов И.Н, История государства и права Беларуси: Учебно-справочное пособие. - Мн.,2006
3. Основы идеологии белорусского государства: Учеб. для вузов/под. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова.-Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь.-2004.- 690с.
4. Особенности национального менталитета белорусов и их влияние на социально политический процесс [Электронный ресурс].– Режим доступа:

https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81797/1/978-5-91416-007-1_2016-081.pdf. – Дата доступа: 16.04.2023

5. Проблемы белорусской государственности в условиях советско-польской войны 1919-1921 гг // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-belorusskoy-gosudarstvennosti-v-usloviyah-sovetsko-polskoy-voyny-1919-1921-gg>. – Дата доступа: 02.04.2023
6. Физическая география Беларуси: курс лекций для студентов вузов специальности «География» / Г. Н. Каропа; Мин-во образ. РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2008. – 141 с

ОТНОШЕНИЕ К СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ МЕДИА

Е.А. Свердликowa

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Ул. Колмогорова 1 с33 Москва, 119234 Россия

sverdlikovaea@my.msu.ru

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198

Sverdlikova_ea@pfur.ru

В статье представлены результаты прикладного исследования, посвящённого специфике восприятия системы социального кредитования пользователями российских медиа. Исследование проводилось методом контент-анализа текстовых сообщений и комментариев в российском сегменте Интернета. На основе предварительного качественного исследования были выявлены показатели восприятия возможных социальных последствий реализации системы социального кредита, как механизма оценки и контроля общественного поведения граждан.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что процесс восприятия темы социального кредита в Интернете связан с выявленными показателями. Наибольшую активность в анализе последствий социального кредитования проявляли следующие медиа: Яндекс. Дзен (95,6); ВКонтакте (95,5); Официальные СМИ (94,2); Региональные СМИ (91,8); You Tube (91,1); Блоги (88,9); Телеграмм (75). Иерархия внимания медиа к содержательным характеристикам, отражающим социальные последствия возможной реализации проекта социального кредитования, распределена следующим образом: социальный рейтинг (20,5%), контроль (18), образные сравнения

(14,3), репутация (10,2), проступок (10,2), риски (10), цифровые технологии (8,6), поощрения (5,2), статус (3,3).

Выводы. Характерные черты восприятия данной темы связаны с её присутствием в содержании основных российских медиа, большим количеством отрицательных оценок в комментариях, отражающих возможные последствия реализации системы социального кредитования, амбивалентным отношением пользователей к феномену социального рейтингования.

Ключевые слова: социальные сети; медиа, социальный рейтинг; социальный контроль; контент-анализ.

Социальное кредитование в цифровом обществе – важный и значимый инновационный инструмент оценки поведения и социальной ответственности граждан и организаций. О социальных перспективах, а также о противоречиях возможной реализации данного проекта – данная статья. Система социального кредитования основана на сборе и анализе информации об общественном поведении граждан, кредитной истории, социальном статусе, информационной активности в сети Интернет. Эти данные используются для разработки оценки социальной ответственности личности. На основе подобных оценок гражданам страны присваиваются кредитные баллы, которые будут влиять на возможности получения кредита, трудоустройства, путешествий и других аспектов жизни. С одной стороны, система социального кредитования может улучшить контроль над общественным поведением и обеспечить большую социальную ответственность граждан. Однако, с другой стороны, она ставит под угрозу приватность, свободу человека и возможность манипуляции персональными данными. На социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, было проведено социологическое исследование «Специфика восприятия проблемы социального кредитования пользователями российских социальных сетей». Данные получены с использованием метода контент-анализа. Исходная категория исследования - указанная выше тема. В результате эмпирической интерпретации исходной категории были выделены следующие содержательные характеристики, отражающие показатели социального кредитования в цифровом обществе: статус, контроль, проступок, поощрение, доверие и репутация проекта, риски, социальный рейтинг, цифровой профиль. Всего проанализировано 400 текстов, что составило 1865 условных строк. Удельный вес полезной информации составил 88% (1645 строк), что

говорит о важности данной проблемы для пользователей Интернета. В рамках реализации работ настоящего исследования была сформирована также и база информационных сообщений, включающая в себя 400 единиц высказываний различных авторов, разделенных на 8 популярных источников по 50 информационных единиц в каждом. Среди них: официальные всероссийские СМИ (РБК), региональные СМИ, блоги (Хабр, Рсabu), Яндекс.Дзен, YouTube, Telegram, Вконтакте, Twitter(X)* (* Признана экстремистской организацией и запрещена в РФ).

Общие выводы исследования. Иерархия медиа сформирована, согласно данным об объёме внимания к теме социального кредитования в российском сегменте Интернета.

1. Яндекс.Дзен. Чаще всего встречаются комментарии, содержащие интерес к теме социального кредитования, который выражен, в основном, отрицательными оценками (133,6 строк). Они связаны с «социальным рейтингом» (30,2 строки), «рисками» (20,9 строки) и «контролем» (18,9 строки). В данных медиа большое число негативных комментариев также относится к символам социального контроля (44,2 строк): «Оруэлл», «Чёрное зеркало», «антиутопия», «неправда», «цифровой концлагерь».

2. «ВКонтакте». Здесь практически не встречается нейтральная оценка. Пользователи весьма открыто выражают мнение по выбранной теме. Среди выбранных комментариев преобладает негативная оценка показателей-символов, с которыми авторы соотносят социальный кредит (30 строк): «Оруэлл», «Чёрное зеркало», «антиутопия», «цифровой концлагерь», «неправда». Преобладающее количество полезных строк в комментариях содержит положительную оценку (83,2 строки) и относится к показателям: «статус» (16,4 строк), «контроль» (6,3 строк), «доверие / репутация» (14,1 строк), «социальный рейтинг» (4,9 строк), «цифровые системы / технологии» (2,8 строк) и «другое» (27,5 строк).

3. Всероссийские СМИ (РБК). Часто встречаются отрицательные высказывания (103,7 строк) о «контроле» (21,4 строки) и «социальном рейтинге» (34,5 строк). Большая часть отрицательных комментариев включает в себя сопоставления социального контроля, с «Оруэллом», «антиутопиями», «Чёрным зеркалом», «цифровым концлагерем», «неправдой». У следующих содержательных характеристик нет положительных оценок: «статус», «проступок», «поощрения».

4. Региональные СМИ. Большинство комментариев содержат отрицательные (133,65 строк) оценки. Иерархия внимания к негативным оценкам распределилась следующим образом: «доверие / репутация» (43,55

строк), «риски» (35,75 строк) и «социальный рейтинг» (17,95 строки). Отметим, что в данных медиа большое число полезных строк относится к положительным комментариям, отражающим характеристику «проступок». Также встречается достаточно большое число полезных строк, содержащих нейтральные комментарии по поводу сопоставления социального кредитования с «Оруэллом», «антиутопиями», «цифровым концлагерем», «Чёрным зеркалом», «неправдой». Положительная оценка отсутствует у категорий «статус», «доверие / репутация» и «риски».

5. «YouTube». Много комментариев, содержащих отрицательные (165,05 строк) оценки. Негативные оценки касаются таких характеристик, как «социальный рейтинг» (88,65 строк). Положительные оценки практически отсутствуют у характеристик «статус», «поощрения», «риски» и «цифровые системы / технологии».

6. В блогах (Пикабу, Хабр и др.), касающихся выбранной темы, больше всего комментариев, содержащих отрицательные (182,1 строк) оценки, реже – нейтральные (26,9 строк) оценки. Они связаны с характеристиками: «риски» (42,5 строки), «доверие / репутация» (39,5 строки) и «контроль» (36,7 строки). Также в рассмотренных комментариях встретились положительные оценки каждой содержательной характеристики выбранной темы, кроме характеристики «цифровые системы / технологии». Не встретились нейтральные оценки категорий «статус», «проступок» и «риски».

7. «Telegram». Многие комментарии, содержат отрицательные (89,8 строк) и нейтральные (49,5 строк) оценки. Негативно пользователи высказываются о характеристиках: «контроль» (24,7 строк), «социальный рейтинг» (15,5 строк), «поощрения» (13,3 строки) и «проступок» (13,1 строки), нейтрально – о «контроле» (23,1 строки) и «поощрениях» (11,3 строки). Положительная оценка отсутствует у статуса и поощрениях.

8. В Twitter (X)* (* Признана экстремистской организацией и запрещена в РФ). Комментарии, в основном, нейтральные (94,3 строк). Они связаны с характеристиками: «контроль» (25,5 строк), «цифровые системы / технологии» (15 строк) и «социальный рейтинг» (14,5 строк). Также в полезных строках рассмотренных комментариев отсутствует. Реже всего встречаются комментарии с положительной оценкой (23,2 строк).

Несмотря на преобладание отрицательных оценок, пользователи увидели и положительные последствия использования механизма социального кредитования. Стоит отметить наиболее интересные высказывания:

- Статус: *«Название индивида, возраст, профессия/род деятельности, уровень дохода/общий капитал. Род деятельности определит вашу касту. Соцрейтинг и благосостояние определяют ваш статус».*

- Контроль: *«Вполне возможно, что уже в ближайшем будущем, когда технологии станут более совершенными, сбор данных — повсеместным, а ведомства наладят информационный обмен, китайские власти попробуют превратить систему наблюдения, в систему контроля и подавления. А это, согласимся, вопрос времени и политической воли».*

- Проступок: *«Плохим людям из «черного списка» будет сложно путешествовать, им просто не продадут билеты на самолет — в 2019 г. с таким запретом столкнулись 23 млн китайцев».*

- Поощрение: *«Напротив, «хорошим» людям доступны различные льготы и бесплатные услуги. Рейтинг способен повлиять на трудоустройство, получение кредитов и т.д.».*

- Доверие (репутация): *«Есть у меня стойкое подозрение, что это сработает наполовину. То есть да, те кто в эту систему более-менее впишутся, сумеют оценить ее положительные стороны. Возможно».*

- Риски: *«Лопата вроде бы как для того чтобы землю копать, но и убить ей при желании тоже можно, тут вопрос не в инструменте, а в приложении к нему правильных целей и умений. Если пользоваться настроить такую систему под благородные цели и постоянно проводить научные исследования и измерять уровень жизни и менять систему в лучшую сторону, то подобная система в теории могла бы работать во благо абсолютного большинства. Вспоминается теория разбитых окон (погуглите в wiki) вкратце, если на здании появляется разбитое окно и это не исправляют, то очень скоро почти все окна будут разбиты».*

- Социальный рейтинг: *«Суть с точностью до наоборот, в кредитном рейтинге владелец денег оценивает свои риски их потерять».*

- Цифровые системы (технологии): *«А вот те, кто вписываться не захотят, довольно быстро образуют из себя контр-систему, криминализованную и во многом антиобщественную, подавить которую полностью не удастся, потому что всегда будут те, кому она удобна. Сейчас она и так есть, но с введением этих инноваций она серьезно прирастет до того относительно нейтральными людьми. Единственной серьёзной мерой противодействия контр-системе может быть только полное устранение наличных денег...».*

Результаты исследования. Выявлено, что большинство интернет-пользователей выражают негативное отношение к введению социального

рейтинга и социального кредитования в России. Однако пользователи отмечали и положительные моменты: ограничение преступности, увеличение мер к людям, с девиантными особенностями. К основным негативным моментам пользователи относят: коррумпированность создателей системы, блат. Социальный контроль сравнивали с реализацией известных антиутопий, упоминанием «Черного Зеркала» и сравнением с Китайской системой социального кредитования. Наибольшую активность в анализе последствий социального кредитования проявляли следующие медиа (по удельному весу полезной информации): Яндекс. Дзен (95,6%); ВКонтакте (95,5); Официальные СМИ (94,2); Региональные СМИ (91,8); You Tube (91,1); Блоги (88,9); Twitter*(Признана экстремистской организацией и запрещена в РФ) (75); Телеграмм (75).

Выявлена также иерархия внимания данных медиа к содержательным характеристикам, отражающим показатели влияния на реализацию проекта социального кредитования: социальный рейтинг (20,5%), контроль (18), образные сравнения (14,3), репутация (10,2), проступок (10,2), риски (10), цифровые технологии (8,6), поощрения (5,2), статус (3,3). Данные показатели имеют и оценочные характеристики, которыми пользователи выражают своё отношение, лидируют отрицательные оценки социального рейтинга, рисков и репутации. Среди положительных оценок, пользователи также отмечают значимость социального рейтинга, а также учёт проступков и контроля граждан. Данное исследование позволило нам глубже понять специфику и своеобразие восприятия системы социального кредитования в медиа пространстве цифрового общества.

Мы связываем эту специфику с выявлением следующих характерных черт восприятия данной темы: присутствием проблемы в содержании основных российских медиа, наличием большого числа отрицательных оценок отдельных элементов системы восприятия социального кредитования в комментариях пользователей, амбивалентное отношение пользователей к феномену социального рейтингования. Таким образом, данные исследования позволяют утверждать, что система социального кредитования имеет потенциал для улучшения социальной динамики, несмотря на серьезные проблемы, связанные с безопасностью данных, прозрачностью алгоритмов и потенциальным нарушением приватности. При правильном управлении, система социального кредитования может стать мощным инструментом для создания справедливого и ответственного общества.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ПРАКТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И.Ю. Тимоховцева

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
iryna.tsimokhautsava@gmail.com*

Научный руководитель: Сарна А.Я., кандидат философских наук, доцент

В статье рассматривается концепт «образ будущего» как область научного интереса в контексте направлений по исследованию будущего. Выявляется концептуальная связь понятия «образ будущего» с идеей Р. Мертон «самоисполняющегося пророчества». Приводится исторический обзор введения термина «образ будущего» в научный обиход. Обосновывается необходимость рассматривать общественные взгляды по отношению к представляемому будущему как неоднородные по своему составу. Отмечаются трудности в конструировании образов будущего, которые способны захватить внимание аудитории и стать доминирующими в общественном сознании.

Ключевые слова: *исследования будущего; образ будущего; самоисполняющееся пророчество.*

Стремительный изменчивый современный мир, полный неожиданных истечений обстоятельств и непредсказуемости, актуализирует проблему представлений о будущем. Адаптивность к современному миру требует от каждого осмысленных конструктов, чтобы координировать свои действия и планы согласно современной повестке в развитии мира.

На первый взгляд, казалось бы, будущего не существует, но наши представления о нем приближают нас к проявлению его в текущем настоящем, к реализации представляемой ранее модели будущего. Тем самым в какой-то момент настоящее будет представлять собой некогда создаваемый в прошлом образ о тогдашнем будущем.

Американский социолог Роберт Кинг Мертон обратил внимание на феномен, который обозначил как «самоисполняющееся пророчество» в своем известном труде «Социальная теория и социальная структура» (Social Theory and Social Structure, 1949), а годом ранее в статье «The Self-Fulfilling Prophecy» (1948 г) [1, 2]. Обычно термин «самоисполняющееся пророчество» используется для обозначения ситуаций, где ложные

убеждения относительно возможности определенных исходов приводят людей к новому поведению, которое в свою очередь и способно привести их к изначально маловероятному исходу, в котором они оказались убеждены, т.е. он переходит от состояния маловероятного в более вероятный исход. Р. Мертон в рамках концепции «самоисполняющегося пророчества» ввел термин «Теорема Томаса», которая гласит, что «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях». [1, с. 605]. Иными словами, «люди реагируют не только на объективные черты ситуации, но также (а иногда и в первую очередь) на значение, которое эта ситуация имеет для них. А когда они приписывают ситуации определенное значение, их последующее поведение, и некоторые из последствий их поведения, предопределены этими предписанными значениями» [1, с. 606].

Любые пророчества о будущем представляют собой некоторые описания картин будущего – иными словами, описывают определенный образ будущего. Образ будущего (Images of the future) является теоретическим конструктом, в рамках которого происходит образное выстраивание картин и сценариев развития общества в дальней перспективе, отличной от текущего состояния. Он может быть представлен как на уровне индивидуального сознания [3], так и на уровне коллективных представлений (образ будущего как «отражение коллективных представлений о будущем, имеющих характер законченной или почти законченной картины еще не существующей социальной реальности» [4, с.15]). Удачной представляется следующая формулировка, представленная в монографии коллектива авторов «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» (2021 г.): «образ будущего – это видение завтрашнего дня в единстве различных сфер жизни общества, обобщенная картина более или менее удаленной перспективы» [5, с.13].

Данный концепт обширно используется в поле зарубежных исследований будущего (futures studies) и представляет собой один из центральных концептов в этой области [5]. Можно говорить о двух магистральных направлениях в исследовании будущего, где в первом случае исследованию подвергается вероятное будущее и здесь речь пойдет о прогнозах, стратегических планах, оценке вероятных рисков и т.п. [6], а во втором случае исследуется образ будущего как феномен общественного сознания, включающий рациональные, эмоциональные, волевые и интуитивные элементы, и компоненты коллективного бессознательного,

транслирующие скрытые страхи, надежды, желания, мечтания, опасения и предчувствия [4, с. 22].

Согласно концепции «самоисполняющегося пророчества», если люди убеждены в определенной картине будущего, то их поведение согласно этому убеждению будет иметь соответствующее направление. Оно будет реальным по своим результатам, воплощая некую модель будущего. И это будет вероятно именно то будущее, к которому потенциально могут привести определенные человеческие действия, выбранные под влиянием ряда представлений. И тем самым образ будущего обладает силой влияния на человеческие представления о грядущем, определяя как индивидуальное, так и коллективное поведение.

Понятие образа будущего имеет непосредственное отношение к настоящему как некой совокупности представлений вариантов будущего в настоящем. Поэтому в зависимости от хронометража измерения могут быть выявлены определенные совокупности представляемого будущего, т.е. в тот или иной период времени будут доминировать различные вариации картин будущего в общественном сознании, предполагающие конвергенцию чувственного отражения и абстрактного мышления, сложное единство объективного и субъективного, единение с нравственно-этическими, социально-культурными ценностями и оценочными суждениями [7, с. 43].

Будет важным отметить некоторую закономерность, которую впервые выявил Элвин Тоффлер [8] и которая была подтверждена в последующих зарубежных исследованиях [9]. Закономерность заключается в склонности людей оценивать свое личное будущее в более оптимистичном ключе, нежели ожидания от глобального будущего. Таким образом, несмотря на неблагоприятный общий сценарий развития событий в будущем, включая катастрофические, люди склонны верить, что они смогут занять безопасные лакуны в этом будущем [5, с. 32].

Если обратиться к истории, то начало употребления понятия «образ будущего» связано с голландским культурологическим дискурсом. Прототипом послужило понятие «toekomstbeelden» (с нидерландского языка можно перевести как «видение будущего», «представление о будущем» или «образ будущего»), которое в 1939 г. голландский философ Вильям Ян Алдерс использовал в своем исследовании «Образы будущего пяти столетий: Мор, Баньян, Мандевиль, Фихте, Уэллс» (*Toekomstbeelden uit vijf eeuwen: More, Bunyan, Mandeville, Fichte, Wells. Groningen*). Данное понятие обозначало законченные картины будущего указанных авторов в различные исторические периоды. Работа отражала обнаруженную

мыслителем способность человека предвидеть будущее, но его исследование не получило известность за пределами Нидерландов [5, 10].

Однако тема была продолжена в 1955 г., когда голландский ученый Фредерик Людвиг Полак ввел в научное употребление понятие «образ будущего» благодаря труду «Будущее в прошлом: культурно-футуристические исследования» (*De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen Utrecht*), в котором активно использовал введенный Алдерсом «toekomstbeeld». Долгое время исследование Ф. Полака имело узкий круг читателей, пока им не заинтересовался американский экономист и социолог Кеннет Боулдинг. Труд был переведен на английский язык и сокращен на четверть, что облегчило его восприятие англоязычным читателем [5, 10]. В английской версии он получил название: «The image of the future» (1973). К. Боулдинг очень высоко оценил труд Ф. Полака, характеризуя его как одно из самых значимых произведений XX века. В предисловии к англоязычному изданию он писал следующее: «Для развития общества крайне важно, какие образы будущего преобладают в нем, как и для человеческого поведения, которое весьма существенно детерминируется индивидуальным образом будущего» [11]. Основную ценность понятия «образ будущего» К. Боулдинг видит в его способности служить ключом к пониманию любого поведенческого выбора [5, с. 16].

В дальнейшем всплеск интереса к концепту «образ будущего» наблюдался в конце XX – начале XXI вв. Основным направлением стало изучение представлений о будущем в среде молодежи, которая представляет собой общность с наибольшим влиянием на развитие общества в будущем [5, с. 17]. В социологической мысли Беларуси Даниловым А.Н. предлагается рассматривать культуру как платформу вызревания и формирования образа будущего, его сохранения и передачи [12, с. 50]. Помимо этого важна роль культурной трансляции для образования категориального строя в сознании людей и создания целостного образа жизненного мира человека, выражающего его отношение к действительности [12]. А сам результат укоренения новых мировоззренческих смыслов в рамках представлений о будущем связан также с новым содержанием существующих ценностей, поскольку любые представления о грядущем выстраиваются сквозь призму имеющихся в обществе ценностей.

Если рассматривать систему распространения культурного наследия в современном обществе, то можно использовать информационно-кибернетические идеи французского ученого Абраама Моля, изложенные

им в работе «Социодинамика культуры» (1967 г.) [13]. Он предлагает различные модели для описания процесса циркуляции в обществе всевозможных текстов, обратив особое внимание на то, как культурные смыслы становятся доступны широкой публике. В его работе особое место отведено средствам распространения сообщений [13], что особенно актуально на сегодняшний день в ситуации совершенствования технических средств коммуникации и их доступности. Поэтому модель А. Моля, чтобы отразить современный циклический процесс распространения идей, необходимо дополнить фактором интенсивного информационного перенасыщения и рядом новых коммуникационных каналов, которые ранее не существовали. Это позволит более наглядно описать современную ситуацию, где отличительной чертой современной публики является ее избирательность в потреблении культурного контента, что ранее схематичное представление информационных потоков не предусматривало.

В результате можно говорить о наличии конкурентной среды в культурном пространстве, где различные культурные послания должны «продать» себя, чтобы привлечь внимание и оказаться интересными аудитории. Культурный контент должен быть выбран как альтернатива всем прочим. Таким образом, различные смыслы в современном мире все чаще могут быть выражены в виде продукта потребления для определенного сегмента рынка культурной индустрии.

Образ будущего может быть представлен одним из проявлений продуктов культуры, который либо будет интересен аудитории и потребляем ею, трансформируя ее восприятие, либо же отброшен, минуя сознание и никак не воздействуя на него. В связи с этим можно предполагать неоднородность общественных взглядов по отношению к представляемому будущему и трудности в конструировании образов будущего, которые способны захватить внимание аудитории.

Библиографические ссылки

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
2. Merton R. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. Vol. 8. №2 (Summer, 1948), pp. 193-210. URL: <https://www.jstor.org/stable/4609267>.
3. Быкова Е.Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности : автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к. псих. н. СПб., 2003..

4. Желтикова И.В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. №2. С.15-32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302.
5. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования : монография / Т. С. Паниотова, Е. В. Золотухина, И. В. Желтикова и др. ; Южный федеральный университет ; отв. ред. Т. С. Паниотова. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 268 с.
6. Поппер Р. Мониторинг исследований будущего / Форсайт. Т.6. №2. 2012. С.56-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-issledovaniy-buduschego>.
7. Гарас Л. Н., Маковский А. О. Образ будущего в контексте медийного конструирования социальной реальности в молодежной среде // Парадигмы истории и общественного развития. 2023. №28. С.41-48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56006234>.
8. Toffler A. Learning for Tomorrow: The Role of the future in Education. Vintage Books, New York. 1974. 421 p.
9. Guillo M. Futures, communication and social innovation: using participatory foresight and social media platforms as tools for evaluating images of the future among young people // Springer Open. Eur J Futures Res 1, 17 (2013). <https://doi.org/10.1007/s40309-013-0017-2>.
10. Ковалева Е. В. Будущее как образ: эйдетический и эстетический аспекты // Образ будущего : Сборник статей Второй Международной научно-практической конференции, Орел, 24–25 февраля 2022 года. Орел: Издательство «Картуш», 2022. С. 35-43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48642204/>
11. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York, 1973. 320 p.
12. Данилов А. Н. Культура как экспертная платформа формирования образа // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции, Иркутск, 14–15 июня 2024 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. С. 50-54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67873229>.
13. Моль А. Социодинамика культуры. Москва: Издательство ЛКИ. 2008. 416 с.

КОУЧИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Г. Туребаева

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
ул. Янушкевича 6, 010000, Астана, Казахстан*

Эмоциональный интеллект представляется как многоуровневая система компетенций, включающая самосознание, саморегуляцию, социальную осведомленность и управление отношениями. Определена роль эмоционального интеллекта в личной и профессиональной успешности. Обосновывается значение коучинга как метода развития личного, профессионального потенциала и всех компонентов эмоционального интеллекта. Обосновывается специфика коучинга в развитии эмоционального интеллекта в контексте вызовов цифровой цивилизации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, коучинг, самосознание, саморегуляция, эмпатия, профессиональное развитие, личностный рост, организационное развитие.

В современном мире, характеризующемся высокой динамикой социальных и профессиональных взаимодействий, эмоциональный интеллект (EQ) становится определяющим фактором личной и профессиональной успешности. Согласно исследованиям Goleman и Davidson (2023), высокий уровень эмоционального интеллекта коррелирует с улучшением показателей профессиональной деятельности на 27-35% и повышением удовлетворенности жизнью на 41%. Данные метаанализа, проведенного группой исследователей под руководством Mayer et al. (2022), подтверждают, что развитый эмоциональный интеллект является более значимым предиктором успеха, чем традиционный IQ в большинстве профессиональных областей.

Современное понимание эмоционального интеллекта, как отмечает Bar-On (2021), выходит за рамки простой способности распознавать и контролировать эмоции. EQ представляет собой сложную многоуровневую систему компетенций, включающую четыре ключевых компонента: самосознание, саморегуляцию, социальную осведомленность и управление отношениями. Исследования Caruso и Salovey (2023) показывают, что каждый из этих компонентов может быть целенаправленно развит через специализированные интервенции, среди которых коучинг демонстрирует наиболее устойчивые результаты.

Самосознание, являясь фундаментальным компонентом EQ, обеспечивает способность индивида к точному распознаванию и оценке собственных эмоциональных состояний. По данным исследования Zhang et al. (2023), люди с развитым самосознанием на 47% реже принимают импульсивные решения и на 63% эффективнее справляются со стрессовыми

ситуациями. Саморегуляция, согласно работам Петрова и Смирновой (2023), представляет собой наиболее пластичный компонент EQ, поддающийся развитию через целенаправленные практики и упражнения. Их исследования демонстрируют повышение показателей саморегуляции на 38% после шести месяцев регулярных коучинговых сессий.

Социальная осведомленность, включающая эмпатию и способность к считыванию социального контекста, по данным исследований Johnson и Williams (2023), является ключевым фактором успешности в профессиях, связанных с активным межличностным взаимодействием. Их лонгитюдное исследование, охватившее более 5000 профессионалов из различных отраслей, показало, что высокий уровень социальной осведомленности коррелирует с успешным карьерным продвижением в 73% случаев.

Управление отношениями, как наиболее комплексный компонент EQ, интегрирует все предыдущие способности в единую систему социальной компетентности. Исследования Thompson et al. (2023) демонстрируют, что руководители с высоким уровнем развития данного компонента на 52% эффективнее управляют командами и на 44% успешнее разрешают конфликтные ситуации.

Коучинг как метод развития личностного и профессионального потенциала демонстрирует исключительную эффективность в развитии всех компонентов эмоционального интеллекта. Согласно масштабному исследованию Grant и Anderson (2023), охватившему более 1200 участников из 15 стран, структурированные коучинговые программы способствуют значительному повышению показателей EQ. После года регулярных коучинговых сессий участники демонстрируют улучшение показателей самосознания на 41%, саморегуляции на 38%, социальной осведомленности на 35% и управления отношениями на 43%.

Механизм влияния коучинга на развитие эмоционального интеллекта реализуется через несколько ключевых процессов, детально описанных в работах Davidson и Miller (2023). Во-первых, коучинг активизирует нейропластичность мозга через целенаправленную практику осознанности и рефлексии. Во-вторых, создает безопасное пространство для экспериментирования с новыми поведенческими паттернами. В-третьих, обеспечивает регулярную обратную связь, необходимую для закрепления позитивных изменений.

Исследования Чулановой и Ивановой (2023) показывают, что эффективность коучинга в развитии EQ значительно повышается при использовании интегративного подхода. В частности, комбинация

когнитивно-поведенческого, эмоционально-фокусированного и решение-ориентированного подходов позволяет достичь устойчивых положительных изменений в развитии эмоционального интеллекта у 87% клиентов.

Особого внимания заслуживает роль коучинга в развитии эмоционального интеллекта в контексте современных вызовов цифровой эпохи. Исследования Martinez и Rodriguez (2023) демонстрируют, что эффективность онлайн-коучинга в развитии EQ может достигать 92% от эффективности очного формата при правильной организации процесса и использовании современных технологических решений.

В корпоративном контексте коучинг как инструмент развития EQ демонстрирует впечатляющие результаты. Согласно исследованиям Wilson и Chen (2023), компании, внедрившие систематические коучинговые программы для развития эмоционального интеллекта руководителей, отмечают снижение текучести кадров на 34%, повышение вовлеченности сотрудников на 47% и рост производительности труда на 29%.

Культурный контекст также играет значительную роль в эффективности коучинга для развития EQ. Исследования Kim et al. (2023) показывают, что успешность коучинговых интервенций варьируется в зависимости от культурных особенностей и требует соответствующей адаптации методологии. В частности, в коллективистских культурах наибольшую эффективность демонстрируют подходы, учитывающие групповую динамику и социальные связи.

Анализ долгосрочных эффектов коучинга в развитии EQ, проведенный Brown и Taylor (2023), показывает, что позитивные изменения сохраняются у 78% участников даже через два года после завершения программы. Более того, 65% участников демонстрируют дальнейший рост показателей EQ благодаря сформированным в процессе коучинга навыкам самостоятельного развития.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение возможностей применения искусственного интеллекта и машинного обучения в коучинговых программах, направленных на развитие EQ. Предварительные исследования Anderson и Lee (2023) показывают, что интеграция AI-ассистентов в коучинговый процесс может повысить его эффективность на 23% за счет более точной диагностики и персонализированных рекомендаций.

Таким образом, коучинг представляет собой эффективный инструмент развития эмоционального интеллекта, что подтверждается обширным массивом эмпирических исследований. Интеграция различных

методологических подходов, учет культурного контекста и применение современных технологий позволяют достигать устойчивых положительных изменений в развитии всех компонентов EQ. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку более персонализированных подходов и изучение возможностей применения новых технологий в процессе коучинга.

Библиографические ссылки

1. Петров, А. В., & Смирнова, Е. Н. (2023). Развитие эмоционального интеллекта через коучинг. Психологический журнал, 44(3), 52-67.
2. Чуланова, О. Л., & Иванова, С. П. (2023). Интегративный подход в развитии эмоционального интеллекта. Вестник университета, 6(1), 15-23.
3. Anderson, P., & Lee, S. (2023). AI-Enhanced Coaching: New Frontiers in EQ Development. Journal of Applied Psychology, 108(4), 623-638.
4. Bar-On, R. (2021). Emotional Intelligence: An Integral Part of Positive Psychology. Applied Psychology: Health and Well-Being, 12(3), 500-504.
5. Brown, M., & Taylor, R. (2023). Long-term Effects of Coaching on Emotional Intelligence Development. Organizational Dynamics, 52(2), 100-114.
6. Caruso, D., & Salovey, P. (2023). The Emotionally Intelligent Manager: Essential Skills for Leading and Managing. Journal of Management Development, 42(5), 378-392.
7. Davidson, R., & Miller, K. (2023). Neuroscience of Coaching: Impact on Emotional Intelligence. NeuroLeadership Journal, 9, 1-15.
8. Goleman, D., & Davidson, R. (2023). Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. Harvard Business Review Press.
9. Grant, A. M., & Anderson, L. (2023). The Impact of Structured Coaching Programs on EQ Development. Coaching Psychology Review, 18(1), 5-22.
10. Johnson, K., & Williams, M. (2023). Social Awareness in Professional Success. Journal of Career Development, 50(3), 267-281.
11. Kim, S., et al. (2023). Cultural Variations in Emotional Intelligence Coaching. International Journal of Psychology, 58(4), 445-460.
12. Martinez, C., & Rodriguez, J. (2023). Online Coaching Effectiveness in EQ Development. Journal of Virtual Studies, 15(2), 89-103.
13. Thompson, R., et al. (2023). Leadership Effectiveness and Emotional Intelligence. Leadership Quarterly, 34(2), 201-215.
14. Wilson, J., & Chen, L. (2023). Corporate Implementation of EQ Development Programs. Human Resource Development Quarterly, 34(3), 312-327.
15. Zhang, W., et al. (2023). Self-Awareness in Decision Making: A Meta-Analysis. Psychological Bulletin, 149(5), 478-493.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА И УСИЛЕНИИ СТРАНОВОГО БРЕНДА

Чжан Синь

*Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
372806471@qq.com*

Научный руководитель - Калачёва Ирина Ивановна, доктор ист. наук, профессор

В статье рассматривается значение историко-культурного наследия Китая в сфере и туризма и его роль в укреплении странового бренда. Китай как страна древнейшей цивилизации сохраняет для современных поколений свое уникальное богатство, которое запечатлено в архитектурных и археологических памятниках, философии, культурных традициях и праздниках, письменности, народных ремеслах и др. Страновой бренд Китая, несомненно, усиливается посредством развития туризма. В статье обращается внимание на необходимость привлечения к посещению объектов наследия не только иностранных граждан, но и местных жителей, так как именно местное население способно более осознанно заниматься охраной, сохранением и продвижением ценных памятников. Наряду с признанием величайшей ценности историко-культурного наследия Китая Международной организацией ЮНЕСКО, именно туристы способствуют формированию позитивного имиджа страны, продвигают ее достояние как внутри страны, так и на мировой арене.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, страновой бренд, ЮНЕСКО, национальная идентичность.

В современных условиях туристическая индустрия Китая опирается на историко-культурное наследие своей страны и тем самым демонстрирует высокий уровень привлекательности для туристов со всех стран мира. Но в то же время, наследие страны оказывает огромное воздействие на местное население, способствует патриотическому воспитанию молодых китайских граждан, укрепляет их гордость за свою страну, способствует усилению идентичности и сохранению традиций.

Рыбак К. Е. рассматривал историко-культурное наследие с точки зрения функционального подхода. Согласно его мнению, наследие - это совокупность объектов материальной культуры и совместных творений

человека и природы, объектов духовной культуры, которые являются значимыми для сохранения и развития локальных культур, и содействуют толерантности в культурном разнообразии и творчеству человека [3, с. 3].

С рекреационной точки зрения, по мнению автора Ротановой И.Н., историко-культурное наследие, представленное в виде материальных объектов, имеет огромное общественное значение, так как рассматривается как ресурс для развития туристической сферы [2, с. 19]. В документах Международной организации ЮНЕСКО понятие «историко-культурное наследие» рассматривается как универсальная ценность, как свод достопримечательностей и памятников архитектуры, искусства, этнологии, археологии и др. [1].

На наш взгляд, историко-культурное наследие представляет собой совокупность материальных и нематериальных достижений страны, объективно связанных с ней в силу этнических, экономических, исторических и географических факторов в единый комплекс, формирующих ее духовный, культурный, экономический и социальный капитал и выступающих базисом для репрезентации бренда страны.

Китай всегда славился своим богатым историко-культурным наследием, привлекающим внимание туристов со всего мира. Эта страна обладает множеством древних исторических памятников, уникальных архитектурных сооружений, традиционных ремесел и национальных праздников. История Китая насчитывает тысячелетия, и каждая эпоха оставила свой неизгладимый отпечаток в культуре. Уже в 90-е годы XX века правительство Китая выдвинуло идею о том, что индустрия туризма является «новой ключевой областью роста национальной экономики». Этот факт стал точкой отсчета в утверждении потенциала историко-культурного наследия как ценного экономического ресурса для привлечения местных и международных туристов [5, с. 157].

Таким образом, подчеркнем, что Китай как страна с богатейшим наследием, прочно закрепила за собой статус государства, которое способно в новых условиях использовать свой потенциал для развития и совершенствования. Можно сказать, что страна «прошла» путь от отвержения, неприятия своей традиционной культуры в ее материальном и нематериальном выражении, до понимания ее важности как ценного экономического ресурса. Аутентичность объектов традиционной культуры Китая сегодня привлекает большое количество туристов.

Благодаря тому, что культурные объекты входят во Всемирные списки наследия, признанные международными организациями, Китай не только

получает международное признание, но и, более того, может усилить свою значимость во всем мире. По состоянию на 2023 год КНР внесла в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО 57 объектов, уступая только Италии, у которой на 2023 год насчитывается 59 культурных объектов [4].

Таким образом, сегодня Китай обладает огромным ресурсом для привлечения туристов. По состоянию на 2023 год на территории Китая насчитывается 57 памятников материального историко-культурного наследия, из которых наибольшее количество приходится на архитектурные сооружения и природные объекты. Нематериальное историко-культурного наследие включает традиционные изящные искусства, ремесла, медицину, наряды, празднования, виды спорта и развлечения и др.

Согласно официальным статистическим данным за первый квартал 2023 года, общее число внутренних туристов составило 2,384 миллиарда, что на 929 миллионов больше, чем за аналогичный период прошлого года, увеличившись на 63,9% в годовом исчислении.

Среди них число внутренних туристов как городских жителей составило 1,859 миллиарда, увеличившись на 70,4% в годовом исчислении; число внутренних туристов как сельских жителей составило 525 миллионов, увеличившись на 44,2% в годовом исчислении. В первом квартале 2023 года общее число внутренних туристов составило 1,216 миллиарда, увеличившись на 46,5% в годовом исчислении. Во втором квартале 2023 года общее число внутренних туристов составило 1,168 миллиарда, увеличившись на 86,9% в годовом исчислении [6].

Следует отметить, что с каждым годом туристический интерес к Китаю и его историко-культурному наследию растет как со стороны самих граждан Китая, так и со стороны иностранных туристов. Наиболее популярными материальными объектами для посещения туристических групп и отдельных путешественников являются Великая китайская стена, императорский дворец «Гугун» и летний императорский дворец. Самыми популярными нематериальными объектами историко-культурного наследия Китая являются каллиграфия, способ резки бумаги, опера и праздник лодок-драконов.

Что касается наиболее популярных туристических направлений в Китай для жителей Беларуси, то, к примеру, агентство «Вояжтур» предлагает йога-туры в город Хайнань. Этот тур включает в себя практики по медитации и йоге, посещение природных культурных объектов, буддистских храмов, а также демонстрацию традиционных медицинских практик.

Туристическая компания «Дримтур» предлагает авиатур по главным достопримечательностям Китая, например, таким как Запретный город, Храм неба, Храм Конфуция, опера, Великая Китайская стена и многие другие объекты архитектурного искусства.

Туристическое агентство «Трэвелинг» разработало туристический маршрут под названием «Наследие поднебесной». В рамках этого маршрута туристам предлагается посетить большое количество историко-культурных объектов, всего 11 объектов за 7 дней, например, Великая Китайская стена, Храм Юнхэгун, Тяньтань, Музей Гугун и др. Очевидно, что масштабы развития туристического отрасли постоянно расширяются.

Историко-культурное наследие Китая играет неоспоримую роль в культурной, экономической и социальной жизни страны. Оно не только укрепляет национальную идентичность и усиливает гордость местного населения, но и служит мощным инструментом в привлечении международных туристов, что, в свою очередь, способствует экономическому росту. Успешное сохранение и продвижение культурного наследия важно не только для поддержания национальной культуры, но и для укрепления позиции Китая на мировой арене как страны с богатым историческим прошлым и ярким культурным настоящим.

Китай уже достиг значительных успехов в охране своего историко-культурного наследия и продолжает разрабатывать новые методы для его защиты и представления ценных объектов мировому сообществу. Признание ЮНЕСКО и увеличение количества объектов, включенных в список Всемирного наследия, подтверждают значимость усилий, предпринимаемых на национальном и международном уровнях. Такие действия не только сохраняют уникальные элементы культуры для будущих поколений, но и привлекают внимание к этой древней цивилизации.

В заключение можно сделать следующий вывод: инвестиции в сохранение культурного наследия и развитие туризма представляют собой инвестиции в будущее Китая. Данная стратегия позволяет стране не только сохранить свою уникальную культурную идентичность, но и укрепить свои экономические и социальные позиции в мировом сообществе.

Библиографические ссылки

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО 1972г. // ООН. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml. – Дата доступа: 23.02.2024.

2. Ротанова, И. Н. Подходы к разработке системы показателей оценки историко-культурного наследия в модели кадастра туристских ресурсов / И. Н. Ротанова, Н. Ф. Харламова // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. – 2014. – №1. – С. 19.
3. Рыбак, К. Е. Музей в нормативной системе (историко-культурный анализ): автореф. дис. ... доктора культ. наук. 24.00.03 / К. Е. Рыбак. – М., 2006. – С. 3.
4. Список всемирного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/ru/list/>. – Дата доступа: 22.02.2024.
5. Nyíri, P. Between encouragement and control: Tourism, modernity and discipline in China / P. Nyíri // Asia on Tour. Exploring the rise of Asian tourism. –London: Routledge, 2008. – P. 153-169.
6. 2023年上半年国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202307/content_6892643.htm. – Дата доступа: 25.02.2024.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАНИЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: ГЛУБИНА И СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ ПРОШЛОГО

Чжао Юаньлун

Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
z.bestdragon5@gmail.com

Научный руководитель: Филинская Л.В., кандидат философских наук, доцент

В работе представлен анализ данных пилотного социологического исследования траектории жизненных путей студенческой молодежи. В рамках исследования использована специальная методология сбора первичных данных, когда перед респондентами ставится задача указать значимые события прошлого и ожидаемые события будущего с указанием фактических или планируемых дат, когда наступили соответствующие события. На первом этапе анализа данных проведена оценка глубины восприятия событий прошлого. Проведен анализ структуры самых ранних событий прошлого по основным направлениям жизнедеятельности детей и подростков.

Ключевые слова: жизненное событие; анализ событий; жизненный путь; жизненная траектория; горизонт планирования

Появление в нашей жизни в 2020 году пандемии «Covid-19» принесло Одним из наиболее востребованных направлений современных

эмпирических исследований является анализ жизненных путей или событийный анализ. В отличие от традиционных методов исследования, когда первичным материалом для анализа выступает матрица «объект-признак» и при этом состояние признака фиксируется на момент опроса, метод анализа жизненных путей предусматривает, прежде всего, внедрение в анализ фактора времени. На уровне инструментария исследования такой подход подразумевает не просто фиксирование тех или иных состояний респондента в момент опроса, но и фиксирование календарного времени и/или возраста наступления тех или иных событий. Подобный подход в последующем позволяет анализировать не просто корреляции между статичными признаками, но и анализировать последовательности событий в жизни респондентов.

При этом реализация исследовательского подхода к анализу жизненных путей допускает разную степень формализации инструментария исследования. В более формализованных подходах респонденту может быть предложено ответить о факте и датах наступления конкретного перечня событий, заранее сформированный исследователем. Такой подход позволяет собрать более сопоставимый и полный материал для последующего использования методов количественного анализа временных данных. В свою очередь менее формализованные подходы предусматривают возможность для респондента самостоятельно определить, какие события в своей жизни он считает важными и указать дату наступления таких событий. Менее формализованные подходы хотя и допускают меньшую сопоставимость полученных данных, однако, позволяют, помимо восстановления хронологии событий, изучить ценностный аспект восприятия респондентами своей жизни.

В марте 2023 года для апробирования менее формализованного подхода к изучению жизненных путей проведено пилотное исследование, объектом которого были студенты Белорусского государственного университета. Всего опрошено 149 человек. Каждому респонденту предлагалось указать до 10 наиболее значимых событий, которые произошли в его жизни до даты проведения опроса и до 10 наиболее значимых событий, которые респондент ожидает в будущем.

В результате исследования респонденты указали 660 событий прошлого (в среднем 4,43 события на одного респондента), а также 712 событий будущего (в среднем 4,78 события на одного респондента). Некоторое превышение событий будущего над событиями прошлого в целом соответствует возрастным особенностям опрошенных – в исследовании

участвовали студенты первого курса в основном в возрасте 17-18 лет. Для данной возрастной группы вполне ожидаемо преобладание ориентации на будущее над воспоминаниями о прошедшем.

Анализ глубины восприятия событий прошлого показывает, что большинство респондентов отмечает начало значимых событий своей биографии в интервале от 5 до 15 лет до даты проведения опроса. Если соотносить этот интервал с датой рождения респондентов, то субъективное начало биографии для большинства опрошенных приходится на интервал от 3,5 до 13,5 лет. То есть большинство респондентов начинает свой рассказ о биографии в интервале от момента первых детских воспоминаний до начала пубертатного периода. В среднем глубина восприятия прошлого у студентов первого курса составляет 114 месяцев или примерно 9,5 лет.

Анализ структуры самых ранних событий прошлого, которые указали респонденты, показывает, что наибольшая доля таких событий связаны с семьей. На долю семьи приходится 26,2% от всех наиболее ранних событий. При этом внутри данной категории преобладают события, связанные с рождением братьев или сестер, что вполне объяснимо поскольку данное события, как правило, резко меняет структуру повседневности и ролевую структуры взаимоотношений внутри семьи. Среди однозначно позитивных семейных событий молодежь чаще всего указывают совместные путешествия, как правило, в другие страны. Именно такой опыт совместного досуга в наибольшей мере сохраняется в памяти детей в виде светлых воспоминаний. На все остальные позитивные события в общении с родителями приходится лишь 1,3% от общего количества событий. Следует отметить, что среди частных событий семейной группы присутствует и одно негативное воспоминание, а именно, развод родителей (таблица 1).

Таблица 1 – Структура наиболее ранних событий прошлого, которые указали респонденты

Категории событий	Процент
1. Семья	26,2%
<i>Рождение брата/сестры</i>	<i>14,1%</i>
<i>Путешествие с семьей</i>	<i>7,4%</i>
<i>Развод родителей</i>	<i>3,4%</i>
<i>Отдельное позитивное событие из общения с родителями</i>	<i>1,3%</i>
2. Отдельные демографические события	18,8%
<i>Рождение респондента</i>	<i>10,1%</i>
<i>Переезд в другую квартиру / город / страну</i>	<i>7,4%</i>
<i>Утрата близкого человека</i>	<i>1,3%</i>
3. Школа	18,1%
<i>Начало обучения в школе</i>	<i>8,1%</i>
<i>Поступление в лицей, переход в другую школу</i>	<i>7,4%</i>

Категории событий	Процент
<i>Окончание школы</i>	2,7%
4. Увлечения	17,4%
<i>Начало занятия хобби</i>	6,7%
<i>Начало обучение в кружке/секции</i>	5,4%
<i>Отдельные достижения в спорте, музыке и т.п.</i>	3,4%
<i>Окончание обучения в кружке/секции</i>	2,0%
5. Друзья, отношения	6,7%
<i>Встреча с лучшей подругой/другом</i>	4,7%
<i>Первые романтические отношения</i>	1,3%
<i>Прекращение романтических отношений</i>	0,7%
6. Здоровье	2,7%
<i>Проблемы со здоровьем у близкого человека</i>	1,3%
<i>Проблемы со здоровьем у респондента</i>	1,3%
7. Другое	10,1%
<i>Отдельное праздничное событие</i>	2,0%
<i>Приобретение домашнего питомца</i>	2,0%
<i>Первый опыт работы</i>	1,3%
<i>Знаковая покупка</i>	0,7%
<i>Приобщение к религии</i>	0,7%
<i>Другое</i>	3,4%

Помимо семьи, наибольшей частотой характеризуются отдельные демографические события, а также события, связанные со школой и увлечениями.

Среди демографических событий больше всего упоминаний приходится на сам факт рождения – 10% респондентов указали это как первое значимое событие в их жизни. Однако в этом случае речь идет сугубо о пересказе так называемых «паспортных данных», поскольку никаких личностных воспоминаний об этом событии остаться не может. В свою очередь два других события из демографической группы предполагают уже некоторое личностное отношение – это переезд на другое место жительства и утрата близкого человека. Если по поводу переезда сложно сказать, какое это событие с точки зрения позитивного или негативного восприятия, то про утрату близкого можно свидетельствовать об однозначно негативной окраске.

События, связанные со школой и увлечениями, отметило более трети респондентов в качестве наиболее ранних значимых моментов в жизни. При этом, как правило, сами события не отличаются особым разнообразием – наблюдается преобладание формальных событий, связанных с началом, переводом и окончанием школы или кружка/секции.

Проведенный анализ показывает, что в субъективном восприятии своей биографии студенческая молодежь первого курса в большей мере ориентируются на события будущего. Перечисляя события прошлого, большинство респондентов склонны отмечать события, продиктованные формальными институциональными рамками взросления человека в период

от раннего детства до совершеннолетия. Лишь небольшая доля событий характеризует уникальный жизненный опыт конкретного респондента.

КОНЦЕПЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С.А. Шакунова, Ст.А. Шакунова

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,

Бульвар Космонавтов, 21, 224016, Брест, Беларусь

psihkaf@brsu.by

Научный руководитель: Соколовская М.Г., старший преподаватель кафедры истории Беларуси и политологии.

Дифференциация половых ролей основана на социально обусловленных представлениях о том, что из себя представляют и чем должны отличаться друг от друга мужчины и женщины по своим физическим, социальным и психологическим качествам. Эти представления формируют доминирующие в обществе стандарты маскулинности (мужественности), и феминности (женственности). Проявление женственности в современных условиях существенно меняется, по причине действующих реалий, концепций и тенденций.

Ключевые слова: *женственность, семья, феминизм, мужественность, карьера, андрогинность, гендерная политика.*

В современной науке проведено значительное количество социальных исследований для изучения социокультурных характеристик женственности. Этимология термина «женственность» абсолютно аналогична мужественности — это сочетание качеств, поведенческих характеристик и внешних факторов, которые отличают женщину от мужчины.

Стоит отметить, что термины «женственность и мужественность» представляют собой достаточно сложную конструкцию, охватывающую такие разнообразные аспекты, как физические характеристики, сексуальное поведение, интересы, деятельность, ценностные характеристики, а также невербальное поведение.

Также можно определить женственность как набор характеристик, которые описывают типичное женское поведение, распространенное в обществе. В соответствии с выразительной ролью женщины формируются

дополнительные поведенческие ожидания: она отвечает за быт в семье, в первую очередь за социально-эмоциональную поддержку всех членов семьи. Ей отводится роль посредника; ее задача - создать гармоничный баланс в семье. Самые популярные прилагательные, которые попадают в эту категорию, - мягкие, отзывчивые, заботливые, эмоциональные. Все они связаны с материнским инстинктом, а не с общественными делами. Женщины по-прежнему ассоциируются с домашней жизнью, комфортом и детьми. С этим мнением борется феминизм, ссылаясь на тот факт, что современные женщины могут быть независимыми и самодостаточными, как мужчины, которым это было дано с древних времен [1].

Феминизм – женское движение, стремящееся уравновесить права мужчин и женщин между собой, направленное против дискриминации по признаку пола в различных сферах жизни общества. Посредством этого термина происходит объединение всего многообразия борьбы женщин за свои права – через обретение свободы жизненного пути, расширение представительства в управленческих структурах, совершенствование законодательства, касающегося положения женщин. Феминистки всеми возможными способами отрицают женственность и мужественность как критерии женского и мужского пола. Феминистская критика и стремление многих женщин к политическим изменениям, а также тенденция к отступлению от традиционных ценностей материнства сформулированы с твердым взглядом на мужской мир и его законы.

Психологи – сторонники феминизма, предполагают, что женские качества – эмоциональность, интуиция и вспыльчивость – не мешают женщинам, а, наоборот, поддерживают их в критических ситуациях. По мнению психолога, для мужчин имело бы смысл развивать эти качества. Такое мнение по-прежнему воспринимается как маргинальное по сравнению с нынешним положением.

В основе гендерной политики Республики Беларусь лежат общепризнанные международные нормы. В Беларуси на законодательном уровне гарантируется равноправие женщин. Конституция Республики Беларусь запрещает дискриминацию в каких бы то ни было формах и по любым основаниям. Тем не менее, отсутствуют правовые документы, определяющие формы дискриминации и устанавливающие ответственность за ее проявление. Имеются и специальные решения правительства о повышении роли женщин в политической сфере, об участии женщин в управлении государством [2, с.57].

В семье еще не достигнуто равноправное, партнерское разделение обязанностей, и по-прежнему доминирует ответственность женщины за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей.

С одной стороны, участие женщин в трудовой деятельности стало само собой разумеющимся, но, с другой стороны, женщины продолжают брать на себя ответственность за семью и детей. Возможные последствия или опасности включают: двойное бремя семейной работы и профессиональной деятельности на женщинах и как следствие стресс, высокий уровень координации и напряжения.

Баланс между семьей и работой остается проблемой женщин. В европейских странах большинство женщин выбирают «трехфазную» модель достижения баланса между работой и личной жизнью: профессиональная деятельность до рождения первого ребенка, семейный этап и возвращение к высокооплачиваемой работе [1].

Конфликт из-за противоречащих заявлений о миссии «хорошая домохозяйка и мать» и «успешная работающая женщина» (пренебрежение материнской ролью или карьерной ориентацией); меньшая временная гибкость и снижение производительности на работе (неполный рабочий день, «перерывы в карьере», перерывы в работе, ограниченные возможности для продвижения по службе); более высокий риск увольнения, материальная незащищенность, низкие шансы на прием на работу из-за возможного материнства, затруднение восстановления на работе после семейного периода.

Все эти многогранные случаи являются проявлением мужественности, а точнее, ее критической фазой. Избежать этого довольно просто, но исправить, наоборот, практически невозможно. Сознание взрослого человека трудно исправить, поэтому лучше всего уделять больше времени воспитанию детей и подавать пример, который не может довести поведение ребенка до крайности.

В мире нет ничего постоянного и абсолютно неизменного. Из каждого правила есть исключения, то же самое относится и к мужественности, и к женственности. Андрогинность — это третье понятие, объединяющее обе психологические категории. Это относительно новое явление, являющееся результатом сочетания двух форм поведения. Кроме того, этот термин применим и к женщинам. Все больше девушек, которые пытаются выделиться из толпы, начинают курить и вести себя как непослушный ребенок. Все больше и больше девушек занимаются рискованными видами

спорта, и все больше из них считают себя независимыми и не нуждаются в мужском внимании [1].

Кроме того, если у человека есть обе черты, характерные для двух противоположных категорий, если они представлены в гармоничной форме, дополняют друг друга, а не конкурируют, то такого человека называют андрогином. Наличие в организме как женских, так и мужских черт — это не патология, а следствие воспитания.

Андрогинность способствует лучшей адаптации личности к обществу. В случае стандартной ситуации женственность и мужественность имеют определенные негативные аспекты и «односторонности», но андрогины, с их разнообразными проявлениями, более стабильны в социальных контактах и более склонны к самопринятию.

Появление андрогинов - тенденция последних десятилетий, когда особенности социальной структуры диктуют свои правила. Мужчины приспособлены к семейной жизни, женщины - к 8-часовому рабочему дню.

Современность диктует свои правила, по которым женщины работают наравне с мужчинами, не стремятся к скорейшему рождению детей и становятся все более финансово независимыми. Другие не отступают от общепринятых женских норм и остаются ответственными и заботливыми женами. Стоит отметить, что многие мужчины заботятся о семье, о доме и с удовольствием ухаживают за детьми, взамен построения карьеры. Даже если женщины добьются одинаковых с мужчинами зарплат и карьерных возможностей, полное гендерное равенство достигнуто не будет. Дело в том, что существует «невидимый фронт» работ — ведение домашнего хозяйства и забота о детях [2, с.75].

Активное переплетение мужественности и женственности — это новая тенденция, которая привела к андрогинности и другим оттенкам стандартного понимания женской и мужской психологии. Что касается современных запретов и пережитков стереотипов, то их все еще много, и потребуется немало времени, чтобы привести в соответствие женскую и мужскую психологию. Возможно, полное равновесие никогда не будет достигнуто, потому что половые различия не позволяют идеально выровнять позиции, всегда будут области, недоступные для противоположного пола [3].

Библиографические ссылки

1. Гусарова А.Ю. Влияние представлений о современном мужчине и женщине [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10440/2/Gusarova2.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).
2. Соколовская М.Г. Гендерная социология : учебн.-методич. комплекс.– Брест : Изд-во БрГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – 75 с.
3. Чернышева А.В. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maskulinnost-i-feminnost-v-sovremennom-obschestve-tendentsii-transformatsii/viewer> (дата обращения: 05.10.2024).

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС

А.К. Шафаренко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Похомова А.А., кандидат социологических наук, доцент

В публикации автор обращается к вопросу дисциплинарного изучения феномена телесности в социальных науках. Объектом исследования является человеческая телесность. Целью исследования является рассмотрение телесности в контексте конкретных дисциплинарных рамок.

Ключевые слова: *телесность; тело; феномен телесности; дисциплинарные подходы.*

Человеческое тело и телесность всегда интересовали и продолжают интересоваться представителей социальных наук, поскольку там, где есть человек, всегда есть и его тело. Каждая социальная наука определенным образом интерпретирует телесность человека, ее функции и предназначение. В данной статье будет проанализировано несколько дисциплинарных подходов, существующих в науке для изучения телесности в рамках определенной социально-культурной среды.

В рамках *философского подхода* человеческое тело рассматривается как некоторая «сумма знаков». Утверждается, что культура «записывает на теле символы и коды, знание о которых позволяет сформировать некоторые социальные пространства для взаимодействия определенных общественных

групп». Общество конструирует данные знаки, то есть создает социальные каналы и социальные лифты для их смены и изменения. По этой причине тело всегда является «социальным» и существует в «социальном пространстве» [1, с. 133]. Феномен телесности выражает сосуществование социального и физического тела человека. В связи с этим социальные философы утверждают следующее: «Тело – это первичный субстрат, который подвергается инкультурации» [2].

Отличительной чертой данного подхода в изучении тела и телесности является способ познания тела. Сквозь призму метафизических вопросов. Философы исследуют, как телесность связана с сознанием и духом, как она влияет на интерпретацию самости и свободы воли. Исследователи обсуждают, является ли тело просто оболочкой для нашей сущности или же оно составляет неотъемлемую часть нашей личности, обращают внимание на тело как на объект, который связывает наши мысли, чувства и действия с отсылкой к миру,

В целом, с философской точки зрения, термин «телесность» имеет множество трактовок. К примеру, Д. Скот говорил о телесности как особой форме связи души и тела. Э. Гуссерль определял телесность как способ восприятия материального физического тела, его смысловое содержание. Г. Марсель рассматривал ее как пограничную зону между бытием и обладанием, поскольку моё тело – это не только то, чем я обладаю, но также и элемент моего бытия. Н. Лосский писал, что телесность есть пространственно оформленное действие субъекта и необходимое условие полноты бытия тварных существ [3].

В проблемное поле современного философского анализа входят вопросы о границах телесности и человеческого тела, диалектики внешнего и внутреннего уровней телесности, свободы и детерминированности телесной организации человека в разных типах культур [4, с. 11].

2. *Культурологический подход*, в свою очередь, дает следующее определение телесности: «Телесность – преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции» [5]. В исследованиях современной массовой культуры телесность может трактоваться как способ воплощения индивидуального начала человека, как материальное воплощение самой массовой культуры. С точки зрения культурологов, «...человек выступает как точка сборки телесности, которая развивается как изнутри него, так и извне: то есть она не только принадлежит индивиду, но и соприкасается с

внешним, культурным и природным миром, а потому относится и к нему» [3].

Культурология занимается изучением телесности в культуре, то есть интерпретирует репрезентацию человеческой телесности, отношение к телу и тому, что с ним связано, в той или иной функциональной стратегии жизнедеятельности. Исходя из этого, в данной науке открыли такое понятие как «телесность культуры» – визуально-символическая и материально воплощенная форма бытия культуры, в контексте которой формируется человеческая телесность [6, с. 12].

3. Телесность через призму *психологического подхода* видится как «...психофизиологические, психосоматические, биоэнергетические проявления человеческого тела, характеризующиеся двигательной активностью, являющиеся результатом онтологического и социокультурного развития и осуществляющиеся в аксиологическом пространстве социума» [7, с. 16]. В трактовках телесности, данных различными психологами, подчеркиваются ее свойства универсального феномена, пронизывающего все уровни человеческого существования. Телесность не идентична телу и является самостоятельным феноменом триединой природы человека: тела, души и духа, изучение которого предполагает междисциплинарное взаимодействие [8, с. 150-151]. В психологии рассматривается не само тело, а определенные изменения сознания, связанного с телом, например нарушение схемы, границ или ощущений тела. Швейцарский психолог и психиатр М. Боос постулирует существование «экзистенциала телесности» и пишет: «Никто еще не был способен показать, как две столь фундаментально различные вещи – метафизическая жизненная сила и бездушная химическая субстанция – могут соединиться друг с другом, чтобы образовать такое единство, как человеческая телесность» [9, с. 155].

Современная психология тела постулирует следующие принципы телесности:

- 1) телесность несводима к понятию «тела» и несет в себе черты субъектности и личности;
- 2) телесность формируется в пространстве «между» телом, организмом и душой-экзистенцией, как бы являясь объединяющим их субстратом;
- 3) становление телесности происходит в онтогенезе;
- 4) телесность, уровень ее развития и осознания имеют прямое отношение к состоянию физического и психологического здоровья [8, с.151].

4. Основная особенность *социологического подхода* изучения телесности заключается в том, что тело рассматривается не только как биологический объект, но и как социально-культурный конструкт, то есть учитывается влияние социальной и культурной среды на восприятие тела и его роль в обществе. Социологи анализируют, как социальные нормы, ожидания и стереотипы связаны с телесностью, как они формируют представления о красоте, здоровье, телесности и т.д. Исследователи рассматривают телесность как продукт социальных и культурных процессов, в которых индивидуумы участвуют в рамках своих социальных групп и культурных контекстов. При этом они анализируют телесность на уровне общества и культуры, а не на уровне отдельных индивидуумов.

С социологической точки зрения, *телесность – социальный конструкт, который формируется в процессе социального взаимодействия, социальной коммуникации и культурного контекста и включает в себя не только физические аспекты тела, но также их социальные и культурные значения и интерпретации.*

Социология тела рассматривает телесность человека как социокультурный феномен и как культурно-биологическое образование, формирование которого обусловлено как культурой, эталонами и стандартами красоты конкретного общества, так и самостоятельным осмыслением человеком своего тела. Исследователи рассматривают телесность как продукт социальных и культурных процессов, в которых индивидуумы участвуют в рамках своих социальных групп и культурных контекстов. При этом они анализируют телесность на уровне общества и культуры, а не на уровне отдельных индивидуумов.

В социологии оформилось два социологических направления изучения телесности:

1) *структуралистски ориентированная социология тела*, предполагающая фокус исследователей на изучение реального живого опыта и телесно воплощаемых намерений взаимодействующих индивидов вместо построения теоретических и абстрактных взглядов на человеческую телесность, а также открытость влияниям других дисциплин, таких как феминистской теория, семиотика, культурной антропология, психоанализ и многие другие;

2) *феноменологически ориентированная «телесная социология»*, предполагающая интерес исследователей к телу, являющемуся субъектом приобретения знания, чувственного опыта и интенциональных действий [10, с. 56-58].

Среди множества социальных и гуманитарных наук, занимающихся исследовательским освоением человеческой телесности, социология, возможно, является лидером по степени специализированности отдельных институционально признанных направлений, изучающих ее отдельные аспекты. Социология тела имеет схожую направленность научного интереса со следующими социологическими направлениями:

1) Карнальная социология – подход в социологии, который акцентирует внимание на теле и телесности как основополагающих аспектах социальных взаимодействий и социальной организации. Она признает физическое тело человека как социальный объект и акцентирует внимание на значении эмоций, чувственности и эстетики в общественной жизни.

2) Социология здоровья (или социология медицины) – социологическое направление, занимающееся изучением человеческого тела в контексте проблемы социальной обусловленности здоровья и заболеваемости, в тесной связи с изучением медицины как социального института, что неизбежно ограничивает спектр вопросов, связанных с пониманием телесности как социокультурного феномена.

3) Социология эмоций – социологическая область, представители которой призывают считать человеческие эмоции так называемым «посредником» между биологическими и социальными составляющими человеческой натуры, а также признать эмоции в качестве так называемого телесного феномена.

4) Феминистская социология – социологическое направление, основой которого стала теория феминизма. Именно феминистское движение стало в середине XX в. Одним из факторов пробуждения интереса социологов к более углубленному изучению человеческой, а в частности – женской, телесности. Феминистская социология осуществила немалый вклад в концептуализацию пола и гендера, гендерных различий и неравенства, а также анализ влияния патриархальной культуры на восприятие женщинами своих тел и телесных практик.

5) Гендерная социология – одна из социологических областей, занимающаяся вопросами социальных ролей, занимаемых социальными позициями и исполняемых социальных функций мужчины и женщины. Данная сфера социологии достаточно прогрессивно развивается и совершенствуется. Изучение того, какие места занимают представители мужского и женского полов в социальной структуре и иерархии общества, какие социальные роли им приписываются и какими гендерными

стереотипами окрашивается их существование – основные задачи данной социологической области.

Социология тела тесно связана с иными, схожими по направленности, социологическими областями. От каждого вышеперечисленного социологического направления социология тела заимствует те или иные идеи, категориальный аппарат, концепции и многое другое, в то время как сама же является источником для «вдохновения» и заимствования тех или иных идей. Исходя из этого следует, что между данными направлениями существует взаимообмен и интеграция, что способствует обновлению социологического знания.

Таким образом, человеческая телесность является важным и популярным в наше время объектом изучения ряда социальных и гуманитарных наук, среди которых находится, в первую очередь, социология, психология (в том числе – социальная), философия (в том числе – социальная) и культурология.

На наш взгляд, именно социологический подход к изучению телесности является наиболее всеобъемлющим, многогранным и практико ориентированным. С социологической точки зрения, телесность – социальный конструкт, который формируется в процессе социального взаимодействия, социальной коммуникации и культурного контекста и включает в себя не только физические аспекты тела, но также их социальные и культурные значения и интерпретации.

Среди выделенных направлений дисциплинарного исследования тела и телесности именно социологическое направление наиболее полно и разносторонне рассматривает тело и телесность не только как «внешнюю» и «внутреннюю» человеческие составляющие, но и как социальный конструкт, на формирование которого оказывает влияние множество социальных и культурных факторов (культура, социальное окружение, социальные институты, реклама и т.д.).

Библиографические ссылки

1. Морозова, О. О. Телесность человека – соединение социального и экзистенциального / О. О. Морозова // Грамота. – 2016. – № 6. – С. 131-135.
2. Старовойтов, А. В. Телесность человека как предмет познания [Электронный ресурс]. – Код доступа: http://www.psy-praksis.blogspot.ru/2011/12/blog-post_1539.html. – Дата доступа: 11.10.2024.
3. Баричко, Я. Б. Три типа телесности культуры / Я. Б. Баричко // Челябинский гуманитарий. – 2010. – №3. – С. 97-102.

4. Цветус-Сальхова, Т. Э. Дистинкция понятий «Тело» и «Телесность» в культурологических исследованиях / Т. Э Цветус-Сальхова // Вестник Кемеровского гос. Ун-та культуры и искусств. – 2010. – №13. – С. 10-16.
5. Быховская, И. М. Телесность как социокультурный феномен [Электронный ресурс]. – Код доступа: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt109.htm>. – Дата доступа: 12.03.2024.
6. Колесник, М. В. Телесность массовой культуры / М. В. Колесник // Омский гос. пед. Университет. – 2007. – 22 с.
7. Тхостов, А. Ш. Психология телесности / А. Ш. Тхостов // Смысл. – 2002. – 287 с.
8. Правдина, Л. Р. Телесность в контексте психологии здоровья: опыт пилотажного исследования / Л. Р. Правдина, О. С. Васильева, А. Ю. Власова // Российский психологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 148-160.
9. Руткевич, А. М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа / А. М. Руткевич // Политиздат. – 1985. – 175 с.
10. Crossley, N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology / N. Crossley // Body and Society. – 1995. – No. 1. – P. 43–63.

СЕКЦИЯ 3
МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
КЛАССИКА И ЦИФРОВАЯ ДИАГНОСТИКА

**THE INFLUENCE OF NEW MEDIA ON YOUTH CULTURAL
IDENTITY**

Li Yuhang

Belarusian State University

Faculty of Philosophy and Social Sciences, Department of Sociology

Minsk, Belarus

mzcu1999@gmail.com

Scientific supervisor - Titarenko Larisa Grigorievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

This paper explores the influence of new media on the cultural identity of youth, focusing on the fusion of traditional and innovative approaches in sociological education. The discussion highlights the benefits and challenges new media presents, such as the rise of globalized identities and the fragmentation of localized cultural ties. The paper further proposes strategies for integrating media literacy and critical thinking into sociological education to better address these changes. By merging traditional values with modern innovations, sociological education can equip youth with the tools to navigate their cultural identity in the digital age.

Keywords: *New media, youth cultural identity, sociological education, globalization, online identity, education innovation.*

Traditionally, cultural identity in young people was heavily influenced by institutions such as family, education, and local community. These institutions transmitted cultural values, beliefs, and norms, helping young individuals form a sense of belonging and identity within their local and national contexts [1, p. 149].

In recent years, the advent of new media—encompassing social media platforms, digital networks, and virtual communities—has profoundly reshaped the landscape of identity formation [2, p. 207]. New media has introduced alternative spaces where youth can express themselves, interact with peers, and explore diverse cultures and subcultures beyond their immediate physical environment.

With the increasing dominance of digital platforms, traditional mechanisms of identity formation are being challenged and transformed. In response, sociological education must evolve, integrating both traditional and innovative approaches to equip young people with the necessary tools to critically engage with media and navigate their identities in the digital age [3].

1. Traditional Sociological Mechanisms of Cultural Identity Formation

Cultural identity refers to an individual or group's sense of belonging to a particular culture, shaped by the recognition and acceptance of cultural forms, norms, and values. Cultural identity formation has historically been rooted in key societal institutions that play a fundamental role in socializing youth and transmitting cultural norms, values, and beliefs. These traditional mechanisms, including family, education, religion, and local community, have been the foundation of identity construction for generations [4].

The Role of Traditional Institutions

Family is often regarded as the primary socializing agent in the early stages of a child's life. Through daily interactions, young people learn cultural practices, language, and values that are central to their identity. The family setting reinforces a sense of belonging and continuity with cultural heritage, providing a stable foundation for identity formation.

Education also serves as a critical mechanism for cultural transmission. Through curricula, traditions, and social interactions within educational settings, young individuals develop an understanding of their role in society, their national identity, and their cultural heritage [5, p. 358].

Local communities further influence identity formation through shared practices, customs, and social norms. These communities often provide a more intimate space for cultural exchange, reinforcing localized cultural identities that might differ from or complement national narratives. Traditional cultural festivals, community gatherings, and religious practices foster a sense of unity and collective identity, anchoring youth to their immediate environment.

Challenges in the Digital Era

The rapid rise of new media and digital platforms has introduced alternative spaces for socialization and identity exploration that often bypass the traditional gatekeepers of culture. While family, school, and local community continue to exert influence, their authority is being challenged by the pervasive reach of new media, which offers young people unprecedented access to global cultures, ideologies, and social networks [6, p. 297].

This shift has created a growing tension between traditional, localized identity formation processes and the globalized, mediated experiences that now dominate much of youth culture. As a result, young individuals may find themselves navigating multiple and sometimes conflicting cultural narratives, blending their traditional backgrounds with the broader, more fluid identities presented by online interactions.

2. New Media's Impact on Youth Cultural Identity

The rise of new media has dramatically altered the way youth form and experience their cultural identity. Digital platforms such as social media, gaming communities, and online forums now serve as prominent spaces where young individuals engage with culture, express their identities, and interact with peers [7, p. 11].

Shifts in Identity Formation

New media platforms enable youth to curate, perform, and modify their identities in real-time, in ways that were not possible with traditional forms of cultural interaction. Social media, in particular, offers young people the opportunity to construct idealized versions of themselves, experiment with different aspects of their personality, and seek validation from a wide range of audiences, often on a global scale [8, p. 65].

Globalization and Hybrid Identities

New media also exposes youth to global cultural flows, allowing them to engage with diverse cultural symbols, practices, and values from different parts of the world. This constant exposure to a multitude of cultural influences contributes to the formation of hybrid identities, where young people blend aspects of their local culture with globalized trends [9].

While this offers opportunities for broadening perspectives, but the fluid nature of identity in the digital age can lead to fragmentation, where youth may struggle to reconcile different facets of their identity or experience a sense of detachment from their cultural roots.

3. Fusion of Traditional and Innovative Approaches in Sociological Education

As the influence of new media on youth cultural identity continues to grow, it is essential for sociological education to evolve in response. This fusion of tradition and innovation in sociological education is crucial for preparing youth to navigate the complexities of identity formation in the digital age.

The Necessity for Adaptation in Education

The dominance of new media in shaping youth identity highlights the limitations of purely traditional educational approaches. To remain relevant,

sociological education must adapt, not by discarding traditional values, but by incorporating new media literacy into the curriculum. This means teaching students how to critically evaluate the cultural messages they receive from various media sources, how to differentiate between authentic and constructed identities, and how to manage the emotional and psychological impacts of online interactions.

Innovative Educational Strategies

Media Literacy Education [10, p. 1]: Integrating media literacy into sociological education can help students become more aware of how media influences identity. This can include lessons on how social media algorithms shape what we see and value, how online personas are often idealized or exaggerated, and how to critically assess the credibility of online sources.

Blended Learning: Combining traditional classroom settings with digital tools can offer a more comprehensive approach to identity exploration. For example, students can participate in online discussions with peers from different cultural backgrounds, helping them understand the global aspects of identity while also reflecting on their own cultural roots.

Critical Thinking and Identity Exploration: Educators should encourage students to reflect on their own digital identities and question how online interactions influence their self-perception.

4. Conclusion

New media has a significant impact on youth cultural identity, but it also brings opportunities and challenges. In order to solve these complexities, sociological education must adapt by integrating media literacy and critical thinking. Educators should authorize students to analyze the impact of new media on their identity and understand cultural performance. By combining traditional educational values with modern methods, we can help young people effectively harness their cultural identity, respect their heritage, and accept global influence.

Bibliography

1. Heaven C., Tubridy M. Global youth culture and youth identity. Surry Hills, NSW: International Youth Parliament (IYP), 2003. pp. 149-160.
2. Guerra, P. Under-Connected: Youth subcultures, resistance and sociability in the Internet age. // *Hebdige and Subculture in the Twenty-First Century: Trough the Subcultural Lens*. 2020. pp. 207-230.
3. Milson F. Youth in a changing society. Taylor & Francis, 2024.
4. Côté JE, Levine CG. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis // Psychology Press; 2014 Apr 4.

5. Illeris K. Learning, identity and self-orientation in youth. Young, 2003. Vol. 11, no. 4, pp. 357-376.
6. Pattaro C. New media & youth identity. Issues and research pathways. Italian Journal of Sociology of Education, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 297-327.
7. Davis K. Youth identities in a digital age: The anchoring role of friends in young people's approaches to online identity expression. Mediated youth cultures: The internet, belonging and new cultural configurations. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. pp. 11-25.
8. Subrahmanyam, K., Greenfield, P. M., Tynes, B. M. Constructing identity online: Identity exploration and self-presentation. // Digital youth: The role of media in development. 2011. pp. 59-80.
9. Jensen, L. A., Arnett, J. J., McKenzie, J. Globalization and cultural identity. Springer New York, 2011.
10. Rasi, P., Vuojärvi, H., Ruokamo, H. Media literacy education for all ages.// Journal of Media Literacy Education, 2019. Vol. 11, no. 2, pp. 1-19.

ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТ-СТРУКТУРЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.А. Барановский

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
baranowski567@outlook.com*

Научный руководитель: Данилов А.Н., доктор социологических наук, профессор

В статье рассматриваются методологические особенности анализа контент-структуры информационных ресурсов, признанных в соответствии с законодательством Республики Беларусь экстремистскими. Комплексное изучение отраслевой направленности редакционной политики исследуемых информационных ресурсов позволил содержательно и структурно раскрыть основные тематические направления информационной работы по дестабилизации социально-политической обстановки в Республике Беларусь по состоянию на 2024 год.

Ключевые слова: контент-структура; экстремистский информационный ресурс; технологии дестабилизации; информационное воздействие; молодежные группы; редакционная политика.

Информационное поле деструктивных информационных ресурсов Республики Беларусь в настоящее время представляет собой полизвеньевую систему центров по координации, аккумуляции, контролю, регулированию и управлению дестабилизационными импульсами в белорусском обществе.

А.В. Посталовский определяет дестабилизацию как «комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы или к неупорядоченному конфликтогенному ее состоянию» [1, с. 46]

Трактовка дестабилизации как отсутствия стабильности в п-социальной группе, располагающейся и функционирующей в п-социальном пространстве предполагает ее структурное разделение по критерию направленности (присутствие/отсутствие обратной связи) и модальности результирующего воздействия:

1) Однонаправленная позитивная.

В данном контексте дестабилизация представляет собой нарушение функционирования константного состояния системы посредством внедрения и интеграции инновационных социально-политических, социально-экономических и социально-культурных решений, влекущих за собой реструктурирование функционирования системы как макрокомплекса социальных ролей, статусов и функций за счет уменьшения (увеличения) частоты реализации технологически обусловленных действий в рамках реализации п-ой функции, определения позиции новых статусов в общей деятельностной иерархии системы и их структурного взаимодействия с уже существующими. При этом допускается отсутствие эффективной работы системы в условиях однонаправленного, инструктирующего, воздействия.

2) Однонаправленная негативная

Здесь дестабилизационный аспект работы социальных систем определяется акцентированным деструктивным воздействием на слабо функционирующие системы. Отсутствие «ответной реакции» структурных элементов системы отражает однонаправленную связь субъектно-объектных отношений дестабилизатора и системы;

3) Двухнаправленная позитивная

Осуществляется ускоренное внедрение инновационных решений в работу системы. При этом предполагается возможность «отказа» системы в практической необходимости данных инноваций за счет установленной,

отлаженной структуры взаимодействия и выработки функционально обусловленных решений. «Согласие» субъектов системы во многом сопряжено с существованием обоснованных рисков инновативного воздействия на систему. Это приводит к конфликтам между сторонниками инновационного развития и классического развития. Совместное обсуждение предлагаемых решений методами «деловых игр», «брейнсторминга» приводит к коллегиальному решению установления границ диапазона времени, степени и объектов внедрения предложенной инновационной практики, механизмов своевременного извлечения инновационных практик из деятельностной структуры системы с целью ее бесперебойного и оптимального функционирования;

4) Двунаправленная негативная

Интеграция заведомо негативных решений в деятельностную структуру системы непременно приводит к ее дестабилизации. Фанатичное и эмоционально-деятельностное обуславливание необходимости внедрения инновационного решения без учета коллективного (дирекционного) мнения субъектов социального образования любого масштаба и структуры приводит к усилению конфликтогенности в данной системе.

Таким образом, в макрополитическом пространстве Содружества Независимых Государств наблюдается тенденция активного проведения мероприятий двунаправленной негативной дестабилизации и ее постепенная трансформация к однонаправленной негативной с усилением радикализации осуществляемых действий и девальвации ценности человеческой жизни с целью ремодификации (деконструкции) существующих политических систем. Это обуславливается принятыми США доктринами внешнеполитического взаимодействия, в которых основной формой политико-стратегического взгляда на сотрудничество с Россией и Китаем (их географическими и «культурными» приграничными регионами) определяется такими операционными понятиями, как «сдерживание» и «конкуренция».

Основными формами политического *сдерживания* (контейнмента) в рамках внешней политики США являются:

- 1) Инспирирование устойчивого, конфликтогенного общественно-политического напряжения («Цветные революции»);
- 2) Военная интервенция с целью физического уничтожения стратегических объектов и вооруженных сил государства;
- 3) Государственный переворот;
- 4) Государственный терроризм;

- 5) Кибер-преступления;
- 6) Химико-биологические (эпидемиологические, пандемииологические) преступления.

Формы экономической *конкуренции* неразрывно связаны с политическим контейнментом и имеют следующую видовую матрицу:

- 1) Меры запретительного характера в отношении установленных логистических, производственных и распределительных цепочек товаров и услуг;
- 2) Арест государственных и производственных активов и распоряжение ими в своих внутри- и внешнеполитических целях;
- 3) Привлечение квалифицированных специалистов, декомпозиция установленных связей с зарубежными научно-исследовательскими центрами с целью уменьшения научного и образовательного потенциала государства.

Необходимо обозначить, что целевым ориентиром для разработки программных мероприятий контейнмента является несоответствие ресурсно-экономической базы государства-разработчика и государства-объекта проведения политики «сдерживания» как в материальном измерении (полезные ископаемые, нефть, климатический потенциал, земельный ландшафт, почвенная структура), так и в нематериальном (образовательный, научно-исследовательский, демографический потенциал).

Редакционная политика экстремистских информационных ресурсов (далее – ЭИР) определяется стратегическими документами внешнеполитического взаимодействия страны, в территориальных рамках которой данные ресурсы функционируют и осуществляют деятельность. В рамках разработки и апробации методологических подходов к анализу применяемых в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации технологий дестабилизации были отобраны следующие ЭИР:

- 1) Зеркало | Новости (местонахождение редакции: Республика Польша);
- 2) MediaIQ (местонахождение редакции: Республика Польша)
- 3) Беларусь головного мозга (местонахождение дирекции редакции: Республика Литва, США)
- 4) Kyku.org (местонахождение редакции: Республика Литва);
- 5) Citydog.by – Журнал о Минске (местонахождение редакции: Республика Польша);
- 6) 365real (местонахождение редакции: Республика Польша).

Выбор данных ресурсов в качестве объекта для анализа обуславливается их *активной вовлечённостью в процесс медиа-охвата в TikTok-пространстве по белорусскому направлению и сосредоточением на социально-культурной проблематике. Методом сбора социологической информации определен контент-анализ. Исследовательские замеры осуществлялись на базе медиа-платформы «TikTok».* Структура категориального аппарата исследования базируется на проведенной пилотажной оценке анализируемых видеоматериалов объемом в 30-40 единиц.

Отбор в выборочную совокупность осуществлялся по следующему механизму: отбор одного ролика по критериям количества просмотров и лайков; в случае публикации ресурсом более трех видеоматериалов в день осуществляется расчет среднего значения количества «лайков» (отметок «Нравится») и отбирается ролик, который по критерию «количество лайков» наиболее приближен к рассчитанному среднему значению. В случае публикации ресурсом более 6 роликов в день отбирается два ролика в выборку по аналогичной схеме. Целью данной методики отбора является *выявление тематического распределения наиболее охватываемых в белорусском информационном поле роликов.*

Социологической обработке подвергнулись все видеоматериалы вышеуказанных экстремистских ресурсов, опубликованные от 24 марта 2023 года до 24 марта 2024 года (годовая выборка)

Таким образом, модель **выборочной совокупности данного исследования** с учетом установленных требований отбора представлена в таблице 1.

Таблица 1. Дизайн выборочной совокупности

Ресурс	Объем выборки	Доля соответствия годичной выборке
365bel	365	1
«Citydog.by – Журнал о Минске»	195	0,53
Kyky.org	106	0,29
Зеркало Новости	369	1,01
MediaIQ	117	0,32

Беларусь головного мозга	235	0,64
Итого	1387	

На этапе обработки полученных данных исследования был проведен перекрестный корреляционный анализ между категориями анализа, что позволило установить взаимосвязи между ними, сконструировать целостную контент-структуру ЭИР, а, следовательно, определить основные тематические векторы акцентированного дестабилизационного воздействия на различные социально-демографические группы.

Результаты исследования свидетельствуют о:

- ✓ активном сращении привлекательной для молодежи контент-структуры с социально-экономической проблематикой, которая в силу отсутствия опыта является для них референтной, где источником подтверждения / опровержения данной информации выступают родители, школьные учителя;
- ✓ В видеоматериалах с упоминанием слова «молодежь» и его производных в высокой степени распределены такие семантические характеристики видеороликов, как *страх возвращения в Беларусь, военная обстановка, национальная идентичность с отсылкой на архетипы протестной сферы, юморизация повседневности политиками, смерть как следствие политики государства, территориальные претензии другим государствам, разрушенная инфраструктура*. В меньшей степени – *страх государственных органов, национальная нетерпимость, акцент на силовое принуждение, реклама государственных проектов, позитивное взаимодействие с государством, управленческая дезорганизация, беспредел силовиков, увольнение*;
- ✓ обосновании противником наличия в структуре национального характера элементов *нетерпимости, отсутствия воли* в исторической ретроспективе белорусского государства; на уровне индивидуальной истории через трансляцию образов индивидуального прошлого (родители, друзья) обосновывается *управленческая дезорганизация, невыплата зарплат и пенсий и повышение цен*;
- ✓ связи восприятия военной обстановки (военных институтов) с управленческой дезорганизацией и феноменом смерти как следствии милитаризационной политики государства;
- ✓ высокой степени связи использования белорусского языка в качестве источника «народной самости» с актуализацией противоречий отношений между Беларусью и Россией;

- ✓ связи упоминания государственных проектов с категориями лишения экономических благ;
- ✓ связи репрезентации противоречий отношений между Беларусью и Россией и управленческой дезорганизации;
- ✓ связи элементов управленческой дезорганизации с категориями лишения социально-экономических благ.

Таким образом, полученные в результате исследования данные о применяемых технологиях дестабилизации репрезентируют национально-культурный компонент общественного сознания в его противовесном положении к межкультурному богатству СССР как средство долгосрочной структурной декомпозиции национального характера Беларуси в условиях поколенческого перехода. Функциональность данного средства заключается в деструкции культурно-исторической основы существования государства.

Библиографические ссылки

1. Посталовский, А. В. Средства массовой информации и дестабилизация общества: аспекты взаимосвязи / А.В. Посталовский // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. - №1. – С.45-51.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ИНОСТРАННЫХ АНГЛОГОВОРЯЩИХ ПАЦИЕНТОВ, ПОЛУЧИВШИХ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. Гаврилик, А.В. Снежицкий

*Медицинский центр «ЛОДЭ», Ул. Полиграфистов, д. 2, 230023, г. Гродно, Беларусь;
Учреждение образования «Гродненский государственный медицинский университет»,
ул. М.Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь*

В работе использован социологический подход к оценке удовлетворенности иностранных потребителей медицинской помощью, полученной ими в организациях здравоохранения г. Гродно. особенностью социологического опроса стал английский язык

Ключевые слова: медицинская услуга; экспорт; удовлетворенность; доверие; социология медицины.

Приоритетными направлениями в развитии экспорта медицинских услуг в Беларуси являются такие, как развитие телемедицинских услуг, обеспечение доступа иностранных граждан современным методам диагностики и лечения; модернизация инфраструктуры организаций здравоохранения, проведение информационной работы на территории иностранных государств по продвижению экспорта отечественных медицинских услуг, реализация программ дополнительного профессионального образования [1]. Особую актуальность для понимания векторов развития эксперта приобретает изучение мнения, впечатления и пожеланий иностранных пациентов, и в этом ключе целесообразно применение социологического метода.

Для социологического опроса иностранных пациентов была создана авторская анкета, текст которой подвергался экспертной оценке (была получена положительная рецензия на анкету от специалистов кафедры социологии и специальных социологических дисциплин учреждения образования «Гродненский государственный университет им.Я.Купалы»). Объем выборки, собранной в организациях здравоохранения г. Гродно в течение 2021-2022 гг. составил 297 англоязычных иностранцев (184 женщины (61.95%) и 113 мужчин (38.05%)), все респонденты общались с медицинскими работниками на английском языке. Для статистической обработки и представления результатов опроса использованы: программа Microsoft Excel 2010, пакет программ «Statistica 10».

Анализ полученных в ходе социологического опроса результатов показал преимущественно высокие оценки работы белорусских врачей при оказании помощи иностранным англоязычным пациентам. Респонденты указали наибольший балл при оценке профессионализма белорусских врачей (69,02% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо») и психологической поддержки (57,24% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо»). При этом ниже удовлетворенность по показателям субъективной, с точки зрения пациента, заинтересованности и ответственности врача за результат (31,31% оценили, как средние) и коммуникабельности (33,33% оценили, как среднюю). Данные характеристики напрямую связаны с уровнем владения врачом английским языком. Отдельным блоком было оценено субъективное восприятие иностранцами работы среднего медицинского персонала организаций здравоохранения (г.Гродно). Медицинские сестры получили следующие оценки пациентами профессиональных навыков (63,64% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо»), добросовестности медицинских сестер (59,6% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо»),

четкости выполнения манипуляций и процедур (63,3% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо»), а также дисциплинированности (64,31% оценили, как «хорошо» или «очень хорошо»).

Большинство опрошенных иностранных пациентов – 66,67% – высоко оценили («четыре» и «пять») этическую сторону лечебного процесса, 67,68% доверяют опыту белорусских врачей в Гродно, 68,35% – профессионализму, однако практически каждый пятый респондент оценил на средний уровень свое доверие («три») к предложенным аспектам работы врачей организаций здравоохранения г.Гродно (21,55%–22,9%).

Установлено, что среди англоговорящих пациентов только 36,36% удовлетворены прозрачностью и открытостью деятельности медицинских работников при оказании медицинской помощи, 30,64% (91 из 297) не удовлетворены изучаемыми характеристиками лечебного процесса. Этот важный результат означает непонимание англоговорящими пациентами и недостаточное ощущение субъективного контроля. Обращает внимание отрицательный ответ респондентов на два вопроса анкеты: «Перед проведением различных процедур объясняла ли Вам медсестра, с какой целью, каким образом будет проводиться процедура?», «Перед проведением различных процедур объяснял ли Вам врач, с какой целью, каким образом будет проводиться процедура?». Только 44 пациентам (14,81% (95%-й доверительный интервал 11,22;19,3)) была разъяснена информация, каким образом будет проводиться процедура (binom test $p=0,0000$).

Таким образом, наиболее ценным для иностранных англоговорящих граждан является профессионализм врачей и среднего медицинского персонала, при этом ни медсестры, ни врачи не объясняли пациентам, с какой целью и каким образом будет проводиться процедура, приходилось самостоятельно искать информацию о предполагаемой манипуляции. Это свидетельствует о необходимости повышения языкового уровня к медицинским работникам организаций здравоохранения.

Библиографические ссылки

1. Информационный портал «Клиники Беларуси» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://clinicsbel.by>. – Дата доступа: 10.07.2024.

ОПРОС СТУДЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А.Т. Гаспаршвили^{1,2}, О.В. Крухмалева^{1,2}, Н.Е. Савина¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Центр стратегии развития образования

Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия

² *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

kruhoks@yandex.ru, savina.opinio@yandex.ru

В статье анализируется практический опыт применения социологических инструментов для оценки изменений в общественном мнении конкретной социальной группы – студентов, фиксации происходящих в социальном институте образования изменений. Эмпирической базой работы выступает социологический проект, реализованный исследователями МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Российского Союза ректоров в период с 2021 по 2024 годов. Объект исследования – студенты российских вузов. Предмет – удовлетворенность качеством обучения и образовательными возможностями российских университетов. Данные исследования позволили комплексно изучить и проанализировать, современное состояние и перспективы развития системы образования в условиях принципиально новых вызовов, стоящих перед Россией, выявить потребности и ожидания субъектов образовательной деятельности от получаемого образования и обозначить основные проблемы в организации работы высшей школы страны с точки зрения ее непосредственных участников – студентов вузов. На основе проведенного анализа и полученных результатов авторами предложены практические шаги по формированию новой структуры высшего образования России на основе специалитета и связанные с этим процессом рекомендации по изменениям законодательного, организационного, учебно-методического характера.

Ключевые слова: *опрос; оценка; студенты; высшее образование; общественное мнение.*

Системные изменения, происходящие сегодня во всех сферах жизнедеятельности российского общества, требуют постоянного научного анализа, социокультурного осмысления и построения прогностических оценок. Использование социологических методов исследования для изучения обозначенных процессов, является одним из наиболее применимых и объективных способов создания изменяющейся картины

мира и отражения ее в сознании и повседневной жизни общества. В этой связи срез общественного мнения той или иной социальной общности (группы) выступает проверенным, понятным и достаточно надежным способом фиксации перемен. Социологические инструменты позволяют зафиксировать на определенный временной промежуток оценку ситуации изнутри, субъектами того или иного вида деятельности, увидеть имеющиеся проблемы и прогнозировать возможные развитие событий. Это дает возможность обществу оперативно реагировать на ситуации и своевременно предлагать их решения.

Все вышесказанной в полной мере можно отнести к анализу изменений, происходящих в образовании, как ключевом институте социальной системы, отвечающем не только за передачу культурных ценностей и норм, но и за стабильность в обществе, сохранение его целостности и сплоченности.

Необходимость реализации национальных целей и стратегических задач развития страны на период до 2030 года обуславливает совершенствование образовательной системы России, создание суверенной национальной системы образования и укрепление единого образовательного пространства страны (включая новые регионы), соответствие подготовки обучающихся требованиям современного информационного общества и глобальным тенденциям стратегического академического лидерства, формирование знаний и навыков в рамках концепции устойчивого развития в современных турбулентных геополитических условиях.

В данной работе приведен опыт использования познавательных возможностей социологии для выявления оценки текущих изменений в университетах России. В качестве примера рассматривается исследование социологов МГУ, реализуемое на протяжении трех лет – с 2021 по 2024 гг. в формате массового опроса студентов России [1; 2]. Объектом исследования выступают студенты российских вузов. Предметом анализа является удовлетворенность студентов предоставляемыми образовательными возможностями в российских вузах, а также их оценка собственных усилий и достижений на этапе вхождения в высшую школу и в процессе обучения. Цель исследования – проанализировать мотивацию на обучение в вузе, получить и зафиксировать студенческие оценки удовлетворенности получаемым образованием, выявить образовательные запросы данной социальной группы.

В качестве метода сбора первичных данных использовался онлайн опрос по стандартизированному бланку интервью. Обработка первичных данных

проводилась в функциональной среде IBM SPSS Statistics 25. Объем выборочной совокупности по годам (2021 г. – 50000 чел., 2022 г. - 124000 чел., 2023 г. – 52919 чел.). В опросе принимали участие студенты очных отделений государственных и частных вузов России, представляющие все федеральные округа. Дополнительно выделялись различные группы студентов (целевики, льготники, олимпиадники, высокобалльники). Применялась поточная выборка, так как она позволяет оперативно получить информацию и дает возможность охватить значительное число респондентов с целью получения ответов, отражающих ситуацию в реальном времени. Сбор данных проводился на платформах Google forms и Яндекс-форм.

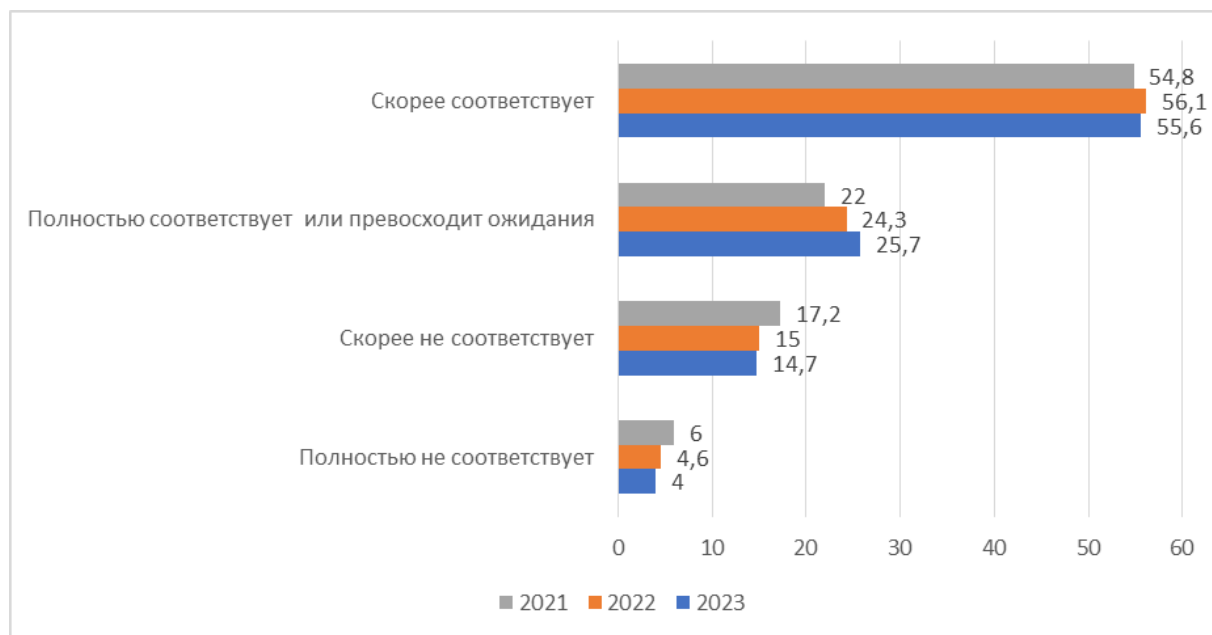
Результаты исследования показывают, что спрос на высшее образования в России остается на достаточно высоком уровне, что отражается в целенаправленной подготовке к поступлению в вуз, как в плане непосредственных образовательных занятий, так и участия школьников в олимпиадном движении, проектной научно-исследовательской работе. В то же время, на этапе образовательного перехода из школы в вуз формируется весьма неоднородный студенческий поток, существенно различающийся как по качеству, так и по формам подготовки, реализации индивидуальных способностей и наклонностей, уровню мотивации и запросов на получение высшего образования. Особую группу среди абитуриентов составляют победители и призеры олимпиад школьников как наиболее перспективные и мотивированные выпускники школы. Однако реалии вступительных кампаний последних лет показывают, что наличие вариативных оснований поступления в вуз приводит к определенным конфликтам и противоречиям в рамках высшей школы.

В разрезе изучения удовлетворенности обучением и оценки качества образования можно отметить, что осознанный выбор вуза и направления подготовки на этапе вхождения в высшую школу во многом определяют дальнейшие успехи и мотивацию обучения студента. Давая ответ на вопрос о том, насколько соответствуют их ожидания получаемому образованию (см. рис. 1), 55,6% респондентов отметили, что эти ожидания для них скорее соответствуют, а 25,7% добавили, что получаемое образование полностью соответствует или даже превосходит их ожидания. То есть, суммарно можно

считать, что 81,3% участников исследования в плане обучения в выбранном вузе получили то, что хотели.

Рисунок - 1. Распределение ответов респондентов о соответствии впечатлений от получаемого образования их ожиданиям (в % от числа опрошенных) по годам

В целом, полученные ответы, показывают достаточно ровное

распределение по всем массивам респондентов, без выраженных отклонений от средних значений в зависимости от типа респондентов. Это может свидетельствовать о том, что не только вузы первого эшелона, куда в основном поступают олимпиадники, но и все остальные вузы соответствуют ожиданиям абитуриентов, выбирающих учебное заведение для продолжения образования. Показательно, что достаточно высокая доля респондентов указала вариант ответа «полностью соответствует или даже превосходит ожидания».

Можно также отметить, что умеренные оценки соответствия выбора ожиданиям были высказаны в основном группе высокобалльников. Среди них самая низкая доля тех, чьи ожидания были превзойдены и самая высокая доля тех, чьи впечатления от обучения полностью или частично не соответствуют ожиданиям. Вероятно, высокие запросы представителей этой группы учащихся, сформированные на входе в высшую школу, не получили должной реализации в процессе обучения или же имеют место слишком высокие ожидания.

Анализ ответов по курсам и уровням обучения показывает, что наиболее разочарованы обучением студенты старших курсов. Доля ответов с формулировкой «полностью не соответствует», у первокурсников в 2,5–3 раза ниже, чем у студентов выпускного курса. Изменения оценки в сторону разочарованности и негативного восприятия обучения происходят в основном за счет тех студентов, кто на первых курсах также отмечал некоторое несоответствие своим ожиданиям. Существенно уменьшается к старшим курсам доля тех, кто заявлял о том, что получаемое образование превосходит их ожидания. Разрыв между первым и выпускным курсом по данной позиции в бакалавриате составляет порядка 0,75 раза, а в специалитете более чем в два раза (15% против 36%). Показательно, что доля тех студентов, кто отмечает соответствие получаемого образования и вуза своим ожиданиям (более половины опрошенных) сохраняется практически неизменной и имеет колебания в пределах 5% от первого к шестому курсу. Полученные результаты по курсам обучения вполне ожидаемы и логичны. В процессе взросления и становления студента в вузе приходит понимание профессии, перспектив своей дальнейшей деятельности, возможностей будущей занятости, формируется собственный интерес в выбранном направлении. Поэтому элемент разочарованности, осознания ошибочности выбора обязательно имеет место.

Полученные данные во многом подтверждают мнения российских и зарубежных исследователей [3; 4], изучающих удовлетворенность студентов процессом обучения. Возможно, высказанные оценки разочарованности связаны с медленными изменениями, идущими в вузах, с несоответствием изучаемых технологий требованиям времени. Для гуманитарных специальностей разочарование может быть связано с изменениями, происходящими в структуре рынка труда и пессимизмом выпускников относительно возможности получить достойное место работы и профессионально развиваться. Как возможный путь решения специалисты предлагают рассматривать ориентацию в процессе обучения в вузе на индивидуальность студента, формирование и развитие его индивидуальной образовательной траектории, которая позволила бы не только оперативно корректировать получение образования, но и учитывать личностные особенности, запросы и интересы учащегося, вовлечение студентов в дополнительное образование. В любом случае, выявленная проблема нуждается в дополнительном анализе.

В качестве контрольного вопроса о подтверждении выбора направления подготовки и вуза обучения, участникам исследования было предложено

оценить возможность повторения своего выбора. В целом по массиву 60% опрошенных указали, что повторили бы свой выбор. Сравнительные данные по годам приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов о возможности повторения своего выбора (в % от числа опрошенных) по годам

Вариант ответа	2021	2022	2023
Повторили свой выбор	56,1	57,7	60,3
Выбрали бы другой вуз по этому же направлению	18,6 ⁶	10,6	11,1
Выбрали бы другой вуз по другому направлению		11,9	11,9
Выбрали бы другое направление подготовки в своем вузе	10,1	6,6	6,6
Поступили бы в среднее специальное учебное заведение	1,2	1,1	1,0
Не стали бы продолжать обучение (пошли бы работать)	6,2	3,9	2,9
Другое	7,8	8,2	6,2

Распределение ответов показывает достаточно стабильную картину с небольшим ростом в сторону уверенного подтверждения своего выбора вуза и направления подготовки (с 56,1% в 2021 г. до 60,3% в 2023 г.). Также наблюдается падение доли тех, кто хотел бы вместо обучения в вузе пойти работать или выбрал бы обучение в СПО. Доля тех студентов, кто считает, что ошибся с выбором вуза имеет видимую тенденцию к росту (с 18,6% в 2021 г. до 23% в 2023 г. Это показывает увеличение конкуренции среди вузов в борьбе за абитуриентов и необходимость совершенствования системы организации обучения и качества обучения студентов.

Анализ по выделенным группам респондентов показывает, что наиболее уверенно подтверждают свой выбор вуза и направления подготовки – олимпиадники (62,7%). То есть те студенты, кто готовился к поступлению в конкретный вуз, знал какого результата хочет добиться. Полученные данные показывают, что осознанный и целенаправленный выбор вуза и направления подготовки на старте существенно влияет на обучение на протяжении всего периода получения образования. Это является

⁶ В исследовании 2021 г. вариант ответа был «Выбрал бы другой вуз»

дополнительным аргументом в пользу как активизации профориентационной работы в школе, так и более активной и заинтересованной работы вузов по формированию своего будущего студенческого контингента. Привлечение к работе со школьниками специалистов различных профилей – психологов, социологов, маркетологов, ученых, популяризаторов науки, профильных преподавателей, читающих лекции в вузе, позволят будущим студентам не только больше узнать о предполагаемой специальности, но и сориентируют в выборе вуза.

Обозначая необходимые изменения, которые, по мнению участников опроса, могли бы способствовать совершенствованию организации обучения, студенты отметили четыре наиболее значимые составляющие: усиление практико-ориентированной подготовки (32,2%); приглашение для ведения занятий специалистов-практиков (25,1%); предоставление студентам возможности формировать индивидуальную образовательную траекторию (ИОТ) (24,9%) и усиление формирования гибких навыков в процессе обучения в вузе (23,7%).

Таким образом, приведенный пример применения социологических методов в изучении актуальных процессов и происходящих изменений в структурных элементах общества, представляется оправданным и продуктивным. Данные исследования позволили комплексно изучить и проанализировать, современное состояние и перспективы развития системы образования в условиях принципиально новых вызовов, стоящих перед нашей страной, выявить потребности и ожидания субъектов образовательной деятельности от получаемого образования и обозначить основные проблемы в организации работы высшей школы страны с точки зрения ее непосредственных участников – студентов вузов.

Практическая значимость результатов работы заключается в выявлении и анализе основных проблем, существующих в образовательных организациях в связи реформированием системы образования, его цифровой трансформацией, дефицитов и точек роста, позволяющих выделить наиболее успешные практики организации механизмов перехода «школа – вуз», совершенствования образовательного процесса, применения современных методов организации обучения, оптимизации работы по сопровождению талантов в процессе обучения в вузах.

Библиографические ссылки

1. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности //Высшее образование в России, 2023. том 32, № 4, С. 137-155.
2. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Стартовые позиции абитуриентов вузов и особенности их дальнейшего обучения: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, издательство Изд-во РУДН (М.), 2022. № 3, С. 557-571.
3. Почему студенты жалеют о выбранной профессии //Комсомольская правда, 30.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/21712093/4330577/> (дата обращения 10.02.2024)
4. Исследование CNBS, ноябрь 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/tolk_tolk/14610 (дата обращения 10.02.2024)

ОПТИМИЗАЦИЯ АНАЛИЗА ОПРОСНЫХ ДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

М.А. Корнеев

*Открытое акционерное общество «Гипросвязь»,
Ул. Сурганова, 24, 220012, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

В статье рассматривается проблема автоматизации процесса кодирования открытых текстовых ответов в социологических исследованиях, которая традиционно требует значительных временных и интеллектуальных затрат. Объектом исследования является алгоритм, разработанный на основе нейросетевой модели Transformer с архитектурой DeBERTa, адаптированной для задач обработки естественного языка. Основная цель работы заключается в создании системы автоматической классификации текстов с использованием метода Zero-Shot классификации, позволяющего эффективно обрабатывать новые данные без необходимости предварительного обучения на специализированных наборах. Алгоритм использует разделенное внимание и маскирование для повышения точности семантического анализа, что позволяет учитывать как контекст, так и позиционную информацию в тексте. Исследование демонстрирует, что предложенная система способна значительно ускорить процесс классификации, обеспечивая высокую точность при минимальных временных затратах, что в свою очередь открывает новые

возможности для социологических исследований, позволяя быстрее и качественнее анализировать большие объемы данных.

Ключевые слова: кодировка данных; классификация текста; нейросетевые модели; DeBERTa; Zero-Shot классификация; обработка естественного языка; социологические исследования.

Современные социологические исследования часто опираются на сбор больших объемов текстовой информации, получаемой в ходе анкетирования. Процесс обработки таких данных, который включает в себя кодирование открытых текстовых ответов респондентов, традиционно требует значительных временных и интеллектуальных затрат. Однако с развитием технологий искусственного интеллекта появилась возможность автоматизировать многие из этих задач. Недавно созданный алгоритм с использованием ИИ способен существенно облегчить процесс кодирования текстовой информации, делая его быстрее и точнее. Это новшество открывает перспективы для социологов, позволяя экономить время и ресурсы, улучшая при этом качество анализа данных.

Разработанный алгоритм представляет собой автоматизированную систему классификации открытых текстовых ответов с использованием методов Zero-Shot классификации. Данный подход не требует предварительного обучения модели на специфических наборах данных для каждой отдельной задачи и позволяет классифицировать новые, ранее не встречавшиеся примеры, основываясь на общем понимании языка и контекста.

Для реализации алгоритма используется нейросетевая модель Transformer на основе архитектуры DeBERTa (Decoding-enhanced BERT with Disentangled Attention), адаптированная для задач естественного языка, таких как распознавание текстов и их классификация по заранее заданным меткам. В основе работы данной архитектуры лежат механизмы разделенного внимания и маскирования на основе декодирования. Разделенное внимание предполагает, что каждая единица текстовой информации (токен) представлен двумя типами векторных представлений: одно отвечает за позиционную информацию, а другое за контекстное значение, что позволяет модели более точно учитывать смысл слов в зависимости от их положения в тексте и семантических связей. Механизм маскирования позволяет модели эффективно восстанавливать скрытые слова и части слов, что улучшает ее способность к пониманию текста и позволяет модели работать со словами, содержащими опечатки.

Указанная модель демонстрирует превосходные результаты на таких тестах как GLUE и SuperGLUE, где она превзошла многие другие архитектуры, что демонстрирует её превосходство в широком наборе задач, включая классификацию текста, распознавание сущностей и машинный перевод. Кроме этого, DeBERTa обеспечивает лучшее соотношение параметров к качеству модели, предлагая повышенную точность при незначительном увеличении вычислительной сложности по сравнению с BERT и другими трансформерными моделями [1]. По этим причинам нами была выбрана данная архитектура.

Последовательность работы алгоритма предполагает, что на первом ее этапе исследователем загружается массив данных, содержащих ответы на открытые вопросы. Далее определяются категории, к которым будет отнесен каждый ответ. После этого модель создает векторные представления ответов и категорий, преобразуя текстовую информацию в числовые вектора в многомерном пространстве, отражающие их семантический смысл. Вычисляемое косинусное сходство между векторами позволяет оценить семантическую близость между векторами, что позволяет определить принадлежность ответа к той или иной категории (см. формула 1).

$$\text{Cosine similarity} = \frac{v_{\text{ответ}} \times v_{\text{категория}}}{|v_{\text{ответ}}| \times |v_{\text{категория}}|}, \quad \text{Формула 1}$$

где:

$v_{\text{ответ}}$ — векторное представление текста ответа респондента,

$v_{\text{категория}}$ — векторное представление категории.

На основе произведенных расчетов определяется категория, в наибольшей степени соответствующая семантическому содержанию ответа респондента. Коэффициент косинусного сходства определяется в пределах от -1 до 1, где -1 — полностью антонимичные значения, а 1 — полностью синонимичные значения. Порядок определения категории представлен в таблице 1.

Ответ на вопрос «Что для Вас значит быть счастливым?»	Векторизованный ответ	Категории	Векторизованная категория	Коэффициент косинусного сходства
Наличие большой и любящей семьи	[1.46e-01, -1.58e-02, -2.57e-01, -3.95e-02, ... , ... , ... , ... , 8.58e-02, 9.00e-02, -3.90e-02, -9.79e-02]	Материальный достаток	[2.34e-02, 1.78e-01, -2.64e-02, -2.77e-03, ... , ... , ... , ... , 2.54e-02, -7.90e-01, -3.34e-02, 9.12e-02]	-0,34
		Семья	[1.15e-01, -1.54e-02, -2.53e-01, -4.01e-02, ... , ... , ... , ... , 8.78e-02, 9.06e-02, -3.97e-02, -9.34e-02]	0,88
		Дружба	[1.44e-01, 2.14e-02, -6.85e-02, -7.56e-01, ... , ... , ... , ... , -3.57e-02, -6.48e-01, 3.57e-02, -1.70e-01]	0,45
		Любовь	[1.41e-01, 0.54e-02, -2.99e-01, 3.35e-02, ... , ... , ... , ... , -5.88e-01, -3.45e-01, -6.47e-02, -2.50e-02]	0,76

Таблица 1 – Порядок определения категории ответа на основе косинусного сходства между векторными представлениями

Для корректного определения категории ответа алгоритмом используется пороговое значение коэффициента в 0,7. Это означает, что ответу будет определена соответствующая категория, если косинусное сходство между ним и категорией составляет не менее 0,7. Если вероятность нескольких меток достаточно высока, они объединяются для более точного представления категории текста. В обратном случае, если ни одна из

категорий не достигает порогового значения, ответу присваивается категория «Другое».

На заключительном этапе работы алгоритма выгружается массив данных, содержащий открытые ответы вместе с присвоенными им категориями. Время работы алгоритма, при наличии данных в 1000 строк, составляет около 2 минут, что позволяет существенно снизить временные затраты на классификацию ответов.

Использование алгоритмов на основе ИИ, таких как предложенная модель, значительно упрощает процесс обработки больших массивов текстовой информации в социологических исследованиях. Автоматизация классификации открытых текстовых ответов не только сокращает временные и интеллектуальные затраты, но и повышает точность кодирования данных. Применение Zero-Shot классификации позволяет эффективно обрабатывать новые и ранее неизвестные примеры без необходимости предварительного обучения на специфических наборах данных, что расширяет возможности использования подобных алгоритмов в различных исследовательских задачах. Это инновационное решение открывает перед исследователями новые перспективы для оптимизации анализа данных и повышения его качества, а также делает обработку больших объемов текстовой информации более доступной и быстрой.

Библиографические ссылки

1. Pengcheng, H., Xiaodong, L., Jianfeng, G., Weizhu, C. DeBERTa: decoding-enhanced BERT with Disentangled Attention [Electronic resource]: Microsoft Dynamics 365 AI & Microsoft Research. – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2006.03654>. – Date of access: 06.10.2021

НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ОБЩЕСТВУ: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭРУДИЦИЯ

С.В. Костюкевич

Институт социологии Национальной академии наук Республики Беларусь, ул.

Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь,

svkostus@yahoo.com

В статье рассматриваются различие и сходство методологического подхода в позитивистской и макроисторической социологии. Различие между ними в том, что первая ориентируется на естественно-научную модель научного познания, что

означает количественное измерение и представление научного результата математически, в данном случае количественное представление гуманитарного знания. Вторая ориентируется на гуманитарную модель, в которой первостепенную роль играет эрудиция исследователя, в данном случае, историческая эрудиция. Сходство состоит в том, что оба направления в социологии, следуя греческому канону теории (когда научное знание формулируется в следующих друг за другом логически непротиворечивых суждениях), стремятся делать предельные непротиворечивые теоретические обобщения, чтобы обнаружить логику в общественной жизни и человеческой истории. Подобного рода теоретизирование в современном мире вызывает разочарование, например, это можно видеть на примере постмодернистского скепсиса в отношении «тотальных нарративов». Что касается следования естественно-научному канону, требующему обязательное включение математического представления данных, то сегодня это также вызывает скепсис (в частности, это касается экономики и социологии), поскольку математические модели не редко делают ошибочные прогнозы: подобного рода скепсис Н. Талеб сформулировал в образе черных лебедей, указав на то, что аналитики переоценивают рациональные объяснения статистических данных. Напрашивается вывод: построение «тотальных нарративов» и математических моделей показывает, что роль логики и рациональности, похоже, переоценена в научном подходе к социально-гуманитарным явлениям. По-видимому, ученым нужно искать новые каноны.

Ключевые слова: позитивистская методологическая схема; закон в постклассической науке; подход в макроисторической социологии; фактологическая база исследования; убедительная интерпретация данных.

Часто в социологических исследованиях используется методологическая схема, идущая от позитивистских установок: 1) недоверие к теории, если она не подтверждается эмпирическими данными на практике и в эксперименте, и 2) научное знание должно быть записано математически. Данные позитивистские установки реализуются в социологическом исследовании следующим образом: социологи собирают эмпирическую информацию (например, через опрос) и затем, используя математическую обработку собранной эмпирической информации, представляют статистические данные.

Методологическая схема следующая: научное исследование начинается с теории – с изучения уже предложенных теоретических объяснений. Затем, исходя из имеющихся теорий и собственных новых идей проводится операционализация теоретических понятий, поскольку должна быть применена процедура измерения, чтобы ввести математику в гуманитарное

знание. Затем проводится эмпирическое исследование, например, анкетирование, которое можно сравнить с лабораторным экспериментом. Как видим, научное исследование в социальной науке строится по образцу экспериментальной науки в физике – уточним, физики классического периода, которую О.Конт, который был не гуманитарием (он учился в знаменитой политехнической школе в Париже), взял за образец для социологии.

Итак, исследование строится:

- От теории к практике (эксперименту) – предполагается процедура измерения
- От простого к сложному - допускается процедура упрощения, так как в эксперименте сложно учесть все факторы
- Данные эксперимента математически записываются
- Эмпирические данные или подтверждают теорию, или опровергают, или модифицируют ее.

Недостаток позитивистской модели социологического исследования в том, что здесь не учитывается фактор времени, и это является результатом подражания классической физике. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, в физике классического периода полностью пренебрегали проблемой времени: «В классической науке основной акцент делался на законах, не зависящих от времени» [1, с. 11]. В постклассической науке ситуация изменилась. Как пишет Нидэм: «в современных научных представлениях не сохранилось и намек на былые представления о властно повелевающих и требующих беспрекословного повиновения «Законах» природы. *Ныне под законами природы принято понимать* статистические закономерности, справедливые в определенные моменты времени и в определенных местах» [цит. по: 1, с. 52].

Об игнорировании фактора времени в социологии пишет во вступлении к книге Д. Арриги Г. Дерлугьян применительно к современной академической американской социологии: «Американская социальная наука, во всяком случае, ее господствующий «мейнстрим», ориентирована одновременно на внеисторические инвариантные модели (*которые считаются основной, если не единственной формой теории*), а также на конкретные исследования явлений, берущихся многочисленными индивидуальными учеными почти неизменно на микроуровне и на кратких временных участках» [цит. по: 2, с. 8].

Между тем, чтобы понять как можно более корректно социальное явление или процесс, необходимо обязательно *учитывать фактор*

длительного времени, что означает обратиться к историческим фактам. Социология изучает массовые явления реальной жизни, и, чем более сложное явление мы изучаем, тем более длительный исторический период необходимо включить в исследование. И более того – изучение исторического background очень сложных социальных явлений нужно проводить на как можно более широком географическом пространстве, поскольку события в одном уголке мира могут быть решающими для другого. Поясню: невозможно, например, понять, почему удаленные от Средиземноморья (центра европейской цивилизации) Британские острова стали превращаться в торговую империю и, наряду с Голландией, в центр капиталистической экономики, если не учесть тот факт, что капиталы Венецианской республики и дух венецианских купцов и банкиров нашли себе там новое место для своего развития после того, как Османская империя взяла под контроль и перекрыла для европейцев торговые пути в Индию и Китай.

В современной социологии развивается так называемая макроисторическая социология, в рамках которой исторический анализ занимает центральное место, что означает введение фактора длительного времени в рамки научного исследования - см., например, работы Р.Коллинза, И.Валлерстайна, М.Манна, Г.Дерлугьяна и К.Калхуна. Как пишут указанные авторы, «ту область, в которой мы профессионально работаем, обычно называют миросистемным анализом или макроисторической социологией» [3, с. 17]. *Особенностью методологического подхода данных авторов является рассмотрение современных обществ в контексте их исторического развития и сравнительного анализа с предшествующими империями и цивилизациями.* Например, можно привести работу Р.Коллинза «Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run» [4], в которой он, обратившись к истории азиатских стран, объяснил чудо современной успешной индустриальной модернизации стран Восточной Азии (Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и др.). В данной работе Р.Коллинз «выявил автохтонные средневековые истоки восточноазиатского капитализма, который развивался на основе организационной экономики буддистских монастырей» [цит. по: 3, с. 286], т.е. Коллинз показал, что модернизация этих азиатских стран оказалась успешной, так как она имела базу для своего развития в местных традициях трудовой культуры, идущих от средневековья и экономики буддистских монастырей.

Акцент на историческом анализе также характерен для итальянского экономиста и исторического социолога Джованни Арриги, который предложил интерпретацию капитализма, основанную на широкой исторической панораме, уходящей в глубь веков [5]. *Обратим внимание: у него ставка на историческую интерпретацию, а не на статистическую закономерность.*

Если в исследовании начинать не с истории, а с теории, то это, фактически, ограничивает *фактологическую базу исследования*, так как в поле зрения не попадают исторические факты, не существенные для данной теории или противоречащие ей. Между тем, в силу сложности социальных явлений, чем более панорамная и объемная, уходящая в глубь веков, фактологическая база в исследовании, тем больше глубина прозрения при нахождении возможных взаимосвязей. *Макроисторическая социология, опирающаяся на исторический анализ, позволяет, тем самым, иметь очень широкую фактологическую базу в исследовании.*

В силу сложности социальных явлений в социологическом исследовании важно не столько создание теории, проведение эксперимента и статистическое представление данных, сколько *убедительная интерпретация фактов и событий*. Достоверность интерпретации зависит от количества проанализированных фактов, т.е. от объема фактологической базы. Чем обеспечивается широта фактологической базы? *Историческим кругозором и эрудицией исследователя.* Именно историческая эрудиция может, прежде всего, обеспечить глубину прозрения при нахождении возможных взаимосвязей. Для подтверждения этого в качестве примера часто ссылаются на работы Фернана Броделя.

Георгий Дерлугьян и Кеван Харрис пишут: «Метод Броделя можно охарактеризовать как эрудированное рассуждение об устройстве мира. Для большинства историков, чьи профессиональные интересы ограничиваются отдельными странами и периодами, у Броделя и так слишком много обобщений. В то же время с точки зрения социальной науки, Бродель видится вечно ускользающим, как горизонт. Высказав массу захватывающих воображение наблюдений и замечаний, *Бродель неизменно останавливался на пороге теоретического обобщения* – и принимался за другую, не менее интересную тему, о которой у него тоже всегда было заготовлено незаурядное суждение. Очевидно, Фернан Бродель не хотел стеснить свое энциклопедическое повествование, в котором как на грандиозном волшебном гобелене должна была отразиться целостность людского мира. Но принципиально не желая избрать аналитический вектор,

Бродель оставил в наследие недостижимый пример, который держится на его знаниях и мудрости» [цит. по: 2, с. 24-25].

Исследовательский метод Ф. Броделя обусловлен его скептицизмом в отношении абстрактных вневременных моделей [2]. Броделевский скептицизм понятен, ведь, чтобы использовать как можно более широкую фактологическую базу, исследователю необходим выход за рамки той или иной логически непротиворечивой теории в область противоречащих ей фактов.

Однако история и теория (логически непротиворечивая конструкция) могут сотрудничать, если принять, что всякая теория – это ограниченная и относительная истина, к тому же, зачастую нагруженная некоторыми логическими спекуляциями. Они неизбежны, если исследователь демонстрирует блестящее логическое мышление и стремится к предельной логической непротиворечивости фактов, что, разумеется, вынуждает его ограничивать эмпирическую базу.

Разочарование в теоретизировании, т.е. в логически непротиворечивом доказательстве (обосновании) исторической и социальной жизни людей, привело к постмодернистскому скепсису в «тотальных нарративах». *Действительно, нет единой тотальной теории для всех времен и всех народов.* Повторим, теория – это всегда ограниченная и относительная истина. Однако она имеет ценность, так как позволяет делать концептуальное обобщение эмпирических фактов и, тем самым, позволяет объяснять логику и причину тех или иных явлений. *Без теории мы имеем только практическую пользу от обобщения эмпирических фактов. С теорией мы имеем понимание причинно-следственных связей.*

Броделевские обобщения также являются теоретическими, но при отсутствии у него целостной теоретической модели, поскольку у него историческая логика не подчинена математической логике, т.е. Бродель не пытается представить историю через систему стройных непротиворечивых суждений в рамках одной теории. Почему? Потому что он не сторонник абстрактной модели истории, где логика доминирует над живым историческим процессом, например, как в марксистской схеме исторической смены общественно-экономических формаций.

Греки задали канон теории как логически непротиворечивой системы суждений, создав свою геометрию. *Но греки не связали теорию с практикой.* Их геометрия была чисто умозрительной. Таким образом, их геометрия – это демонстрация в чистом виде искусства абстрактного или теоретического мышления. Делая блестящие теоретические обобщения, в

которых он указывает на причинно-следственные связи, Бродель показывает, как он искусен в теоретическом мышлении. Но его здравый смысл крестьянина не хочет подчинять историю логике, как это имеет место в традиции гегельянской философии истории, которой придерживался К.Маркс. Позиция Маркса показывает, что не только в позитивистской, но и в исторической социологии очень влиятелен греческий канон теории для обнаружения единой логики в обществе и истории.

Есть ли в истории логика, которая тотально подчиняет себе историческую и социальную жизнь людей всех времен и народов? Наука этого пока не знает. Но попытки создать идею, которая бы подчинила жизнь людей единой логике на века, есть и в науке, а, главным образом, в религии. Сошлемся на практику мировых религий и на теорию общественно-экономических формаций Маркса.

Есть также мировые процессы, которые вносят общую логику в жизнь людей многих стран – например, *применительно к современному миру*, это научно-технический прогресс, запущенный в Европе Францией и Германией в конце 18 – начале 19 вв. В сфере образования он поддерживается моделью знаменитой политехнической школы (созданной в Париже Гаспаром Монже и Лазаром Карно в 1794 г.) и моделью исследовательского университета (созданного в Берлине в 1810 г. Вильгельмом фон Гумбольдтом).

Несмотря на позитивистскую установку «недоверия к теории, если она не подтверждается эмпирическими данными на практике и в эксперименте», *позитивистская социология следует греческому канону теории* как логически стройной и непротиворечивой системы суждений, к тому же записанной математически, но, тем самым, позитивистская модель социологии подчиняет историческую и социальную жизнь людей логике, что, разумеется, чревато логическими спекуляциями и, как результат, ошибочными прогнозами. Неудивительно, что столь популярной среди социальных наук стала идея Нассима Талеба о роли случайности и непредсказуемости, выраженная метафорически в образе черных лебедей [6]. Н. Талеб считает, что аналитики переоценивают рациональные объяснения статистических данных и поэтому делают неверные прогнозы. При сильном доминировании логики и математики в анализе и прогнозировании неудивительно, что всех застают врасплох черные лебеди, которые разрушают математические модели в экономике и социологии.

Напрашивается вывод: нужно искать новые каноны в научном подходе к социально-гуманитарным явлениям. Одним из таких канонов мог бы стать, например, метод Броделя.

Библиографические ссылки

1. Пригожин, Илья, Стенгерс, Изабелла. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. / Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.
2. Арриги, Джованни. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени/ Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
3. Есть ли будущее у капитализма? : сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
4. Коллинз, Рэндалл. Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford University Press, 1999.
5. Arrighi, Giovanni. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: Verso, 1994.
6. Талев, Нассим Николас. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. – 736 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Д.С. Красковская

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
8069748@mail.ru*

Рассмотрение социальных сетей с позиции различных социальных теорий выявляет большое количество актуальных проблем, находящихся в данной области. Наличие проблем, связанных с безопасностью пользователей, с существованием механизмов манипуляций и контроля при помощи социальных сетей деятельности пользователей как внутри, так и вне их открывает большое пространство для исследований, особенно в области социологии управления. Социальные сети создают и дополняют функции многих социальных институтов, например, они включаются в процесс социализации и открывают новые средства ведения полноценной жизни для людей с ограниченными возможностями и проблемы, связанные с включением социальных сетей в социальные институты, также создает новые возможности исследований. Таким образом, большое количество проблем и направлений исследований, относящихся к области

социальных сетей, активное их развитие, серьезное влияние сетей на другие общественные структуры, незначительное количество отечественных публикаций делают проблему исследования социальных сетей особенно актуальной.

В данной статье рассматриваются основные аспекты социологического подхода к изучению социальных сетей, методология изучения социальных сетей через призму социологического подхода, который сосредотачивается на взаимодействии индивидов и социальных структур. Также обсуждаются методы исследования, применяемые социологами для анализа поведения пользователей в социальных сетях.

Ключевые слова: *социальные сети, качественные методы, количественные методы, сетевой анализ, коммуникация, социальная структура.*

Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей по всему миру. Они революционизировали способы коммуникации, самовыражения и формирования общественного мнения. Исследование социальных сетей требует комплексного подхода, который позволяет учитывать как технологические, так и социальные аспекты. Социология как наука позволяет глубже понять эти изменения и их последствия для общества, позволяет понять, как социальные сети формируют социальные отношения, коммуникацию и культурные нормы.

Социальные сети представляют собой платформы, которые позволяют пользователям создавать и обмениваться контентом, а также взаимодействовать друг с другом. Классические примеры включают Facebook, Instagram, X и TikTok. Социальные сети можно рассматривать как сложные системы, сочетающие элементы коммуникации, идентичности и общественного взаимодействия.

Существует несколько ключевых теорий, которые помогают понять, как социальные сети работают в контексте социальной структуры.

Теория социального капитала (П.Бурдьё): подчеркивает значение межличностных связей и сетей для доступа к ресурсам и возможностям. В контексте социальных сетей изучается, как пользователи формируют связи и взаимодействия, которые способствуют развитию социального капитала, как взаимодействия между участниками могут привести к получению определенных выгод, таких как доступ к информации, возможность получения поддержки, обмен ресурсами и т.д. К ключевым аспектам этой теории в изучении социальных сетей относятся: **структура сетей, типы социального капитала, нормы и доверие, влияние на благосостояние, индивидуальные и групповые выгоды.**

В целом, анализ социальных сетей через призму теории социального капитала позволяет глубже понять механизмы взаимодействия между людьми, а также выявить, как такие взаимодействия могут приводить к различным социальным, экономическим и культурным результатам.

Теория сетевой структуры: исследует, как социальные сети организованы и как это влияет на взаимодействие между пользователями. Сетевые анализы помогают вычленить ключевых участников, изучить их влияние и понять динамику взаимосвязей. Эта теория рассматривает социальные сети как графы, состоящие из узлов (индивидов или групп) и рёбер (отношений между ними). К ключевым аспектам теории сетевой структуры относятся:

Узлы и рёбра: узлы представляют собой участников сети, а рёбра - связи между ними. Связи могут быть различными: дружба, деловые отношения, обмен информацией и т.д.

Виды социальных сетей: социальные сети могут быть ориентированными (например, «А следит за Б») и неориентированными (например, «А и Б друзья»). Также сети могут иметь разную плотность, уровень обратной связи и порой - разветвлённость.

Центральность: описывает, насколько узел важен внутри сети.

Социальные роли: индивиды в сети могут занимать разные роли - лидера мнений, посредника, связующего звена и др. Эти роли могут влиять на распространение информации и поведение людей в сети.

Кластеры и сообщества: в социальных сетях часто образуются группы или сообщества, которые характеризуются высокой плотностью внутренних связей и низкой плотностью связей с внешними узлами. Эти сообщества могут иметь свои нормы и правила, отличающиеся от общих.

Динамика сетей: социальные сети не являются статичными. Связи могут изменяться со временем, что требует анализа динамических процессов, такие как образование, разрыв и редактирование отношений.

Методы анализа: существуют различные инструменты и методы для анализа социальных сетей, включая визуализацию графов, статистический анализ и моделирование, что позволяет лучше понять структуру и динамику социальных взаимодействий.

Таким образом, теория сетевой структуры предоставляет мощные инструменты для изучения социальных явлений и позволяет исследовать, как связи и взаимодействия влияют на поведение и возможности индивидов и групп в обществе.

Социальный конструкционизм: концепция социального конструирования реальности, предложенная такими учеными, как П.Бергер и Т.Лукман, акцентирует внимание на том, что реальность формируется и поддерживается через социальные взаимодействия и процессы. В контексте изучения социальных сетей эта концепция приобретает особую значимость, так как социальные сети являются площадкой, где происходит постоянное взаимодействие пользователей, формирование значений и норм. Основные аспекты концепции в изучении социальных сетей:

Создание значений: социальные сети позволяют пользователям создавать, делиться и перерабатывать значения. Посты, комментарии, лайки и репосты формируют общественное мнение и восприятие событий, личностей и явлений.

Идентичность: в социальных сетях пользователи конструируют свою идентичность, выбирая, какую информацию о себе они хотят представить. Это может включать как личные данные, так и культурные, политические и социальные позиции.

Социальные нормы и ожидания: пользователи учатся социальным нормам через наблюдение за поведением других. Это включает в себя то, что считается приемлемым, а что нет в рамках определенной онлайн-среды.

Взаимодействие: социальные сети создают пространство для диалога и взаимодействия, что способствует формированию коллективной реальности. Группы, форумы и сообщества служат примерами мест, где идет активное обсуждение и создание новых значений.

Поток информации: в условиях социальных сетей информация распространяется молниеносно, и то, что воспринимается как реальность, может быстро меняться. Это создает динамическую среду, в которой прежние представления могут быть легко оспорены или пересмотрены.

Поляризация и echo chambers: социальные сети могут вести к созданию «эхо-камер», где пользователи взаимодействуют только с теми, кто разделяет их взгляды, что может усугублять поляризацию мнений и укреплять предвзятые представления.

Изучение социальных сетей с точки зрения концепции социального конструирования реальности предоставляет возможность лучше понять, как пользователи формируют свои взгляды, как распространяются мнения и как создаются события в общественном сознании. Это может быть полезно в исследованиях политического участия, формирования общественного мнения, активизма и многих других социальных процессов.

Что касается непосредственно методологии изучения социальных сетей, то она включает в себя разнообразные подходы и техники, которые помогают исследовать социальные взаимодействия, связи и динамику в рамках сетевой структуры. Вот основные методы и подходы, используемые в этой области:

1. Социальная сеть как объект исследования: исследователи сначала определяют, что именно будет анализироваться — это могут быть как онлайн-платформы (например, Facebook, Instagram), так и оффлайн-социальные сети (друзья, семья, рабочие отношения).

2. Качественные методы:

Глубинные интервью: позволяют исследовать восприятие пользователей социальных сетей, мотивы их поведения и смысловые конструкции.

Фокус-группы: обсуждения в малых группах помогают выявить коллективные мнения и динамику мнений.

Контент-анализ: изучение постов, комментариев и другой информации, размещенной в социальных сетях, для выявления тем, структур и паттернов взаимодействия.

3. Количественные методы:

Анкетирование: сбор статистических данных о пользователях, их поведении и отношениях в сети.

Социометрические исследования: используются для визуализации и анализа социальных связей, их плотности, взаимосвязей и центральности членов группы.

Анализ больших данных: обработка больших объемов данных из социальных сетей для выявления тенденций, паттернов поведения и взаимодействия.

4. Сетевой анализ: метод, позволяющий изучать структуру и динамику социальных сетей, включая такие параметры, как узловая степень, центральность, плотность и другие метрики, которые помогают понять, как происходит взаимодействие между элементами сети.

5. Миксованный подход: социологи часто комбинируют методы и подходы, чтобы получить более полное представление о социальных явлениях, связанных с сетевыми взаимодействиями. Сочетание количественных и качественных подходов (методологии смешанных исследований) помогает получить более полное представление о социальных сетях. Например, сочетание анализа сетей и проведения

качественных интервью может позволить понять, как структурные характеристики сети влияют на индивидуальные практики.

Несмотря на разнообразие методов, изучение социальных сетей сталкивается с рядом проблем, среди них **исторический и социокультурный контексты**. Важно учитывать время и культурный контекст, в котором возникают и развиваются социальные сети, так как они могут существенно влиять на поведение пользователей и динамику взаимодействия.

Также одной из проблем являются этические аспекты. Исследование социальных сетей связано с вопросами конфиденциальности и согласия пользователей. Этические принципы должны соблюдаться на всех этапах исследования.

В заключение нужно отметить, что социологический подход к изучению социальных сетей предоставляет мощные инструменты для анализа сложных взаимодействий в цифровом пространстве. Ориентируясь на теории социальных связей и капитала, а также применяя разнообразные методологические подходы, исследователи могут глубже понять механизмы, формирующие общественные процессы в условиях цифровизации. Будущее исследований социальных сетей требует продолжения расширения методологических рамок и учета новых социальных реалий, возникающих в результате использования технологий.

Библиографические ссылки

1. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
2. Бурдьё, П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. №5. С.60-74.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
4. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / М. Кастельс; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. - 640 с.
5. Князева, Е.И. Концепция сетевого общества М. Кастельса / Е. И. Князева // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17 -20 мая 2004 г., г. Минск в 3 ч. / [редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. - Минск, 2004.-Ч. 3. - С. 188-191.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ СОЦИОЛОГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Е.С. Куляй, М.В. Сысоева

*Центр социологических и политических исследований Белорусского
государственного университета,
ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь
liza.kulay@gmail.com, SysoyevaMV@bsu.by*

В данной статье исследуются возможности и перспективы для работы социолога в социальных сетях, которые рассматриваются одновременно в качестве инструмента работы, и как рабочее место. В рамках статьи также был проведен анализ связанных с работой в социальных сетях вакансий, представленных на сайте rabota.by. Целью исследования являлось выявление совпадения компетенций социолога с требованиями, указанными для вакансий других смежных специализаций. В рамках анализа были изучены требования, указанные в вакансиях для социологов, менеджеров по работе с блогерами, специалистов по работе с клиентами в социальных сетях и SMM-специалистов.

Ключевые слова: *социальные сети; работа в социальных сетях; социология; менеджер по работе с блогерами, специалист по работе с клиентами в социальных сетях и SMM-специалист.*

Работа социолога является достаточно разнообразной и подразумевает под собой большое количество обязанностей. Она может осуществляться как в очном, так и в дистанционном формате, чему значительную помощь оказывают социальные сети. Деятельность социолога в социальных сетях может иметь различные названия, но при этом предполагать работу не только с отдельным человеком, но и целой аудиторией.

Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время удаленная работа в социальных сетях является достаточно востребованной. Электронные устройства уже являются незаменимой частью жизни современного человека, проникая во все сферы его деятельности и быта. Использование социальных сетей, электронных платежных систем, заказ продуктов или определенных услуг через интернет – все это стало возможным лишь благодаря цифровым технологиям. Социологи, также, могут использовать свои навыки для работы на Интернет-платформах.

Социологи, желающие стать платежеспособными, помимо овладения фундаментальными знаниями и инструментами дисциплины, должны ознакомиться со способом функционирования той или иной сферы общественной жизни [1, с.14]. То есть они должны, по крайней мере, быть осведомлены о принципах работы, которые управляют организационной сферой, которому соответствует сектор деятельности, включая конкретное

законодательство, политику, специальные организационные механизмы и то, как работают другие специалисты [1, с.14]. Данный подход можно применить и в рамках работы в социальных сетях.

Каждая сфера деятельности, в которую вступают социологи, использует определенные методологии и ноу-хау, ориентированные на клиентов или конкретных пользователей [1, с.14]. По этой причине социология требует многочисленных сквозных способностей и навыков, чтобы знания могли быть перенесены на ряд задач [1, с.14].

Профессиональные компетенции, которыми обладает социолог, позволяют ему работать не только в области непосредственно социологических исследований, но также заниматься маркетинговыми исследованиями, оценивать эффективность рекламных кампаний и содействовать улучшению работы на предприятиях. В рамках обучения в университете будущие социологи изучают такие предметы как маркетинг, PR, интернет-технологии в социологическом исследовании, методология и методы маркетинговых исследований, управление базами данных, что позволяет им быть достаточно востребованными специалистами на рынках труда различных направленностей. Все вышеперечисленные предметы в достаточной степени развивают нужные для работы в социальных сетях компетенции.

Определение термина «социальная сеть» приводится во многих статьях и учебниках, содержащих в себе информацию на тему технологий и интернет-пространства. Данное понятие впервые возникло в 1954 году. Социолог Джеймс Барнс ввел его в общепринятую терминологию. Но, стоит отметить, что в это время данное понятие не имело отношение к платформе Интернет. Согласно Джеймсу Барнсу, социальная сеть – это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации), и связей между ними (социальных взаимоотношений). Существуют и другие дефиниции этого понятия.

Сегодня социальные сети представляют собой интернет-сервис, позволяющий организовать некую систему связей участников сети по определенным интересам [2, с. 43].

Составляющее социальной сети не является постоянным. Его динамичность проявляется в том, что одни пользователи регистрируются на платформе, а другие, наоборот, удаляют свои страницы. Контент социальной сети постоянно меняется, подчиняясь новым трендам, веяниям и направлениям. Смена пользователей означает привнесение в сеть чего-либо нового. Люди загружают необычные фотографии, видео, пишут

тексты, записывают аудиозвуки. Не так важно, что именно это будет, т.к. каждый новый элемент, входящий в содержание социальной сети, совершенствует ее и способствует тому, чтобы она стала интересна для пользователей в большей степени.

В рамках данной статьи нами были проанализированы вакансии, представленные на rabota.by. Для исследования нами было выбрано три актуальные современные профессии, в которых мог бы проявить себя специалист-социолог: менеджер по работе с блогерами, специалист по работе с клиентами в социальных сетях и SMM-специалист. В качестве сравнения нами также были проанализированы вакансии социолога.

1. Социолог. Сайт rabota.by предлагает лишь 12 вакансий для социолога, однако стоит отметить, что большинство из них имеют к социологии не прямое отношение и содержат в требованиях лишь упоминание в качестве требования к высшему образованию по специальностям социология, маркетинг, экономика или математика. Требования знаний основ социологии включили в такие вакансии как специалист по рекламе, маркетинг-аналитик, специалист по подбору персонала, специалист по внутренним коммуникациям (HR), менеджер по трейд-маркетингу и мерчендайзингу.

2. Менеджер по работе с блогерами. На сайте rabota.by содержится 40 вакансий для работы менеджером блогеров, однако упоминание блогеров непосредственно в названии вакансии содержится лишь в 6 из них. Большинство вакансий предполагают дистанционную работу. В задачи данного специалиста входит подбор релевантных инфлюенсеров для сотрудничества на проектной и постоянной основе, ведение с ними устной и письменной коммуникации, обеспечение своевременного выполнения обязательств и контроль за качеством предоставляемого контента, разработка и реализация рекламных стратегий, поиск партнеров и работа с ними, анализ конкурентов и ведение отчетности. Самыми популярными требованиями оказались опыт работы с блогерами, хорошие коммуникативные и переговорные навыки, умение анализировать данные и оценивать эффективность сотрудничества с блогерами, хорошие организационные способности, креативное мышление, быстрая обучаемость, активность и инициативность.

3. Специалист по работе с клиентами в социальных сетях. Сайт rabota.by предлагает лишь 1 вакансию специалиста по работе с клиентами в социальных сетях. Данная вакансия содержит следующие обязанности: ведение переписки в социальных сетях, внесение заказов в CRM (Система

управления взаимоотношениями с клиентами), прием входящих звонков и консультация клиента, выставление счетов на оплату. Также были прописаны следующие требования: самодисциплина, внимательность, ответственность, нацеленность на результат, быстрая обучаемость и включение в рабочий процесс, отличные навыки работы с компьютером, грамотность, коммуникабельность. Для данной работы отдельно были представлены навыки, которыми должен обладать соискатель: пользователь ПК, грамотная устная и письменная речь, умение общаться с людьми, работа с людьми.

4. SMM-специалист. На сайте rabota.by содержится 220 вакансий для работы SMM-специалистом. В вакансиях чаще всего упоминались следующие обязанности: разработка и реализация контент-плана, создание оригинального контента: текста, изображений, видео, взаимодействие с аудиторией: ответы на комментарии, проведение опросов и конкурсов, анализ эффективности SMM-кампаний и подготовка отчетов, мониторинг трендов в определенных областях, сотрудничество с партнерами. На платформе также были представлены следующие требования для работы: опыт в SMM и маркетинге, умение работать самостоятельно и управлять своим временем, знание специфики работы в различных социальных сетях, опыт работы с графическими фото-видео редакторами и самостоятельной фото-видео съемки, наличие ренальных кейсов, знание и опыт работы с контентной воронкой и воронкой продаж в социальных сетях, желание развивать свои навыки и знания в области SMM и маркетинга, высшее образование, грамотная устная и письменная речь, коммуникабельность, опыт работы с блогерами, креативность, навык интервьюирования и проведения вебинаров, эффективное общение в удаленном режиме, опыт работы с телеграмм-каналами, базовые знания маркетинга, опыт в рерайте текстов, умение использовать ИИ для генерации качественного контента, знание трендов социальных сетей, курсы по SMM и монтажу, умение работать в динамичной среде и генерировать идеи на ходу.

Анализ вакансий на сайте rabota.by показал, что лишь очень малая часть работодателей знает о компетенциях социолога. Полученные результаты говорят о том, что многие требования, указанные в вакансиях менеджера по работе с блогерами, специалиста по работе с клиентами в социальных сетях и SMM-специалиста. Таким образом, социолог является достаточно разносторонним специалистом и имеет возможность получить дополнительное образование в рамках вышеперечисленных вакансий и претендовать на должности других специализаций.

Библиографические ссылки

1. Ганеева, Д.И. Работа с профессией социолога: возможности и проблемы на стыке обучения и профессионального развития / Д.И.ю Ганеева, Т.В. Коротаева // Известия института менеджмента СГЭУ. -2022. - № 1 (25). - С. 12–16.
2. Добринская, Д.Е. Социологическое осмысление Интернета: теоретические подходы к исследованию сети / Д.Е. Добринская // Вестник Московского университета. – 2016. - №22. – С.43-64.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ ИННОВАЦИЙ

Е.Е. Кучко

*Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Обозначен перечень факторов, предопределяющих отношение к инновациям и их оценку в целях оптимизации инновационной деятельности; позиционируется комплексный учет обозначенных групп факторов на всех уровнях управления; показаны возможности социологической науки в фиксации, систематизации и изучении инновационной практики.

Ключевые слова: *инновации, факторы восприятия и оценки инноваций, инновационная деятельность, инновационный проект.*

Императивом настоящего периода социально-экономического развития является осознание инноваций как универсального способа модернизации социальных систем. В связи с этим, актуальным становится комплексный научный анализ различных феноменов инновационной практики и практическое обеспечение инновационной деятельности с целью минимизации издержек и повышения ее эффективности.

В настоящее время, насыщенное инновационными изменениями особо актуальным становится системное исследование факторов, влияющих на процесс восприятия и реализации нововведений. Анализ комплекса этих факторов имеет принципиальное значение так как, во-первых, это позволяет решить многие социальные проблемы, связанные с масштабированием инноваций, во-вторых, позволит легче адаптироваться к изменениям. Отсутствие системного и междисциплинарного подхода в этом направлении не дает возможности комплексного учета таких факторов при принятии

управленческих решений в связи с планированием инновационной деятельности. Это существенно снижает эффективность инновационных проектов и программ, реализуемых на различных уровнях.

В целом, все факторы, определяющие отношение к инновациям, можно разделить на: 1) внешние (объективные), 2) внутренние (субъективные) и 3) внутриорганизационные. К внешним относятся: социокультурные факторы и организационные факторы; уровень развития науки и техники; международное сотрудничество и конкуренция; территориальные особенности; сложившаяся система стимулирования и мотивации инновационной деятельности и последствия уже осуществившихся инноваций. Эта группа факторов имеет ведущую роль на всех фазах инновационного процесса и определяет судьбу любой инновации. Особое значение здесь имеют социокультурные факторы, к которым относится система социальных ценностей, норм, ролей и исторического опыта, культура, традиции, стиль мышления. Не последняя роль принадлежит системе социального стимулирования инновационных проектов на государственном уровне с учетом мотивационно-ценностных установок общества, обеспечивая особый статус инновационной деятельности и участия в ней. Внутренние факторы включают: поло-возрастные особенности и психологические особенности, образовательный уровень и тип мышления, особенности мировоззрения потенциальных/реальных пользователей инноваций. Учет блока мировоззренческих факторов дает возможность оптимизировать процесс реализации инноваций, их восприятия с учетом личной шкалы ценностных ориентаций, норм, мотивов, что позволяет сделать процесс адаптации к изменениям более гибким и качественным, что в перспективе однозначно позитивно скажется и на участии в инновационной деятельности. Факторы организационного уровня включают социальный статус и престиж организации, ее структуру, экономическое положение, стиль и методы управленческой деятельности, интересы и цели коллектива, информационное обеспечение, систему стимулирования и поощрения, социально-психологический климат.

Детерминирующие восприятие и оценку инноваций факторы можно представить несколько иначе: 1) зависящие от характера инновации (в зависимости от того, какие изменения она несет); 2) зависящие от подходов к возникновению, разработке и реализации инновационных проектов; 3) зависящие от инноваторов или руководителей.

Кроме того, следует иметь в виду, что факторы каждой из обозначенных групп взаимосвязаны, имеют весьма сложную структуру, в совокупности

обуславливают процесс реализации любого инновационного проекта и могут как препятствовать, так и способствовать процессу реализации инноваций.

Необходимо учитывать еще и то, что реализация каждого инновационного проекта имеет свой алгоритм, разработанную научно обоснованную программу, которая предписывает осуществление определенной последовательности действий для получения конечного результата. Этот алгоритм предусматривает использование: 1) механизма человеческой активности за счет понимания и принятия ценности инновации в системе культурных смыслов, потребностей, интересов, что мотивирует и ориентирует к ее реализации; 2) механизма управления инновационной деятельностью, что предполагает научное обоснование необходимости реализации инновационного проекта, специфического алгоритма его осуществления и контроля путем социологического мониторинга, анализа и прогноза; 3) механизма принятия управленческого решения в отношении конкретного инновационного проекта и методов его исполнения. Исходя из этого, можно говорить, что более быстрой и эффективной реализации инновационных проектов и адаптации к изменениям будут способствовать: 1) наличие неформализованных методов оценки и отбора проектов нововведений для вычисления вероятности их успешности; 2) выявление методов повышения эффективности нововведения на всех стадиях; 3) изучение путей реализации и масштабирования инновационных проектов.

Варианты классификации факторов определяющих инновационную деятельность, которые необходимо будут возникать в продолжение инновационной практики, вряд ли будут исчерпывающими и законченными. Это связано с высокой динамикой инновационных процессов и развития общества. При этом, элементом комплексного подхода к исследованию инноваций является классификация и типологизация как самих нововведений/инноваций, так и факторов, влияющих на их судьбу. Анализ указанной проблематики может быть осуществлен на междисциплинарном уровне и на уровне социологического знания.

Эффективность и результативность инновационной практики обеспечивается активным привлечением науки к обоснованию и сопровождению инновационных программ. Научное обоснование инновационной деятельности позволяет определить ее стратегические приоритеты, способы и формы реализации, сферы осуществления и целевые ориентиры. Научный подход к решению проблем инновационной практики является важнейшим условием разработки действенных программ инновационного развития. Особое значение в обосновании инновационных

программ имеет социология, которая обеспечивает адекватность инновационной практики потребностям общества. Усиление роли социологической науки в повышении эффективности инновационной политики выступает ответом на потребности самого общества в нахождении оптимальных условий для воспроизводства инноваций на постоянной основе, нахождении оптимальных форм управления инновационной деятельностью, а также способов активного включения в нее человека.

В части решения обозначенной проблемы представляется возможным обозначить основные направления социологических исследований инновационной практики, что будет способствовать повышению социальной эффективности инновационных проектов:

- социологизацию инновационной проблематики, что выражается в активном включении социологической науки в исследование инновационных процессов и явлений, с целью изучения функций, особенностей, закономерностей и тенденций инновационного развития;
- обеспечение изучения инновационных процессов микро- и макроуровнях в рамках специальной социологической теории – социологии инноваций;
- реализацию социологического изучения инновационной сферы на теоретическом уровне, что позволяет пополнить знание за счет его конкретизации с учетом текущего момента социального развития, а также экономических, технико-технологических и социально-культурных параметров инновационной практики;
- системное социологическое исследование инновационных феноменов на эмпирическом уровне, что предполагает организацию и проведение социологического мониторинга и экспертизы инновационных процессов с целью интенсификации и оптимизации инновационной деятельности;
- обеспечение на постоянной основе социологи-статистического мониторинга инновационной практики;
- реализацию проекта социального маркетинга инноваций, управленческого консультирования и менеджмента инновационной деятельности.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

А.А. Левченко

Белорусский государственный университет,

Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by

Научный руководитель: Кучко Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор.

В настоящей статье предпринята попытка междисциплинарного анализа конкуренции в современном обществе с точки зрения следующих дисциплин: социологии, экономики, психологии, философии, политологии, истории. Новизна работы заключается в использовании комплексного подхода к проработке проблемы.

Ключевые слова: конкуренция, соперничество, социология конкуренции.

В контексте стремительно развивающихся экономик и социокультурных изменений современного общества конкуренция стала неотъемлемой частью жизни. В обществе с его динамичным ростом и трансформациями, конкуренция играет ключевую роль в формировании индивидуальных и коллективных ценностей, а также в определении социального статуса и жизненной стратегии. Сферы жизнедеятельности людей, от образования и профессиональной карьеры до семейных отношений и общественной жизни, пронизаны элементами соперничества. Данные процессы находятся в центре научных интересов исследователей уже не одно десятилетие и помогают понять и оценить влияние конкуренции как на жизнь обычных людей, так и на структуру общества в целом.

Понимание конкуренции в различных дисциплинах

Конкуренция (от латинского *concurrentia* - соперничество) в биологии определяются как взаимоотношения между организмами одного и того же вида (внутривидовая конкуренция) или разных видов (межвидовая конкуренция), соревнующимися за одни и те же ресурсы внешней среды при недостатке последних. [4]

В историческом подходе конкуренции присуще эволюционное развитие, проходящее четыре основных этапа, характеризующееся свойствами сохраняемости, приспособляемости и изменчивости:

1) этап докапиталистической конкуренции - начинается с эпохи разложения первобытнообщинного строя и возникновения простого товарного производства, характеризуется спонтанностью и нерегулярностью;

2) этап господства совершенной (свободной) конкуренции - конкуренция рассматривалась как нечто само собой разумеющееся, пронизывающее все отрасли экономики и ограничиваемое только субъективными причинами;

3) этап монополистической конкуренции - развитие производительных сил повлекло за собой необходимость конкуренции производства и капитала;

4) современный этап - центр борьбы все больше перемещается из сферы обращения в сферу производства, с отраслевого на межотраслевой, с национального на интернациональный уровень. [8]

В экономике «конкуренция — одна из ключевых категорий экономической науки. Такое ведущее положение в классической и современной экономической теории обусловлено сущностью феномена конкуренции, его значимостью для общественного развития, ибо конкуренция является одним из фундаментальных факторов экономического прогресса». [10] Согласно трактовке конкуренции, А. Смитом, целью конкуренции принято считать борьбу за получение возможно большей прибыли. На современном этапе под конкуренцией понимают соперничество, экономическую борьбу, состязательность между продавцами – производителями за право получения максимальной прибыли и между покупателями при покупке товаров за большую выгоду. [2]

С точки зрения психологии отношения конкуренции (соперничества) формируются у человека с ранних лет жизни. Соперничество как явление в семье и его роль объяснял З. Фрейд, отразив его в понятии Эдипова комплекса [4, с. 122-130]. Доказан факт, что негативный момент соперничества проявляется даже между родными братьями или сестрами. К. Хорни считает, что соперничество само по себе не обусловлено биологически, а является результатом определенных культурных условий [12, с. 191]. Конкуренцию психологи рассматривают как исторически сложившиеся социальные отношения, как результат изменения социума и экономики, оставив в стороне попытки натурализовать по сути временный тип общественных отношений и человеческой психологии [13]. Говоря о мотивах конкурентной борьбы, психологи обращаются к таким понятиям, как потребности, мотивы и позитивное подкрепление. [7]

В философии принято выделять два основных направления объяснения конкуренции как феномена. Согласно неоминимализму конкуренция — стихийно складывающийся атрибут рыночного типа экономики. В неореализме конкуренция рассматривается как предмет сознательного насаждения или выведения на периферию экономической жизни экономики планового типа (неореализм). [5] Под конкуренцией в философии понимают: «состязание по правилам, целью которого является увеличение ресурсных возможностей «победителей» за счет «проигравших».» [3]

Также, на современном этапе развития философии конкуренцию понимают, как «механизм, который дает возможность количественно и качественно определить степень вероятности того или иного результата, разрешения противоречий при многовариантном развитии событий; она — не только деятельность, но и характеристика состояния личности, группы, общества» [14].

Понимание конкуренции в социологии

При изучении конкуренции чаще всего используют подход М. Вебера, где под конкуренцией понимается «формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые вожделем также и другие [действующие]» [15]. Однако современные трактовки данного феномена несколько разнятся и определяются как: 1) «соперничество, борьба индивидов или социальных групп за обладание ограниченными благами; 2) нормативно регулируемый социальный процесс, в ходе которого индивиды или группы стремятся к одной и той же цели, достижение которой одними исключает других, в отличие от кооперации и сотрудничества; 3) борьба за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, характерная для товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства [9, с.137].

В социологической науке представлена находящаяся в процессе становления специальная социологическая теория социологии конкуренции, предметом которой является изучение конкурентообразующих качеств индивидуальных и коллективных социальных субъектов, их взаимоотношений, активной, инновационной деятельности с целью динамичного развития личности и общества. Под социальной конкуренцией понимается «наиболее продуктивная форма взаимодействия людей, их социальных групп между собой и обществом по поводу развития человеческого потенциала, его успешной реализации производстве, распределении, потреблении материальных и духовных ценностей. Социальная конкуренция распространяется на всю общественную систему, в отличие от профилирующей локально-социальной». [1, с.22]

Обобщая данные подходы, можно заключить, что социальная конкуренция представляет собой многогранный феномен, включённый в контекст социальных отношений и процессов. Её осмысление требует применения комплексного междисциплинарного анализа, сочетающего различные концептуальные и методологические ракурсы.

Библиографические ссылки

1. Гуцаленко, Л.А. Социология конкуренции. [Текст] / Л.А. Гуцаленко; под научн. ред. А.Н. Данилова. – Минск: Право и экономика, 2007. – 236 с.
2. Конкуренция и её роль в современной экономике / Казарян Е.А / "Экономика и социум" №12(91)-2 2021
3. Конкуренция и конфликт как реализация принципа состязательности / Семенов Д.В // Серия: Познание №11 ноябрь 2018 г.
4. Конкуренция [Электронный ресурс] // GUFO.ME – универсальная энциклопедия: Биологический энциклопедический словарь [сайт]. – URL: <https://gufo.me/dict/biology/конкуренция> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Летунова О. В. Конкуренция как тип агональной деятельности (социально-философский анализ): Автореф. дис. канд. философ. наук. Красноярск, 2006. С. 6—17
6. Маккалум, Д. Конкуренция и моральная философия / Д. Маккалум // Философские науки. – 2007. – № 10. – С. 52-67.
- 7 Психология конкурентной борьбы/ Рябинина Е.В. и др // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т.10 №3(36)
8. Развитие концепций конкуренции: эволюционный подход / Н.С. Полусмакова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. 2011. № 1 (18)
9. Социологический энциклопедический словарь : На рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / Ред.- координатор Г. В. Осипов; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук. Ин-т социологии Рос. акад. наук. - Москва : Норма : НОРМА- ИНФРА. М, 2000. – 480 с.
- 10 Усков, А. А. Теория конкуренции и социально уязвимые слои населения / А. А. Усков, Т. Д. Хламова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 16 (306). — С. 129-131. — URL: <https://moluch.ru/archive/306/68926/> (дата обращения: 11.10.2024).
- 11 Фрейд З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд // Теории личности в западноевропейской и американской психологии: хрестоматия по психологии личности. Самара: БАХРАХ, 1996. 480 с.
- 12 Хорни К. Невротическая личность / К. Хорни // Теории личности в западноевропейской и американской психологии: Хрестоматия по психологии личности. Самара: БАХРАХ, 1996. 480 с.
- 13 Шеленков, А. Психоанализ конкурентных отношений [Электронный ресурс] / А.Шеленков. – Режим доступа: <https://proza.ru/2012/12/28/1224>. Дата доступа: 08.10.2024
- 14 Янгирова С. М. Конкуренция и социальная адаптация в трансформирующемся обществе (социально-философский анализ): Автореф. Дис. канд. философ. наук. Уфа, 2006. С. 3—6.

15 Weber, M. Economy and Society. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 38.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.С. Малафеевская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
malafeevskaya.veronika@gmail.com*

Научный руководитель: Кучко Е.Е., доктор социологических наук, профессор

В данной статье рассматриваются способы и особенности использования технологий и алгоритмов искусственного интеллекта при проведении социологических исследований. Уже сейчас разработки на основе алгоритмов искусственного интеллекта принимают участие в сборе социологических данных, анализе полученных результатов, а иногда алгоритмы и сами способны создавать данные, заменяющие реальные ответы, реакции или действия респондентов. В работе также отмечаются проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в рамках социологических исследований, такие как конфиденциальность данных и распространение, общественных предрассудков и стереотипов, основанных человеческих предубеждениях.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; новые технологии; социология; современная социология; социологические исследования.*

Искусственный интеллект не только стал важной движущей силой нового витка научно-технической и промышленной революции, он также оказывает непосредственное влияние на сбор, анализ и производство данных. В области социальных исследований искусственный интеллект стал своеобразным переломным моментом, изменив подход исследователей к сбору, анализу и интерпретации данных. Эта революционная технология не только ускоряет темпы открытий, но и расширяет возможности понимания человеческого поведения, общества и культуры.

Высокая производительность алгоритмов искусственного интеллекта позволяет использовать их в качестве эффективного инструмента для исследований в области социальных наук: для поиска и анализа литературы,

формулирования вопросов и гипотез, контент-анализа, анализа данных, полученных в результате исследования, и многого другого [1].

В контексте исследований в области социальных наук технологии искусственного интеллекта проложили путь для возникновения новых методологий. Традиционные опросы и интервью, несмотря на свою ценность и значимость, часто страдают от таких ограничений, как предвзятость выборки и субъективные ответы. Анализ данных, проводимый с помощью искусственного интеллекта, может использовать возможности больших данных, обращаясь к широкому спектру источников, включая социальные сети, онлайн-форумы, а иногда и данные датчиков, чтобы получать представление о поведении людей в беспрецедентных масштабах [2]. По словам Хоу Ли, «в настоящее время искусственный интеллект активно развивается и внедряется во все новые области социальных наук; так, благодаря его использованию обнажаются «слепые пятна» в социологии, что не может не вызывать тревогу у исследователей» [3].

До появления алгоритмов, позволяющих обрабатывать большие данные, исследовательская парадигма в социологии состояла в основном из качественных, количественных и имитационных исследований. Использование больших данных при проведении социологических исследований было впервые предложено в 2010 году, и с тех пор оказало большое влияние на развитие социологии и других социальных наук [4].

Искусственный интеллект может помочь исследователям преодолеть барьеры, мешающие проведению исследований, такие как низкая скорость отклика и трудоёмкая обработка данных. Искусственный интеллект предоставляет усовершенствованный набор инструментов не только для сбора, но и для анализа большого объема данных с точностью и глубиной, которые ранее были невозможны. От использования обработки естественного языка (NLP) для анализа настроений в социальных сетях до машинного обучения (ML) для прогнозирования социальных тенденций – искусственный интеллект открывает новые возможности для социальной аналитики [5].

Появление и внедрение в исследовательскую практику алгоритмов искусственного интеллекта привело к революционному изменению источников данных исследований в области социальных наук. При проведении традиционных исследований данные собираются при помощи анкет, поведенческих экспериментов, полуструктурированных интервью, многосубъектного моделирования, совместного наблюдения и т. д. Искусственный интеллект может помочь исследователям своевременно и

быстро собирать масштабные данные, извлекать из них ценную информацию и анализировать ее. Эта способность распознавания языка может помочь исследователям быстро и эффективно собирать и обрабатывать мультимодальные данные, включая текст, речь и изображения [6].

Созданные искусственным интеллектом данные также могут стать объектом исследования: при задании соответствующих условий генеративный искусственный интеллект способен точно имитировать поведенческие реакции человека в исследованиях в области социальных наук, тем самым заменяя респондентов или испытуемых для получения необходимых данных. Исследователи также могут использовать данные, полученные от симулированных участников, для формирования гипотез, которые затем могут быть эмпирически проверены на реальных испытуемых. В отличие от традиционных выборок, генеративный искусственный интеллект способен создавать самые разнообразные выборки благодаря обучению на большой выборке данных, и могут описывать поведение людей и социальную динамику более точно, чем традиционные методы сбора данных [6].

Недавние исследования также показали, что генеративный искусственный интеллект способен имитировать респондентов для получения масштабных данных опроса. В марте 2023 года исследовательский центр Pew Research Center провел опрос среди граждан США о российско-украинском конфликте и реакции на него администрации Байдена, в котором принял участие 10 441 респондент. Всего опрос содержал восемь вопросов. В июне 2023 года также было запущено исследование, в котором ChatGPT было предложено ответить на вопросы этой анкеты, а затем попросили его предсказать процент американских респондентов, которые выберут определенный вариант ответа на каждый вопрос. Исследование показало, что предсказания ChatGPT совпали с полученными результатами опроса в 7 из 8 вопросов. Аналогичные эксперименты были проведены с тремя другими опросами, проводимыми Pew Research Centre – все они дали схожие результаты. Это говорит о том, что генеративный искусственный интеллект способен улавливать ментальные состояния и образ мышления людей [4].

По мнению Цю Линя, профессора факультета психологии Наньянского технологического университета (второго старейшего государственного университета в Сингапуре), несмотря на то, что результаты моделирования с помощью большой модели во многом совпадают с результатами опросов,

это не означает, что теперь можно полностью полагаться на моделирование с помощью моделей генеративного искусственного интеллекта. Во-первых, существует проблема пустынь данных – в некоторых местах данных в сети меньше, а набор данных для обучения недостаточен, что затрудняет использование большой модели для моделирования. Вторая проблема заключается в том, что даже если данные доступны, они могут не отражать психологию «оффлайнового» населения, хотя, по мнению ученого, в долгосрочной перспективе решение проблемы пустыни данных – это вопрос времени [4].

Преимущества использования генеративного искусственного интеллекта для симуляции экспериментов заключаются в повышении эффективности, снижении затрат и расширении масштаба проводимых исследований.

К недостаткам относятся низкая прозрачность, плохая воспроизводимость и неопределенность в отношении «уровня симуляции». Хотя крупномасштабные языковые модели как инструменты обладают такими преимуществами, как скорость, экономическая эффективность, отсутствие морального риска при проведении экспериментов, однако надежность и подлинность генерируемых ими текстов должны быть тщательно проверены. Возможность замены человека при проведении экспериментов и исследований остается спорным вопросом. Поэтому исследователям необходимо учитывать дополнительные затраты на проверку и риск предвзятости при использовании этих моделей [1].

В повседневной жизни люди постоянно оставляют фрагменты информации о себе. Массовый сбор данных и использование алгоритмов искусственного интеллекта вызывают серьезные опасения по поводу этики и конфиденциальности. Появление искусственного интеллекта привело к беспрецедентному распространению сбора данных, часто без явного согласия отдельных лиц, что поднимает фундаментальные этические вопросы, касающиеся неприкосновенности частной жизни, согласия и владения данными. Более того, возможность предвзятости алгоритмов и дискриминации вызвала значительные дебаты в области этики [7].

По мере того, как модели искусственного интеллекта набирали популярность, исследователи и общество в целом начали сталкиваться с серьезной проблемой: поскольку они обучались на социальных данных, эти модели кодировали предубеждения, присутствующие в обучающих данных, отражая общественные предрассудки, стереотипы и культурные ассоциации. Это открытие вызвало ожесточенные споры об этических последствиях использования технологий искусственного интеллекта и

ответственности разработчиков за устранение и исправление предубеждений в системах машинного обучения [8]. «Социологическое понимание данных важно, учитывая, что некритическое использование человеческих данных будет иметь тенденцию воспроизводить и, возможно, даже усугублять уже существующее социальное неравенство», – говорит Белл [9].

По словам Цю Линя, генеративный искусственный интеллект способен «самостоятельно ставить исследовательские вопросы и собирать данные для их подтверждения, образуя таким образом замкнутый цикл, способный самостоятельно генерировать научные знания». В этом смысле будущее исследований чаще представляется как человеко-компьютерное сотрудничество. «Я прогнозирую, что оно будет все больше и больше доминировать, а люди будут играть своего рода роль тренера или наставника, участвуя в исследованиях, подсказывая и направляя их. По мере того как большая модель будет становиться все более способной, она будет самостоятельно генерировать все больше научных знаний и изменит способ проведения научных исследований» [4].

Однако, несмотря на все достижения в области искусственного интеллекта, замена искусственным интеллектом человека не представляется возможной. Таким образом для успешной исследовательской деятельности, современному социологу необходимо изучать возможности использования искусственного интеллекта при проведении социологических исследований и использовать его на практике, для получения более объективных и глубоких результатов в исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Xu Ruoxi, AI for Social Science and Social Science of AI: A Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2401.11839> (дата обращения: 08.10.2024).
2. Priya Raman, The Transformative Role of AI in Social Science Research [Электронный ресурс]. URL: <https://uniathena.com/role-of-AI-in-social-science-research> (дата обращения: 08.10.2024).
3. Guan Qiping, 智能社会学: 智能时代社会学研究的新方向 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xml-data.org/HNLGDXXBSKB/html/2022-3-1.htm> (дата обращения: 08.10.2024).
4. 人工智能时代的社会科学研究 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202312/t20231222_5720530.shtml (дата обращения: 08.10.2024).

5. Sampson, A. Using AI to make social research more inclusive and impactful [Электронный ресурс]. URL: <https://faculty.ai/blog/using-ai-to-make-social-research-more-inclusive-and-impactful/> (дата обращения: 08.10.2024).
6. 杨永恒, 人工智能时代社会科学研究中的“变”与“不变” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2024/0306/696820.shtml> (дата обращения: 08.10.2024).
7. Morron, M. The Intersection of Artificial Intelligence and Society: A Sociological Analysis in the Technological Era [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/intersection-artificial-intelligence-society-analysis-miryam-morron-k41qf> (дата обращения: 08.10.2024).
8. Laura K. Nelson, The Sociological Take on AI: Unpacking Current Debates [Электронный ресурс]. URL: <https://sociology.ubc.ca/news/the-sociological-take-on-ai-unpacking-current-debates/> (дата обращения: 08.10.2024).
9. Storz, E. The Future of Artificial Intelligence Requires the Guidance of Sociology [Электронный ресурс]. URL: <https://drexel.edu/news/archive/2021/april/the-future-of-artificial-intelligence-requires-sociology> (дата обращения: 08.10.2024).

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК В ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ДЕНЬГАМ

Е.Ю. Мещанинова

*МГУ имени М.В. Ломоносова,
ул. Ленинские горы, 1, 33, 119234, Москва, Россия
E.Meshchaninova@yandex.ru*

В статье обозначаются преимущества и недостатки использования в социологии проективных методик. Главным преимуществом данных методик является возможность получения качественной информации даже относительно таких сензитивных тем, как деньги. В статье представлены результаты применения проективных методик – семантического дифференциала и метода свободных ассоциаций – для исследования ценностно-смыслового отношения студентов к деньгам. Метод позволил выявить эмоциональный, оценочный и поведенческий компоненты данного отношения. Эти результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения денежной проблематики и разработки практических занятий в рамках дисциплин экономической и социологической направленности. практическую значимость.

Ключевые слова: проективные методики, семантический дифференциал, метод свободных ассоциаций, студенты, деньги, отношение к деньгам.

На современном этапе развития отечественной социологии все чаще поднимается вопрос о теоретическом основании (обосновании, адаптировании) использования проективных методик в эмпирических социологических исследованиях. Необходимость использования методов, пришедших из психологии, чаще всего обусловлена необходимостью получения качественных данных о чувствах, настроениях, мыслях респондентов, и осознанием того факта, что в определенных обстоятельствах получить точную информацию о данных вещах невозможно (в интервью лицом к лицу опрашиваемый не всегда готов делиться своими глубинными переживаниями, сообщать личную и интимную информацию, постоянно следовать принципу честности при ответах и пр.). При прямой постановке вопроса в анкете (гайде) о ценностях, установках, мотивах и пр. есть вероятность, что респонденты будут стараться дать логические ответы, уменьшая эмоциональные факторы или бессознательные элементы (индивид может не осознавать свои истинные внутренние переживания). При вербальном (или письменном) выражении мыслей респонденты, во-первых, начинают рационализировать собственные восприятия, мотивации, представления, и эмоциональные интенции, а во-вторых, давать социально приемлемые, социально одобряемые или стереотипные ответы, а также выражать конформистские позиции [1]. Однако в проективных методах исследователь получает информацию, связанную с личностными восприятиями посредством того, что индивиды проецируют в ответы бессознательные чувства и реакции. Упрек в психологизации и субъективизации снимается в силу специфики исследовательских целей ученого (важность получения качественной глубинной информации об изучаемом объекте из-за особенностей рассматриваемой проблемы) и того простого факта, что любой образ в сознании респондентов создается в том числе под влияние социальных факторов, его субъективное понимание ситуации всегда социально обусловлено. Основные слабости в применении проективных методик связаны с низкой стандартизацией проведения и анализа полученных данных, объяснительные модели крайне зависят от личности и опыта исследователя [2]. Поэтому в нашем исследовании метод вербальных ассоциаций был дополнительным, сопутствующим способом получения социологической информации. Для надежности были реализован анализ ответов, полученных на рациональном и бессознательных уровнях. Здесь будут представлены только результаты применения качественных проективных методик. Преимуществами проективных методик является то,

что они работают на базе быстрых неосознанных реакций и субъективных ассоциаций, и респондент не может предугадать какой ответ от него хотят получить.

1. Метод семантического дифференциала. В данной статье представлены результаты апробации методики в рамках исследования «Деньги в жизни российской молодежи», проведенного в г. Москва в мае-июне 2022 года. Было опрошено 55 человек в возрасте от 18 до 35 лет (70% - респонденты женского пола; 30% - респонденты мужского пола).

Суть метода – фиксация реакции респондента на определенный стимул (в данном исследовании измеряемые объекты - «Я», «Деньги», «Труд», «Счастье»). **Преимущество метода** - респондент не может расшифровать принципы работы методики, предугадать ее цели, идею и замысел исследователя. Это делает ответы респондентов более честными и непредсказуемыми. **Цель применения** - определить место и соотношение категорий «труд», «счастье», «деньги» в групповом смысловом пространстве; выявить эмоциональное отношение индивида к измеряемому объекту (силу, напряженность); сопоставить и сравнить восприятие разных объектов.

Студенты оценивают себя, труд, деньги и счастье как сильные и активные категории. В пространстве смыслового восприятия деньги, наряду с трудом и счастьем, воспринимаются в положительном контексте (объекты оценки сгруппированы в правой полуплоскости), но их значимость оказалась разной. Деньги ассоциируются с трудом в куда большей степени, чем со счастьем. Но восприятие собственного «Я» оказывается в некоторой степени обособленным как от труда, так и от денег и счастья. По силе (значимости) в перечне представлений у респондентов доминирует счастье (1,9), затем идут собственно «Я» (0,9) и деньги (0,7). Труд получил наименьшую оценку по шкале значимости (0,2) (см. Рис. 1).

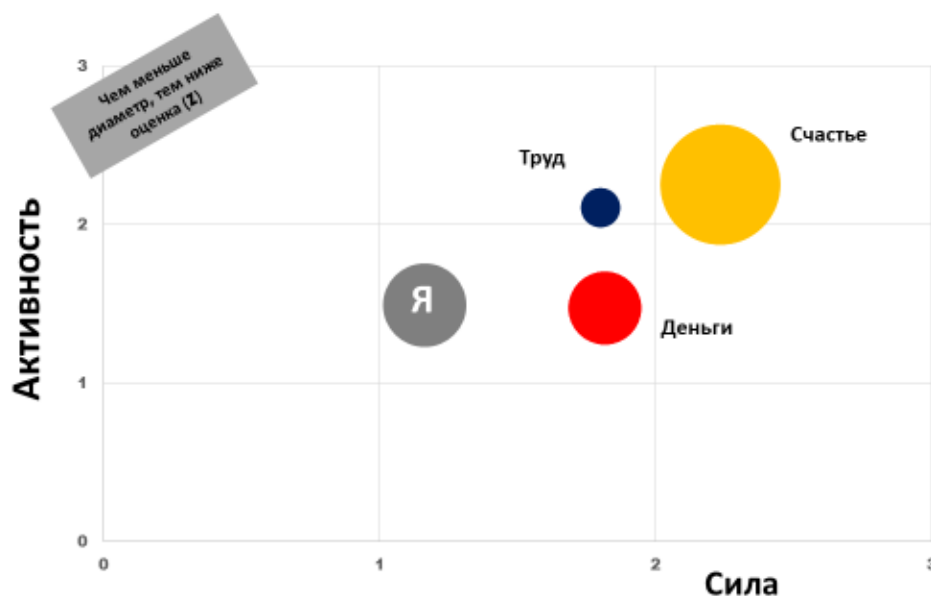

Рис. 1. Размещение объектов оценивания в семантическом пространстве факторов «Активность», «Сила», «Оценка»

2. Метод свободных ассоциаций. В данной статье представлены результаты опроса рамках исследования «Деньги в системе социальных ценностей российских студентов», проведенного в г. Москва в мае-июне 2023 года. Было опрошено 404 человека в возрасте от 17 до 29 лет (54% - респонденты женского пола; 46% - респонденты мужского пола).

Суть метода – выявить реакции и настроения на стимул, вызванные воспоминанием о объекте-стимуле и сочетающимся с ним. **Преимущество метода** - респондент может выразить эмоционально-чувственный аспект восприятия изучаемого объекта. **Цель применения** – выявить эмоциональный компонент ценностно-смыслового отношения к деньгам у студентов (определить позитивный или негативный характер восприятия денег); выявить восприятие денег либо как самооценности, к которой нужно стремиться, либо как средства для достижения целей.

Студенческой молодежи был задан открытый вопрос «С какими словами у Вас ассоциируется слово «деньги»? Напишите, пожалуйста, 3-5 ассоциаций». Качественный анализ слов-ассоциаций предполагал интерпретацию вербальных ответов в категориях терминальных, инструментальных и абстрактных ценностей. Качественный анализ ассоциаций, проведенный в рамках диссертационного исследования, показал, что в сознании молодежи деньги воспринимаются прежде всего в качестве абстрактных ценностей (85% - абстрактные ассоциации; 9% - терминальные; 6% - инструментальные), которые обозначают не

конкретные материальные вещи, а идеи, образы, метафоры и другие теоретические конструкции: ответы типа «безопасность», «войны», «благополучие», «богатство», «власть», «возможность», «рабство», «разврат» и пр. Метод свободных ассоциаций позволил выявить следующее: 1) как правило, деньги воспринимаются в качестве позитивного феномена (только в 4% случаев деньги ассоциативно были связаны с отрицательными явлениями и качествами: «несчастье», «зло», «страдания», «грязь», «насилие», «жадность», «зависть», «меркантильность», «фальшь», «эгоизм» и т.п.; 2) символическая составляющая денег доминирует над их физическими характеристиками; 3) в сознании молодежи ярче всего выражено представление о деньгах как об источнике возможностей для достижения целей, осуществления желаний и реализации задуманного (14%). (см. Таб. 1).

Таблица 1. Подкатегории абстрактных ценностей

Категория (абстрактные ценности)	% от общего количества
Возможности и развитие (реализация планов, обеспечение желаний)	14,3%
Процветание, благополучие, богатство, достаток	13,0%
Свобода (выбора, действий и др.) и независимость	10,5%
Безопасность, надежность, спокойствие, уверенность	7,6%
Труд и работа	6,7%
Экономическая и хозяйственная деятельность	6,4%
Успех, достижения, вознаграждение	5,6%
Влияние, власть	5,3%
Развлечение, удовольствие, радость, счастье	4,4%
Витальные категории (жизнь, здоровье, существование)	4,2%
Негативные явления (бедность, неравенство, коррупция и др.)	3,3%
...	...

Также анализ ассоциаций через интерпретацию смысловых категорий (например, «работа», «зарплата», «банк», «карта», «заработок», «покупки»

и т.п.) позволил выявить доминирующего тип действия в адрес денег, направленный на их трату, а не зарабатывание и накопление, либо на трату (поведенческий компонент), и цели данного поведения (например, «квартира», «путешествие» и пр.).

Таким образом, проективные методики довольно эффективны для получения качественной информации относительно бессознательных, иррациональных, нерационализированных установок, мнений, впечатлений респондентов. Их применение зависит от конкретных цели и задач исследования. Главная сложность их использования – во-первых, подбор, разработка соответствующих стимулов, которые бы в полной мере отражали все стороны исследуемого объекта, а во-вторых, анализ и интерпретация полученных данных, которые лучше всего может осуществить профессионал, обладающий навыками работы с данными методами и техниками.

Библиографические ссылки

1. Гурджи И.А. Проективные методики в качественных исследованиях // Практический маркетинг. 2000. № 1. С. 25-30.
2. Зубова О.Г. Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. №1.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РЕСПОНДЕНТА

Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина, А.Г. Тертышникова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Российская Федерация

Puzanova-zhv@rudn.ru, Larina-ti@rudn.ru, Tertyshnikova-ag@rudn.ru

Искусственный интеллект – термин, который занял центральное место в современной повестке не только технических, но и социогуманитарных наук. Дискуссия о возможностях и негативных последствиях развития искусственного интеллекта носит противоречивый характер. В статье описываются возможности использования искусственного интеллекта в социологических исследованиях для оценки эмоционального состояния участников, представлены характеристики используемых технологий и ряд полезных программ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эмоции, исследования, нейросеть, респондент.

Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100938-0-000 «Использование искусственного интеллекта: перспективы, угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)»

В последние годы наблюдается стремительное развитие технологий, которые вносят значительные изменения в общественные модели. Цифровые инновации играют ведущую роль в этом процессе, трансформируя различные области деятельности индивидов, начиная с экономики и заканчивая здравоохранением. Например, в сфере образования компьютерные технологии предоставляют уникальные возможности для дистанционного обучения, интерактивных занятий и индивидуализированных программ освоения дисциплин. Социальные сети и цифровые платформы для общения изменяют способы, при помощи которых люди взаимодействуют друг с другом, расширяя возможности построения коммуникаций и создавая новые конструкции человеческих интеракций. Одним из элементов цифрового прогресса является создание и распространение искусственного интеллекта (далее ИИ), который с каждым годом сильнее интегрируется в профессиональную и повседневную жизнь людей.

Определение термина «искусственный интеллект» является дискуссионным предметом, так еще не была выработана единая унифицированная дефиниция, в большинстве случаев она видоизменяется, подстраиваясь под конкретные вводные задачи. Указом Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в России» ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1]. Данное определение подчеркивает спектр возможностей, которые предлагает ИИ, в том числе интеллектуальное поведение и решение стоящих перед ним задач.

ИИ стал неотъемлемой частью большинства сфер жизни общества:

1. Экономика и бизнес. ИИ применяется в автоматизации производственных процессов, принятии управленческих решений, оптимизации логистики, прогнозировании спроса и т.д. Все это способствует повышению эффективности и снижению затрат на

производство. В бизнес-сфере ИИ используется для получения конкурентных преимуществ и укрепления позиций на рынке.

2. Образование и обучение. Интеллектуальные обучающие системы на базе ИИ составляют образовательный процесс таким образом, чтобы он мог подстраиваться под индивидуальные потребности каждого ученика. Также они обеспечивают интерактивное обучение, оценку в режиме реального времени и адаптацию учебных программ, улучшая результаты обучения и повышая вовлеченность студентов.

3. Государственное управление. Технологии ИИ применяются в сфере государственного управления для обеспечения безопасности, оптимизации социальных услуг, позволяя автоматизировать рутинные задачи, для повышения качества принимаемых решений и проведения более эффективной и адаптированной под реальные нужды граждан политики.

4. Повседневная жизнь. С развитием технологий повседневная жизнь претерпела кардинальные изменения. На данном этапе развития существует множество инструментов, которые используются людьми на постоянной основе. Например, голосовые помощники, умные устройства в доме, персонализированные рекомендации и т.д.

И, конечно, ИИ внедряется в современные исследования, в том числе социологические. Мы хотим сосредоточиться на возможностях ИИ в оценке эмоционального состояния респондентов, информация о котором полезна социологам как «невывысказанное».

Эмоциональный ИИ (Emotion AI) — это технология, которая позволяет компьютерам распознавать человеческие эмоции и реагировать на них. Для этого используются камеры, микрофоны или другие устройства, которые собирают информацию о состоянии человека, а затем нейросеть анализирует эти данные для определения эмоций [2]. Чтобы обучить нейросеть, ученые собирают выборку данных и вручную размечают изменение эмоционального состояния человека. Программа изучает эти шаблоны и выявляет признаки, характерные для определенных эмоций.

Компании и лаборатории могут использовать различные типы данных для обучения нейросети, такие как видеозаписи или аудиозаписи. Однако, чем больше разнообразие данных, тем точнее результаты обучения. Самыми распространенными подходами являются анализ мимики и голоса человека.

В первом случае изображения лиц обрабатываются для удобства работы нейросети, которая определяет эмоции по размеченным точкам лица, таким как брови, глаза и губы. Второй подход заключается в выделении маркеров эмоций на лице, таких как улыбка или нахмуренные брови, и последующем

анализе комбинаций для определения эмоционального состояния. Для обучения используются размеченные изображения лиц с привязанными к ним эмоциями, что позволяет нейросети самостоятельно выявить признаки эмоций [3].

Так как мимика каждого человека может быть лишь условно унифицирована, и каждый обладает своими мимическими маньеризмами, а также при считывании эмоции важен контекст, многие из подобной ИИ не очень точны. Но существует более углубленный подход: это система из двух нейросетей, одна из которых анализирует только лицо человека на снимке, а другая — только то, что его окружает. Всего для анализа ученые взяли шесть базовых эмоций [4], а также нейтральное выражение лица. После проведения двух не связанных между собой анализов, нейросети объединяются и выдают ответ — то есть распознанную эмоцию по показателям обеих.

Анализ голоса также широко используется для определения эмоционального состояния, где нейросеть анализирует параметры голоса, такие как тон и ритмичность, а также спектрограмму для более точного результата, учитывая лексику для определения эмоций.

Распознавание речи довольно регламентировано и происходит в несколько этапов [5]:

1. Удаление лишнего звука, например, шумов;
2. Разбивание речи на отдельные кадры, выделяя из них наиболее важные;

3. Деление на фонемы;

Второй уровень:

1. Выделение слогов;
2. Разделение на слова, словосочетания и целые предложения.

Также, эмоциональное состояние человека можно распознать по тексту, который он написал — подобные нейросети обрабатывают информацию в несколько этапов, где первый — это исправление орфографии, и расставление «меток» на смайлики, удлинённые слова (пример: «привееееет»), нецензурную лексику и т.п, и только после этого — анализ получившегося текста. Подобные нейросети также находят взаимосвязи между словами согласно предположению, что в похожих контекстах встречаются семантически близкие слова [6].

Кроме голоса, речи и текстов, можно анализировать другие поведенческие особенности человека, которые могут содержать информацию о его эмоциях. К примеру — анализ позы и жестов. Движения

тела, рук, головы и других частей тела человека, могут выражать не только его эмоции, но и намерения, отношение к чему-либо. Для подобного анализа можно использовать такие методы, как детекция и отслеживание корпуса и конечностей, извлечение ключевых точек тела, классификация жестов и другие. Распознавание жестов является одним из самых сложных, так как на теле человека (не включая лицо) нет так называемых активных точек, таких как глаза, рот на лице, это и затрудняет развитие технологий для распознавания жестов. Для такого анализа нейросеть распознает части тела в трехмерной проекции, определяя позицию каждой из них и создает векторное изображение. Нейросеть классифицирует эти данные, сравнивая с внутренними заданными данными о различных жестах, и делает вывод [7].

Существуют ряд программ на основе ИИ, которые помогают социологам при составлении анкет, анализе данных и интерпретации результатов опросов. Например, IBM Watson [8] и Google Cloud Natural Language [9] предоставляют возможности для обработки текстовых данных и выделения основных тем и тенденций. IBM Watson (IBM Watson — суперкомпьютер фирмы IBM, оснащённый системой искусственного интеллекта, созданный группой исследователей под руководством Дэвида Феруччи), представляет собой одну из ведущих ИИ-систем, способных анализировать тексты и отвечать на вопросы на естественном языке. Это позволяет проводить более глубокий и аналитический анализ ответов на социологические вопросы, автоматизируя часть процесса обработки данных. Google Cloud Natural Language — это сервис, предоставляемый Google Cloud Platform, который позволяет анализировать и понимать текстовые данные на естественном языке. Он использует машинное обучение для распознавания и классификации различных аспектов текста, таких как эмоциональная окраска, ключевые слова, именованные сущности и многое другое. Для социологов данный инструмент может быть полезен в различных аспектах исследований, таких как анализ социальных медиа для выявления общественного мнения, настроений и тенденций, исследования общественного мнения на основе анализа больших объемов текстовых данных, анализа медицинских записей для выявления паттернов заболеваний и образа жизни, а также мониторинга и анализа новостей для понимания влияния социально значимых для общества событий. И в каждой из перечисленных сфер возможно выделить эмоциональные аспекты.

Affectiva [10] и Realeyes [11] — это две известные компании, специализирующиеся на разработке программного обеспечения для анализа эмоций человека. Они предлагают инструменты и технологии для

распознавания эмоций через мониторинг выражений лица и других физиологических параметров.

Affectiva — это компания, которая создает эмоциональный ИИ, позволяющий разработчикам встроить возможности распознавания эмоций в свои продукты и приложения. Ее технологии используются в медицине, рекламе, автопроме и других отраслях для анализа реакций людей на стимулы и визуализацию эмоций. Realeyes — это компания, занимающаяся анализом эмоций на основе машинного обучения и ИИ. Она предоставляет инструменты для измерения эмоций в реальном времени посредством веб-камер или устройств с аналогичной технологией, таких как смартфоны и планшеты. Ее клиенты включают крупные корпорации и маркетинговые агентства, такие как: Google, Coca-Cola, KANTAR, Meta, Nestle и др. которые используют данные об эмоциональной реакции для улучшения своих продуктов и кампаний, изменения рекламных стратегий под потребителей для увеличения продаж.

На данный момент крупные социологические центры и кафедры учебных заведений начинают добавлять в свой методологический арсенал программы анализа эмоций на основе ИИ, поэтому остается следить за будущими публикациями об особенностях применения этих инструментов и получаемых данных.

Библиографические ссылки

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (Утверждена указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 24.09.2024)
2. Эмоциональный ИИ: кто и зачем распознаёт эмоции в России и за рубежом // rb.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/longread/emotion-ai/> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Современные нейросети уже имеют эмоциональный интеллект // vc.ru URL: <https://vc.ru/chatgpt/918052-sovremennyye-neyroseti-uzhe-imeyut-emocionalnyy-intellekt> (дата обращения: 14.03.2024).
4. Universal emotions // paulekman.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paulekman.com/universal-emotions/> (дата обращения: 13.09.2024).
5. Ахметшин А. Ф. Применение нейросетевых технологий для анализа речевой информации / Ахметшин А. Ф., Насыров И. К. // Теория и практика современной науки — №6 (60). 2020. С. 606–611.

6. Автоматическое определение эмоций в текстовых беседах с использованием нейронных сетей // habr.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/463045/> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Технологии распознавания жестов // developers.sber.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://developers.sber.ru/help/ar-vr/gesture-recognition-technologies> (дата обращения: 15.09.2024) (дата обращения: 15.09.2024).
8. IBM Watson : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.ibm.com/watson (дата обращения: 15.09.2024).
9. Google Cloud Natural Language : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: cloud.google.com/natural-language/?hl=ru (дата обращения: 15.09.2024).
10. Affectiva : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.affectiva.com/ (дата обращения: 15.09.2024).
11. Realeyes : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.realeyesit.com/ (дата обращения: 15.09.2024).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ)

А.В. Рубанов

*Белорусский государственный университет
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
rubanov.bsu@gmail.com*

Рассматриваются основные элементы социальной структуры современного белорусского общества: структура трудоспособности и характер занятости населения, возникновение новой социальной группы предпринимателей, степень социальной дифференциации. Подчеркивается, что структура белорусского постиндустриального (цифрового) общества носит ромбовидный характер, а основными каналами вертикальной мобильности являются повышение уровня образования и занятие предпринимательской деятельностью.

Ключевые слова: общество, социальная структура, социальная дифференциация, социальная мобильность, статистика.

В постиндустриальном (в несколько иной терминологии, цифровом) обществе, которое совершает переход к социально ориентированным рыночным отношениям, социальную структуру разумно рассматривать как совокупность групп населения, трудовой и образовательный статус,

экономическое положение и характер взаимоотношений которых определяют степень социальной стабильности и выбор пути дальнейшего общественного развития.

Первым элементом социальной структуры вполне логично считать структуру трудоспособности населения. Она и динамика ее изменений в белорусском обществе за последние 20 лет, зафиксированные статистикой, показаны в таблице 1.

Таблица 1

Структура трудоспособности населения
(в %)

<i>Группы населения</i>	2001 г.	2022 г.
Моложе трудоспособного возраста (0-15 лет)	20,1	17,8
В трудоспособном возрасте	58,4	58,7
Старше трудоспособного возраста	21,5	23,5

Как видим, удельный вес трудовых ресурсов и доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения фактически не изменились. Удельный вес трудовых ресурсов в 2001 г. составлял 60,9%, а в 2022 г. – 61,0%. Доля населения в трудоспособном возрасте, соответственно, 58,4 и 58,7%. Определенные изменения произошли в структуре трудоспособности населения: на 2,3% стало меньше лиц моложе трудоспособного возраста и, наоборот, на 2% больше тех, кто старше трудоспособного возраста. Очевидно, что увеличение пенсионного возраста частично сдержало численный рост последней группы [1].

Вторым элементом социальной структуры является характер занятости населения, в частности, ее распределение между производством и сферой услуг. Как видим из таблицы 2, в сфере производства в стране сегодня занято менее 40%, а разные виды услуг оказывает более 60% работающего населения. Перевес в пользу занятых в сфере услуг по сравнению с 2010 г. вырос более чем на 6% [1]. В целом подобное соотношение занятых на производстве и в обслуживании позволяет говорить о том, что общество находится на постиндустриальной стадии развития.

Таблица 2

Соотношение занятости в производстве и сфере услуг
(в %)

<i>Сферы</i>	2010 г.	2022 г.
Сфера производства	44,6	38,4
Сфера услуг	55,4	61,6

Что касается конкретного распределения работающих по видам экономической деятельности, то в сфере производства, которая раньше доминировала, составляя основу формирования рабочего класса, на долю промышленности (в основном обрабатывающей) сейчас приходится 23,8% занятого населения, на долю строительной индустрии – 6%, сельского, лесного и рыбного хозяйства (так их группирует статистический показатель), где, естественно, численно преобладают работники сельского хозяйства – 8,6% [1].

Третий статистический индикатор состояния современной социальной структуры выражен показателем «занятость по формам собственности». Как видно из таблицы 3, развитие рыночных отношений ведет к тому, что постепенно сокращается число работающих на предприятиях государственной формы собственности и увеличивается доля тех, кто трудится в организациях с частной формой собственности. В 2022 г. она достигла 56,8%. Одновременно произошел определенный рост числа тех, кто занят на предприятиях, которые являются иностранной собственностью [1].

Таблица 3

Занятость по формам собственности
(в %)

<i>Форма собственности</i>	2010 г.	2022 г.
Государственная	44,7	38,6
Частная	53,6	56,8
Собственность негосударственных юридических лиц с государственным участием	20,1	16,2
Иностранная	1,7	4,6

Четвертый признак состояния социальной структуры дает статистический показатель «распределение списочной численности работников организаций по уровню образования». Он же раскрывает один из доминирующих в настоящее время каналов вертикальной мобильности. Как видно из таблицы 4, лица с высшим образованием составили в 2022 г. 34,9%, увеличив свою долю по сравнению с 2010 г. на 9,5%. Соответственно, заметно снизилась доля работников с общим средним образованием. При одновременном увеличении числа лиц со средним специальным и, особенно, профессионально-техническим образованием [1].

Таблица 4

Распределение списочной численности работников организаций по уровню образования (в %)

Образование	2010 г.	2022 г.
Высшее	25,4	34,9
Среднее специальное	22,6	23,2
Профессионально-техническое	20,6	27,7
Общее среднее	28,5	13,0
Общее базовое (включая начальное)	2,9	1,3

Новым элементом структуры общества с социально ориентированной рыночной экономикой является формирование группы предпринимателей. Это еще один весьма распространенный в настоящее время канал вертикальной мобильности. Определенные представления о численности и составе социальной группы предпринимателей дает анализ основных показателей деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, а также индивидуальных предпринимателей.

Государственная статистика включает показатели микроорганизаций (средняя численность работников за календарный год до 15 чел. включительно); малых организаций (средняя численность от 15 до 100 чел.); субъектов среднего предпринимательства (численность работников от 101 до 250 чел.) и индивидуальных предпринимателей. На 2022 г. количество микро- и малых организаций составило 111205, средних организаций –

2150. По сравнению с 2010 г. число первых несколько возросло, вторых – уменьшилось (см. таблицу 5) [1].

Таблица 5

Число микроорганизаций, малых и средних организаций

	2010 г.	2022 г.
Микро- и малые организации	84 164	111 205
Средние организации	2753	2150

Зато число индивидуальных предпринимателей увеличилось за указанный период более чем на 30 тыс. и превысило 260 тыс. чел. (см. таблицу 6) [1].

Таблица 6

Число индивидуальных предпринимателей
(человек)

2010 г.	2022 г.
231 834	262 798

В целом численность работников микроорганизаций, малых организаций, средних организаций, индивидуальных предпринимателей и привлекаемых ими наемных лиц в 2022 г. составило 34,3% от всех занятых.

Особо статистика выделяет крестьянские (фермерские) хозяйства. На конец 2022 г. их было 3802. А списочная численность работников в среднем за год в расчете на 1 такое хозяйство – 3,7 человек [2].

Суммируя число основателей (руководителей) микроорганизаций, малых и средних бизнес-организаций, индивидуальных предпринимателей и фермеров, можно говорить о том, что предпринимательской деятельностью в стране занимается, как минимум, около 380 тыс. чел. Это примерно 7% от трудоспособного населения в трудоспособном возрасте.

Исследования, которые проводятся социологами с начала 90-х годов 20 века, позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, авторитет малого и среднего бизнеса среди населения растет. Связано это, прежде всего, с тем, что, как считают люди, они своей деятельностью расширяют ассортимент товаров и услуги, способствуют снижению цен, создают новые рабочие места, наконец, платят налоги, пополняя доходы государственного

бюджета. Во-вторых, примерно 30% опрошенных утвердительно отвечают на вопрос о том, хотели ли бы они сами заняться предпринимательской деятельностью? Установки на занятие бизнесом наиболее выражены в возрастной группе 18-29 лет. В-третьих, среди мотивов предпринимательской деятельности доминирует возможность самореализоваться и иметь более высокие доходы.

Важнейшим структурным показателем состояния любого общества является социальная дифференциация, т. е. распределение групп населения в системе социального неравенства в зависимости, прежде всего, от их доходов и качества жизни. Достаточно сбалансированные, справедливые, по оценке доминирующей части населения, различия в степени социальной дифференциации являются важнейшим источником стабильности общественной жизни. Чрезмерная разница в доходах и качестве жизни ведет к социальной напряженности, межгрупповым противоречиям и конфликтам.

Для определения степени социальной дифференциации того или иного общества используется ряд показателей, которые представлены ниже в таблице 7.

Так, распределение населения (домашних хозяйств) по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов представляет собой ряд с заданными интервалами, ранжированный в порядке возрастания этих ресурсов, который позволяет сгруппировать население в так называемые квинтильные группы. При построении квинтильных групп население делится на пять равных частей, каждая из которых включает 20% домашних хозяйств. В результате первая квинтильная группа (низшая) включает 20% населения с наименьшим уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов, а пятая квинтильная группа (высшая) – 20% людей с наиболее высоким уровнем располагаемых ресурсов. Как видно в таблице 8, соотношение средних уровней располагаемых ресурсов 20% наиболее и 20% наименее обеспеченных групп домашних хозяйств в нашей стране длительное время в среднем близко показателю 4,0 раза.

Следует отметить, что результаты исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 1997 г. и репрезентативных для страны, дали основания говорить о тех параметрах распределительных отношений, которые воспринимались тогда в белорусском обществе как справедливые. Прежде всего, это касалось допускаемой людьми разницы в доходах. На вопрос, какое различие доходов люди считают оправданным, ответы тогда были получены следующие: в 2-3 раза – 31,7 %; 3-5 раз – 30,4

%; 5-10 раз – 17,5 %; 10-20 раз – 5,3 %; более чем в 20 раз – 4,7 %. В итоге оказалось, что усредненный показатель допускаемых общественным мнением различий в доходах равен примерно 4,5-кратному превышению максимума над минимумом. Другими словами, показатель 4,0 соответствует восприятию большей частью населения как вполне допустимый, следовательно, справедливый, а, в конечном счете, является базовым гарантом социальной стабильности.

Дифференциацию ресурсов домашних хозяйств также фиксирует коэффициент Джини (индекс концентрации доходов). Этот показатель характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения. Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1 и, чем ближе значение показателя к 1, тем более неравномерно распределены располагаемые ресурсы (доходы) в обществе. В Беларуси в 2022 г. коэффициент Джини был 0,268 [1].

Таблица 7

Основные показатели дифференциации располагаемых ресурсов
домашних хозяйств
(в %)

Показатели	2010 г.	2022 г.
Располагаемые ресурсы, по 20-процентным группам:		
Первая группа (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	9,4	9,6
Вторая группа	13,9	13,7
Третья группа	17,5	16,9
Четвертая группа	22,5	21,7
Пятая группа (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	36,7	38,1
Соотношение средних уровней располагаемых ресурсов, раз: 20% наиболее и 20% наименее обеспеченных групп домашних хозяйств	3,9	4,0
Соотношение средних уровней располагаемых ресурсов, раз:	5,6	5,9

10% наиболее и 10% наименее обеспеченных групп домашних хозяйств.		
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,265	0,268

Еще одним важным индикатором степени социальной дифференциации является соотношение доходов людей с размером бюджета прожиточного минимума. Население с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов (доходов) ниже бюджета прожиточного минимума считается малообеспеченным. Его удельный вес в общей численности населения в 2022 г. составил 3,9 %. (см. таблицу 8). В отличие, например, от 2010 г., когда он был 5,2%, тем более от 2001 г. – 28,9%. Риск малообеспеченности является самым высоким в семьях, имеющих двух и более детей моложе 18 лет и только одного взрослого члена хозяйства [1].

Таблица 8

Распределение населения по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с бюджетом прожиточного минимума (в %)

Соотношение доходов людей с бюджетом прожиточного минимума (%)	Доля группы в общей численности населения (%)
0 – 49,9	0,1
50 – 99,9	3,8
100 – 149,9	14,2
150 – 199,9	23,4
200 – 249,9	20,9
250 – 299,9	12,8
300 – 349,9	9,0
350 – 399,9	5,1
400 и более	10,7

Таким образом, базовые статистические показатели свидетельствуют, что социальная структура белорусского постиндустриального (цифрового) общества носит очевидный ромбовидный характер, т. е. основная часть населения располагает уровнем доходов, находящимся достаточно близко к

среднему значению. Основными каналами вертикальной мобильности являются повышение уровня образования и занятие предпринимательской деятельностью.

Библиографические ссылки

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2023. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0a7/lk1zigmat2zbcwvo3ljrfm1tow2f5zd2.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

2. Деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Беларусь 2018 – 2022. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/ef1/usnojhfbr2tzg01ifptb823d3rd783ql.pdf> (дата обращения: 26.09.2024).

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОЛОГО- СТАТИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

А.А. Савчук

Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь,
savchuk.aleksey.a@gmail.com

Научный руководитель: Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор

В данной статье рассматриваются перспективы применения социолого-статистического подхода для изучения демографической ситуации. Подобный подход соответствует мировым научным тенденциям в части комплексности и междисциплинарности. Его ключевым преимуществом выступает возможность определения тенденций при помощи реализации методов статистического анализа с последующим выявлением причинно-следственных связей посредством применения социологических методов сбора информации. Актуальность изучения демографической ситуации обусловлена устойчивыми негативными демографическими тенденциями в области снижения рождаемости и численность населения, а также увеличения темпов старения населения. Результаты подобных исследований целесообразно использовать при обновлении демографической и семейной политики, в частности, посредством актуализации системы мер материального и нематериального стимулирования

рождаемости. Важность подобных корректировок неразрывно сопряжена с имплементацией лучшего мирового опыта стимулирования рождаемости в отечественную практику.

Ключевые слова: демография, демографическая ситуация, социолого-статистический подход, рождаемость, комплексное изучение.

Демографическая ситуация выступает сложным социальным феноменом, выступающим предметом изучения ряда научных дисциплин (демография, статистика, экономика, социология и др.). Интерес к данному феномену обусловлен его комплексностью и многовекторностью, заключающимися во включенности различных аспектов социальной действительности для характеристики демографических процессов. В рамках базового определения, под демографической ситуацией понимается состояние демографических процессов и половозрастной структуры населения в динамике на определенной территории (страна, область, район и др.) в определенное время [1].

В зависимости от подобранной исследовательской стратегии, а также научной рамки исследователя, определение демографической ситуации может детализироваться. Так, например, следует выделить классические и современные теоретико-методологические концепции к изучению демографической ситуации. Под классическими концепциями в рамках данной работы понимаются исследовательские подходы, в которых изменение демографической ситуации детерминируется преимущественно одним аспектом социальной действительности (экономическим, социальным, биологическими и др.). В числе примеров следует упомянуть теорию демографического перехода (Ф. Ноутстайна), демографически-структурную теорию Дж. Голдстоуна, теорию народонаселения Т. Мальтуса и др. В свою очередь комплексные подходы позволяют детерминировать изучаемый феномен посредством нескольких аспектов, т.е. предполагают некоторую комплексность изучения.

Необходимость применения комплексного подхода при изучении демографической ситуации диктуется зависимостью феномена от множества групп внешних факторов. Подобная многовекторность не позволяет корректно оценить исследуемый феномен посредством установления зависимости только от одной группы факторов. В настоящее время ключевыми научными тенденциями выступают комплексность и междисциплинарность.

Социолого-статистический подход позволяет реализовать качественно-количественную исследовательскую стратегию, заключающуюся в первичном изучении статистических данных (с целью определения тенденций и выявления зависимостей) с последующим уточнением причинно-следственных связей посредством применения качественных методов сбора информации. Реализация подобного подхода предполагает четкое определение целей и задач исследования, а также его стратегии. В зависимости от целей исследования анализ статистических данных может иметь компаративную составляющую, заключающуюся в сравнении данных с предыдущими замерами, тенденциями других регионов и др. Традиционными статистическими методами для установления зависимостей являются корреляционный и регрессионный анализ.

Так корреляционный анализ позволяет установить зависимости демографических индикаторов (кол-во детей, планирование деторождения и др.) от различных внешних факторов (экономических – наличие собственного жилья, уровень дохода, инфляция и др., социальных – оказание помощи по уходу за ребенком, уровень социально-политической напряженности и т.д.). В свою очередь регрессионный анализ позволяет разработать прогнозную модель, которая позволит выразить данные зависимости в виде математических уравнений с заданными условиями в виде изменения переменных.

Необходимо отметить, что основным недостатком применения статистического анализа при изучении социальных феноменов выступает невозможность учета всех, в частности, латентных факторов. В целях нивелирования подобной проблемы исследователями, как правило, вводится понятие «нормальных условий», заключающееся в минимальном уровне изменчивости внешних (не включенных в анализ) факторов. Таким образом речь идет о гипотетическом допущении того, что подобные факторы будут находиться в максимально стабильном состоянии. В настоящий момент социальная действительность сопряжена с повсеместным повышением уровня нестабильности в связи с эпидемиологической обстановкой, увеличением количества военных конфликтов, экономических кризисов и иных потрясений, что делает практически невозможным обеспечение вышеупомянутых нормальных условий.

Ключевым поставщиком общей статистической информации в Беларуси выступает Национальный статистический комитет, выступающий государственным регулятором в сфере обеспечения подобной

информацией. Его информационно-аналитические базы и материалы позволяют определить основные демографические тенденции, а результаты выборочных обследований домашних хозяйств несколько глубже погрузиться в аспекты демографического поведения белорусов.

В контексте республиканских исследований необходимо отметить достаточный уровень информационного обеспечения статистическими данными, обеспечиваемый благодаря регулярным мониторингам состояния демографической ситуации Институтом социологии НАН Беларуси, а также реализуемыми крупными международными проектами (Поколение и гендер, исследование европейских ценностей и др.). Уникальность последних заключается в применении международных методологий для изучения демографических процессов протекающих в Беларуси. Межстрановая сопоставимость подобных данных позволяет осуществлять компаративный анализ, который позволяет выявить специфику демографических процессов нашей страны.

Определение демографических тенденций и закономерностей является благополучным результатом реализации статистической компоненты. Необходимость социологической компоненты обусловлена невозможностью детального определения причинно-следственных связей в рамках анализа массива статистических данных. Как правило, подобная ситуация обусловлена невозможностью определения подобных связей при помощи стандартизированных методов сбора информации (как правило, опросов), а также ориентацией международных исследований на изучение нескольких тем в рамках одного исследования, что не позволяет детально исследовать каждый из изучаемых феноменов.

В свою очередь социологическая компонента позволяет уточнить природу выявленных тенденций и закономерностей посредством качественных методов сбора информации. Подобные методы ориентированы на установление причинно-следственных связей между изучаемым феноменом (в нашем случае – демографической ситуацией) и протеканием внешних процессов. Выявление причинно-следственных связей позволит определить приоритетные для воздействия внешние группы факторов. В частности, следует отметить возможность влияния государства на данные факторы в рамках программ демографической и семейной политики. Наиболее распространенными индикаторами в рамках данных программ выступают меры материального и нематериального стимулирования рождаемости.

Подобные комплексы мер направлены на предоставление различного рода льгот и преференций семьям с детьми. В частности поддержка рождаемости в Беларуси обеспечивается посредством социальных выплат (пособие по рождению ребенка, ежемесячные выплаты), жилищных преференций (льготное кредитование, субсидирование), трудовые гарантии (обязательства перед работником с детьми), а также иные меры (обеспечение местом в детском саду, услуги няни и т.п.). В контексте совершенствования системы мер материального и нематериального стимулирования рождаемости необходимо отметить ценность международного опыта, который может быть имплементирован в отечественную практику с учетом региональной специфики. В частности, тенденции развития подобных мер в европейских странах свидетельствуют о популярности нематериальных мер стимулирования рождаемости, сопряженных с оказанием поддержки в части сохранения квалификации родителя, а также предоставлением услуг по уходу за ребенком.

Необходимость обновления демографической и семейной политики в нашей стране подтверждается негативными тенденциями, сопряженными с: снижением уровня рождаемости (суммарного коэффициента рождаемости) до 1,5 рождений на одну женщину в репродуктивном возрасте (2022 год); увеличением темпов снижения численности населения с 0,2% в 2020 год до 0,5% в 2024 году; увеличением темпов старения населения (доли лиц в возрасте 65 лет и более) с 15,5% в 2020 году до 17,2% в 2024 году [2]. Опасность последней тенденции сопряжена с увеличением коэффициента пенсионной нагрузки на трудоспособное население, что повлечет за собой необходимость увеличения объемов финансирования социальной системы. В настоящий момент важность демографических процессов подтверждается и активной нормотворческой деятельностью: включением в Концепцию национальной безопасности [3], анонсированием необходимости корректировки демографической политики в соответствии с текущей демографической ситуацией и социально-экономическими реалиями [4].

Вышеупомянутые негативные демографические тенденции значительно стимулируют внимание исследователей к данной проблематике, важность изучения которой теперь детерминируется не только научными интересами, но и потребностью обеспечения национальной безопасности.

Библиографические ссылки

1. Олими, Р.Л. Демографическая ситуация и её влияние на развитие национальной экономики // Известия СПбГАУ. 2017. №2. С. 236 – 241.
2. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by> – Дата доступа: 10.10.2024.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024, № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.
4. В Беларуси разрабатывается новая демографическая политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-razrabatyvaetsya-novaya-demograficheskaya-politika/>. – Дата доступа: 10.10.2024.

Примечание: статья подготовлена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ СЕЛЬХОЗПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ МЯДЕЛЬСКОГО РАЙОНА)

А.Ю. Сакович

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь
sakovich05@mail.ru*

В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного автором в июле–августе 2024 г. Тема исследования – «Кадровое обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса (АПК) Республики Беларусь». Экспертами выступили руководящие кадры сельхозпредприятий Мядельского района. Установлено, что в среднем хозяйства укомплектованы кадрами на 70–80%. Доля молодежи не превышает 10%. Это вызывает обеспокоенность по поводу функционирования сельхозпредприятий в будущем, после ухода старшего поколения аграриев на пенсию. Хозяйства восполняют недостаток кадров посредством использования труда наемных рабочих, привлечения молодых специалистов, совмещения одним работником нескольких должностей. На модернизированном сельхозпредприятии с высоким уровнем заработной платы эффективным инструментом восполнения недостатка кадров является «сарафанное радио». В этом хозяйстве работают люди не только из поселения, где расположено

хозяйство, но и из других деревень и г. Мядель. Пример данного сельхозпредприятия подтверждает эффективность привлечения для работы в АПК не только сельского населения, но и всего провинциального сообщества.

Ключевые слова: кадровое обеспечение; агропромышленный комплекс; модернизация; аграрии; экспертный опрос;

Сельское хозяйство является важнейшей отраслью белорусской экономики. От его эффективности зависит продовольственная безопасность страны, социальное развитие сельских территорий. Вместе с тем сокращение численности крестьян привело к проблеме кадрового обеспечения сельхозпредприятий. Так, в 2023 г. в сельском хозяйстве было занято 246,5 тыс. чел., что на 26,7 тыс. чел. меньше, чем в 2019 г. [1, с. 8]. Согласно результатам многолетних социологических исследований, основными причинами нежелания людей работать в агросфере являются: 1) невысокий уровень заработной платы; 2) тяжелые условия труда. В Республике Беларусь проводится модернизация агропромышленного комплекса (АПК), позволяющая повысить экономическую эффективность сельхозпредприятий. От этого напрямую зависит уровень доходов аграриев. Внедрение новой техники и технологий способно улучшить условия труда. Однако для работы на ней требуются образованные и квалифицированные специалисты. Кадровый вопрос для большинства сельхозпредприятий является ключевым. Мы также занимались его изучением. В июле – августе 2024 г. автором статьи был проведен экспертный опрос руководящих кадров сельхозпредприятий Мядельского района на тему «Кадровое обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса Республики Беларусь». Выборочная совокупность исследования составила 10 человек. Обратимся к результатам исследования и рассмотрим укомплектованность штата сельхозпредприятий сотрудниками и способы восполнения недостатка персонала.

В ходе исследования установлено: сельхозпредприятия Мядельского района в большей или меньшей степени испытывают недостаток кадров. В среднем в хозяйствах штат укомплектован сотрудниками на 70–80%. Доля молодежи не превышает 10%. Эксперты отмечают, что молодые люди не хотят работать в отрасли. Большинство из них ориентировано на жизнь в городе, особенно в столице. Сельская жизнь и работа в АПК не представляет ценности для современных юношей и девушек. Что касается вопроса потребности сельхозпредприятий в кадрах, то в одних хозяйствах по

большей части не хватает специалистов с высшим образованием, в других – квалифицированных рабочих.

«Не хватает кадров. У нас нет, например, инженера по охране труда. А он очень сейчас нужен, потому что уборочная. Это пожарная безопасность. Надо каждого человека ознакомить с правилами пожарной безопасности. И еще у нас нет главного инженера. Мы ищем человека на эту должность»

«У нас не хватает именно рабочих. Животноводов особенно не хватает. Если взять специалистов, то специалистами штат укомплектован».

На некоторых сельхозпредприятиях работает значительная часть сотрудников пенсионного и предпенсионного возраста. Эксперты обеспокоены тем, что когда данная категория работников уйдет, то заменить ее будет некому, поскольку молодежи в хозяйстве очень мало.

Недостаток кадров сельхозпредприятия восполняют по-разному. Часть хозяйств прибегает к труду наемных рабочих. С ними заключается договор на период посевной и уборочной кампании. Специалистов, по словам респондентов, чаще всего привлекают посредством запроса в учреждения образования. Однако после окончания отработки они в большинстве случаев уходят из хозяйства. Актуальным является размещение объявления в интернете и районной газете о наличии вакансий. В некоторых случаях это помогает привлечь работников на сельхозпредприятие. Часть хозяйств решает проблему нехватки кадров посредством совмещения специалистами нескольких должностей. Для работников это – дополнительный доход. Если для этого необходимо обучение, то хозяйство направляет их на курсы повышения квалификации или переподготовки.

В одном из сельхозпредприятий Мядельского района несколько лет назад была проведена крупная модернизация. Объединили несколько хозяйств в одно. Полностью обновили всю технику. Построили новый машинный двор. Стали использовать технологии искусственного интеллекта и др. Проводимые преобразования принесли положительный экономический эффект. Уровень доходов работников сельхозпредприятия значительно вырос. Средняя заработная плата в хозяйстве за вычетом налогов составляет 2600 бел. руб. В сезон рабочие могут заработать до 10000 бел. руб. Несмотря на это, сельхозпредприятие все равно испытывает недостаток кадров. По словам респондента, хозяйство использует разные способы привлечения персонала, но в последние годы чаще всего срабатывает «сарафанное радио».

«Мы размещаем объявления в интернете, в газете. Сарафанное радио работает. В первые годы нам не верили. Но буквально за два года очень

сильно помогло сарафанное радио. И сами работники начали подтягивать жен, детей, знакомых, братьев, всех. Посредством распределения молодых специалистов тоже восполняется недостаток кадров».

На этом сельхозпредприятии трудятся люди не только из поселка, где оно непосредственно расположено, но и из деревень, находящихся на значительном расстоянии. Часть работников приезжает из г. Мядель. Расстояние от районного центра до сельхозпредприятия составляет около 40 км. Некоторые работники получили арендные квартиры в городе. В целом хозяйство обеспечивает персонал жильем. Есть общежитие, которое расположено в поселке. Чаще всего в нем проживают молодые специалисты и наемные рабочие. Хозяйство может предоставить в аренду жилой дом, квартиру. Сельхозпредприятие организует подвоз работников, проживающих в населенных пунктах, удаленных от хозяйства.

«У нас две маршрутки с Мяделя ходят. С Мяделя много работников трудится. И по пути следования Мядель – Сватки – Княгинин – ближайшие деревни они собирают людей и привозят на работу. Не только местные у нас работают, много и других. Полрайона собираем».

Несмотря на это, как отмечалось выше, сельхозпредприятие все равно не полностью укомплектовано кадрами. По словам опрошенных, в обществе по-прежнему бытует стереотип «колхозника», с которым большинство людей, особенно молодых, не хочет себя ассоциировать. Как отметил один из экспертов, «для привлечения людей в сельское хозяйство необходимо чтобы менталитет поменялся». Считаем, что создание крупных модернизированных агрохолдингов, на которых используется новая современная техника и технологии, а также выплачивается высокая заработная плата, будет способствовать таким преобразованиям.

В целом результаты исследования подтверждают предложенный ранее автором подход, согласно которому, по причине сокращения численности сельского населения кадровое обеспечение агросферы становится задачей не только сельчан, но всего провинциального сообщества [2, с. 65–74]. Модернизированный АПК способен привлечь к работе не только жителей деревень, агрогородков, городских поселков, но и малых провинциальных городов.

Отметим, что на других сельхозпредприятиях работают люди, проживающие преимущественно в населенных пунктах, где расположены хозяйства, либо в деревнях, находящихся неподалеку. Из других поселений сотрудники добираются самостоятельно. Однако хозяйство компенсирует им расходы на проезд. Вместе с тем эксперты сходятся во мнении, что в

условиях недостатка кадров привлечение работников из близлежащих городов является эффективным. Для этого необходима высокая заработная плата и организация подвоза сотрудников.

Таким образом, результаты исследования показали, что сельхозпредприятия Мядельского района в большей или меньшей степени испытывают недостаток кадров. В одних хозяйствах чаще не хватает специалистов с высшим образованием, в других – квалифицированных рабочих. Уровень укомплектованности сельхозпредприятий кадрами в среднем составляет 70 – 80%. Доля молодежи в хозяйствах не превышает 10%, что вызывает обеспокоенность дальнейшего функционирования сельхозпредприятий после ухода работников старшего поколения на пенсию. Недостаток кадров хозяйства восполняют по-разному. Используются такие инструменты, как размещение объявлений в интернете, газете, запрос в учреждения образования. В хозяйстве, где произошла крупная модернизация и работники имеют высокий доход, лучше всего срабатывает «сарафанное радио». На сельхозпредприятии трудятся люди из всей округи, включая районный центр. Результаты исследования подтверждают предложенный ранее автором подход, согласно которому, в условиях сокращения численности сельского населения кадровое обеспечение АПК становится задачей не только жителей деревень, агрогородков, городских поселков, но и малых провинциальных городов.

Библиографические ссылки

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь: стат. букл. / Нац. Стат. ком. Респ. Бел. – Минск : [б.и.], 2024. – 35 с.
2. Сакович А.Ю. Развитие белорусской провинции: социологический аспект // А.Ю. Сакович / Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2023. - №1. – С. 65–74.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

А.Д. Сойко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Титаренко Л.Г., доктор социологических наук, профессор

В статье рассмотрены научно-методологические основания социологических исследований профессиональной компетентности педагогических работников. Автором рассмотрены актуальные проблемы современного образования, представлены методы и подходы к изучению профессиональной компетентности педагогов. Приведены данные актуальных социологических исследований. Целью статьи является обоснование необходимости применения специфических механизмов, методов и методик в рамках проведения социологического исследования в сфере образования.

Ключевые слова: социологическое исследование; профессиональные компетенции; педагогические работники; система образования; педагогическая деятельность.

Передовая педагогическая практика давно переводит образовательный процесс на уровень межличностных отношений, превращая его во взаимодействие, диалог как источник личностного роста участников педагогического процесса. Чем больше дистанция между педагогами и обучающимися, тем труднее управлять познавательной деятельностью и осуществлять воспитательный процесс. Однако степень влияния педагогов на мировоззренческую, гражданскую позицию обучающихся уступает спонтанному влиянию социальной среды. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного центром социологических исследований Белорусского государственного университета: уровень профессиональных педагогических навыков в области организации коммуникативной образовательной среды (контроль присутствия обучающихся в социальных сетях; реализация задач инклюзивного обучения; установление партнерских связей с законными представителями обучающихся и др.) уступает традиционным педагогическим компетенциям (знание предмета и организация учебного процесса) примерно 60 к 80 по 100-балльной шкале. Схожую тенденцию фиксируют результаты исследования, проведенного отделом социологии образования Академии последиplomного образования: педагоги-респонденты в преимущественном большинстве (60–70 % к общему числу опрошенных) отмечают определенный дефицит в своих умениях осуществлять диагностику, мотивировать, корректировать и устанавливать эффективную обратную связь с обучающимися. [1]

Повышение воспитательного потенциала и качества педагогической деятельности в основном представляет собой целый комплекс сложных взаимосвязанных процессов, включающих в себя изменения не только в системе дополнительного педагогического образования, но и в профессиональной позиции самого педагога. Следует осуществить переход

от формальных принципов осуществления педагогами воспитательной работы и всего образовательного процесса к взаимодействию с обучающимися на основе конструктивной педагогики, аксиологии и развивающего обучения. В связи с этим возникает необходимость разработки механизмов диагностики профессиональных ориентаций, ценностей, затруднений, возможностей, перспектив развития и других аспектов надпрофессиональной компетентности педагогических работников для их последующего анализа и коррекции средствами повышения квалификации и развития качества дополнительного образования педагогических работников в целом. В основу методологического обоснования надпрофессионального характера компетентности и образовательных запросов педагогов может быть положен синтезированный структуралистский подход, согласно которому профессиональная деятельность и векторы ее развития у педагогов, как и у любых субъектов социальных отношений, состоит из комплексных структур, которые формируются в результате проектирования задач профессиональной деятельности в регионе, учреждении, непосредственном образовательном процессе (в процессе решения педагогической задачи), что приводит к особой практике социально-профессионального взаимодействия (социальной деятельности и социальных отношений. Таким образом, те или иные профессиональные затруднения, возникающие в педагогической деятельности, и соответствующие образовательные ожидания (как возможность устранения затруднений через освоение программ профессионального развития) не могут быть исследованы как индивидуальные действия и поведение: они должны быть рассмотрены в контексте социальных структур и отношений, складывающихся в процессе реализации задач профессиональной педагогической деятельности. В качестве ресурсов для достижения целей профессионального развития педагогов может быть использована модель формирования у педагогов «социального культурного капитала» [2] – знаний, убеждений, навыков, которые выступают одновременно и методологическими основаниями, и методическими приемами профессиональной деятельности и личностно-профессионального развития педагогов, в том числе осуществления профессиональной мобильности, формирования ценностных ориентаций и профессиональной позиции. [1]

Таким образом, механизмами совершенствования дополнительного образования взрослых в целях раскрытия личностно-профессионального потенциала педагогических работников выступают диагностические

(выявление потребностей в повышении квалификации), содержательные (проектирование содержания программ повышения квалификации) и технологические (конструирование форм и методов реализации образовательных программ) ресурсы, обеспечивающие формирование у педагогов-слушателей устойчивой профессиональной позиции, профессионального мировоззрения и готовности к системному управлению образовательным процессом. Новая модель дополнительного образования педагогических работников может быть реализована тогда, когда она будет понята и принята педагогическим сообществом. Главным препятствием на этом пути может выступать недостаточная готовность педагогов к решению нестандартных профессиональных задач, развитию социальных, экономических, коммуникативных и других актуальных компетенций, а значит, и к формированию новой профессиональной позиции, установки на изменение содержания образования и способов его трансляции.

Приближение к решению поставленных перед обновляемыми программами повышения квалификации задач осуществляется за счет внедрения актуальных исследовательских моделей (методов, способов, инструментов, механизмов), среди которых особое значение для управления качеством образования приобретают социологические исследования. В большей мере потенциал социологии был оценен в начале 2000-х, когда стал формироваться инженерный подход к управлению общественными процессами, в том числе качеством образования, для которого оказались крайне востребованы данные для понимания текущего состояния образовательной системы и прогноза последствий принимаемых решений. Кроме того, массовые опросы обучающихся, их родителей (законных представителей), педагогов и администрации с момента своего появления фактически использовались как регулярные плебисциты для легитимизации реформ образования. Эта функция в образовательном публичном поле, где управленческие решения опираются на поддержку участников образовательного процесса, становится все более востребованной. Данный вид управления иногда называют «конструированием большинства» [3]. Следует также отметить, что сегодня результаты исследований интегрированы в любой запускаемый образовательный процесс и «продукт». Например, за два предшествующих десятилетия развития системы общего среднего образования большинство внедряемых проектов ее модернизации сопровождалось массовыми опросами и экспертными оценками педагогических работников.

Проводимые исследования сочетают в себе как количественные, так и качественные методы. Ни одна из групп методик не имеет глобальных преимуществ над другой. На самом деле каждый метод, будь то педагогическое, социологическое, психологическое (как количественное, так и качественное) исследование, имеет свои плюсы и минусы и используется для эффективного решения, развивающегося по «кривой Гартнера» (цикл зрелости технологий) [4]. Под влиянием огромного разнообразия данных и автоматизированных методов их анализа возникает гипотеза: человека больше не надо ни о чем специально спрашивать – он уже оставил о себе все следы, нужно только уметь их собрать и обработать. Однако при анализе первичной информации возникают спорные и противоречивые вопросы, что порождает необходимость повторного сбора с целью конкретизации, детализации полученной ранее информации. Респондент далеко не обо всем говорит и не все проявляется в его поведении – есть целый пласт проблем, которые нецелесообразно изучать с помощью социальных сетей или наблюдения. Не говоря о том, что анализ больших данных не всегда даст ответ на вопрос, почему человек ведет себя именно так, а не иначе. Кроме того, саму модель сбора и обработки данных закладывают именно специалисты – психологи, социологи, педагоги, математики, программисты. Таким образом, исследования педагогической деятельности – это решение разных задач: от простого измерения долей респондентов, которые характеризуют эту деятельность до построения сложных моделей реализуемых процессов; охват различных аудиторий – от всего педагогического сообщества до крайне узких групп, поиск и работа с которыми требует особой квалификации (например, руководители высших органов управления образованием, гетерогенные группы обучающихся и их родителей (законных представителей), организации – партнеры учреждений образования и др.); широкая линейка методов сбора данных – количественных (связанных с измерением долей и изучением статистической связи) и качественных (дающих глубину, позволяющих понять восприятие субъектом разных ситуаций). Итоговый продукт исследования может быть как набором диаграмм с описанием ответов респондентов, так и сложным комбинированным аналитическим отчетом, над которым работает междисциплинарная команда, интегрируя данные из разных источников. Отчет также может быть как закрытым (для внутреннего пользователя), так и платформой для широкого обсуждения и согласования интересов разных аудиторий. [1]

Библиографические ссылки

1. Реут. В.Г, Сойко А. Д. Исследование профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников// ГУО «Академия последипломного образования. 2024. С. 8–17.
2. Сайганова, В. С. Поле науки и критерии научности социального знания П. Бурдые [Электронный ресурс] / В. С. Сагайнова // Журнал Бел. гос. университета. Философия. Психология. – 2019. – № 1. – С. 34–38. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/218514/1/34-38.pdf>. – Дата доступа: 22.12.2023.
3. Решетников, О. В. Конструирование и проектирование социальной реальности: от замысла к воплощению [Электронный ресурс] / О. В. Решетников. – Режим доступа: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2016/12/pravo/2016-3/6_reshetnikov.pdf. – Дата доступа: 07.07.2023.
4. Сергеева, С. Ю. Современные подходы и методы оценки качества образования [Электронный ресурс] / С. Ю. Сергеева, Е. Д. Обревко // Молодой ученый. – 2019. – № 37. – С. 162–165. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/275/62424/>. – Дата доступа: 06.07.2023.

РОЛЬ СИМВОЛА В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Стаськевич

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
6734061@mail.ru*

Цель данной работы – раскрыть методологический потенциал социологического и философского исследования символа. Определено, что символические теории возникали не только в философских кругах, но и в рамках строго научной социологии. Выявлен гносеологический и эстетический потенциал феномена символа в социологических исследованиях

Ключевые слова: *символ, методология социологии, символический интеракционизм.*

Начиная свой научный путь как плод классического позитивизма социология быстро осознала недостаточность подобного обоснования [1, с. 106–107]. Изначально ориентировавшаяся на методы естественных наук, социология со временем значительно изменилась, сосредоточив в себе весьма многие элементы гуманитарного знания. Вопрос о правомерности

социологической теории символа возник достаточно давно и нашел свое отражение в теории символического интеракционизма.

Сама по себе теория символического интеракционизма в свое время стала методологической новацией для социологии. Ее научным фундаментом можно считать не только известные факты психологии, но и некоторые данные из области нейрофизиологии, лежащие в основе концепции «зеркальных нейронов» [2, с. 142–145]. Появившаяся в середине XIX века теория символического интеракционизма активно развивается и сейчас, а в условиях цифровой трансформации общества и культуры может представить весьма перспективные методологические подходы в социологических исследованиях.

Стоит заметить, что символ в этой теории понимается как знак, истолкование которого имеет определенную контекстуальную вариативность, но \ сводится к простой схеме по типу: стимул – восприятие – ответ. И, действительно, подобное понимание уместно методологически, когда речь идет о обезличенной коммуникации, вроде анонимной переписки, просмотра рекламных роликов, участия в массовом мероприятии [3, с. 11]. При этом символ становится полноценным инструментом познания разнородных и в тоже время целостных пластов действительности именно тогда, когда в коммуникации появляется сложный и многомерный образ «Другого». Схватывая моменты личностного в человеческом поведении, символизация позволяет узнать о социальной природе человека на макроуровне куда больше, чем типология.

В таком случае важнейшими этапами в познании становятся моменты рефлексии, эмоционального восприятия и интуиции, что превращает процесс коммуникации в анализ непрерывной последовательности социальных символических актов. В роли символа здесь выступают, прежде всего, человеческие эмоции, выраженные вербальным и невербальным образом, а также объекты и предметы, которые имеют контекстуальный смысл. Уже сформировавшиеся в рамках культуры формы эмоционального и смыслового выражения, некоторые сторонники символического интеракционизма склонны называть «социальными эталонами». Их нельзя назвать ни объективно данными от природы, ни произвольно выдуманнами – «социальные эталоны» будут иметь социальную природу происхождения [3, с. 12–13]. В итоге данные «социальные эталоны» становятся чем-то вроде универсальных схем описания личностной коммуникации («фремов»). Эти схемы не только облегчают социальное взаимодействие и лежат в основе этикета или социального ритуала, но и таят в себе

возможности для глубокого анализа осознаваемых и неосознаваемых форм социального поведения.

Последние особенно важны, ведь как заметил один из ярких представителей символического интеракционизма психиатр И. Гоффман, «как правило, мы не осознаем, что составили такие требования и не осознаем самих требований, пока не столкнемся с проблемой их выполнения. Именно в этот момент мы, по всей видимости, понимаем, что все время формулировали для себя определенные предположения относительно того, каким должен быть находящийся перед нами индивид» [4, с. 6]. Эти два компонента социального действия – инстинктивный, бессознательный и разумный – всегда находятся в единстве, причем в большинстве социальных практик, начиная от флирта и заканчивая деловыми отношениями. Таким образом, символ, как инструмент познания, позволяет преодолеть искусственную гомогенность социальных типов. В качестве весьма приблизительной аналогии здесь можно привести интегральное исчисление, необходимое инженерам и ученым для решения узкоспециализированных задач, в которых не получается игнорировать условности математической абстракции.

Если мы признаем, что из опыта человек неосознанно формирует схемы описания личностной коммуникации, то не лишним будет заметить, что при детальном рассмотрении даже универсальная в общих чертах схема будет применяться по-разному. Каждое сообщество формирует свой смысловой континуум, понять который в существенных смыслообразующих моментах и поможет символ, который по своей природе, употребляясь в любом конкретном значении, содержит в себе смысловой пласт всего текста и контекста [5, с. 107–108]. Так, чтобы понять специфику социальности некоторой части русского марксизма 1910-х – 1920-х годов, мало определить В.И. Ленина как вождя определенной партии, с набором универсальных критериев харизматического лидера. Необходимо подвергнуть анализу глубочайший символический пласт культуры – от брошюр, записей утилитарных разговоров, до художественного творчества.

Такое исследование (что вполне закономерно для символической теории), очевидно, будет междисциплинарным. Не случайно творчество И. Гоффмана тоже пролегает на пограничье психиатрии, культурологии, философии и социологии. Если же использовать весь методологический потенциал символа, то социология по необходимости будет взаимодействовать с философскими теориями Э. Кассирера, К. Гирца, А.Ф. Лосева. И в случае каждого конкретного применения будет

обогащаться не только методами и подходами к исследованиям социума, но и категориально-понятийным аппаратом. Разумеется, в этом случае исследователям-социологам необходимо определить границу, в рамках которой социология способна обогатиться теоретическим наследием философии, не размывая в нем свое собственное наследие и понятийное ядро. В целом, как показывает практика, это вполне осуществимо, поскольку для качественного социологического исследования зачастую характерна междисциплинарность [1, с. 105–107]. Этот факт еще раз подтверждает правомерность использования символа в области методологии социологического исследования.

Библиографические ссылки

1. Малинкин, А.Н. О междисциплинарности в социологии в свете проблемности ее дисциплинарной идентичности / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2019. – Том 25. – № 4. С. 105–122.
2. Махин, С.А Система «зеркальных нейронов»: Актуальные достижения и перспективы ээг-исследований / С.А Махин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. – 2012. – Том 25. – № 1(64). – С. 142–145.
3. Горбунова, М. Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии. / Горбунова М.Ю. // Известия Саратовского университета. – 2011. – Том 11. – С. 10–14.
4. Власова, О.А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций / О.А. Власова // Социологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 6–19
5. Кармадонов, О.А. Социология символа / О.А. Кармадонов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 3 (71). – С. 106–113.